

#1
ДВОЙНАЯ
ПЛОЖЬ

НЕКОТОРЫЕ СЕКРЕТЫ
ЛУЧШЕ ОСТАВИТЬ
ПОХОРОНЕННЫМИ.

ПОХОРОНИ МЕНЯ

МОЖЕЮ

<https://vk.com/neviofal>

С. М. СОТОН

Некоторые секреты лучше оставить в тайне...

Застряв между жизнью и смертью, Маккензи одержима желанием доказать свою невиновность и отомстить людям, убившим ее сестру. С одной серией несчастных случаев за другой, Маккензи должна опередить свою собственную судьбу — смерть.

Когда тайны раскрываются, а ложь превращается в извращенное предательство, Маккензи оказывается в большей опасности, чем она могла себе представить. Ее единственная спасительная благодать — Баз, неуловимый плейбой, которому она отдала свое сердце. Но станет ли ее доверие к такому человеку, как Баз, падением?

С. М. Сото

Похорони Меня Ложью

Двойная Ложь #2

ПЛЕЙЛИСТ

Poltergeist — BANKS
In the Air Tonight — Phil Collins
Mount Everest — Labrinth
Haunting — Halsey
all the good girls go to hell — Billie Eilish
The Fall — BANKS
Joke's On You — Charlotte Lawrence
There Will Be Blood — Kim Petras
Fairplay — Kiana Ledé
Sorry — 6LACK
Between Two Points — The Glitch Mob ft. Swan
Pretty Head — Transviolet
Wild Woman — Sleep Machine
I Did Something Bad — Shoshana Bean, Cynthia Erivo
Dreams — Fleetwood Mac
Devil's Worst Nightmare — FJORA
Judas — BANKS
Gently Break It — Beck Pete
After Hours — The Weeknd
Fav — QUIN ft. 6LACK

Я желаю того, что в конце концов погубит меня.

— Сильвия Плат

Пролог

Мэдисон

9 лет назад

Я слушаю вполуха, как Саванна все жалуется и жалуется на свои несуществующие отношения с Джемом, ее бывшим парнем. В прошлые выходные Саванна взяла на себя смелость переспать с Трентом Эйнсвортом, одним из пяти печально известных Дикарей округа Гумбольдт. Конечно, все на вечеринке узнали об этом, включая ее парня Джея, который затем решил бросить ее.

Не могу сказать, что она этого не заслужила.

Я только наполовину слушала, как она треплет языком и плачется, как несправедлива ее жизнь. Вместо того чтобы время от времени кивать и хмыкать, я хочу сказать ей, что это ее

вина. Она хочет, чтобы ее пожалели, когда она изменила?

Ага, этого не будет.

Я закатываю глаза и делаю глоток горького алкоголя из стаканчика. По чьему-то радио играет *Good Girls Go Bad* и большинство людей либо под кайфом, либо пьяны, либо готовы переспать друг с другом.

Каждый мускул моего тела напрягается, когда я смотрю на костер и окружающие его бревна. Мой взгляд сужается, а губы сжимаются в мрачную линию, когда я замечаю, кто стоит в очереди за пивом. После того, как я специально, блядь, сказала ей не делать этого.

Она одета не так, как обычно, и это только разжигает мой гнев. Когда я вижу, с кем она — или, точнее, кто притащил ее сюда, — я сжимаю зубы в отчаянии, пытаюсь подавить внезапную ярость, ревущую в моих венах. Наглость этой девчонки Винни думать, что она может пойти против моего слова и привести ее сюда? Есть причина, по которой я сказала ей держаться подальше от этого места сегодня.

Глаза моей сестры расширяются, когда она замечает меня в толпе, и я вижу, как в их глубине вспыхивает страх, даже на расстоянии. Но под страхом скрывается внезапная вспышка бунта. Я виню Винни в этом, очевидно. Маккензи берет стаканчик, выпивает все содержимое, будто чертова профессионалка, и просит добавку.

Я наблюдаю сквозь прищуренные глаза, как она и ее подруга идут к бревнам возле костра, чтобы сесть.

Почему, черт возьми, она не может просто делать то, что я говорю?

Я думала, что вечеринка в честь конца учебного года будет последним местом на Земле, где я ее застану, но, очевидно, я недооценила свою близняшку. И ее подругу Винни.

С гневом, плывущим по венам, я пытаюсь следить за ней большую часть ночи, но становится труднее, чем я первоначально думала, когда я здесь для совершенно другого. Я делила свое время между наблюдением за Маккензи и наблюдением за Дикарями.

Я здесь только ради одного — и не позволю ночи закончиться, пока не получу желаемое. Я *всегда* получаю то, что хочу.

В какой-то момент я начинаю думать о друзьях, которые хотят фоткаться, задавать идиотские вопросы и играть в эти незрелые игры. В какой-то момент эта вечеринка, события всей этой ночи, возможно, были чем-то, чего я ждала с нетерпением, чем-то привлекательным, но не больше. Теперь единственное, что я чувствую, осматривая все вокруг и *притворяюсь*, что это абсолютное отвращение к самой себе и всем остальным, кто опьянел, выставляя себя дураками. Те два семестра, которые я провела вдали от этого дерьмового городка, стали тревожным звоночком, в котором я нуждалась.

Потерявшись в своих мыслях достаточно долго, я теряю сестру из виду. Когда я замечаю Винсента Хоторна, по моим венам пробегают электрические разряды. Сердце бешено колотится, когда я сокращаю расстояние, между нами. Я крепче сжимаю стаканчик для поддержки.

Я уже бывала здесь раньше. И могу только надеяться, что сегодняшняя ночь закончится иначе, чем мои другие тщетные попытки.

Винсент увлеченно беседует с Заком, оба шепчутся друг с другом вполголоса. Скорее всего, обсуждают какой-то дьявольский план. Себастьян стоит в стороне с Маркусом, уставившись в свой телефон. Наверное, он все еще злится, что Саммер порвала с ним.

Чертовы фигуры.

Я мало на что способна. Не поймите меня неправильно, я не социопат, но научилась

искусству бесчувственности. Искусству притворяться, что я вообще ничего не испытываю. Это работает для меня в девяносто девяти процентах случаев. Но прямо сейчас? Не работает, пока я смотрю на Винсента сквозь прищуренный взгляд. На меня обрушивается шквал эмоций — от гнева и предательства до грусти. Я ощущая спектр эмоций в десять раз сильнее, смотря на ублюдка, разрушавшего мою жизнь.

Словно почувствовав мое присутствие, Винсент и Зак поднимают глаза. Зак по-волчьи улыбается, делая шаг вперед. У Винсента другой подход к моему присутствию. Он намеренно смотрит куда угодно, только не на меня, игнорируя. Это должно стать ударом по моему самолюбию, и если бы все было по-другому, так оно и было бы. Я бы почувствовала, как мое сердце рушится под его пренебрежением, бесцеремонностью, которую он имеет ко мне. Уже нет. У меня больше не осталось ничего, что можно было бы разбить.

— Как знаешь, Бог действительно слушает. Эй, Винсент, разве Я не просил Егс прислать мне кого-нибудь, с кем я мог бы повеселиться сегодня? — злорадствует Зак, подталкивая Винсента локтем.

Он по-прежнему не замечает меня, просто осушает содержимое своего стаканчика и ведет себя так, будто меня здесь нет.

Мудак.

Заставив себя соблазнительно улыбнуться, я надеваю маску, которую так привыкла носить в этом городке.

— Ты мне льстишь, Зак, но на самом деле я пришла, чтобы поговорить с Винсентом. Все в порядке?

— Ты сейчас серьезно? — Зак вскидывает руки и раздраженно хлопает ими по бокам. — Ублюдок всю ночь ведёт себя, как киска, — бормочет он себе под нос, направляясь к остальным парням.

— Мы можем поговорить?

Винсент наконец бросает на меня взгляд, хотя и не очень приятный.

— Я не трахаюсь дважды, Райт. Побереги дыхание.

Гнев вибрирует в моих венах, а ярость пузырится в груди. Я делаю угрожающий шаг вперед и сердито тычу в него пальцем.

— Ты мне кое-что должен, жалкий сукин сын. Потому что следующий человек, с которым я поговорю о произошедшем? Для тебя все будет закончено. Для *всех* вас.

Глаза Винсента пылают яростью. Он отталкивает мою руку, входя в мое личное пространство. Движение настолько внезапное, что застает меня врасплох, и мое дыхание прерывается, учащая сердцебиение.

— Продолжай издеваться надо мной, Мэдисон. И ты пожалеешь об этом.

Мое лицо морщится от отвращения.

— Я сожалею о нескольких вещах, Винсент, но одна из них — это та ночь. Дай мне то, что я хочу, или я пойду в полицию.

Мой голос выходит резким, гораздо сильнее, чем то, что я чувствую внутри.

Его ноздри раздуваются.

— У тебя нет доказательств.

Я холодно улыбаюсь. Это отражает то, насколько мертвой я себя чувствую внутри.

— Мне не нужны доказательства, когда у меня есть мои слова. — я делаю паузу, просто чтобы по-настоящему нагнуть его. — И кто сказал, что у меня нет доказательств?

Парни подзывают Винсента, не понимая, какой жаркий спор мы ведем, и с последним

взглядом он поворачивается ко мне спиной, его походка напряженная, когда он направляется обратно к остальным Дикарям.

Чувствуя себя разозленной и нуждающейся в передышке, я срываюсь с места, бросая свой стаканчик в грязь и направляюсь к деревьям. Мои шаги замедляются, когда я замечаю две фигуры, которые обжимаются и целуются впереди. Они частично скрыты деревьями и листвой, но этого недостаточно. Если я их вижу, то и все остальные тоже. Мое сердце колотится в груди, чем ближе я подхожу к ним. Как только я вижу, кто это, мой гнев взрывается. Я бросаю обвиняющий взгляд через плечо на Винсента, который смотрит на меня с ухмылкой. Он поднимает стаканчик в знак приветствия и делает глоток.

Хорошо сыграно, ублюдок.

Я иду к Тренту и Маккензи, мои руки сжаты по бокам. Ногти впиваются в кожу ладоней, обжигая кожу, оставляя за собой маленькие полумесяцы.

— Что, блядь здесь происходит?

Сестра отшатывается, демонстрируя покрасневшее лицо, и я почти теряю самообладание. Я буквально тяну ее за волосы и тащу обратно к машине, но перед этим врезаю Трента по яйцам. Я готовлю себя к тому, что собираюсь сказать дальше, надеюсь, что смущение будет достаточным уроком для нее и более чем достаточным, чтобы заставить Трента искать развлечения в другом месте.

Слова, наполненные ядом, срываются с моих губ. И с каждым из них я наблюдаю, как рушится фасад моей сестры. Я смотрю, как ее сердце разбивается на миллионы осколков, но не могу заставить себя пожалеть. Все, что я сделала, все, что я делаю, это ради нее.

Так было всегда.

Всю дорогу до дома я чувствую, как ей больно. Вижу боль в ее глазах, когда она выходит из машины. Вижу это по тому, как опускаются ее плечи, когда она поворачивается и заходит в дом. Какая-то часть меня хочет позвать ее и все исправить, но настойчивость, пробегающая от кончиков пальцев до кончиков пальцев ног, заставляет меня не делать этого.

У меня есть более важные счета. Ей придется подождать.

Таков был мой план — разобраться с этой ситуацией сегодня ночью, раз и навсегда, а потом, наконец, все объяснить Маккензи. Она заслуживала правды. Если и был кто-то, кому я доверяла, так это она. Это всегда была она.

Как только она в безопасности, я возвращаюсь в лес. Единственное место, где они все будут сегодня ночью. Я яростно проталкиваюсь сквозь деревья, отбрасывая ветки с пути, и приближаюсь к скале Поцелуев. Я слышу их смех, и он подпитывает мой гнев.

Как они смеют развлекаться, когда весь мой мир перевернут вверх дном?

Как они смеют быть молодыми и свободными, когда из-за них в моей душе царит тьма?

Когда деревья раздвигаются, уступая место скале и Дикарям вокруг нее, я вижу красное. Ослепляющая ярость поглощает каждый мой вздох, занимая пространство в каждом кусочке моего тела. Я дрожу, мои руки трясутся, а ноги угрожают подогнуться.

— Ты жалкий ублюдок.

Мой голос стальной, пререзает звук их смеха.

Все взгляды устремляются на меня. Улыбка Винсента исчезает, а остальные парни

выглядят смущенными. Я приближаюсь к Тренту.

— Держись, блядь, подальше от моей сестры, — я скриплю зубами, в моем тоне ясно слышится предупреждение.

Увидев руки Трента на Маккензи, что-то во мне оборвалось. Защитная жилка, о которой я и не подозревала, вышла поиграть, и я приняла ее. Я всегда принимала ее, если это означало защиту моей сестры.

От едкой ухмылки на его лице закипает ад. Красный всплеск гнева, затуманивающий мое зрение, не похож ни на что, что я когда-либо испытывала раньше. Я знаю, на что они способны, и ни за что не подпущу никого из них к своей сестре. Она не такая, как мы. Она никогда не была такой, как мы. Она слишком хороша для нашего мира. Слишком мила и слишком наивна. Легко поддается порче и использованию. Только через мой труп я позволю этому случиться.

— Да ладно тебе. Я просто хотел немного развлечься.

— Я знаю, что ты от нее хотел, и клянусь Богом, если я еще раз увижу тебя рядом с ней, я убью тебя. Ты меня понял?

Остальные ребята охают, как дети. Все, кроме Винсента. Он стоит так же спокойно и отчужденно, как всегда, побуждая меня повернуться к нему.

— Это твой последний шанс, прежде чем я превращу твою жизнь в ад.

Я вглядываюсь в его взгляд, пытаюсь найти в нем хоть какое-то подобие человека или хотя бы одно искупимое качество. Но этого нет. Винсент Хоторн ходячая, говорящая оболочка человеческого существа. Внутри он мертв. Именно это и привлекло меня в нем поначалу, каким тихим и недостижимым он был. Его глаза были бесконечными черными планетами, которые казались мрачными пятнами, если смотреть в них слишком долго. Он казался задумчивым и серьезным, а я была глупой идиоткой, если когда-либо думала, что входит в его жизнь безопасно.

— Отвали, Мэдисон, — рычит он.

— Чего она хочет? — спрашивает Маркус, и в его голосе слышится смущение.

Мы с Винсентом смотрим друг на друга, и когда на его лице появляется ухмылка, мое тело дрожит от ярости. Эту ухмылку я знаю слишком хорошо.

— Ничего. Где остальные бутылки? — спрашивает он, не сводя с меня глаз.

В них светится вызов. Всегда вызов — всегда игра.

— Мы направляемся к Себастьяну, чтобы забрать остальное. Но нужно поторопиться. Через час он уезжает в очередной гребаный семейный отпуск. Погнали, Маркус.

Трент резко поворачивает голову в сторону тропинки, и Маркус следует за ним. Он бросает последний взгляд через плечо, вероятно, все еще пытаюсь понять, что происходит.

Неловкая тишина опускается, когда мы все поворачиваемся и смотрим, как Трент и Маркус исчезают за деревьями, оставляя меня наедине с Винсентом и Заком.

Взгляд Зака мечется между нами и нашим молчаливым противостоянием. Он скрещивает свои мощные руки на груди и хмурится.

— Кто-нибудь хочет объяснить, что, блядь, происходит между вами? С прошлого года вы оба ведете себя как ебанные идиоты, так что выкладывайте.

Винсент ухмыляется. Темный блеск проникает в его глаза, посылая страшную дрожь по моей спине.

— Мы записали на видео, как занимаемся сексом, и теперь бедняжка Мэдисон боится, что оно попадет не в те руки. Ты сама этого хотела. Ты вошла в мою жизнь. Ты практически,

блядь, умоляла меня об этом, а теперь... вдруг хочешь его удалить. Ты что, вернулась из Италии и теперь считаешь себя крутой? Лучше, чем все мы?

Слезы разочарования наворачиваются на мои глаза от его бессердечия. Руки сжимаются в кулаки, ногти впиваются в ладони, разрывая кожу. Он понятия не имеет. Ни малейшего понятия, что он сделал и как сильно разрушил мою жизнь.

— Ты изнасиловал меня! — кричу я, слезы блестят в моих глазах.

Все следы юмора на их лицах исчезают. В лесу внезапно воцаряется тишина. Звук ветра, шепчущего в кронах деревьев, полностью затихает, как будто сама Мать природа понимает всю серьезность этого момента. Мое тело трясется, когда я делаю шаг к Винсенту. Под подошвами моей обуви хрустят листья и ветки.

— Ты изнасиловал меня, причинил мне боль и записал это ради своего большого удовольствия.

Они оба становятся мертвенно-неподвижными. Тишина вокруг нас почти невыносимая.

Его губы сжимаются в мрачную линию. Тьма, с которой я неохотно сталкивалась раньше, приникает в его глаза.

— В ту ночь произошло совсем другое, и ты это знаешь. Мы были чертовски пьяны.

— И я умоляла тебя остановиться! — кричу я, мой голос отражается от секвойи вокруг нас.

Я отваживаюсь взглянуть на Зака и вижу, что краска отхлынула от его лица. Шок виден на его лице и длится добрых десять секунд, прежде чем он, кажется, приходит в себя и избавляется от эмоций. Его взгляд устремляется на Винсента, который, в свою очередь, смотрит на меня убийственным взглядом.

Я выставила его полным дерьмом перед его другом. Выставила его монстром, каким он на самом деле является, и теперь он собирается заставить меня заплатить за это.

— Тебе действительно следует научиться держать язык за зубами, Райт, — рычит Винсент, совершая угрожающий шаг ко мне.

Мое сердце колотится о грудную клетку, и я сглатываю внезапный комок страха в горле.

Я никогда в жизни особо не боялась. Но здесь, в эту самую секунду, я никогда не была так напугана. Говорят, ты знаешь, когда умрешь. Это леденящий душу опыт, который мало кто может почувствовать. Это то, что я чувствую всем своим существом, когда Винсент и Зак приближаются ко мне.

Глава 1

Маккензи

— Кензи, тебе пора вставать. Ты не можешь здесь оставаться.

Голос проникает в мои темные мысли, но я не могу пошевелиться. Я вообще ничего не могу сделать. Страх впивается мне в грудь, и я чувствую, как слезы текут по щекам, но не могу их остановить. Кажется, я вообще ничего не могу сделать.

Мое тело неподвижно. Такое чувство, будто меня привязали к столу, и в мою плоть постоянно вонзаются ножи.

— Ты умрешь здесь, если не пошевелишься, Мак. Вставай. Пожалуйста, — слышу я Мэдисон.

Ее умоляющий голос звучит далеко, так далеко, и я не могу не задаться вопросом, где мы. Я чувствую, что нахожусь в таком сновидческом состоянии, и не хочу просыпаться. В основании моего черепа глухо пульсирует боль, и темнота, которая убывает и течет вокруг, зовет меня. Она говорит мне прикоснуться к ней, откинуться назад и позволить ей обнимать и ласкать меня. С каждым шагом, приближающимся к этому комфорту, я слышу голос Мэдисон все настойчивее, умоляя меня прислушаться и следовать за звуком ее голоса. Так что, я прислушиваюсь. И с каждым шагом я чувствую это. Боль. Она всепоглощающая, путешествует по моему телу, заставляя каждый нерв кричать от боли. Вонзание ножей в мою плоть становится все сильнее, лезвие с каждым разом проникает все глубже, мучительная боль становится все сильнее.

Я не хочу боли. Я хочу блаженства, которое может предложить тьма.

— Вот так, Маккензи. Просто следуй за моим голосом. Я могу тебе помочь, но ты должна меня слушать. Пожалуйста.

Борясь с крайним дискомфортом, я открываю глаза и резко вдыхаю. Запах меди и металлический привкус крови — вот что поражает меня в первую очередь. Мое зрение искажается, когда я оглядываюсь, медленно моргая краями тьмы, но понимаю суть. Я все еще в машине, и когда смотрю вниз, мой желудок восстает. Я задыхаюсь от рыданий, понимая, что истекаю кровью. Она повсюду. Кровь покрывает мою одежду и материал водительского сиденья.

Я истекаю кровью.

— Возьми меня за руку.

Я вздрагиваю от звука голоса и вскрикиваю от боли. Мне удастся повернуться к источнику звука, и я удивляюсь, когда вижу Мэдисон. Она поражена, я вижу это по ее глазам. Это плохо. Очень плохо.

Крик срывается с моих губ в попытке поднять руку. Такое чувство, будто все в огне, и я сгораю изнутри. Эти ножи словно окунулись в огонь, клеймя мою кожу, разрывая меня. Усилие, которое требуется, чтобы даже попытаться поднять мою руку, всепоглощающее. Кажется, что меня разрывают пополам, голова раскалывается, кричит от боли. Каждая конечность, кажется, весит миллион килограмм; они больше не ощущаются как мои собственные.

Мэдисон хватает мою протянутую руку и тянет. Я как резиновая лента, растягивающаяся до предела. У меня такое чувство, будто тело разрывают прямо посередине. Я практически ощущаю, как рвутся плоть и сухожилия, и чувствую на языке леденящую боль. Она гнилая.

Слезы текут по моим щекам, и как только я ударяюсь о центральную консоль, я издаю леденящий кровь крик, сотрясающий деревья вокруг нас. Это больно. Это так больно. Я не могу продолжать.

— Я не могу, — всхлипываю я.

Все еще вытаскивая меня из разбитой машины, сестра качает головой. Я чувствую, как от нее исходит отчаяние.

— Да, можешь. Ты должна. Ты не умрешь здесь, Маккензи, поняла? Я не позволю.

Это кажется вечностью боли позже, когда я падаю на землю рядом с машиной с глухим стуком, и жгучая боль в животе становится сильнее. Все еще сжимая мои руки, Мэдисон оттаскивает меня на безопасное расстояние от машины, чтобы я могла отдышаться.

Внезапно раздается скрип и звук чего-то скользящего. Я переворачиваюсь, насколько позволяет мое избитое тело, вытягивая голову на звук, и мои глаза расширяются при виде разбитой машине, качающейся на обрыве. Достаточно одного дуновения воздуха, чтобы она упала и покатила вниз по склону. И это именно то, что делает машина.

Раздается громкий металлический стон, и бампер поднимается в воздух, прежде чем авто съезжает вниз по склону с собственным разумом. Металл ударяется о деревья, стекло разбивается, все это взрыв шума, сотрясающий окружающий нас лес. Я медленно поворачиваюсь к Мэдисон, которая смотрит на меня сверху вниз.

— Это была бы я там?

Она медленно кивает, позволяя мне обдумать ситуацию. Слезы подступают к моим глазам, и это все, что я могу сделать, чтобы сдержать надвигающиеся рыдания.

— Мне так жаль, Мэдс, — задыхаюсь я, зарываясь в грязь и позволяя влажной земле удерживать меня некоторое время. — Я пыталась. Я действительно пыталась. Но подвела тебя. Они выйдут на свободу.

Мэдисон ерзает на земле рядом со мной, копируя мое положение. Она протягивает руку, нежно гладит меня по голове и грустно улыбается.

— Ты не подвела меня, Мак. Я никогда не хотела ничего этого для тебя.

— Ты заслуживала лучшего.

— И ты тоже, — возражает она. — Помощь в пути. А когда ты выберешься отсюда? Ты забудешь об этом. Ты забудешь обо мне, о Ферндейле и будешь жить так, как тебе всегда

было предназначено. Ты будешь счастлива, Кензи. Хоть раз в жизни ты будешь по-настоящему счастлива. И я знаю, что когда-нибудь ты сделаешь маленькую девочку по-настоящему счастливой.

Мое лицо морщится.

— Я не готова отпустить тебя.

— Я никогда не бываю далеко. Я всегда рядом, здесь, — шепчет она, прижимая руку к моему сердцу. Я чувствую, как тепло ее ладони проникает мне в грудь. Это только усиливает слезы. — А теперь закрой глаза и слушай мой голос. Когда ты встанешь, все будет по-другому. Я обещаю.

— Пожалуйста, не уходи, — шепотом умоляю я.

Это теряется в ее гармоническом пении и отдаленном вое сирен, прежде чем темнота затягивает меня.

Голова у меня зернит, будто кто-то опрометчиво встряхнул газированную банку, что внутри все расплывается и пузырится. Непрерывный гудок звенит у меня в ушах, и кто-то что-то говорит. Шепчущие звуки, звучащие так, словно доносятся со всех сторон. Они такие громкие, такие ясные и отчетливые; но каждый раз, когда я активно пытаюсь очистить свой мозг от пуха, чтобы послушать, я не могу. Я ничего не могу разобрать.

Но одно я знаю точно.

Я узнаю один из голосов. Не знаю, от кого и откуда, но я узнаю этот голос, словно слышала его всю свою жизнь. Оно тянет куда-то глубоко внутри меня. В место, где я прячу свои эмоции, в шкаф, в котором я закрываю свои скелеты и заставляю себя упаковать их навсегда. Только у кого-то оказался ключ от этого шкафа, и они медленно открывали ящики и опустошали полки моего прошлого и боли, которая была давно забыта.

Собрав все свои силы, я моргаю, пытаюсь прогнать сонливость, отяжеляющую веки, но ничего не происходит. Эта абсолютная тьма все еще зовет меня, пытаюсь затянуть обратно, как черное утяжеленное одеяло.

Это было бы так просто.

Я чувствую, как просто было бы притвориться, что боли нет, и вернуться в то темное, холодное место, которое почему-то казалось мне домом. Я даже толком не знала, каково это чувствовать себя, как дома, ведь у меня так давно его не было. Я не была уверена, что когда-либо знала, что такое истинное чувство дома.

После нескольких безуспешных попыток я открываю глаза и вижу яркий белый свет, стерильные стены и темные силуэты. Я вглядываюсь в туманные фигуры, парящие вокруг. Чувствую глубокую пульсацию за глазами, а во рту болезненно пересохло. Мой разум активно пытается расшифровать окружающий меня шум: где я, как я сюда попала, что со мной не так, но я терплю неудачу с каждой мыслью.

Я не могу сформировать ни единой связной идеи или рассчитать ответ на любой из этих вопросов.

Проезжая сквозь смог, затуманивающий мои мысли, я моргаю сквозь пленку, закрывающую мои глаза, и в ту секунду, когда я поднимаю взгляд, у меня перехватывает дыхание, когда глаза останавливаются на знакомой паре голубых. Это шок для моего

организма. Глубоко укоренившаяся бомба до самой сердцевины. Я качаю головой, уверенная, что все это мне померещилось, но тут же останавливаюсь, когда от этого движения по позвоночнику пробегает боль.

Этого не может быть.

Этого не может быть.

Я никогда не думала, что увижу этого человека снова. Черт, я никогда не думала, что увижу их обоих снова, но я ошибалась. Очень сильно.

Краем глаза я замечаю фиксатор, идущий от лодыжки к бедру. По обеим сторонам тянутся металлические прутья. Я шевелю пальцами на левой руке и чувствую, что и там тоже установлен фиксатор. Мой желудок сжимается. Я с головы до ног в металле и гипсе, но у меня нет возможности понять эту информацию, не сейчас. Не тогда, когда мои родители стоят в нескольких метрах от меня с болью в глазах.

Прошло девять лет с тех пор, как я видела их в последний раз, и за это время они сильно изменились, но, смотря на них, они такие же. Моника Райт выглядит как зеркальное отражение женщины из моего детства, только теперь она носит свою боль на рукаве. Она, как красивый рукописный курсив на ее коже. Все дело в бледности ее кожи, в том, как она держится, и в темных синяках под глазами. Переводя взгляд на Майкла Райта, это все равно, что войти в машину времени вместе с ним. Смотря на него, я все еще чувствую ту же разобщенность с отцом, что и в детстве. Он смотрит на меня с таким явным разочарованием, что я не знаю, удивляться мне или радоваться тому, что они не изменились так радикально за последние девять лет.

С седыми волосами цвета соли с перцем и морщинами на лице чуть глубже, чем я помню, Майкл сильно постарел после смерти двух своих дочерей. Я говорю это потому, что формально так оно и есть. В ночь смерти Мэдисон, умерла и я. Вместо того, чтобы потерять одного ребенка, мои родители оплакивали нас обеих. Поглощенные собственным горем, они забыли, что у них есть еще один ребенок, который нуждается в них.

В груди поселяется тяжесть. Она обволакивает мои легкие, сжимая органы в тиски и делая почти невозможным дышать, пока я пытаюсь разобраться. Это то же самое чувство, которое я всегда испытывала, когда находилась рядом с родителями. Вот почему я уехала.

Вот почему я вычеркнула их из своей жизни.

Потому что я не могла дышать в этом доме.

Я умирала там, а им было все равно.

Заставляя себя отвести взгляд, я осматриваюсь вокруг. Четыре голые белые стены, окно, закрытое мягкими, больничного сорта занавесками, маячащая дверь, которая, по-видимому, ведет в туалет, и еще одна дверь, единственное средство моего выхода. Это все, на чем я могу сосредоточиться в душной, пропахшей аммиаком комнате.

Побег.

Будто услышав мои мысли, пожилой мужчина, одетый в лабораторный халат, протискивается через выход, пристально глядя на меня. У меня пересыхает во рту, а желудок сжимается, когда двое мужчин в форме входят следом за ним с жестким выражением лица. С блокнотом в руке и кожей, слишком загорелой, чтобы быть естественной, доктор подходит прямо к моим родителям, пожимая им руки. Медсестры окружают его, шепчутся вполголоса, на что он только кивает и смотрит на меня. Я чувствую, как взгляды офицеров испепеляют мое тело, но я заставляю себя смотреть куда-нибудь еще, слишком боясь, что, глядя на них, они утащат меня.

— Это к лучшему. Я планирую вести и задавать вопросы, чтобы она не слишком испугалась, — слышу я, как доктор говорит моим родителям тихим, успокаивающим тоном.

Мой взгляд сужается в тонкие щелочки, и я сжимаю губы в твердую, мрачную линию, не желая, чтобы они обсуждали что-то обо мне без моего ведома.

Я с сомнением смотрю на доктора, когда он приближается ко мне. Он слегка улыбается, утешая. Все что угодно, но только не это.

— Рад, что вы снова с нами, мисс Райт. Как вы себя чувствуете?

— Я... я...

Мое горло сжимается, не позволяя говорить. В пищеводе сухо и больно, будто я не разговаривала несколько дней или недель. Я закрываю рот, сдаваясь, все еще ошеломленная тем фактом, что мои родители действительно здесь. Затем украдкой бросаю взгляд на офицеров, которые стоят в стороне, чего-то ожидая.

— Какой у вас уровень боли? — подсказывает доктор в ответ на мое молчание.

— Высокий, — хриплю я.

Это не ложь. Я чувствую, что каждая кость в моем теле сломана. Даже дышать неприятно.

— Этого и следовало ожидать. Вы получили целый список травм. Вам повезло, что вы остались в живых. — он начинает рыться в кармане халата в поисках ручки и подходит ближе к моей кровати. — Я хочу, чтобы вы как можно лучше следовали за светом. Как думаете, сможете это сделать?

Я морщусь, все еще пытаюсь понять, что происходит. Какая-то часть меня хочет наброситься на него и послать к черту этот дерьмовый тест, просто дайте мне что-нибудь от боли. Может, тогда я смогу избежать реальность на альтернативу. Где темно и тихо, и нет боли или призраков моего прошлого, преследующих меня, как в этой палате.

Я знаю, что он хочет, чтобы я следила за светом, но не уверена, что у меня хватит сил даже на это. Все болит. Я не могу этого сделать. Моя голова падает обратно на подушку, не имея ни капли сил, чтобы удержать ее. Вспышки проносятся в моей голове, как фотографии на пленке. Деревья. Падение в грязь. Извилистая дорога. Крики. Так много криков.

Я зажмуриваю глаза, пытаюсь сложить кусочки головоломки вместе и понять, что я помню. Мне казалось, что шестеренки, вращающиеся в моем мозгу, застряли и нуждаются в помощи, чтобы снова начать нормально работать. Я не могу сформулировать ни одной связной мысли. Там была машина, чьи-то руки крепко сжимали руль, нога давила на педаль газа, виляя. Затем калейдоскоп красок и боль. Так много боли.

Это была авария.

Я попала в аварию.

Я знала это, чувствовала всем своим существом, но, хоть убейте, не могла вспомнить, зачем и куда я направлялась. Кто кричал? И почему все это так сильно причиняет боль?

Из живота исходит боль, которую я даже сейчас не могу полностью стряхнуть. Она проходит через мое тело мучительными волнами, угрожая вновь затянуть под воду.

— Мисс Райт, я знаю, что вы устали и испытываете сильную боль, но мне нужно, чтобы вы остались со мной. Вы можете это сделать?

Услышав голос доктора, я глубоко вздыхаю и заставляю себя кивнуть. Следуя инструкциям, я открываю глаза и поворачиваю голову ровно настолько, чтобы следить за светом, прикрепленным к его ручке, насколько это возможно, учитывая мое состояние.

— Хорошо, очень хорошо, — хвалит он, пряча инструмент в карман халата. — Здесь

несколько офицеров от имени шерифа округа Гумбольдт. Я знаю, что все не очень хорошо, но им нужны ваши показания о ночи, когда произошла авария. Вы находились в медикаментозной коме в течение последних пяти дней, чтобы облегчить опухоль в вашем мозгу. Это нормально, если вы не можете вспомнить о произошедшем; мозгу тяжело, и вы прошли через довольно многое. Но не могли бы вы попытаться рассказать нам, что вы помните об аварии?

Я облизываю сухие потрескавшиеся губы и открываю рот, но не могу вымолвить ни слова. Потому что, по правде говоря, я не помню, что произошло. Я помню, как закричала, и машина потеряла управление, но не помню почему. Единственное, в чем я хоть немного уверена, это в Мэдисон. Она спасла мне жизнь.

Мой взгляд мечется по палате в ее поисках. Не знаю, как ей это удалось, но она была там. Я чувствовала ее. Чувствовала тепло ее руки сквозь одежду, просачивающееся в мою кожу. Все это время я чувствовала, что она жива и здорова.

Она была там.

Я сглатываю и заставляю губы шевелиться.

— Я... я не помню, — хриплю я. — Я просто помню, как сидела в машине... и произошла драка. Кто-то кричал на меня. — я замолкаю, закрываю глаза, когда появляются новые образы, но они не имеют смысла. Только деревья, грязь и машина. Звук хруста металла. Я вновь открываю глаза, пытаюсь мыслить ясно. — А в следующую секунду мы уже катились вниз.

Доктор кивает, складка образуется между его бровями в ожидании, пока я соберу воедино кусочки моего спутанного сознания. Я закрываю глаза, и вспышки становятся быстрее. Лица, боль, кровь, футболка Мэдисон, Винсент, отвращение на лице База. Все возвращается, и слезы текут по моим щекам.

— Он ударил меня чем-то, — шепчу я, поднося дрожащую руку к жгучей боли, разрывающая живот. Я шиплю проклятие, на долю секунды забыв о своих ранах. — Я не знаю, что случилось потом. Он был там всего секунду, а потом исчез.

Доктор кивает, на его лице написано беспокойство.

— Вы помните, как вылезли из машины?

— Нет, — я непреклонно качаю головой, хотя больно это делать. — Он оставил меня там умирать. Я думаю, мы... мы спорили... потом машина разбилась. Мне было... — я замираю, задыхаясь от внезапной волны эмоций, когда воспоминание врезается в меня. — Мне было так больно, что я не смогла остановить его, когда он ударил меня ножом. Она помогла мне. Я услышала ее голос, и она помогла мне.

Выражение беспокойства на лице доктора в этот момент должно было бы настораживать, но я так поглощена воспоминаниями и болью, роящейся в моем теле, как улей рассерженных пчел, что не обращаю на это внимания.

— Кто помог?

— Мэдисон. Моя сестра. Она помогла мне вылезти из машины. Она сказала мне, что все будет хорошо, я... я не знаю, как она это сделала, но она вытащила меня, и вскоре после этого машина скатилась с обрыва. Я бы умерла, если бы не она.

Я слышу чей-то резкий вздох, и когда я смотрю, я понимаю, что это моя мать. Отец крепко обнимает ее, а ее голова покоится у него на груди. Это защитное объятие, но я никогда не имела удовольствия испытать его от мужчины, о котором идет речь. Неодобрение в его глазах как шок для системы и пощечина, возвращающая к реальности.

Доктор откашливается, глядя на офицеров. Один из них потирает виски, а другой что-то записывает в блокнот.

— Мисс Райт, вы ведь знаете, что ваша сестра умерла много лет назад, верно?

То, как доктор задает вопрос — медленно и мягко, словно не хочет меня напугать, — заставляет волосы на моем затылке встать дыбом.

— Да, я в курсе, — скриплю зубами я. Удушающая волна боли накатывает на меня, мешая дышать. Если мне в ближайшее время не дадут обезболивающих, я упаду в обморок. — Но она была там. Я видела ее. Она вытащила меня из машины.

Слова извергаются из моих губ, как рвотный снаряд, только я проклиная себя, потому что недостаточно ясно представляю себе последствия, которые эти слова могут иметь для меня.

— Иногда наши мысли обрабатывают и выдумывают вымышленные сценарии, находясь под давлением. Думайте об этом, как о защитном механизме мозга. Видите ли, я считаю, что вам было так больно, что вы вообразили, словно ваша сестра помогает вам. Думаю, что человек, с которым вы были, помог вам, прежде чем вы полностью не потеряли сознание, упав вместе с машиной.

Гнев щекочет мне затылок.

— Нет. Я уверена, что это была она, — выдыхаю я сквозь очередную волну боли. Она такая ослепительная, буквально крадущая воздух из моих легких. — Мы разговаривали. Ради бога, она взяла меня за руку. Винсент оставил меня там умирать. Он ударил меня ножом, потому что я узнала правду. Я знаю, что они сделали.

Брови доктора медленно изгибаются. Это похоже на своего рода вызов. Краем глаза я замечаю, что один из офицеров делает шаг вперед, явно заинтересованный тем, что я собираюсь сказать.

— И что это за правда?

Холодный пот стекает по моему виску, и мое тело начинает перегреваться от дискомфорта ран. Мне нужно, чтобы он перестал задавать вопросы и помог мне.

— Они убили ее! — рявкаю я, вцепляясь свободной рукой в простыни подо мной и хватаясь за них изо всех сил. — У меня были доказательства, но потом... потом он нашел меня, а затем произошла авария. Я думаю. — я подношу свободную руку к голове, энергично потирая висок. Ослепляющая головная боль не дает мне ясно мыслить. — У меня нет доказательств, больше нет, но... но они были. Если кто-то может просто вернуться на то место и посмотреть, он увидит. Они поймут.

— Ох, ради Бога, — раздраженно бормочет отец.

Я бросаю на него уничтожающий взгляд. На языке вертится сказать ему, чтобы он отвалил. Если он мне не верит, пусть уходит. Они оба могут проваливаться. Я не просила их приходить. Не просила их тратить драгоценное время на заботу о дочери, которая, как они надеялись, тоже умерла.

Трудно поверить, что когда-то мы с отцом были близки. Время и смерть обладают способностью изменять отношения так, как мы никогда не считали возможным. Она превращает душу скорбящего человека во что-то новое. Крутит до тех пор, пока что-то не отделяется. Ничто не может подготовить человека к смерти. Мы не могли позволить себе роскоши проехать мимо боли, чтобы добраться до исцеления. Нас просто охватывает печаль. Горе поднимает свою уродливую голову, и непростительно топит нас, и на какое-то время мы начинаем задаваться вопросом, лучше ли оставаться под водой, чем когда-либо дышать

снова.

Вот что сделала с нами смерть Мэдди. Вот что она все еще продолжает делать с нами.

— Мисс, мы уже сделали это...

Доктор прочищает горло, поднимая руку между мной и офицером, не позволяя ему закончить фразу.

— Пожалуйста, офицер, позвольте мне разобраться с этим. Моя пациентка только что вышла из комы. Мне не нужно, чтобы вы двое ее пугали.

Хотя очевидно, что он этого не хочет, офицер отступает. Он идет к своему напарнику, и их взгляды прожигают меня насквозь. Я им не нравлюсь, это очевидно. Они не чувствуют угрызений совести за меня, за то, что мое тело в руинах, когда я лежу в этой постели.

— Полиция уже обыскала весь район, но ничего не нашла. Только ваша машина и брошенная лопата. Больше ничего не было найдено.

Слезы разочарования жгут мне глаза. Мне хочется стукнуть кулаками по этому матрасу и закатить истерику, как ребенок, который не добивается своего, что угодно, лишь бы выпустить пар.

— Это невозможно. — я перевожу взгляд с офицера на доктора и обратно. — Он... он, должно быть, вернулся туда и забрал все улики. Он прячет. Вы должны найти. Ее футболка была уликой. Это все, что у меня было. Неужели вы не понимаете? Все это *напрасно*, если я не получу обратно эту футболку.

Доктор качает головой.

— Это невозможно. Человек, с которым вы были, мистер Хоторн, получил серьезные травмы. Я не вижу, чтобы он мог скрыть это доказательство, о котором вы говорите.

— Значит, он сделал это не один, — настаиваю я, с каждой секундой все больше злясь. Все в палате смотрят на меня, как на сумасшедшую. — Должно быть, ему помогли. Другого объяснения нет. Неужели вы не понимаете? Я обо *всем* узнала. Наконец-то я во всем разобралась. Вы действительно думаете, что после этого они оставят меня в живых? Это разрушило бы их жизни. Их репутацию.

Доктор обменивается взглядом с моими родителями, прежде чем кивнуть, сдвинув брови, глубоко задумавшись. Он откашливается.

— Думаю, на сегодня хватит, мисс Райт. Я дам вам немного времени побыть с родителями и вернусь с чем-нибудь от боли.

Офицеры, мои родители и доктор жмутся к двери, переговариваясь вполголоса. Время от времени они оглядываются на меня, и от их взгляда у меня в животе скапливается ужас. Это нехорошо. Я это чувствую.

Доктор хлопает отца по плечу, затем пожимает руку матери, прежде чем выскользнуть из моей палаты, забрав с собой медсестер и офицеров. Я прищуриваюсь, наблюдая, как мои родители ведут молчаливую дискуссию передо мной. Они не разговаривают, но я все равно вижу, как между ними идет разговор. Что бы это ни было, оно почти мгновенно меняет атмосферу в палате. Ледяной холод трепета задерживается у основания моего позвоночника и скапливается в животе.

Мои родители медленно поворачиваются и идут к кровати. Майкл садится на одно из свободных мест и опускает голову на руки. Удивительно, но Моника садится на больничную койку, на которой я лежу, осторожно, чтобы не быть слишком близко. Не могу сказать, то ли из-за страха, что она причинит мне боль, то ли потому, что она просто не может находиться так близко ко мне. Иногда то, как она смотрит на меня, ранит больше, чем то, когда она

вообще на меня не смотрит. Словно она смотрит на меня, но на самом деле не видит. Она видит меньшую версию Мэдисон. Она смотрит на призрак своей мертвой дочери, и, конечно, это для нее слишком. Вот почему она не может долго смотреть на меня.

— Милая, мы... — голос мамы срывается, и когда я вижу блеск слез в ее глазах и дрожь в подбородке, я готовлюсь к следующему удару, который наверняка последует. — Мы думаем, что, возможно, перевод в другое учреждение, чтобы помочь ускорить процесс восстановления, будет лучше.

Я хмурюсь, не совсем понимая, чего я ожидала, но явно не этого.

— Хорошо? Я думаю.

Я смотрю на дверь, ожидая, что доктор вернется с обезболивающими.

— Обещаю, что врачи позаботятся о тебе там, — говорит она, ее дрожащий голос отвлекает мое внимание от двери и обратно к ней. — Твои мысли... они неправильны, милая.

Одинокая слеза скатывается по ее щеке, и я ненавижу себя за то, что хочу протянуть руку и стереть ее. Ненавижу себя за то, что хочу заботиться о ней, когда мне больно. Она шмыгает носом, вытирая слезу тыльной стороной ладони.

— Но они позаботятся о тебе. Это к лучшему. Когда ты вернешься, твой разум прояснится, я обещаю.

Мое дыхание застревает в горле, когда осознание осеняет меня, заставляя глаза расширяться.

— Что? — истерия вцепляется мне в вены. Я пытаюсь выпрямиться, но мое тело отвергает это движение, и вопль агонии вырывается из груди. — Нет. Нет, это ошибка. Я не сумасшедшая. Она была там. Вы должны мне поверить! Я знаю, что они с ней сделали!

Лицо мамы сморщивается, и плотина рушится, когда слезы катятся по ее щекам.

— Ты нуждаешься в помощи, Мэдисон, — шепчет она.

Мое сердце разрывается в груди, и гнев, который я пыталась похоронить все свое детство, поднимается на поверхность.

— Меня зовут Маккензи! — кричу я, пугая и ее, и отца. — Я Маккензи! Только не Мэдисон. Я не она! Когда ты перестанешь хотеть, чтобы я стала ею?

Мой отец вскакивает на ноги, его лицо искажено гневом.

— Когда ты перестанешь притворяться ею! Мы пытаемся тебе помочь!

Слезы текут из моих глаз, и боль, пронзающая грудь, усиливается.

— Ты не хочешь мне помочь, ублюдок. Ты никогда не заботился обо мне. Признай это!

Медсестры врываются в палату при звуке наших повышенных голосов. Я нахожусь в истерике, когда они собираются у моей кровати, прижимая меня. Моя мать плачет в углу, наблюдая, как они умирят меня. Отец качает головой, словно не может поверить, что до этого дошло, и последнее, что я вижу, это склонившегося надо мной доктора, его озабоченное лицо — неприятная реальность.

— Все будет хорошо, Мисс Райт. Это все к лучшему, вот увидите.

Темнота поглощает меня полностью, и, в отличие от прошлого раза, я приветствую ее.

Баз

В ту же секунду, как я захлопываю дверь перед носом Маккензи, я наклоняюсь вперед, упираюсь кулаком в дерево и закрываю глаза. Ее рыдания звучат в моих ушах оглушительным повторением, проходя через весь уровень пентхауса, когда она уходит. Я не должен ее жалеть. Я вообще ничего не должен испытывать. Но мне жаль.

Блядь, да, мне жаль.

Я ненавижу ее в этот момент, и все мое тело дрожит от ярости. Впервые за много лет я чувствую что-то, и чертовски ненавижу это.

Стоны, доносящиеся с кровати, вновь привлекают мое внимание. Две девушки, которых я подобрал в The Kings, увлечены друг другом. Они обе смотрят на меня из-под ресниц, посылая свои призывные взгляды, надеясь, что это ночь, когда они, наконец, покорят База Кинга. Смотря на них, чужая тяжесть поселяется в моем животе. Она беспокойная.

Блондинка берет в рот затвердевший сосок рыжей. Они обе наблюдают за мной, приглашая подойти и поиграть с ними остаток ночи. Я крепче сжимаю горлышко бутылки и стискиваю зубы, ненавидя то, что собираюсь сделать.

Я направляюсь к кровати и вместо того, чтобы залезть к ним и трахнуть их обоих до потери сознания, поднимаю их сброшенную одежду и бросаю им.

— Одевайтесь, а потом убирайтесь к чертовой матери.

Они отрываются, ошеломленные моим отказом. Это правдоподобно, учитывая то, как они выглядят. Их не часто отвергают. Рыжеволосая усмехается, а другая разочарованно качает головой, слезая с кровати и одеваясь. Я разочарованно провожу рукой по волосам, дергая их за кончики, и смотрю из окна от пола до потолка на балкон. Люди на балконе все еще веселятся — такие счастливые и беззаботные, как и всегда, — но я не хочу в этом участвовать.

Я распахиваю двери и кричу всем, чтобы убирались. Большинство из них игнорируют меня, все еще танцуя и выпивая. Когда мое терпение подходит к концу, я швыряю бутылку бурбона в стену, и начинается хаос. Девушки бегут, крича от страха, и все остальные, наконец то, начинают действовать, направляясь к выходу. Когда все уходит, из пентхауса доносится только журчание жидкости, все еще льющейся из разбитой бутылки, и тишина. Неловкая тишина, такая же оглушительная, как и неподвижная.

Устало вздохнув, я ложусь на кровать и кладу голову на руки. Не знаю, как я этого не заметил. Я должен был увидеть ее ложь за километр, но я, черт возьми, впустил ее. Глупо было думать, что она другая. Глупо было полагать, что я могу ей доверять.

Я не мог ошибиться сильнее.

Спотыкаясь, я выхожу из комнаты, не обращая внимания на беспорядок на кровати или на балконе. Мой взгляд останавливается на толстой стопке бумаг, аккуратно разложенных на кофейном столике. Те самые, которые Маккензи умоляла меня прочесть. Вопреки здравому смыслу, я опускаюсь на диван и хватаю толстую стопку, выражение отвращения искажает мои черты. Я обмахиваю страницы веером и вижу, что каждая заполнена словами. Возможно, еще больше лжи.

Ложь поверх лжи это все, на что она сейчас способна.

Я стискиваю зубы, просто думая об этом. Парни были правы, и я ненавижу тот факт, что заступился за нее. Я привел ее в свою жизнь, почти поручился за нее, и они были правы с

самого начала. Она была именно такой, как о ней говорили, — нашей погибелью и моим падением. Каждый раз, вспоминая этот случай, я задаюсь вопросом, не было ли все это обманом. Играла ли она со мной с самого начала, или была так же глубоко погружена, как и я, и просто не могла найти свой собственный выход?

Это дилемма. Маккензи появилась в моей жизни не вовремя. В то время, когда я не искал любви или чего-то большего, чем просто секс. Я не занимался отношениями. Меня не волновали девушки и их чувства. У меня имелись свои проблемы, свои секреты и скелеты в шкафу, через которые мне нужно пробираться. У меня есть обещания, которые я давал, и обещания, которые я намеревался сдержать. Я был человеком слова, и гордился этим, и само присутствие Маккензи в моей жизни поставило все это под угрозу. Она изменила все так быстро и тихо, что я не заметил, как это произошло. Она заставила меня захотеть поменять правила ради нее, и в этом заключается проблема. Девушки не встают между Дикарями, но она почти встала.

Теперь все не так ясно. Вода, смотрящая на меня, мутная. Я все еще в беспорядке, который мне необходимо убрать, и вещи, которые я должен сделать, чтобы выполнить свою часть сделки. Я просто не понимал, что сделка будет стоить мне ее. Все вращалось вокруг нее. Я должен был увидеть это раньше, но был ослеплен тем, что испытывал к ней. Я больше *не* повторю этой ошибки.

Теперь у меня одно намерение, и оно заключается в выполнении своего слова. Я никогда не нарушал обещаний, особенно перед братьями. Если бы Маккензи знала, что для нее хорошо, она бы держалась подальше.

Взвесив тяжелую стопку страниц в руках, я играю с идеей выбросить, но, кажется, не могу заставить себя сделать это. Вместо этого я открываю первую страницу и уже собираюсь начать читать, когда кто-то стучится в мою дверь. Разочарованно хмыкнув, я швыряю стопку обратно на кофейный столик и распахиваю дверь с такой силой, что в этом нет необходимости.

— Что-то не так.

Маркус протискивается внутрь, меряя шагами пол. Я позволяю двери хлопнуться, не обращая на него внимания. Схватив еще одну бутылку ликера из бара, я возвращаюсь на свое место. Без единого замедления я осушаю содержимое, не обращая внимания на жжение в груди с каждым глотком.

Мне бы очень хотелось забыть о существовании Маккензи Райт.

— Винсент вел себя странно, чувак. Мне кажется, что-то не так. Ты говорил с ним или с кем-нибудь еще?

Я вздыхаю, ставя бутылку между ног.

— Неужели, блядь, похоже, что я говорил с кем-то?

— Что, черт возьми, с тобой происходит, Себастьян? Тебя не волнует, что Винсент из всех ведет себя подозрительно? Ты ведь знаешь, на что он способен.

В его глазах появляется панический блеск, который должен меня взволновать, но я ничего не ощущаю.

— Не совсем.

Я закрываю глаза и откидываю голову назад. Алкоголь, струящийся по моим венам, облегчает попытку отключиться от Маркуса и его выходок. Он все бормочет и бормочет о том о сем, и, наконец, напившись, я протягиваю ему бутылку.

— Просто заткнись и пей, или проваливай.

Он морщится, но хватает бутылку за горлышко и делает большой глоток. Он садится на диван напротив меня, и мы проводим там остаток дня, выпивая бутылку и отключаясь. Впервые за много дней я смог заснуть. Впервые за несколько дней я получил передышку от мыслей о Маккензи и невыносимой боли в груди.

Однако ничто хорошее не длится вечно.

Прошлое

Я стою в плохом настроении перед ревушим костром. Волны жара просачиваются сквозь ткань моей одежды, облизывая плоть и очищая ее от кожи. Как бы мне этого хотелось. Я безрассудно пил всю эту ночь.

Мы с Саммер снова расстались.

Это дерьмо: расстались, сошлись, уже надоело. Мое сердце не разбито. На самом деле, я не очень-то и заботился о Саммер или любой другой девушке, с которой встречался в прошлом. Я оцепенел, просто двигаясь. Если быть честным, я не знал, почему так много других заботились о том, чтобы мы были вместе. Все расставания одинаковые. Городок шепчется, сплетничает, все та же старая гребаная драма. Саммер стала спасением, которое я слишком стремился использовать.

Порядочный парень почувствовал бы себя виноватым за то, что не расстроился, но я не был таким. Меня просто раздражал тот факт, что я больше не смогу использовать наши отношения как убежище для своих собственных проблем.

Саммер была теплым телом, которое иногда заставляло меня смеяться. Не знаю, почему я держал ее так долго. Парни ее ненавидели. Родители считали ее бесполезной тратой места в моей жизни.

Мне было скучно. Вот так.

Я еще не нашел своего места в этом мире, и мне так отчаянно этого хотелось, потому что эта роль? Та самая, в которую я играл с детства — лидер этой чертовой своры неудачников — больше не имела значения для меня.

Будучи юным, было приятно быть нужным остальным ребятам. У каждого была своя история, свои причины, почему мы все так испорчены. А моя? Внимание и признание, которые я получал от ребят, были всем, чего я не получал дома. Это всегда было: «Будь лучше, сын», «Плыви усерднее, Бастьян», «Ты никогда ничего не добьешься, Себастьян.» Это почти всегда исходило от моего отца. Я никогда не был достаточно хорош для него. Либо я был слишком привилегированным, что привело к лекции о его детстве и о том, как ему приходилось работать вдвое больше, чтобы быть там, где он сейчас, либо я не считался достаточно сильным, чтобы занять его трон, когда придет время.

Великий Бенедикт Пирс был самостоятельной силой. Он был богаче греха и принадлежал к городской знати, в Ферндейле. Королевская семья городка состояла из семей-основателей Ферндейла. И хотя мой отец формально не был членом-основателем, он накопил так много денег, что не испытывал никаких угрызений совести, покупая свой путь. Он покупал страх горожан, их уважение и восхищение. Это самое большое падение Бенедикта, его страх быть недостаточно сильным. Он вырос ни с чем, и, как ни странно, его

отец воспитывал его так же, как и меня, хотя его обстоятельства были совсем иными.

Мой отец вырос в трейлерном парке с родителями — белыми отбросами, которые клялись, что он никогда ничего не добьется. Он работал всю свою жизнь, доказывая им, что они не правы, и завоевывал их уважение. Тогда-то он и познакомился с моей матерью в Бразилии. Родившись в семье миллионера, моя мать была богатой наследницей, которая влюбилась в низший класс. У отца появилась новая цель. Вместо того чтобы завоевать уважение родителей, он захотел этого от моей матери и ее семьи. Он хотел стать для нее достойным. Пока в один прекрасный день он не стал им.

В этом и заключалась суть денег и стремления к успеху. Ты никогда не сможешь насытиться этим. Все деньги в мире не могут сделать тебя счастливым. Это была проблема Бенедикта; он всю оставшуюся жизнь будет пытаться доказать миру, что он принадлежит этому миру, вместо того чтобы наслаждаться тем, что у него уже есть, тем, что он уже построил. Это порочный круг, который, как я чувствовал, начинался снова и снова, но я планировал разорвать его.

Потому что я никогда ничего не значил в его глазах, это только заставляло меня ненавидеть его еще больше. Это только заставляло меня хотеть доказать, что он ошибается. Видите ли, я не хотел становиться своим отцом или жить, как он. Мне хотелось переиграть его. Я хотел однажды посмотреть на себя и увидеть все, что я построил, а затем показать ему гребаный средний палец.

Хотя я, может, и не так облажался, как остальные парни, но мне было приятно быть нужным. Быть чьим-то лидером, человеком, к которому они придут, когда будут нуждаться в помощи. Какое-то время это ощущалось прекрасно, пока однажды не перестало. Я устал разгребать беспорядок и устал беспокоиться обо всех остальных.

Мы хотели от жизни разного. Все, чего они хотели, это дерьмо: вечеринки и секс, в то время как я просто хотел поступить в колледж, не таща на своих плечах чужой багаж. Парни ненавидели тот факт, что Саммер всегда была рядом, потому что в их глазах она была самозванкой в нашем братстве. Она причина того, что они чувствовали, как я отстраняюсь. Только это была совсем не она. Это был я.

Нам должно было исполниться восемнадцать. Пришло время повзрослеть. Я был рад, что после школы мы все разойдемся и поступим в разные колледжи. Наша дружба от малышей до детей и подростков помутнела. Я видел, как парни совершают вещи, которые я хотел бы забыть. Черт, я делал то, что хотел бы исправить. Я участвовал в актах, в которых не хотел участвовать. Нам легче просто расстаться. Дикари не могут жить вечно. Ничего хорошего никогда не выйдет.

Они были моими братьями, и хотя я любил их до смерти, мне становилось все труднее и труднее сдерживать их. Мы все хотели от жизни разных вещей, это очевидно. Я хотел использовать колледж, чтобы сделать себе имя. То имя, которое не будет связано с моим отцом или строгой властью, которую он имел над моей жизнью. Винсент хотел пропахать себе путь через каждую киску на планете, в надежде забыть свое детство. Зак хотел унижать девушек, чтобы чувствовать себя лучше. Трент хотел прожить на деньги своих родителей всю оставшуюся жизнь, не пошевелив и пальцем, а Маркус, ну, он хотел того же, что и я — свободы.

Я допиваю оставшееся в стаканчике и шиплю от горького вкуса, когда он проходит по горлу, согревая грудь. Я украдкой бросаю взгляд в сторону Саммер и ее подруг и сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза, понимая, что она наблюдает за мной. Ее

пристальный взгляд прикован ко мне, в ожидании реакции, в надежде, что заставит меня ревновать.

Это не работает.

— Когда ты уходишь? — спрашивает Винсент, отвлекая мое внимание от нее.

Я достаю из кармана мобильник и смотрю на экран.

— Вообще-то через несколько часов.

— Ты никогда не спрашивал, могу ли я полететь с вами, не так ли?

Нет.

Я отрицательно качаю головой. Я думал об этом, но, честно говоря, эти просто отпуск. От всех. Включая моих братьев.

— Ублюдок. — он усмехается, делая глоток своего напитка.

Я пожимаю плечами, ухмыляясь, пока алкоголь проходит через мой организм. Я оглядываю вечеринку, когда мой взгляд натывается на девушку. Одета в черное платье-свитер и кроссовки, с длинными светлыми волосами, перекинутыми через плечо, она смотрит в огонь, словно погруженная в мысли. Она хорошенькая, не в том смысле, как все или, как остальная часть команды поддержки, но все равно хорошенькая. Это тихая красота. Та, на которую тебе нужно будет потратить время, чтобы полностью завоевать. Найти время, чтобы остановиться и посмотреть. Что-то в ней такое знакомое, но я никак не могу понять, что именно.

Я бросаю стаканчик и собираюсь направиться к ней, когда тихий вопрос Винсента заставляет меня остановиться.

— Мне нужна услуга, пока ты в отпуске.

Мои губы сжимаются, и я бросаю на Винсента мрачный взгляд.

— В чем дело?

— У меня есть кое-что, что и кому-то ещё. Что-то, ради чего она не остановится ни перед чем. Мне нужно, чтобы ты это сделал.

Я оглядываюсь на хорошенькую девушку и ревуший огонь. Быть лидером это значит убирать за братьями. Речь идёт о том, чтобы быть тем, к кому они приходят, когда нуждаются в помощи. У меня никогда не было проблемы, которую я не мог бы решить самостоятельно или для которой мне нужно было заручиться помощью других. Но, похоже, так было всегда.

— Что я получу взамен? — я возражаю.

Винсент поднимает брови, потрясенный такой просьбой. Я никогда ничего не прошу взамен, но все меняется, как и люди, подобно приливам.

— Я буду у тебя в долгу до скончания веков, — сухо отвечает он.

Холодная улыбка скользит по моему лицу.

— Ты слишком упрощаешь дело.

Винсент усмехается, толкая меня под руку.

— Чертов придурок.

— Будто я знаю...

Мой взгляд снова находит симпатичную девушку, только теперь я понимаю, что она не одна.

Ее большие глаза лани устремлены на Трента, когда он делает свой ход. Она совершенно очарована им. Это написано у нее на лице.

— Повеселишься с кем-нибудь сегодня на скале Поцелуев, прежде чем улетишь? —

спрашивает Зак, хлопая меня по плечу, когда боком подходит ко мне и Винсенту.

Я оглядываю полуодетых девушек, пьяных и тихих, и качаю головой.

— Нет.

— Тогда больше кисок для нас, — ухмыляется Зак, делясь заговорщицким взглядом с Винсентом.

Я вздрагиваю на диване, когда Маркус встряхивает меня, яростно ругаясь.

— Вставай блядь, Себастьян!

Я отдергиваю его руку, не в настроении слушать его дерьмо. Алкоголь все еще течет по моим венам, вызывая сонливость.

— Вставай, черт побери! Винсент в больнице. Ты понимаешь? Это плохо. Так чертовски плохо.

Мои глаза открываются, и я резко выпрямляюсь, остатки моего сна проясняются, когда сознание ударяет в полную силу. Мой желудок сжимается, угрожая выплеснуть орды ликера, который я выпил всего несколько часов назад.

— Что, черт возьми, случилось?

— Не знаю, — выдыхает он, проводя рукой по волосам и расхаживая взад-вперед, как зверь в клетке. — Я сказал тебе по приходу, что что-то произошло. Он ведет себя странно. Когда я отслеживал его телефон, он находился в Ферндейле. Мне только что позвонила его мать. Его перебросили по воздуху из Эврики в Вест-Хиллз.

При упоминании о нашем родном городке по спине пробегает холодок. Это больное место в нашей дружбе. Одно только название заставляет всех парней действовать иррационально, из страха.

— Нам нужно ехать. Немедленно.

Изрыгая проклятия, я вскакиваю на ноги и одеваюсь в рекордное время. В пентхаусе полный бардак, но с этим придется подождать. Я выхожу вслед за Маркусом, моя голова кружится от теорий. В течение многих лет на фронте Ферндейла стояла мертвая тишина. Никто не говорил о том лете, и никто не удосужился разобраться в деле, но что-то изменилось. Почему именно сейчас? Почему кто-то копает девять лет спустя?

Кого, черт возьми, это волнует?

Во время поездки в больницу Уэст Хиллз мой телефон взрывается статьей за статьей, сообщая о явном крушении Винсента. Некоторые таблоиды утверждают, что это наркотики, другие, что вождение в нетрезвом виде, а третьи просто написали что-то непонятное. Как только начинают поступать звонки, я устало вздыхаю.

В этом-то и вся прелесть средств массовой информации — быть в центре внимания. Стервятники просто сидят рядом с остальными и ждут, когда упадет ботинок. Они ждут кусочка истории, которую смогут раскрутить. А это? Долго ждать им не пришлось. Один из нас, попавший в аварию, это достаточная история и корм, чтобы поддерживать их в течение следующих двух недель, прежде чем они перейдут к следующей бедной, несчастной душе.

Я разочарованно провожу рукой по волосам, все еще чувствуя, как алкоголь и все, что случилось с Маккензи, проходит через мой организм. Мне нужно протрезветь. Я нуждаюсь в ясной голове, прежде чем разберусь с тем дерьмом, которое сейчас происходит в жизни Винсента.

Напряжение наполняет воздух, когда я вхожу в стерильную больничную палату рядом с Маркусом, мой взгляд сужается на Винсенте, который в настоящее время лежит в постели, подключенный к аппарату. Одна сторона его лица покрыта синяками и царапинами. Нос у

него явно сломан, а нога в гипсе. Он выглядит чертовски ужасно. Если не считать синяков и порезов по всему лицу, думаю, что бы ни случилось, все могло быть гораздо хуже.

Отведя взгляд, я оглядываю остальную часть палаты. Конечно, это роскошная палата, оборудованная креслами вместо обычных жестких стульев, на которых посетители вынуждены сидеть. Единственный человек в палате это Трент. Зака нигде нет.

— Что случилось? — спрашиваем мы с Маркусом в унисон, переводя внимание на Трента, чтобы узнать, есть ли у него какие-нибудь новости о состоянии Винсента.

Он выглядит дерьмово. Его одежда помята, будто он встал с кровати, когда узнал новости о Винсенте, и не потрудился взглянуть в зеркало. Я уверен, что выгляжу ничуть не лучше. Волосы в беспорядке, под глазами темные круги. Трент тяжело вздыхает и смотрит на кровать. Винсент все еще без сознания.

— Не знаю, чуваки. Мы должны были встретиться вчера вечером, чтобы выпить, но он так и не появился. Мне не удалось связаться с Заком. Мне позвонили, и я сразу же приехал сюда.

Мы с Маркусом переглядываемся. *Что, блядь, произошло?*

Я скрещиваю руки на груди, ища взгляд Трента, пытаюсь обнаружить любую возможную ложь.

— Маркус отследил телефон Винсента, и он находился в Ферндейле во время аварии. Ты что-нибудь об этом знаешь?

Мой голос холоден и бесстрастен, как мне нравится, чтобы никто не мог прочитать, о чем я думаю.

Брови Трента опускаются в замешательстве.

— Этого не может быть. Мы должны были встретиться в The Kings и выпить. Какого черта он там оказался? Он ненавидит это место.

— Именно это мы и пытаемся выяснить, — вздыхает Маркус.

— Что, блядь, происходит, Баз? Много лет мы ни черта не слышали, а теперь, ни с того ни с сего, не можем перестать слышать об этой гребаной дыре! Я думал, ты позаботился об этом.

Паника вспыхивает в его глазах, потому что он знает, что ему есть что терять.

Я стискиваю зубы от его обвинения. После того, что случилось прошлой ночью с Маккензи и всем остальным, что, кажется, разваливается вокруг нас, я срываюсь. Обхватив рукой его горло, я сжимаю ее, умирая от желания врезать кулаком по его гребаному лицу, потому что я все еще втайне расстроен его поцелуем с Маккензи.

Маркус бросается в бой, разнимая нас.

— Эй! Прекратите к чертовой матери! У нас имеются более важные вещи, о которых нужно беспокоиться прямо сейчас, — рычит он, наконец отрывая нас друг от друга.

Положив руки нам на грудь, он встает посередине, удерживая нас на расстоянии. Моя грудь вздымается в попытке контролировать ярость, которая внезапно вибрирует по всему моему телу. Лицо Трента покраснело от разочарования и, вероятно, от недостатка кислорода.

Словно отвечая на наш невысказанный вопрос, Винсент начинает шевелиться. Маркус и Трент теснятся вокруг его кровати, а я стою сзади, ожидая, когда он откроет глаза. Он делает это медленно, издавая при этом стон боли. По его лицу пробегает гримаса, и он оглядывает палату, осматривая ее с медленным вниманием, которое я не могу понять, вызвано ли это травмой мозга или чем-то еще.

— Винс... ты в порядке? Что произошло? —

спрашивает Трент, кашляя в руку и бросая на меня свирепый взгляд.

Взгляд Винсента мечется ко мне. Проходит мгновение, пока он смотрит на меня, прежде чем снова поворачивается к Тренту и отвечает ему. Его слова удар под дых. Мой позвоночник выпрямляется, а кровь кипит.

— Я столкнулся со Скарлетт.

Его слова заставляют всех замолчать, и весь кислород покидает палату. Мы все замираем, и я чувствую на себе взгляды парней, пока обрабатываю информацию. Я медленно подхожу к его кровати, кровь с оглушительным ревом стучит у меня в ушах. Я стискиваю зубы и смотрю на Винсента, ожидая, что он объяснится, прежде чем я слечу с катушек.

— Мы поссорились. — мой желудок сжимается, и я стискиваю челюсть, пытаюсь подавить гнев. — Она съехала с дороги. Это последнее, что я помню.

— Просто остановись на чертову минуту. Что значит, ты столкнулся со Скарлетт? Где ты был? Почему вы были вдвоем в машине? — Маркус спрашивает обо всем, о чем я вдруг не в состоянии спросить.

Мои кулаки сжимаются и разжимаются, и я боюсь, что если пошевелюсь, то могу наброситься на Винсента и свернуть ему шею, как несколько минут назад пытался сделать с Трентом. Гнев, который внезапно живет и дышит через мое тело, будто это просто сосуд для насильственных действий, должен был бы беспокоить, но нет.

Для меня это в новинку. Я не так реагирую, потому что овладел искусством бесчувствия. Я всегда спокойный и отстраненный в подобных случаях. Это просто еще одна вещь, которую Маккензи чертовски изменила.

— Ты что, Маркус, не слышал, что я сказал? — рывкает Винсент. — Эта сука съехала с чертового обрыва! Посмотри на меня! — кричит он, и его лицо приобретает нездоровый оттенок красного.

Я делаю угрожающий шаг вперед, Маркус вытягивает руку, удерживая меня.

— С обрыва? — спрашивает Трент. — Где тебя черти носили?

Мы точно знаем, где он был, но он не знает об этом.

— Я был в Ферндейле, блядь. Должно быть, она поехала за мной. Я ни хрена не знаю.

Его слова заставляют меня замолчать, и мой взгляд сужается еще больше. Как далеко может зайти Маккензи, ради привлечения моего внимания? Так вот что? Винсент оказался не в том месте и не в то время?

Но какого черта он делал в Ферндейле? Он ненавидит своих родителей. В этом дерьмовом городке для нас ничего не осталось, кроме плохих воспоминаний и, что еще хуже, скелетов в шкафу.

Я изо всех сил старался держать дверь закрытой для этих скелетов, но, похоже, кто-то уже взломал дверь, и когда я узнаю, кто это, я собираюсь покончить с ними.

На этот раз навсегда.

Зак приходит последним примерно через час или два, растрепанный и растерянный. Мы с Маркусом переглядываемся, молча гадая, что с ним стряслось и почему он так долго

добирался. Не в силах сдержаться, я нервно провожу рукой по лицу. Ничего в рассказе Винсента из прошлого не имеет смысла. Я снова и снова прокручиваю это в голове, но ничего не выходит.

— Расскажи еще раз. Расскажи эту чертову историю еще раз.

— Ты шутишь, Баз? — рычит Зак, приходя на помощь Винсенту.

Маркус пересказал историю Винсента Заку, когда он пришел сюда, и он, казалось, даже не задавал вопросов, как и Трент. Они так уверены, что он говорит правду, когда мы с Маркусом знаем, что он что-то скрывает от нас.

Я просто еще не знаю, что.

Имя, которое он постоянно повторял, заставляет мою грудь сжиматься. Я не хочу в это верить. Не могу поверить, что она имеет какое-то отношение к аварии.

Маккензи сделала это.

Или, по крайней мере, он хочет, чтобы мы в это поверили.

Я продолжаю трясти головой, пытаюсь разобраться. Никто из парней не знает Маккензи по ее настоящему имени. Для них она Скарлетт. Они все еще не знают всех подробностей того, что произошло, между нами, но знают достаточно. Я начинаю сомневаться, действительно ли она была способна на большее, чем показывала.

Что они делали вместе?

Почему она оказалась в Ферндейле?

И вопрос, на который я больше всего боюсь найти ответ: *что она сделала?*

Винсент издает полный боли стон, пытаюсь сдвинуть свой вес.

— Я уже, блядь, сказал вам, придурки, что случилось. Эта сука психопатка съехала с гребаного обрыва.

Мои ноздри раздуваются, когда я пытаюсь контролировать свой гнев. Вот откуда я знаю, что заклинание, которым меня заколдовала Маккензи, работает. Она вполне могла попытаться кого-то убить, и вот я здесь, злюсь, что Винсент называет ее психопаткой.

Я чувствую на себе тяжесть взглядов парней, вероятно, осуждающих меня за то, что я привел ее. Но проблема, с которой я сейчас сталкиваюсь, связана с Винсентом. Мне хотелось бы думать, что я знаю Маккензи, если не всю ее, то хотя бы малую часть, но Винсента... он мне как брат. Я знаю его достаточно хорошо, чтобы понять, когда он сдерживается. Он хранит секреты, не рассказывает всей истории, и мне нужно выяснить, почему.

— Что ты делал в Ферндейле? В лесу?

— Я, блядь, собирался домой в гости, — скрипит он зубами, его черные глаза бросают мне вызов.

Я сужаю глаза и склоняю голову набок.

— К родителям? Мне трудно в это поверить.

— Черт возьми, Пирс, поверь.

— Чем вы вдвоем занимались в машине?

Следует долгая напряженная пауза, прежде чем Винсент издаёт смешок.

— Об этом ты сейчас беспокоишься? Трахнул ли я твою девушку, Себастьян? Конечно, об этом. — он усмехается, пренебрежительно качая головой.

— Нет, я пытаюсь понять, почему все, что ты говоришь, не имеет никакого ебаного смысла, Винсент.

— Она пыталась убить меня! Ты не понимаешь? Эта сука психопатка поехала за мной в

городок и заманила меня в свою машину, а потом съехала с обрыва. Если бы она не была уже мертва, я бы убил ее сам! — рычит он, как бешеная собака, яд извергается из его губ.

От его слов у меня в груди возникает странное ощущение. Как будто в мою грудную полость упала глыба сухого льда, лишив возможности дышать. Кажется, что внутри что-то разваливается на куски, но я сжимаю руки в кулаки, стараясь держать себя в руках.

— Что ты сказал?

Я стараюсь говорить спокойно и ровно. Выражение моего лица остается пустым.

Винсент молчит, уставившись на мягкие простыни на кровати, избегая моего взгляда.

— Я говорю, что мы съехали с гребаной обрыва, чувак. Она пыталась убить меня до того, как я вылез. Я не знаю, где она сейчас. Все, что я знаю, это то, что она опасна. И ей нужна помощь. Это к лучшему.

Я размышляю в тишине. Чувствую, как тяжесть оседает в палате, тяжесть их глаз на мне. В ожидании того, что я собираюсь делать дальше. Без сомнения, они ожидают, что я наброшусь на эту новость, но я этого не делаю. Я смотрю на Винсента, моего брата, лежащего в кровати, и прихожу к выводу обо всем этом.

— Я скоро вернусь.

— Куда ты? — спрашивает Маркус, поднимаясь с кресла.

— Выпустить заявление для прессы. Это может стать хорошей рекламой для The Kings.

Лицо Маркуса смягчается облегчением. Он, очевидно, думал, что я собираюсь сделать что-то радикальное вместо этого, и он не был полностью неправ.

— Баз прав. Мы должны опередить и раскрутить в нашу пользу, — вставляет Зак, приглашая всех на борт.

Я выхожу из палаты и с каждым шагом чувствую, как нарастает напряжение, а гнев поглощает меня. При мысли о том, что Маккензи умерла, мой желудок снова скручивается от этого странного ощущения. Я думаю о последнем разговоре с ней, и мои глаза закрываются.

Христос.

Я нуждаюсь в ответах. И мне нужно услышать их от нее. Я просто надеюсь, что это все еще жизнеспособная возможность. Потому что, если она действительно умерла? Не знаю, что буду делать. Когда я покидаю больницу, во мне закипает сдерживаемая ярость. Я чувствую, как она кипит прямо под поверхностью, угрожая воспламениться в хаосе. В ту же секунду, как я выхожу на прохладный воздух, у меня возникает желание ударить кого-нибудь. Причинить кому-то боль.

Ничего не имеет смысла.

Я встречаю Дэна у машины, припаркованной у тротуара, и сажусь. Гнев волнами просачивается из меня, мгновенно меняя атмосферу в машине. Мои руки сжимают кожаную обивку. Я слышу, как кожа скрипит под силой хватки, и удивляюсь, как я не ударяю кулаком по стеклу.

— Мне нужно, чтобы ты выяснил, почему Винсент находился в Ферндейле прошлой ночью.

Мы встречаемся взглядами в зеркале заднего вида, и что-то проходит по его глазам. Оно быстрое, но недостаточно. Это заставляет меня задуматься. У меня никогда не было причин не доверять Дэну, но я начинаю сомневаться в каждом человеке вокруг меня. Я кое-что упускаю. Я это чувствую.

И я собираюсь это выяснить.

Глава 3

Маккензи

Содрогаясь, я шевелюсь и открываю глаза. Быстро моргаю, разгоняя дымку, затуманившую мысли. Когда зрение приходит в норму, страх выжимает воздух из легких. Я пытаюсь подняться, но не могу пошевелиться. Мои глаза увеличиваются, ужас пробегает по спине, когда приходит осознание, и я ерзаю, в попытке понять, что происходит. Пытаюсь найти выход отсюда. Я издаю сдавленный, испуганный всхлип, когда смотрю вниз и понимаю, что привязана к кровати. Мое здоровое запястье и нога закована ремнями, удерживая на месте.

— Где я, черт возьми?

Слова царапают мне горло, когда слетают с губ. Я оглядываю стерильную комнату, и паника наполняет грудь. Стены такие белые, что кажется, будто кто-то приходит сюда каждый день, чтобы нанести новый слой краски. Свет ослепительный и флуоресцентный, заставляющий вас чувствовать себя как угодно, но только не комфортно. Дверь внезапно открывается, вслед за ней врывается порыв холодного воздуха. Дверь стонет, будто ее открывают нечасто. Я прижимаюсь всем телом к кровати, пытаюсь исчезнуть, желая, чтобы она поглотила меня целиком, когда всё начинает возвращаться ко мне вспышками.

Мои родители действительно отправили меня в гребаную психушку. Ублюдки.

— Доброе утро, мисс Райт. Я доктор Поппи Астер, заведующая отделения психиатрии и психологии. Приятно наконец познакомиться.

Она только что сказала Поппи?

Поппи?

Женщину, отвечающую за мое психическое здоровье на данный момент, блядь, зовут Поппи. Боже.

Я перестаю бороться с ремнями. Уверена, что именно этого они и хотят. Они хотят, чтобы вы боролись с этим, чтобы вы могли выглядеть более сумасшедшими — словно действительно принадлежите этому месту. И я отказываюсь выглядеть еще более сумасшедшей, чем сейчас. Это похоже на новый низкий уровень, привязанной здесь с незнакомкой, которая смотрит на меня сверху вниз, а вопросы заполняют ее глаза.

— Как вы себя чувствуете сегодня?

Я сглатываю внезапный комок, перекрывающий дыхательные пути. Я не знаю, как ответить. Часть меня хочет потребовать, чтобы она выпустила меня к чертовой матери из этого места, но если это не пройдет хорошо, мне нужно, чтобы хотя бы один человек был на моей стороне. Я прочищаю горло, которое кажется слишком напряженным.

— По большей части уставшей.

Она успокаивающе улыбается мне, проходя в глубь палаты. Она, кажется, проявляет особую осторожность, медленно заходя все дальше и дальше, будто я этого не замечаю. Неужели она думает, что я спрыгну с кровати и наброшусь на нее?

— Представляю. Вы готовы поговорить? — спрашивает она.

С идеальной фарфоровой кожей и седыми волосами доктор Астер выглядит как злодейка каждого фильма. На ней очки квадратной оправы, но она не скрывает расчетливого

блеска в своих ярко-голубых глазах. С той секунды, как она вошла в палату и посмотрела на меня, я почувствовала расчет — она работает над внутренними решениями или способами сделать меня лучше. Она мало что знает. Я не нуждаюсь в восстановлении. Я не нуждаюсь во враче. Мне просто нужно убраться отсюда к чертовой матери.

Я коротко киваю, не доверяя своим словам. Она улыбается. Улыбка не мягкая, но и не холодная. Это просто улыбка, которую она приклеила на свое лицо, чтобы я чувствовала себя комфортно, хотя это даёт противоположный эффект. Взмахнув рукой, в палату проскальзывают две медсестры, каждая из которых освобождает меня от ремней. Не то чтобы я могла выбраться из этой кровати, но это лучше, чем быть привязанной, как животное. Обе медсестры молоды. Быть может, на несколько лет старше меня, приближаясь к тридцати с небольшим.

— Просим извинить нас за это, — произносит доктор Астер, глядя на мое покрасневшее запястье, которое я массирую. — Когда вас доставили сюда, вам дали успокоительное, но я хотела принять дополнительные меры предосторожности на случай, если вы проснетесь не такой... спокойной.

Я киваю, изо всех сил стараясь скрыть гримасу, которая хочет прокрасться по моему лицу. Я напрягаюсь в ожидании, позволяя медсестрам поддержать меня. Все болит. Тупая, наполненная боль пробегает по моему телу. Она настойчивая, требует, чтобы о ней узнали. Дерьмо, даже дышать больно. Боль, которая больше всего вызывает беспокойство, исходит из моего живота. Здоровой рукой я провожу рукой по жжению, исходящему от живота. Там что-то вроде перевязки.

Мои глаза закрываются, вспоминая о металле, пронзающем мою кожу. Они такие яркие, что я снова переживаю боль в тот момент. Как холодный металл пронзил мою плоть, разрывая кожу. Казалось, кто-то разрывает меня огнем и сухим льдом. Это горит, оставляя на языке ледящий, прогорклый привкус боли.

Окружив себя сдержанным видом, доктор с седыми волосами наблюдает за моим процессом. Ее голова наклоняется в сторону всего на несколько сантиметров, но я вижу, что шестеренки крутятся, и мне это не нравится. Чувствуя себя неловко от ее пристального взгляда, я провожу рукой по волосам, пытаюсь укротить их. Все, что угодно, лишь бы я не выглядела такой сумасшедшей. Уверена, что моя нынешняя прическа идеально подходит к прическе душевнобольной.

Доктор Астер улыбается моим попыткам, и снова я начинаю презирать эту улыбку.

— Прежде чем мы продолжим, я задам вам несколько простых вопросов. Хорошо?

Я киваю. Даже малейшее движение вызывает боль, которая рикошетом отдаётся в позвоночнике. Я еще не смотрела на свое отражение в зеркале, но боль, которую я сейчас испытываю, пульсирует с головы до ног, и я могу себе представить, как выгляжу.

Она пододвигает стул к моей кровати и садится, скрестив ноги. Положив блокнот на колени, она уделяет мне все свое внимание.

— Не могли бы вы назвать свое имя и рассказать что-нибудь о себе еще?

— Маккензи Райт. Двадцать пять лет. Родом из Ферндейла, но сейчас живу в Нью-Йорке. Я внештатный писатель, иногда и журналист.

Доктор поджимает губы и кивает, что-то записывая в блокнот.

— Прекрасно. Не могли бы вы рассказать мне, что произошло в ночь аварии, Маккензи? Вы многое помните?

Я замолкаю, не зная, стоит ли ей все рассказывать. Последнее, что мне нужно, это

чтобы меня держали здесь вечно. Чем менее сумасшедшей я кажусь, тем меньше шансов, что они удержат меня здесь против моей воли.

Она протягивает руку, между нами, успокаивающе поглаживая гипс на ноге.

— Вам не о чем беспокоиться. Нам просто нужно убедиться, что вы помните о произошедшем. Мы пытаемся сложить кусочки воедино, и нуждаемся в вашей помощи. Вам нечего опасаться. Это безопасное место.

Я прищуриваюсь, боясь ее и медсестер, толпящихся у двери. Как будто они просто ждут в сторонке, что я скажу что-то не то, прежде чем наброситься на меня и привязать обратно. Я зажимаю нижнюю губу зубами и жую ее, не зная, говорит ли она это просто так, чтобы у них появилась причина держать меня здесь, или действительно имеет это в виду. Я уверена, что это первый вариант, поэтому лгу.

— Я почти ничего не помню. Помню только то, что в одну минуту я была в машине, а в следующую мы уже катились с обрыва.

Там. Туман.

Не сумасшествие.

— Верно. Итак, вы сказали «мы». Вы имеете в виду Винсента Хоторна, так ведь? Человека, с которым вы находились в упомянутой машине.

Я замираю, мои глаза слегка расширяются от того, как много она знает. Откуда, черт возьми, она знает, с кем я была? Долбанные полицейские отчеты. С того последнего дня, когда я очнулась в больничной палате, мне еще ни разу не приходилось разговаривать с властями. Уверена, что именно из-за своих слов я оказалась здесь. Этого оказалось достаточно, чтобы они оставили меня в покое, по крайней мере сейчас.

— Я... э-э... да. Да, я была с Винсентом, — бормочу я.

Она записывает что-то еще, потом выжидающе смотрит на меня.

— Вы помните, почему последовали за ним в его родной городок?

Мой лоб морщится, а желудок сжимается от тревожного комментария. Я открываю рот, чтобы опровергнуть это утверждение, но слова не приходят. Нет. Она ошибается. *Он* последовал за мной.

Я качаю головой, чувствуя необходимость очистить свое имя.

— Нет, он поехал за мной. Я выросла в Ферндейле. В тот вечер я поехала навестить могилу сестры, а потом отправилась в лес. *Он* пошел за мной.

Она задумчиво хмурится.

— Вы чувствовали себя загнанной в угол? Словно у вас были причины его бояться?

— Да! — выпаливаю я, повышая голос. — Он был опасен! Он опасен.

— Если он был так опасен, почему вы позволили ему сесть в вашу машину? Зачем поехали с ним? Вы были злы? Поэтому и съехали с ним с обрыва?

— Что? — я недоверчиво усмехаюсь. Моя грудь тяжело вздымается, пока я пытаюсь сдержать свой гнев. — Нет. Нет, вы все неправильно поняли. Он пытался убить меня. У него был пистолет, черт возьми! Это единственная причина, по которой я села с ним в машину. Он заставил меня сесть за руль под дулом пистолета. Я никогда по доброй воле не сяду в машину с этим ублюдком!

— Пистолет? — она делает паузу в торопливой писанине. — Это был его пистолет или ваш?

— Вы шутите? Пистолет его! Откуда я вообще достану пистолет?

Доктор опускает руку, медленно замечая мое сердитое выражение.

— Эй, помните я говорила, что это безопасное место. Вы не должны злиться. Я просто пытаюсь понять.

— Ну, мне жаль, если я чувствую, что на меня нападают, — парирую я, жар поднимается к моим щекам, а грудь быстро вздымается от силы гнева.

Она поджимает губы и переминается с ноги на ногу, закидывая левую ногу на правую.

— Вы часто так себя чувствуете? Словно на вас нападают?

Я замолкаю, сбита с толку ее быстрой сменой тем.

— Что? Да, нет, возможно?

— Хм... — она снова начинает писать. — А теперь про обрыв, вы помните, что произошло?

— Я уже говорила вам. Только я ехала по дороге, а в следующую секунду мы уже катились с обрыва. Я дала полиции свои показания. Почему вы расспрашиваете меня?

— И вы были за рулём? — спрашивает она, игнорируя.

— Да.

— Как думаете, может быть, в глубине души вы хотели съехать с обрыва той ночью?

— Конечно, нет, — вру я.

Уголок ее рта приподнимается, будто она может читать насквозь меня и мою ложь. Она поправляет очки на переносице, потом складывает руки на коленях.

— Видите ли, дело в том, что следы шин на дороге не соответствуют тому, что кто-то потерял управление. На самом деле, они демонстрируют совсем другую историю. Это почти, как если бы вы хотели съехать с обрыва. Вы ускорились, вместо того чтобы свернуть и спасти вас обоих.

Я открываю рот для ответа, но не могу произнести ни слова. Она поймала меня. И, черт, я ничего не могу с этим поделать. Я облизываю внезапно пересохшие и потрескавшиеся губы, пытаюсь воззвать к какой-то ее части.

— Послушайте, — говорю я, пытаюсь наклониться вперед и сдвинуться, но все, что я делаю, это вызываю пульсацию боли, пронзающую тело. — В ту ночь я собрала воедино все детали убийства моей сестры, и все это привело к Винсенту Хоторну, Заку Ковингтону, Маркусу Уайтхорну и Тренту Эйнсворту. Вот почему я поехала в лес. Я откопала ее окровавленную футболку, которую они закопали в землю девять лет назад. Она была у меня. Я держала ее в руках, пока Винсент не подошел ко мне. Если кто-то может просто вернуться в то место, я уверена, что они смогут найти какие-то доказательства того, что там происходила борьба.

Мой желудок переворачивается от сочувственного взгляда на ее лице. Впервые она выглядит человеком, а не каким-то доктором-роботом, одержимой желанием удержать меня здесь.

— Там ничего не было. Возможно, вы не помните, но полиция или ваш врач объяснили вам это. В земле не было даже вырытой ямы. Просто лопата, которая, должно быть, вылетела из багажника, когда машина начала движение.

Моя нижняя губа дрожит от несправедливости. Как они могли так быстро все убрать? Что еще более тревожно, так это то, что теперь я начинаю сомневаться во всем, что касалось той ночи. Неужели я... неужели я все это выдумала? Я была так лишена сна после всей этой ситуации с Базом. Мог ли я это вообразить? Что, если все это было каким-то болезненным сном?

Я быстро ложу конец этим мыслям. Это невозможно. Я знаю, что я была там. Я вырыла

эту чертову яму. Держала в руках эту футболку. В тот вечер я почувствовала, как Мэдисон вытащила меня из машины. Другого объяснения нет.

— Нет. Это не верно. Этого не может быть. Я была там. Я вырыла чертову яму в земле. Проверьте у меня под ногтями грязь!

Я тяну к ней руки. Она смотрит вниз, потом снова вверх, затем снова в свой блокнот.

— Буду с вами откровенна, Маккензи. Сейчас все выглядит не очень хорошо. Для сотрудников правоохранительных органов все выглядит так, будто вы поехали за мистером Хоторном и сбросили взятую напрокат машину с обрыва. В его показаниях говорится, что вы пытались его убить. Он упомянул, что его близкий друг недавно расстался с вами, и что вы стали злой и ревнивой. Вы думали, что это его вина, поэтому решили взять дело в свои руки.

Я моргаю, ошеломленная тем, как легко ему удалось перевернуть сценарий. Он, вероятно, не думал, что я действительно выживу после того, как он оставил меня там, поэтому он решил, что я не смогу постоять за себя. Одна за другой слезы недоверия текут по моему лицу, когда она продолжает.

Я не могу поверить, что это происходит.

Не могу поверить, что он всех одурачил.

Не могу поверить, что он переводит все стрелки на меня. Все повторяется, как и девять лет назад.

Смахивая слезы, я чувствую, как дрожит мой подбородок, в попытке успокоить голос.

— Этого не было. Я не собиралась причинять боль Винсенту. Он последовал за мной. Он признался, что убил мою сестру, а потом ударил меня ножом. Он ударил меня ножом и оставил умирать в машине.

— Он сам сказал, что сделал это?

Мои глаза закрываются, когда я повторяю его слова. Еще больше слез наворачивается, когда я думаю об огромной роли База во всем, что произошло тем летом. Это вертится у меня на языке. Сказать, что он тоже это сделал. Они убили ее вместе, но я молчу.

— Да. Он сказал мне, что убил ее как раз перед тем, как вонзить в меня нож и сбежать. Я не... Я почти ничего не помню из того, что произошло потом. Если бы не...

Я останавливаюсь, обрывая себя. Разговор о Мэдисон и о том, как она спасла меня, привел меня сюда, так что делиться этим снова не такая уж хорошая идея.

— Если бы не кто? — спрашивает она с чрезмерным интересом в голосе. Она наклоняется вперед на своем стуле, словно пытается приблизиться ко мне, поближе заглянуть в мои мысли. — Ваша сестра? — подсказывает она в ответ на мое испуганное молчание.

Я в отчаянии провожу рукой по лицу, пытаюсь сдержать надвигающиеся рыдания отчаяния.

— Я знаю, это звучит безумно, но она вытащила меня. Машина буквально скатилась бы с обрыва, если бы она мне не помогла. — я умоляю ее глазами понять.

Доктор наконец закрывает блокнот, по-видимому, закончив свои записи. По крайней мере, сейчас.

— Хорошо. — она вздыхает. — Я расскажу вам, что, по-моему мнению, произошло. Потом мы поговорим о ваших ранах, о том, почему вы здесь, и о том, что мы делаем сейчас. Лично я считаю, что между вами и мистером Хоторном была неприязнь. Думаю, что в ту ночь вы отправились в лес с дурными намерениями. Вы последовали за ним, или он последовал за вами, что бы ты там ни было, вы собирались заставить его заплатить каким-то

образом, не так ли?

Я не говорю ни слова, потому что, хотя ее теория ошибочна, в одном она права. Как только я получу желаемое, я заставлю их заплатить. Любыми необходимыми средствами. Я отвожу взгляд, не желая, чтобы она прочла правду в моих глазах.

— И вы хотите знать, что еще я думаю? Я не верю, что вы потеряли управление. Я думаю, вы съехали с обрыва. Думаю, вам только что разбили сердце, и это был единственный выход для вас. И из-за того, что он был с вами, вы выместили на нем свою злость.

Я стискиваю зубы, борясь с новой волной слез.

— У вас разрыв селезенки. Сильная кровопотеря из раны в животе, множество переломов и сотрясение мозга. — она дергает подбородком в сторону моего избитого и изуродованного тела на кровати, и я отвожу взгляд. — Доктор ввёл вас в медикаментозную кому на неделю. Парамедики нашли вас в грязи, истекающей кровью. Еще немного, и ваши шансы выжить были бы ничтожны. Вы прибыли в наше учреждение несколько дней назад, и вы то спали, то просыпались, чего и следовало ожидать после произошедшего. И послушайте, вас потрянуло, швырнуло на огромной скорости, а потом потрянуло и остановило. Ваше тело не будет добрым к вам во время процесса исцеления. Это будет болезненно и медленно. Черепно-мозговая травма это тоже то, о чем мы должны беспокоиться. Она невидима для большинства наших измерительных инструментов, поэтому я не могу сказать вам с уверенностью, что однажды вы проснетесь как новенькая, но мы можем сделать все возможное. Мы можем попробовать. И я знаю, вы верите, что ваша сестра спасла вас, и как бы трудно ни было поверить в то, что вы смогли выбраться из машины, я думаю, что либо Винсент вытащил вас, либо вы сделали это сами. Как бы то ни было, это чудо, что вы остались в живых, и, возможно, это второй шанс для вас. Вы можете изменить свою жизнь, Маккензи.

Я избегаю смотреть на нее и прикусываю язык. Есть так много вещей, которые я хочу сказать. Я хочу опровергнуть ее речь. Мне хочется закричать и сказать, что она не права во всем этом, но я не делаю ничего из этого. Я просто сижу и слушаю.

— А теперь давайте поговорим о том, что происходит. Винсент Хоторн обвинил вас в покушении на убийство и преследовании. Правоохранительные органы также расследуют взлом одного из домов его друга в Хидден-Хиллз. Они проверяют отпечатки пальцев, все, что может привести к вам, и все остальное, если это каким-то образом связано с вами, может быть в ваших же интересах остаться здесь.

Я скрежещу зубами. Моя здоровая рука сжимает простыни.

— Я знаю, что вы злитесь. И знаю, что это последнее место, где вы хотите сейчас находиться, но я верю, что в ваших же интересах остаться здесь. Ваши родители подписали бумаги, в которых говорится, что у вас кризис психического здоровья. Вы понимаете, что это значит?

Я поджимаю губы, все еще отказываясь смотреть на нее.

— Это значит, что несмотря на то, что вы уже взрослая, вы находитесь под их опекой до тех пор, пока государство не сочтет вас достаточно здоровой, чтобы быть самостоятельной и в здравом уме. Когда мы начнем видеть некоторый прогресс, мы сможем обсудить потенциальные даты выписки, но на данный момент? Думаю, вы нуждаетесь в помощи, Маккензи. Нет ничего плохого в получении помощи. После всего, что вы пережили в своей жизни, ваше пребывание здесь может сотворить чудеса.

Горячая слеза скатывается по моей щеке, и я сердито смахиваю ее. Я до сих пор не сказала ни слова. Ибо, что я могу сказать? Они считают меня сумасшедшей. Конец истории. Они думают, что я лгу. Что я пыталась причинить ему боль, и снова Дикарям все сойдет с рук.

Она вздыхает от моего молчания и встает, прихватив с собой блокнот.

— Я дам вам немного времени на размышление. Скоро придет медсестра с едой и еще один врач, чтобы оценить уровень вашей боли.

Я не обращаю на нее внимания, и в ту же секунду, как за ней и медсестрами захлопывается дверь, я съеживаюсь. Откинув голову назад, я позволила слезам хлынуть потоками. Они скатываются по моим вискам, исчезая в растрепанных волосах. Тихие рыдания сотрясают тело, посылая боль вниз по позвоночнику, но я приветствую ее. Потому что, скорее всего, эти четыре стены будут моим домом Бог знает как долго.

Я хотела бы сказать, что у меня имеется план и что я не сдамся, но это было бы ложью. Потому что я сдаюсь.

Наконец-то они победили.

Глава 4

Маккензи

Десять дней.

Двести сорок часов.

Четырнадцать тысяч четыреста минут.

Вот как долго я здесь торчу. Запертая в этой адской дыре, которая должна исцелить меня. Она делает все остальное, *кроме* восстановления. После моей первой встречи с доктором Астер все только ухудшилось. В первые три дня она приходила со своими дурацкими седыми волосами, собранными в пучок, и пыталась заставить меня поговорить о Мэдисон. Когда я отказывалась, она провоцировала меня на разговор с гневом.

Она бы упомянула, что мое место здесь.

Что все действительно считают меня сумасшедшей после всего случившегося.

Эти слова всегда задевали меня за живое, и она это знала. Всего за три дня мне показалось, что она знает мои мысли лучше, чем я, и это пугало. Во время наших встреч она пыталась убедить меня, что Мэдисон, которая приходит ко мне, не моя сестра. А мое воображение. Это мое горе подкрадывается ко мне. Она говорила, что видела это много раз в других случаях, но дело в том, что я была не просто еще одним случаем. Я знала, что Мэдисон мертва, но я также знала, что это была она. Она была настоящей. Я чувствовала ее. Другого объяснения нет. И я отказывалась верить, что все это моя голова, потому что тогда это означало, что моя сестра... это означало, что ее действительно нет. Во всех отношениях.

С каждым движением моей челюсти, нахмуренным лбом и учащением дыханием, казалось, доктор Астер знала, о чем я думаю, или, скорее, чувствую, даже раньше, чем я. И этот дурацкий чертов блокнот.

Боже, как я ненавидела это.

Она записывала в него каждую мелочь. Если она войдет в палату и скажет: «Доброе утро», а я не отвечу? Это записывалось в блокнот. Если я произносила хотя бы одно слово, оно записывалось. Все, что касалось меня, было в этом чертовом блокноте, и мне хотелось

швырнуть его в стену, вырвать каждый лист, бросить и поджечь.

Я устала.

Мне надоели одни и те же лица.

Мне надоело видеть одних и тех же людей и делать одно и то же.

Меня тошнило от этого места.

Я скучала по своим друзьям.

Я скучала по сестре.

Но больше всего я скучала по Базу. И ненавидела себя за это. Я ненавидела, сколько места он занимал в моих мыслях. Как мне не хватало его прикосновений, его улыбки, его объятий.

Руки, которые сделали Бог знает что с Мэдисон.

Моя грудь тревожно сжимается от боли. Она отдается эхом в моем теле, сжимая сердце в тиски и затрудняет дыхание. Я не могу не оглядываться назад на то время, что мы провели вместе, и гадать, в какой именно момент он решил, что будет продолжать тянуть меня за свою большую уловку.

Он убил бы и меня?

И если да, то когда?

Каков был их план?

Все ошибки, которые я совершила в наших «отношениях», внезапно показались мне переломами в костях. Именно из-за них я и оказалась здесь, калеккой в постели.

Я вырываюсь из этих мыслей, когда дверь в эту дерьмовую палату открывается и входят те же две чертовы медсестры, а за ними доктор Астер. Ииии, как вы уже догадались, с блокнотом и ручкой в руке и наготове. Она останавливается на пороге, склоняет голову набок и, глядя на меня, потирает губы. Как будто у нее вдруг появились ответы, в которых она нуждается, она начинает что-то писать на открытой странице блокнота, и я разочарованно вздыхаю.

— Господи, что я сделала на этот раз? Что могло заставить вас что-то записывать, когда я буквально просто сижу?

Она приподнимает бровь, ее голова наклоняется еще выше, и она неодобрительно поджимает губы, записывая что-то еще.

Сжав губы, я сдерживаю все, что хочу сказать, но знаю, что не должна. Словно почувствовав мою сдержанность и одоблив ее, губы доктора Астер дергаются, словно хотят превратиться в улыбку. Это я тоже презираю.

— Как вы себя чувствуете сегодня, Маккензи?

Я делаю вид, что смотрю на свое забинтованное и сломанное тело в постели.

— Так же, как и вчера. Мне все еще кажется, что меня сбил чертов грузовик.

— Этого и следовало ожидать. Вы съехали с обрыва на своей машине. Наши тела могут выдержать только это.

В ее ответе нет язвительности, но в тоне слышится скрытое неодобрение. Оно всегда там. Она не говорит прямо, что считает меня ненормальной, но это видно по ее глазам, по тому, как она смотрит на меня и как говорит со мной. Это я тоже презираю.

От одного упоминания о машине у меня сводит живот. Я опускаю взгляд на кровать, осматривая свои ноги в фиксаторе и гипсе, и каждый сантиметр моего тела, который забинтован. Мне сказали, что моя правая нога должна быть в гипсе только в течение следующих двух недель, прежде чем его снимут. Я заработала перелом голени, который

должен быстро зажить, так как я не активна. Хотя, по словам доктора, я могу прожить остаток жизни, испытывая дискомфорт от перелома. А вот моя левая нога совсем другое дело. Каким-то образом во время аварии я раздробила коленную чашечку и сломала верхнюю часть бедра. У меня также перелом лодыжки, который, по мнению доктора, был получен, когда я вылезала из искореженной машины. Вся левая сторона моей ноги скреплена металлическими прутьями для бедренной кости.

Я еще не видела шрамов на теле, но знаю, что они есть. Я чувствую их, тепло, исходящее от ран. Медсестра приходит несколько раз в день, меняя повязку вокруг моего живота, и я все еще не нашла в себе сил посмотреть. Я знаю, что как только я увижу, то не смогу не увидеть, и это меня пугает. Когда я была моложе, я не очень заботилась о внешности, но став старше, все изменилось. Мне больно признавать, что иногда мне кажется, что без своей внешности я была бы никем. Возможно, я и не самая красивая девушка на свете, но я знаю свои достоинства. А если кто-то заберёт эти достоинства, я не чувствую, что какая-либо часть меня будет достойной. Мне больше нечего предложить.

— Если вы готовы, я хотела бы устроить вам сегодня экскурсию, чтобы вы могли поближе познакомиться со всеми присутствующими. Но сначала Стефани поможет привести вас в порядок.

Она подаёт знак медсестре, стоящей рядом. Я выпускаю легкий вздох облегчения, что, по крайней мере, мужчина не будет приводить меня в порядок. Медсестра, которая обычно перевязывает мои раны, взрослая женщина лет сорока. Она милая, но мало говорит, поэтому я никогда по-настоящему не чувствую себя неловко рядом с ней. Глядя на другую медсестру, я жду, что это чувство подкрадет, но, к моему удивлению, этого не происходит. Я уже на самом дне, поэтому боюсь, что если я окажусь еще ниже, то у меня не будет ни малейшего шанса найти путь наверх.

— Стефани, доложи нам, когда вы будете готовы.

С этими словами доктор Астер выходит из палаты, а врач, которого я видела больше раз, чем хотелось бы, остается, но не делает ни малейшего движения, чтобы помочь. Я думаю, он здесь только в качестве прикрытия на случай, если я действительно решу вести себя как сумасшедшая.

Стефани помогает мне подняться с кровати, особенно заботясь о моих ранах. Хотя она может и не выглядит так, но она намного сильнее, чем я ожидала. С загорелой кожей и волосами, которые темнее даже моих, она миниатюрная дама, но, очевидно, внешность может быть обманчивой, потому что, когда мы идем в ванную, она практически несет меня, принимая на себя основной мой вес. Металлические прутья, прикрепленные к ноге, звенят при каждом движении, и я вздрагиваю от шума.

Она опускает меня на больничный табурет. Это одна из табуреток, которыми обычно пользуются пожилые люди. Она помогает мне снять одно из многих простых платьев, в которых я была с тех пор, как приехала сюда.

— Я знаю, что оно неудобное, но обещаю, что постараюсь быть быстрой.

— Спасибо, — бормочу я. — Уверена, что необходимость кого-то мыть это не только единороги и радуги для вас.

Она делает паузу, пока готовит теплую воду и мочалку.

— Вы не похожи на других пациентов.

Я не могу не усмехнуться.

— Да, это потому, что мне здесь не место.

Ее губы кривятся.

— Если подумать, может, и так. Я слышу это по меньшей мере тридцать раз на день.

Я закатываю глаза, даже не потрудившись ответить. Уверена, что если еще что-нибудь сорвется с моих губ, они снова привяжут меня к койке, которую выдают за кровать.

— Кстати, где мы?

— В Напе.

Я чувствую, как мои глаза расширяются.

— Как в больнице штата Напа? Господи Иисусе, это место для душевнобольных преступников!

Она поднимает бровь, намыливая мочалку мылом.

— Все не так плохо, как раньше. Количество нападений значительно сократилось.

Мои глаза сужаются.

— Сколько вам платят за такие слова?

Она ухмыляется и опускает руку под струи воды, проверяя ее температуру.

— Вы действительно не похожи на других пациентов.

— Вы, ребята, хотите поселить меня с другими пациентами? Вы в своём уме? Эти люди убивали и признавались в безумии, чтобы попасть сюда и избежать тюремного заключения. Самое большее, что я когда-либо делала, это красила волосы и разговаривала со своей мертвой сестрой.

Стефани замолкает.

— *Так* вот почему вы здесь?

Она, кажется, в шоке, ведь она думала, что я здесь из-за гораздо худшего.

— Ну, может быть, это еще не *все*. Я действительно лгала своему парню и пыталась посадить его друзей в тюрьму. Значит, я определенно не ангел, но и не психопатка и убийца.

Все, еще странно глядя на меня, она качает головой, отмахиваясь.

— В больнице разные уровни. Палата, в которой вас держат, довольно милая. Шансы на то, что вас переведут в общую зону, невелики. Доктор Астер позволяет только тогда, когда ее пациенты показывают прогресс и...

— Я вообще не продвинулась.

И теперь я рада, что не облегчила задачу доктору. Я бы предпочла остаться одной, чем жить в палате с соседом, который может попытаться убить меня во сне.

— Думаю, она просто хочет дать вам почувствовать это место. Дать вам что-то, чего вы с нетерпением ждете, когда у вас появится прогресс.

— Поверьте мне, прогресса не будет. Я знаю свою правду. Знаю, что видела. Большинство людей, возможно, не в состоянии понять это, но я понимаю.

Она грустно улыбается мне и принимается за работу. Мне хочется свернуться калачиком, пока она меня моет. Потому что какая женщина нуждается в помощи другой? Это просто унижительно, и с каждым днем, как я застряла здесь, я ненавижу своих родителей еще больше. Они не пришли навестить меня. Не знаю, было ли это их решение или доктора. Несмотря на это, я чувствую себя брошенной. Даже Мэдисон бросила меня. Она всегда исчезает, когда я нуждаюсь в ней больше всего.

Следуя инструкциям доктора, Стефани сообщает ей, как только мы готовы. Я держу глаза закрытыми в течение всего процесса, отказываясь смотреть на себя, или, скорее, смотреть вокруг, как медсестра смывает грязь с моего тела.

Доктор Астер вновь появляется в палате со своей раздражающей улыбкой и этим

дурацким блокнотом, рассматривая мою чистую кожу и дерьмовое настроение, которое у меня все еще есть. Она подаёт знак медсестрам и идет впереди, другой врач шагает рядом с ней. Стефани сажает меня в инвалидном кресле, заставляя почувствовать себя еще большим инвалидом, чем я уже есть, а другой доктор следует за нами, как охрана.

Я внутренне закатываю глаза. *Неужели я действительно так сильно рискую падением?*

Даже если они хотят, чтобы все остальные считали это место безопасным, оно явно не безопасное. Ей не нужно было бы ходить с тремя охранниками, если бы больница была безопасной, и я отказываюсь верить, что вся охрана из-за меня. Я в таком состоянии, что едва могу бросить в кого-нибудь камешек, не говоря уже о нападении.

— Все это крыло, по которому мы идем, считается медпунктом. Он облегчает доступ для врачей и медицинской команды. Поскольку вы находитесь не в лучшем состоянии, мы будем держать вас здесь, пока вы не сможете ходить самостоятельно. Это даст вашему телу и мыслям необходимое время для восстановления.

Коридор длинный и мрачный. С полами из линолеума не совсем белого серого цвета и ослепительно белыми стенами. Все здесь такое... простое. Такое бесцветное и пресное. Это разительный контраст с живостью Лос-Анджелеса, яркой зеленью деревьев в Ферндейле и шумом Нью-Йорка. Быть в этом месте — это как шок для системы, будто из твоей жизни выкачали все краски. Как только мы приближаемся к концу коридора, он обрывается, и вы можете пойти либо налево, либо направо.

— Сзади, это место, где объект разветвляется на центр групповой активности, и сюда, — говорит она, щелкая пальцами, приказывая нам следовать. — Это общая зона, а дальше по коридору мастерская. Если бы мы пошли в противоположную сторону, по другую сторону коридора, мы бы вошли в большую часть корпуса для пациентов. У нас здесь все скоординировано по крыльям и уровням. Например, в зависимости от их поведения и того, в каком наблюдении они нуждаются, все это принимается во внимание, когда пациент помещается на определенный этаж.

Она оглядывается на меня, и несколько секунд мы смотрим друг на друга, не произнося ни слова. Трудно понять, что творится у нее в голове. Похоже, доктор Астер овладела способностью скрывать свои мысли от пациентов. Она приходит в себя и продолжает свою речь.

— Как я уже говорила, пациенты здесь могут смотреть телевизор, играть в игры и заниматься групповыми занятиями. Если они достаточно стабильны, чтобы быть рядом с другими, — быстро добавляет она, словно пытается не оправдать моих надежд.

На самом деле мне все равно. Последнее, что я хочу делать, это подружиться с кем-нибудь здесь.

— Это важный шаг в процессе реабилитации разума. Работа с другими людьми и пребывание рядом с ними делает что-то волшебное для мыслей и души. Даже если вы еще не совсем готовы к этому, я верю, что, когда вы откроетесь мне, все изменится для вас, Маккензи. Вот увидите.

Я усмехаюсь, и мои глаза закатываются.

Для меня это звучит как кусок дерьма.

Доктор Астер прочищает горло, эффективно игнорируя меня, и снова погружается в свою болтовню. Она все болтает и болтает обо всех удивительных мероприятиях и программах, которые у них имеются, но я не обращаю внимания. Вместо этого мой взгляд прикован к толпам пациентов, мимо которых мы проезжаем. Если раньше я не была уверена,

то теперь уверена. Мне действительно здесь не место. Думая о психиатрической лечебнице, я уверена, что вы представляете себе пациентов, одетых в бесцветную и безжизненную одежду, которые разговаривают сами с собой, и, честно говоря, то, на что я сейчас смотрю, не так уж и отличается.

Реальность моего нового затруднительного положения — это пощечина. *Это* то, что я должна с нетерпением ждать на данный момент?

Некоторые женщины смотрят на меня так, словно я их чем-то обидела, а другие даже не замечают. Большинство из них машут и улыбаются, в то время как другие смеются над моим сломанным телом, будто они никогда не видели гипса. Некоторые из них пытаются остановиться и поговорить с нами, как со старыми друзьями. Я чувствую себя новым заключенным, только что вышедшей на тюремный двор.

Свежее мясо.

На секунду, клянусь, я даже вижу, что Лолли из *Orange Is the New Black* Вот откуда я знаю, что действительно схожу с ума. Эта чертова дыра оказывается влияние на меня. Дерьмо, она вымышленный персонаж.

Оставшуюся часть экскурсии я стараюсь не обращать внимания на пристальные взгляды и дискомфорт от того, что нахожусь в центре внимания, разъезжая в этой инвалидной коляске, в то время как все мое тело в гипсе, но это нелегко. Я ловлю себя на том, что опускаю глаза, избегая их взглядов.

Мой взгляд случайно натывается на пару сердитых зеленых глаз. Цвет резкий, просто требующий внимания. Верхняя губа женщины кривится в оскале, и, клянусь, даже с другого конца помещения я слышу ее рычание. Я мысленно отмечаю, что, если меня когда-нибудь выпустят, пока она рядом, мне нужно держаться от нее подальше.

Уходя отсюда, мне показывают столовую что-то вроде кафетерия. Он также не выглядит многообещающим. Я думаю, тюремная столовая не так уж сильно отличается от этой. Как только мы выходим из кафетерия и направляемся в другое крыло, мы проходим мимо главной зоны посещения, и мой взгляд натывается на черную форму. Я оглядываюсь через левое плечо, и все волосы на моем теле встают дыбом. Тело со спины выглядит знакомым. Очень знакомым. Мои глаза округляются, когда человек исчезает за углом, но не раньше, чем один раз оглянуться через плечо.

Я чувствую, как вокруг меня рушатся стены.

Я хватаюсь за ручки инвалидной коляски, пытаюсь удержаться.

Мое сердце колотится в груди, дыхание прерывистое, пока я пытаюсь понять, кого я только что видела. Или, по крайней мере, кого я, кажется, увидела. Нет, этого не может быть.

Что он здесь делает? Он ведь не может знать, что я здесь пациент, не так ли? Это невозможно. Я отказываюсь верить, что он пошел бы на все это, чтобы найти меня.

Я закрываю глаза и трясую головой, пытаюсь взять себя в руки. При этом мой разум автоматически воспроизводит увиденное.

Там, в самой ясной картине в моем сознании, находится один из Дикарей. Во плоти. Это *он*. Я знаю, что так оно и было. В ту же секунду, как я увидела его спину, у меня возникло такое чувство, но когда он повернул за угол и я увидела его профиль, я не могла ошибиться ни в плоскостях его лица, ни в уверенности в его широких плечах.

Это не могло быть простым совпадением, не так ли?

Может, у меня... галлюцинации? Я имею в виду, что они держат меня на большом

количестве наркотиков, так что это возможно, но это выглядело так реально. Черт, это было так реально.

Даже если это он, я пытаюсь понять, что он здесь делал. Я могу представить себе только одну причину, и от одной мысли об этом у меня по спине пробегает дрожь ужаса. Он вернулся, чтобы закончить начатое. Это должно быть причиной.

Я трясу головой, отгоняя эту мысль. Я списываю это на то, что сошла с ума.

Это не реально.

Это был не он.

Я должна в это поверить, иначе я действительно начну сходить с ума. Может, я была так сосредоточена на той ночи, о которой шла речь, что начала кое-что видеть.

Боже, я надеялась, что нет.

Остальная часть экскурсии почти такая же, и, честно говоря, она не внушает особого доверия. Я все еще не чувствую себя здесь в безопасности, и чертовски уверена, что мне здесь не место. Есть очевидная разница между пациентами и мной здесь, в этом учреждении.

Почему это вижу только я?

Я пытаюсь выбросить из головы мысли о Дикарях и возможном двойнике, но это невозможно. Каждый раз, когда мы поворачиваем, мне кажется, что за мной наблюдают, но оглядываясь вокруг, я никого не вижу. Я параноик, я знаю это. Просто не знаю, как заставить это исчезнуть.

Все, что я знаю, это то, что мне нужно как можно скорее найти выход из этой ада.

Глава 5

Баз

Прошлое

Тепло безрассудно вибрирует в моих венах благодаря всему алкоголю, который я выпил сегодня. Вечеринка все еще в самом разгаре, Саммер продолжает заниматься своим детским дерьмом, Винсент, Маркус и Зак рыщут по толпе в поисках тех, кого они хотят трахнуть сегодня. А Трента нигде нет.

На сотовый приходит уведомлением. Мой фокус переходит на сообщение, говорящее мне, что я выпил сегодня намного больше, чем следовало. Требуется некоторое время, чтобы прочитать, но когда я, наконец, делаю это, то бросаю свой стаканчик куда-то на землю и иду к поляне деревьев, где все припарковались.

Самолет готов.

Мой приятель по футболу Саймон предложил подвезти меня, так как он единственный человек во всем Ферндейле, который не пьет и не употребляет наркотики. Он единственный ублюдок, у которого голова на месте. Наконец-то я смогу отвлечься от этого дерьма хотя бы на несколько недель, прежде чем уеду из этого дерьмового городка в колледж, а потом, надеюсь, навсегда.

Когда я, спотыкаясь, иду через лес, оставляя группу позади себя, чтобы добраться до машины Саймона, я замечаю впереди сгорбленную фигуру, сидящую на поваленном стволе дерева. Он покрыт мхом, в основном скрытым окружающей его листвой. Мои ноги медленно останавливаются рядом с человеком, который сидит там, и когда она поворачивается, замечая мое присутствие, мои брови опускаются.

— Мэдисон?

Она вытирает щеки.

— Чего тебе, Себастьян?

Я мог бы легко уйти, но почему-то не делаю этого. Я сажусь на кору ствола рядом с ней. Она напрягается, но ничего не говорит.

— Ничего. Просто пытаюсь понять, почему ты плачешь.

Она поворачивается ко мне лицом, сердитые глаза сверлят дыры во мне.

— И что это должно означать?

Я пожимаю плечами.

— Ты всегда выглядишь счастливой. Как будто все понимаешь. Я имею в виду, что иногда ты можешь быть настоящей сукой, но ты не такая несчастная, как все здесь.

Она усмехается.

— Ты ничего обо мне не знаешь, Себастьян, не притворяйся. А если ты в поисках киски, то поищи в другом месте, потому что мне это неинтересно. Одного Дикаря мне более чем достаточно.

Я смеюсь, застигнутый врасплох ее прямой.

— Поверь, мне это неинтересно.

Мы сидим молча, и я понимаю, что мне пора. Не знаю, весь ли алкоголь, бурлящий в моем организме, убеждает меня остаться, но по какой-то причине я остаюсь рядом с ней.

— Ты думаешь, я плохой человек? — спрашивает она, глядя на деревья перед нами.

Луна светит, отбрасывая серебряное сияние вокруг нас.

Я смотрю на нее краем глаза и понимаю, что она снова плачет. Луна кристаллизует следы слез на ее лице.

— Нет, не считаю.

— Тогда почему я чувствую себя таковой? — задыхается она, поворачиваясь ко мне лицом, и почему-то, видя боль в ее глазах, онемение начинает съедать меня, пробегая по телу.

За ее взглядом скрывается столько боли, что на нее трудно смотреть.

— Пожалуй, назовем это интуицией. — я пожимаю плечами. — Что бы это ни было, Мэдисон, ты неплохой человек. Ты просто заблудилась. Я думаю, мы все заблудились. *Alma Perdida*. (с французского: Потерянные души)

— Что это значит? — спрашивает она, шмыгая носом.

Я встаю, собираясь уходить. Меньше всего мне хотелось бы заставлять Бенедикта Пирса ждать.

— Это значит «потерянные души». И я думаю, что в каждом из нас есть потерянная душа.

С этими словами я поворачиваюсь, пробираясь сквозь ветви и проталкиваясь через деревья. Мои ноги резко останавливаются при звуке ее голоса.

— Ты хороший парень, Себастьян. Иногда мне кажется, что ты единственный порядочный человек, оставшийся здесь, в этом гребаном городке.

Моя челюсть сжимается.

— Я не очень хороший человек. И, вероятно, никогда им не стану.

Я приподнимаю бровь, ожидая продолжения.

— Если случится что-то плохое, ты сможешь ее защитить?

Поколебавшись, я почесываю затылок, внезапно смутившись. О чем, черт возьми, она говорит и насколько я пьян?

— Защитить кого?

— Мою сестру.

Я хмурюсь еще сильнее.

— Почему ты спрашиваешь меня об этом? Она в опасности?

Мэдисон пожмывает плечами.

— Нет. Я просто... Я не знаю. — она качает головой, глядя себе под ноги.

Дрожь сотрясает ее плечи, и она обхватывает себя руками, защищаясь. Я оглядываюсь вокруг, пытаюсь увидеть, покачиваются ли деревья, но ветра нет. Сейчас лето. Она никак не может замерзнуть.

— У тебя никогда не возникало предчувствия, что случится что-то плохое? — я качаю головой, все еще не понимая. — У меня такое чувство, и я не могу от него избавиться. Наверное, мне следует бросить пить. Алкоголь делает меня параноиком. Но мне кажется, что... все плохое, что я сделала в своей жизни, наконец-то возвращается ко мне, и я не знаю, как это остановить.

Мой телефон непрерывно вибрирует в кармане, и я знаю, что это мой отец. Я вздыхаю и пытаюсь успокоить ее.

— Мне пора, но ты должна перестать пить. Возьми воды и езжай домой, Мэдисон.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но слышу, как она бормочет что-то скорее себе, чем мне.

— Я не могу. Есть еще кое-что, что я должна сделать.

Настоящее

Я резко просыпаюсь, пот липнет ко лбу после этого сна. Чувство вины врезается мне в грудь, как всегда, когда мне снится этот сон. Потому что в ту ночь было так много «что, если». Что, если я остался бы и помог ей, пока она грустила? Что, если я заставил бы Саймона отвезти меня и Мэдисон домой той ночью? Она бы оказалась далеко от леса. Подальше от скалы Поцелуев. Подальше от смерти.

После того, как Саймон подвез меня, я встретился с Трентом и Маркусом в доме, раздавая бутылки алкоголя до конца той ночи. Я думал об этом моменте бесчисленное количество раз в своей жизни. Что, если Саймон отвез бы меня прямо к родителям? Что, если я никогда не давал бы им алкоголь в ту ночь? Возможно, тогда у них у всех была бы ясная голова.

Я не хороший человек. Я совершал вещи, скрывал то, чего не хотел бы скрывать. Все, что было сделано за эти годы, это съедение моей души. Принуждение отодвинуть эмоции в сторону и взять себя в руки. Подпирание фасада, что мне все равно — что я ничего не

чувствую.

Прижимая ладони к глазам, я пытаюсь стереть усталость. Последние несколько дней я отсиживался в своем кабинете, пытаюсь разобраться с этой суматохой событий. Пытался понять, что происходит.

У меня до сих пор нет ответов, в которых я нуждаюсь. Отсутствует слишком много деталей, слишком много неизвестных факторов. Не знаю, кто копается в этом деле и почему, и не знаю, что делать с Маккензи или с играми, в которые она играет. Что-то дергается в глубине моего сознания, требуя, чтобы его услышали.

Мне пришлось сделать заявление в начале этой недели от имени Винсента и остальных парней, прежде чем *Page Six*, *The Inquirer* или какие-либо другие газеты исказили ситуацию. Я скрыл имя и личность Маккензи от прессы. Не то чтобы она заслуживала моей защиты в данный момент, но я не могу найти в себе силы бросить ее на растерзание волкам.

На собственном горьком опыте я убедился, что она действительно жива. Новость обрушилась, как удар в грудь. Я хотел своими собственными глазами увидеть, что она жива и здорова, несмотря на беспорядок, произошедший, между нами. Проблема состояла в том, что ее отвезли в Мемориальную больницу Редвуда, но из-за того, что ее травмы были настолько обширными, ее пришлось перевести в больницу Святого Иосифа в Эврике. От моего внимания не ускользнуло, что, если бы Винсента не доставили самолетом обратно в Лос-Анджелес, они бы лежали в одной больнице.

Персонал не давал нам с Дэном никакой информации, кроме новостей о том, что она стабильна. Ее родители не позволяли никому видеться с ней, так что я должен был звонить каждый день, убеждаясь, что она поправляется. В последний раз, когда я разговаривал со старшей медсестрой, она колебалась, говоря мне, что Маккензи перевели в другое учреждение, и это единственное, что она могла мне сказать. С тех пор я не могу ее найти. Вот что пугает меня больше всего, это моя потребность все время знать, где она.

Бросив взгляд на яркий экран, я перемещаю фокус, перечитывая отчеты еще раз. В дом Зака вломились, когда мы находились в Вегасе. Ничего не было украдено, как это было бы при обычном ограблении. Вместо этого его кабинет разгромили, а сейф оставили открытым, но ничего важного не забрали. Не было ни отпечатков пальцев, ни видеозаписи, и никто из соседей не видел ничего подозрительного в ту ночь.

В глубине души я знаю, что это была она. Не знаю, как ей удалось войти и выйти, не оставив ни одного отпечатка. Не знаю, какого черта ей понадобился Зак или что-то в его сейфе. Я вспоминаю ночь покера, когда ее не было некоторое время.

Она обыскивала дом? Было бы разумно, если бы она взяла его деньги или какие-нибудь ценные вещи, но в том-то и дело, что она ничего не взяла.

Из того, что мы можем сказать, она вообще не взяла ничего ценного.

Так что она взяла?

Какова ее цель?

Парням так хочется верить, что она золотоискательница, но если бы это было так, разве она не взяла бы хорошее дерьмо и не убежала? Зачем громить его кабинет и оставлять все ценное? В этом нет никакого смысла.

Зак злится. Трент ведет себя скрытно, а Маркус, как и я, пытается найти гребаное решение этой проблемы. А Винсент странно спокоен во время всего этого процесса. Сейчас он снова в Ферндейле, восстанавливается вместе с родителями, которых ненавидит. Еще один подозрительный поступок сам по себе.

После своей вспышки в больнице Винсент не упоминал имени Маккензи. Я не сказал никому из парней, что она жива и здорова. В новостях смутно сообщалось, что обе жертвы аварии выжили. Для них этого ответа было достаточно.

Я как раз собирался покончить с этим, когда в дверь постучали, и вошел Дэн. Окутанный облаком тяжелой тишины, он целеустремленно входит с толстой папкой в руке и бросает ее на стол передо мной.

— Там вся информация.

Я опускаю взгляд на папку и хмурюсь. Положив руку на папку, я начинаю подтягивать ее к себе, но замираю при звуке глубокого голоса Дэна.

— Здесь есть над чем подумать, но помните, не все всегда так, как кажется. И я предлагаю вам прочитать это, прежде чем идти дальше. — он хмурится еще сильнее, бросая толстую стопку бумаг Маккензи на стол рядом с папкой.

Я даже не открывал это с той самой ночи, когда началась эта чертовщина. Так много всего произошло, и у меня не было возможности открыть, не говоря уже о том, чтобы прочитать ту ложь, которую она наверняка там написала.

— Где, черт возьми, ты это взял? — спрашиваю я, прищурившись.

Дэн пожимает плечами, его глаза холодно блестят.

— Я подумал, что кто-то должен хотя бы прочитать. Бумаги лежали на кофейном столике.

У меня на языке вертится отругать его, но, честно говоря, у меня даже нет на это сил. Я уже почти тридцать часов на ногах, и короткая десятиминутная дремота, которой я воспользовался, не поможет. Мой мозг работает не так, как обычно.

Мои губы сжимаются в мрачную линию.

— Хорошо, есть ли что-то, чем ты хочешь поделиться, прежде чем я начну? — спрашиваю я холодным, подспудным тоном.

Дэн качает головой, не раскрывая рта.

— Вы знаете, где меня найти.

С этими словами он уходит, оставляя меня с папкой и напряженным молчанием. С тяжелым вздохом я смотрю на папку. Я специалист по цифрам и фактам. Имеет смысл только то, что то, что находится в этом файле, скорее всего, будет иметь наибольший смысл, потому что это факт. Но что написано там, в толстой стопке?

Я хочу знать правду. Мне это нужно. Но какая-то часть меня не готова презирать Маккензи больше, чем я уже ее презираю. Но в этот момент я уверен, что этого не избежать.

Задумчиво потирая нижнюю губу, я бросаю взгляд между двумя стопками на столе. Вздохнув, я направляюсь к папке Маккензи и открываю первую страницу.

Я не разочарован.

Ни в малейшей степени.

По правде говоря, я потерял дар речи.

Три минуты.

Три минуты или больше это все, что нужно, чтобы создать жизнь.

Девять месяцев этой жизни перерастают в годы прекрасного творения.

Секунды, минуты, дни, годы — все это было у меня с сестрой. Родственница, с которой у меня было больше, чем кровь. У нас были одни и те же мысли, один и тот же день рождения и одно и то же лицо. Было не так уж много вещей, которыми мы не делились. Она была мной, а я ею. И хотелось бы верить, что однажды этого будет

достаточно для наших отношений.

Так что, видите ли, секунды, минуты, дни, годы — не имеет значения, сколько времени вам дано, потому что все, что потребовалось, — это одна ночь, и она была отнята у меня.

Хладнокровно убита. Оторвана от меня навсегда.

Близнецы не просто имеют одинаковую внешность или схожую ДНК. У них одна душа, одна жизнь. Нельзя убить одного, не убив другого. И в этом была их ошибка.

Они оставили меня в живых.

А дальше — это все доказательства, которые вам понадобятся, чтобы найти их и посадить в тюрьму. Чтобы заставить их заплатить за грехи, которые давно назрели.

Меня зовут Маккензи Райт, и это история— вычеркните это — это события, привлекившие к убийству моей сестры. История о пяти богатых молодых парнях, которым сошло с рук убийство.

Когда я перестаю читать, чтобы перевернуть страницу, у меня в животе образуется глубокая яма. В глубине души я знаю, что все, что я прочитаю на следующей странице, изменит все, что я знаю о Маккензи, и все, во что я когда-либо верил о нас.

Внезапно на меня обрушиваются все ошибки, которые я когда-либо совершал.

Я крепко зажмуриваюсь и внезапно переношусь в прошлое. На девять лет назад, если быть точным. В ночь, которая могла все изменить.

Прошлое

Я как раз заканчиваю очередной круг, когда ощущаю чье-то присутствие на другом конце бассейна. Я переворачиваюсь, отталкиваясь ногами от кафельной стены, и поворачиваюсь в бассейне. Вытирая воду с глаз, я останавливаюсь, глядя на потрепанного Винсента. Он стоит на краю бассейна и выглядит так, словно хочет прыгнуть в него и никогда больше не выныривать.

В воздухе висит какая-то тяжесть. Я использую плавание как способ размышления. Некоторые люди медитируют, некоторые обращаются к наркотикам и трахают девушек. Я люблю плавать. Это мой порок. Но ясная голова, которая была у меня всего несколько секунд назад, теперь исчезла. Со вздохом и тихим проклятием я вылезаю из бассейна.

— Насколько все плохо?

Когда он ничего не говорит, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, я знаю, что все плохо. С тех пор как я вернулся из отпуска, ребята стали вести себя по-другому. Похоже, теперь я наконец пойму, почему.

Приняв душ и одевшись, я встречаю Винсента в доме. В кабинете отца темно, а это значит, что они с матерью ушли, оставив нас с Винсентом наедине.

— Мы накосячили.

Бледность его кожи стала белой. Обычно Винсент почти ничего не чувствует и не показывает. Он так же равнодушен ко всему, как и я. Возможно, у меня было не самое лучшее детство, но у Винсента? Наверное, ему было тяжелее всего в детстве. В детстве он стал жертвой своей няни, нелюбимый, ненавидимый родителями, всегда замышлявший что-то плохое, будто он ничего не мог с собой поделать. Он наслаждался хаосом —

процветал в нем.

Я впервые вижу, чтобы от него исходило что-то похожее на эмоции.

— Уточни.

— Помнишь то видео, о котором я просил тебя позаботиться?

Мои губы сжимаются.

Да, помню. Очень хорошо. Особенно помню, как этим летом, пока меня не было, была убита звезда этого видео. Чувство вины захлестывает меня, как и много раз с тех пор, как я узнал правду. Я думаю о той ночи, когда мы сидели на гниющем стволе дерева, и ее окружала атмосфера меланхолии.

— Что с ним?

— Мне нужна еще одна услуга. Нам нужна еще одна услуга.

Я откидываюсь на спинку кресла, ожидая продолжения, и нутром чувствую, что мне не понравятся его слова.

— Мы нашли ее тело в лесу той ночью. Она уже была мертва.

Я молчу, наблюдая за ним, проверяя, говорит ли он правду. Но в этом-то все и дело. Он навязчивый лжец и всегда им был. Если он действительно хочет, чтобы вы во что-то поверили, он сделает так, чтобы это произошло. Вот почему я никогда не мог доверять ему, брат он или нет.

— Странное время, тебе не кажется? Просишь избавить меня от всякой связи с этой бедной девушкой, а она умирает, пока меня нет. Ужасно подозрительно.

Его губы становятся тонкими.

— Ты действительно думаешь, что я смогу это сделать? Я избавился от этого видео ради нее. Я забочусь о ней. Я, черт возьми, не знаю почему. Она сука, но я забочусь. Мне было стыдно, что я записывал нас. Она не знала об этом, и последнее, что я хотел сделать, это причинить ей боль, и я все равно сделал это. Как, по-твоему, это выглядело бы для меня?

— Почему вы не обратились в полицию, когда нашли ее тело?

— И что сказали бы? Мы курили и пили в лесу, когда нашли ее. Они бы подумали, что это мы. Я не мог рисковать своим будущим из-за этого.

Его молчание заставляет мой желудок сжаться. Мои руки сжимаются в кулаки, когда я смотрю на него. Он сглатывает, избегая моего взгляда.

— Мы закопали ее оставшуюся одежду. Зак выбрал место и купил все необходимое в магазине дяди.

Мой желудок сжимается, когда он вдается в подробности.

Они прикрыли чертово убийство. Идиоты. Вся ее семья могла бы уже покончить с этим делом, если бы поступила правильно. Если бы они оставили все в покое, это могло бы помочь делу.

— Значит, вы раздели ее догола? — я стискиваю зубы, пытаюсь понять, что, черт возьми, происходило в их головах, когда они решили, что это хорошая идея.

— У нас не было другого выбора! — рычит он, проводя рукой по лицу. — Зак, долбаный идиот, прикоснулся к ее мертвому телу. Он попытался нащупать пульс, чтобы проверить, жива ли она, когда она, блядь, была мертва. Ее кровь оказалась на его руках, его отпечатки на ней. Надо было что-то делать. Потом появились Трент и Маркус. Теперь в дело были вовлечены все.

— Ты мог бы объяснить это, Винсент. Это была ошибка!

— Нет! Я не мог рисковать. Мы раздели ее, оставили в лифчике и трусиках и избавились от всего остального. Мы сожгли нашу одежду с той ночи.

Я разочарованно провожу рукой по лицу.

— И что именно вам от меня нужно? Похоже, вы, идиоты, уже сделали большую часть грязной работы.

— У нее есть сестра.

— Ты сможешь ее защитить? — голос Мэдисон эхом отдается у меня в ушах.

Я потираю виски, отгоняя внезапную головную боль, которая возникает из-за перегрузки информацией. Какого хрена они хотели, чтобы я сделал с сестрой? Они ожидали, что я убью ее и заставлю молчать? Иисус.

— Мы просто хотим убедиться, что с ней не будет проблем. Она и так уже наделала много шума. Мы должны позаботиться о ней. Из-за нее мы и обратились в суд. Она никогда не забудет, и пока она жива, мы все в опасности. Она думает, что мы имеем какое-то отношение к смерти ее сестры.

— И почему она так думает? — сухо спрашиваю я.

— Потому что Трент, идиот, пригласил ее в ту ночь на скалу Поцелуев. Она думает, что это сделал Трент.

Я в отчаянии тру лицо руками. После долгого молчания я делаю паузу, собираясь с мыслями. Ненавижу эти слова, как только они слетают с моих губ.

— Я позабочусь об этом.

Краска медленно возвращается к его лицу, и напряжение рассеивается из его тела, будто услышать это облегчение.

Это воспоминание внезапно заменяется другим, из нашего прошлого.

Снимок.

Чертов снимок это все, что Винсент дал мне, в виде зацепки. Я даже не знал, что у Мэдисон есть сестра, не говоря уже о сестре-близнеце. Я не очень хорошо ее знал. Она была популярна, конечно, но в прошлом году она уехала Италию, и даже до этого моя бывшая девушка Саммер ненавидела ее, поэтому держать дистанцию с Мэдисон всегда было само собой разумеющимся, если я хотел избежать любого дерьма Саммер.

Как и большинство городков, Ферндейл разбит на части. Моя семья, вместе с семьей Винсента и горсткой других наших друзей, живет в так называемом: «Круг Богатства». Комьюнити закрытое, и здесь живут только представители высшего класса, семьи-основатели. Каждый дом построен нашими предками много лет назад, и передавался из поколения в поколение.

А мой дом? Мой отец построил его так, чтобы он подходил к остальным, чтобы мы не торчали, как больной палец. Но, конечно, в совершенной манере Бенедикта, он должен был превзойти всех, сделав наш дом самым большим строением во всем Ферндейле.

Есть средний класс. Там живут все остальные, обычные семьи на северной стороне, недалеко от центра, но низший класс — это деревенщина городка. Изгой, брошенный в нищету, на которого все смотрят свысока.

Я стою на склоне холма в северной части городка и смотрю на дом, принадлежащий мертвой девушке. Он также принадлежит живой сестре, которую я должен заставить исчезнуть. С руками, в карманах пальто, и дыханием, затуманивающим воздух передо мной, я задаюсь вопросом, правильно ли я поступаю. Конечно, у моего отца имеются люди,

которые занимаются подобными вещами для него, но прежде, чем я сделаю этот звонок, мне нужно своими глазами увидеть, с кем я имею дело. Неужели она та ужасная нарушительница спокойствия, какой ее изображают? Ради мести?

Когда она наконец выходит из дома, мои брови опускаются, когда я провожаю ее. Она не Мэдисон. Это ясно видно. Она также не представляет угрозы. В очках для чтения, оливково-зеленом вязаном свитере и джинсах, натянутых на широкие бедра, эта девушка выглядит безобидной. И грустной.

Такой чертовски грустной.

Мне не следовало этого делать, но я следую за ней до самого кладбища. Моя грудь сжимается, когда она садится рядом с самодельным надгробием в траве, которое выглядит намного свежее, чем окружающие. Не знаю, как долго я стою и смотрю, как она всхлипывает в прохладном воздухе. Струйки тумана срываются с ее губ с каждым выдохом. Ее спина сотрясается от глубоких рыданий. Я вижу, как она дрожит, все ее тело дрожит с того места, где я стою.

Мои губы сжимаются в мрачную линию. Она все еще оплакивает потерю сестры. Конечно, она сердится. Но она не представляет угрозы и уж точно не опасна. Очевидно, Винсент это знает. Он хочет, чтобы она исчезла по какой-то другой причине. И, возможно, будет лучше, если я избавлюсь от нее.

Я тут же принимаю решение оставить ее в покое. Защитить ее любой ценой, потому что я отказываюсь быть тем, кто причинит ей боль. Не сейчас, когда она уже на дне.

Вернувшись домой, я проскальзываю в кабинет отца. Есть только одна причина, по которой я вхожу в его пространство, пока он здесь, и он знает это так же хорошо, как и я. Это убивает меня. Даже прийти к этому человеку за помощью, но у меня нет другого выбора. Она не представляет угрозы, и это... это самая безопасная ставка.

— Чего тебе, Себастьян?

Я расправляю плечи.

— Мне нужно, чтобы ты нашел все, что сможешь, о семье Мэдисон Райт и ее сестре. Мне нужно, чтобы сестра уехала, подальше отсюда. Дай ей стипендию, все, что угодно, лишь бы она уехала подальше отсюда. От этого городка, от нас.

Отец замолкает, на его лице появляется напряженность. Он откидывается на спинку своего кресла, наблюдая за мной.

— Ты что-то хочешь мне сказать?

— Нет. Мне просто нужно, чтобы она ушла. В безопасности, но исчезла.

— Ты ведь знаешь, что это тебе дорого обойдется?

Мои губы кривятся в усмешке.

— Меньшего я и не ожидал.

Вставая, я стряхиваю с себя воспоминания. Это была Маккензи. Все это обретает смысл. Я никогда не спрашивал ее фамилии, никогда не заглядывал в нее больше, чем нужно. Отец позаботился об этом после того, как я вымыл руки от беспорядка того лета. Я не читал газет, потому что роль, которую я играл, то, что я делал, я не мог переварить это после смерти Мэдисон. Я уехал в колледж и никогда не оглядывался на Ферндейл. Не возвращался домой и не навещал родителей. Для этого и были наши каникулы.

После школы Маккензи исчезла, как я и обещал, и стала чьей-то проблемой. Я сдержал свое слово. Позаботился об этом. Мой отец дал ей стипендию в Небраску, но теперь я вижу, что она никогда не брала эту стипендию. Вместо этого она отправилась в Нью-Йорк. Но

почему? Почему бы не взять стипендию? Что я упустил?

Как ей удавалось оставаться в тени столько лет? И самое главное, почему ее имя не всплыло у меня в голове? Может, я и не знал ее имени, но Райт... Я должен был узнать ее фамилию и эту историю о ее прошлом, о ее сестре. Это давало мне все, в чем я нуждался, но я был ослеплен. Я был ослеплен ею и тем, что я испытывал к ней, поэтому ничего не видел. Я все пропустил. Как чертов дурак.

Она тоже поймала меня, с фальшивым именем. Скарлетт — что угодно, лишь бы сбить меня со следа. И держу пари, она делала ставку на то, что я не вспомню. Я так увлекся ею, что не видел, что она все это время пыталась сделать.

Но что она пыталась сделать?

Это я еще не совсем понял.

Я иду к бару, наливаю себе стакан янтарной жидкости и продолжаю с того места, где остановился, со стаканом, полной жидкой храбрости.

Если вы что-то отнимаете у меня, пусть это будут имена людей, которые отняли у меня жизнь, людей, которые разрушили мою жизнь и даже не заметили моего появления. Вам нужно будет запомнить каждого из них и те важные роли, которые они играют.

Трент Эйнсворт.

Винсент Хоторн.

Зак Ковингтон.

Маркус Уайтхорн.

И последний... на самом деле он не является частью этой истории. Он наполовину невиновный свидетель, втянутый в это ложью и годами обмана.

Я налипаю остатки жидкости в стакан и выпиваю. Это ничто по сравнению с ожогом в моей груди. Все сжимается, становится трудно дышать.

Потому что если она говорит то, что я думаю, это все меняет.

Отмахиваясь от ее журналистской статьи, я открываю папку, и хмурый взгляд, который я носил ранее, становится еще глубже. С такой скоростью он навсегда приклеится к моему лицу.

Мое сердце бешено колотится, когда я просматриваю первую страницу. Не знаю, как это возможно. Я уже заглянул в нее. Я нарочно сделал это сам, чтобы не пропустить ни секунды. Похоже, я ошибся. Маккензи Райт никогда не была той, за кого себя выдавала. Она гораздо лучше умеет лгать, чем я ожидал.

Я листаю страницы ее досье. Маккензи Райт. Двадцать шесть лет. Тридцать тысяч долларов долга. Из Нью-Йорка, жилье не указано. Ничто из этого не поднимает красных флагов. Красные флаги — это ее родной городок и страницы, на которых рассказывается о судебных разбирательствах, в которых она участвовала много лет назад. В Ферндейле. В месте, где я вырос. Там же, где выросла она. Это подтверждает то, о чем мне уже рассказывала ее журналистская статья.

Маккензи — близнец.

Ее чертова сестра-близнец не кто иная, как Мэдисон. Та самая Мэдисон, которая умоляла меня защитить ее сестру в ночь ее смерти. Та самая сестра, которую я предал, скрывая ее смерть ради парней.

Я отхожу от стола и вскакиваю на ноги. Расхаживаю по кабинету, пытаюсь собрать все воедино. Должно же быть логическое объяснение. Она сказала мне, что выросла в Калифорнии, так что формально она не лгала. Но она должна была знать, откуда я. А если и

знала, то она должна была также знать, кто я. Кем все мы.

Как долго действовал ее план? Как долго она замышляла вхождение в мою жизнь?

В тот вечер в моем кабинете, когда я застал ее у сейфа, она сказала, что пишет статью об остальных парнях, о коррупции и богатой жизни элиты здесь, в Лос-Анджелесе. Но она была здесь совсем не поэтому.

Неужели это она снова вмешивается в судебное разбирательство? Я лениво размышляю, не было ли все, начиная с первой встречи в отеле, для нее игрой, частью ее большого плана.

Внезапно каждое странное событие обретает смысл. В ту ночь, поймав ее крадущейся по курорту, что она искала? Грязь на меня, быть может. И эта дерьмовая история, которую она скормила мне о бывшем парне. Мне следовало бы знать лучше. Первая девушка, которую я впускаю в свою жизнь после многих лет одиночества, и она оказывается гребаной лгуньей. Чертовски хорошо.

Лицемерно с моей стороны, но я не вступал в эти отношения под ложным предлогом. Я не лгал о том, кто я. Не притворялся кем-то, кем я не был, просто чтобы собрать информацию. Чем больше я об этом думаю, тем сильнее во мне поднимается гнев.

Я более тщательно просматриваю файл, и по мере того, как я углубляюсь, яма в моем животе растет. Все, что она мне говорила, было чистой ложью. Она сказала правду, только не всю. Она все переворачивала так, как хотела, чтобы я это воспринимал.

Я замираю, все мое тело сжимается, когда я читаю судебный файл. Я точно знаю, зачем она здесь. Почему искала меня, почему хотела узнать моих друзей и так много о прошлом.

Маккензи Райт не золотоискательница.

Нет, она гораздо хуже.

Она презренная девушка с вендеттой. Девушка, ищущая справедливости ради своей сестры-близнеца. И при этом она думает, что нашла своих виновников. Но она ошибается.

Она должна ошибаться.

Глава 6

Маккензи

Следующие несколько дней проходят в тумане скучных белых стен, визитов к врачу, помощи в ухаживании и сеансов терапии с доктором Астер. Я все еще опасаясь ее. Каждый раз, когда она входит в палату, мои глаза сужаются в попытке понять, что происходит за этими расчетливыми глазами.

Когда я не сплю и не смотрю на голые стены, я думаю: а здесь, где нет ничего, кроме времени? Это такая опасная вещь. Я только и делаю, что думаю о Мэдисон. Думаю об аварии. Думаю об остальных парнях и задаюсь вопросом, все ли они бездельничают с вкрадчивыми ухмылками на лицах, пока я гнию здесь. Но больше всего я думаю о Базе.

Интересно, о чем думает он? Интересно, что он делает, и я ненавижу себя за это.

Закрывая глаза каждую ночь, мои мысли только о нем. Я все еще чувствую его руки на своей коже. Будто мое тело не знает, каково это жить без него. День за днем, в бушующем хаосе моего сознания, я думаю о том, что он заставил меня чувствовать, и о тепле, которое поднималось в моей груди, когда он был рядом. Затем эти слова, произнесенные шепотом, просачиваются внутрь, напоминая мне обо всем плохом, напоминая мне о том, какой глупой я была, отдав ему кусочки себя. Потому что он монстр, которым была я все это время. Все

части меня, все еще влюбленные в База, стекают, как нектар, с моих костей.

Вспышки тех девушек на его кровати заставляют мое сердце сжиматься, как в тисках. Моя грудь болит при одной мысли о нем с другой. Не говоря уже о двух. Я представляю себе все способы, которыми они могли бы доставить ему удовольствие, и начинаю злиться. Мои глаза горят от эмоций. Я стискиваю зубы, пытаюсь отогнать эти мысли. Мне все равно. Не после того, что он сделал.

Я должна его ненавидеть.

Мне нужно ненавидеть его.

Но в глубине души я не уверена, что смогу.

Когда вы любите кого-то, легко обмануть себя, поверив, что это ненависть. Это две стороны одной медали, и эти две эмоции начинают сливаться воедино для меня.

Если я и хочу выйти отсюда с чем-то одним, мне надо забыть о своих чувствах к Базу и вместо этого превратить их во что-то совершенно другое. Я хочу, чтобы ему было так же больно, как и мне. Хочу, чтобы он страдал, как и все остальные.

Я вырываюсь из своих мыслей, когда дверь приоткрывается, и мне приходится сдерживаться, чтобы не закатить глаза при виде человека. Она пытается изобразить подобие улыбки, но я вижу ее насквозь. Я слишком хорошо знаю таких, как она. Она не заботится обо мне и моем благополучии. А просто хочет доказать всем, что мое место здесь, и я отказываюсь допустить это.

Собрав все свои силы, я сдерживаю усмешку, когда она входит, как всегда. Доктор Астер устраивается поудобнее, находит свободный стул, придвигает его к моей кровати и складывает руки на коленях. Она выжидающе смотрит на меня.

— Как вы сегодня, Мэдисон? — спрашивает она.

Мир яростно смещается со своей мягко вращающейся оси.

Мой взгляд сужается, а сердце бешено колотится в груди.

— Как вы меня только что назвали?

Ее голова наклоняется на несколько сантиметров вправо, когда она смотрит на меня. Она вопросительно вскидывает бровь.

Я стискиваю зубы. Приподнявшись, я наклоняюсь вперед.

— Почему вы меня так назвали? — задаю я вопрос более настойчиво.

Ничто не отражается на ее лице. Она просто продолжает смотреть на меня, прежде чем что-то записать в свой дурацкий маленький блокнот.

— Я просто хотела убедиться, что вы знаете, кто вы, — говорит она как ни в чем не бывало.

Как будто это нормально, когда врач называет меня по имени моей покойной сестры.

— Конечно, я знаю, кто я. Я не идиотка. И если вы не можете сказать, я не люблю, когда меня называют по имени моей сестры.

— Почему? — спрашивает она, слегка наклоняясь вперед.

Я понимаю, что она бросает мне вызов.

— Ох, даже не знаю, быть может, потому что она, блядь, мертва?

— Но так ли это на самом деле? — спрашивает она.

Наступает тишина. Мое сердце бешено колотится в груди. Брови низко опускаются на веки.

— О чем вы?

Она откидывается назад, драматично выдыхая. Все, что она делает, имеет цель, и с

каждой встречей я пытаюсь понять, что, черт возьми, все это значит. Каждая наша встреча — это своего рода спарринг. Битва ума и воли. Как глубоко она может проникнуть в мой разум и как далеко я могу оттолкнуть ее от истины?

— Ни о чем. Просто пытаюсь понять свою пациентку и ее связь с сестрой. Вы чувствуете, что после ее смерти переняли черты своей сестры? Вы ловили себя на том, что пытаетесь жить за обеих? Чувствуете ли вы какую-то вину за то, что живы, в то время как она мертва?

Я прикусываю щеку изнутри, ненавидя себя за то, что она так близка к намеченной цели. Я чувствую многое из этого. Чувство вины, потому что, да, именно я должна была умереть той ночью. И теперь мне кажется, что я пытаюсь жить ради нас обеих. Я стараюсь поступать с ней правильно в этой жизни, потому что она страдала в смерти, но, похоже, я терплю неудачу на каждом шагу.

— Я сама себе хозяйка, — огрызаюсь я в ответ. — Я не собираюсь перенимать ее черты, или что там вы думаете, что я делаю.

Она делает лицо, которое ясно говорит, что она мне не верит.

— Хорошо. Справедливо. Я хочу поговорить о тех эпизодах, которые у вас были в прошлом. Вы говорите, что ваша сестра разговаривает с вами. Что именно вы имеете в виду?

Я мысленно проклиная себя за то, что вообще что-то сказала. Как бы я ни сказала, я буду звучать как ненормальная. Безумная. И, черт, может, так оно и есть. Может, она не так уж далеко, и я действительно принадлежу этому месту.

Наверное, этого я и заслуживаю.

Я отвожу взгляд, не разжимая губ. Не нужно копать мне могилу больше, чем я уже выкопала. Не обращая на нее внимания, я сосредоточиваю свой взгляд на одном из докторе. Он стоит, скрестив руки на бледно-голубом халате, и смотрит куда-то вдаль. Он выглядит грозно. Его лицо непроницаемо и стоическое, лишено каких-либо эмоций. Он похож на тренированного телохранителя, который только и ждет, когда я сделаю неверный шаг к доктору, чтобы наброситься.

— Так вот чем мы сейчас занимаемся, Маккензи? Вы собираетесь закрыться? Я пытаюсь вам помочь.

— Помочь? — я выгибаю бровь в ее сторону. — Потому что мне кажется, что вы пытаетесь найти хоть какую-то причину, чтобы удержать меня здесь. Вы извращаете все, что я говорю, и делаете из этого то, чем оно не является.

— Вы можете довериться мне, — она умоляет меня глазами поверить ей.

Жаль, что я знаю лучше. Я ей не доверяю. Насколько я знаю, она может сотрудничать с Дикарями. Иначе откуда бы они узнали, что я здесь? Я еще не доказала свою теорию, но знаю, что видела, и я видела здесь одного из Дикарей во плоти.

Это не было совпадением.

Я ерзаю на кровати, морщась и шипя от боли, которая пронзает мое тело при движении. Я смотрю ей прямо в глаза, позволяя словам течь мимо моих губ, как тяжелому маслу, давя на всех нас.

— Мы обе знаем, что это неправда.

Что-то вспыхивает в ее глазах, но я не могу понять, что именно. Я не знаю ее достаточно хорошо, чтобы понять, что происходит у нее в голове, но что бы это ни было, ей не нравится мой ответ. Уверена, что доктору Астер я совсем не нравлюсь.

Что ж, это чертовски плохо.

— Я бы посоветовала вам по максимуму использовать ваше время здесь, иначе вы останетесь здесь надолго, Маккензи.

Я уже отключила свой разум и отгородилась от нее. Я смотрю прямо перед собой, стараясь не выдать ей ничего, что может быть использовано против меня.

Разочарованно вздохнув, она встает со стула, и все они покидают палату так же быстро, как и вошли.

На следующий день происходит то же самое, только на этот раз я полностью игнорирую доктора, отказываясь говорить. Мне больно, и я злюсь. Каждый день это что-то новое, новая эмоция, новый уровень горя. Меньше всего мне хочется, чтобы кто-то сидел здесь и задавал мне вопросы, молча осуждая меня. Я и сама неплохо справляюсь.

Глубоко внутри меня назревает буря. Это похоже на грозу, запертую в бутылке, которая только и ждет, чтобы ее выпустили. Интересно, где мои родители? Почему они до сих пор не навестили меня? И мои подруги, я имею в виду, конечно же, они уже получили мое электронное письмо, верно?

Почему никто не борется за меня?

Я чувствую себя здесь беспомощной и маленькой. Не с кем поговорить и довериться. Раздается стук в дверь, и внезапно появляется Стефани.

Конечно, два других доктора следуют за ней на всякий случай.

— У вас осмотр у врача, так что я отвезу вас в смотровую, — говорит она, заводя коляску.

Я сдерживаю свой хмурый взгляд.

Когда это стало моей жизнью?

— Не надо так расстраиваться. Вам могут сегодня снять этот гипс. — она похлопывает по громоздкому гипсу на моей правой ноге. — Вы должны радоваться.

Я закатываю глаза.

— Я буду радоваться, как только выберусь из этой дыры.

Везя меня по коридору, мы останавливаемся в главном зале, где кучка других пациентов в настоящее время наслаждается своим подобием свободы, пока она разговаривает с одним из охранников, который отвечает за наш доступ к лифту, который доставит нас на следующий этаж. Ожидая, пока она закончит разговор, я бегло оглядываюсь вокруг, рассматривая пациентов. Вглядываясь в лица окружающих, я пытаюсь разглядеть одного из Дикарей. Потому что в глубине души я знаю, что это был он. По какой-то причине он был здесь, и я почти уверена, что это было ради меня.

Один человек особенно бросается мне в глаза, женщина, наблюдающая за мной. Она пожилая, хрупкая женщина с волосами цвета соли и перца. Она тасует колоду карт в руках, не сводя с меня глаз. Дрожь пробегает по моему позвоночнику.

— Не беспокойся о ней. Это Костас, королева таро больницы.

Я бросаю взгляд в сторону голоса, натываясь на женщину, немного тяжеловатую, с платиновыми светлыми волосами и глубоко посаженными зелеными глазами. Кажется, на ее лице навсегда запечатлелась угрюмая гримаса. Она пугает. Я не собираюсь лгать. Она из тех женщин, которых не стоит злить в реальной жизни, потому что, скорее всего, она раскачает

твое дерьмо одним ударом. Я в этом уверена.

Мой желудок сжимается, понимая, что это та же самая женщина, которая смотрела на меня в последний раз, когда меня везли сюда. Она выглядела сердитой, будто хотела оторвать мне голову. Я сказала себе, что буду держаться от нее подальше, во избежание каких-либо проблем, но, очевидно, это не сработало.

— Ты только что сказала королева таро? — спрашиваю я, стараясь сохранять спокойствие.

Может, она не так плоха, как я сначала подумала. Я оглядываюсь на пожилую женщину, которую, по-видимому, зовут Костас.

— Ага. Она очень интересный персонаж.

Я собираюсь спросить, что она имеет в виду, но один из докторов встает, между нами, сердито глядя на женщину. Я чувствую, как Стефани цепляется в ручки инвалидного кресла позади меня, очевидно, закончив разговор.

— Возвращайся к своему столу, Джонс, или я попрошу кого-нибудь отвести тебя в твою палату.

Она ухмыляется ему, наслаждаясь, как он приходит в бешенство. Подняв руки в знак капитуляции, она встречается со мной взглядом, и ее ухмылка медленно рассеивается.

— Увидимся, Маккензи, — кричит она мне вслед, когда меня увозят.

Все волосы на моем теле встают дыбом, и у меня перехватывает дыхание. Моя липкая рука сжимает ближайшее запястье для поддержки, заставляя Стеф перестать толкать меня. Я бросаю взгляд через плечо, пытаюсь найти пугающую женщину, и когда нахожу, она смотрит сквозь узкие глаза.

— Откуда ты знаешь мое имя?

Она улыбается. Не по-дружески.

— Знаешь, он сказал мне, что с тобой будет весело поиграть, но я до сих пор не понимала, насколько. Следи за своей спиной.

— Джонс! — рычит доктор.

Ее смех звучит издали и искажается, когда мой разум обрабатывает ее слова.

В животе образовывается глубокая яма.

Кто *он*?

Ужас клубится глубоко в моем животе, внезапное предчувствие затрудняет дыхание.

На протяжении всего визита к доктору мои мысли на самом деле не здесь. Мои мысли сосредоточены в другом месте, пытаюсь понять, что, черт возьми, происходит. Могут ли ее слова быть простым совпадением? В конце концов, это психушка. Но что-то здесь не так. Тем более что я могла бы поклясться, что на днях заметила одного из Дикарей. Может, это он, о ком она говорит?

Но почему?

Он еще не закончил с тобой. Разве это не очевидно? — замечает голос в моей голове. По спине пробегает дрожь. Голос странно похож на голос Мэдисон.

Она вернулась?

На следующее утро Стефани выкатывает меня из палаты, чтобы еще раз навестить

доктора. После вчерашней странной встречи я не обратила внимания на его слова. Если бы обратила, я бы вспомнила, что он хотел сделать еще одно МРТ, просто чтобы убедиться, что у меня все в порядке с головой после аварии и сотрясения. Головные боли стали реже, но усталость и чувствительность к свету никуда не делась. Так же, как и шум. Этот раздражающий шелкающий шум, который приходит и уходит.

Он также снимает сегодня один из моих гипсов. Минус один, осталось еще около восьмидесяти процентов, пока мое тело не придет в норму.

Кого я обманываю? Этого никогда не случится. Во мне нет ничего, что когда-либо вернется в норму. Каждый раз, когда я смотрю на свое отражение в зеркале, все, что я вижу, это боль и ущерб последних нескольких месяцев. Последних девяти лет.

Мое лицо все еще покрыто синяками и ссадинами, глаза выглядят тусклыми и безжизненными, мешки под ними, заполняют все мое лицо и делают цвет лица желтым и бледным. Мои волосы, должно быть, худшая часть моей внешности прямо сейчас.

Я потеряла счет тому, как долго я была заперта в этой дыре, но этого достаточно, чтобы мои настоящие корни начали проявляться. В прямом и переносном смысле. У меня не было возможности подкрасить корни волос черной краской, так что натуральный блонд уже начал проступать.

Я выгляжу сумасшедшей.

Как только меня снова вкатывают в общую зону, я начинаю высматривать странную женщину со вчерашнего дня, которая угрожала мне. Я также внимательно слежу за каждым проходящим мимо, кто выглядит как один из парней.

Я нигде не вижу ни одного из них, поэтому думаю, что это безопасно. Я вздыхаю с облегчением, пока не замечаю пожилую женщину со вчерашнего дня. Кажется, ее зовут Костас. Видимо, королева таро этого места.

Она снова смотрит на меня. Перетасовывая карты, которые, как я теперь предполагаю, являются колодой таро, вместо обычной колоды карт. Любопытство берет верх надо мной, и я обнаруживаю, что отворачиваюсь от Стеф к пожилой женщине. Это борьба, попытка управлять собой одной здоровой рукой и одной рукой в гипсе, но я справляюсь. К тому времени, как я добираюсь до нее, я задыхаюсь, и на лбу у меня бисеринки пота.

Когда я подъезжаю, лицо пожилой женщины остается бесстрастным. Ее руки все еще перетасовывают колоду, когда она смотрит на меня. Костас ни разу не взглянула вниз, чтобы проследить за ее движениями. Она так искусна, что ей и не нужно. То, как она тасует, так аккуратно, не теряя ни одной карты, впечатляет. Особенно для пожилой женщины ее возраста. Руки у нее костлявые и обветренные. Возможно, у нее даже артрит, учитывая, что некоторые кости в ее руках торчат в странных направлениях. Можно подумать, что она не сможет тасовать так хорошо, как это делает из-за боли в руках.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но замираю, когда она внезапно перестает. Она вытаскивает несколько карт из колоды, переворачивая каждую, показывая картинки на них. Мои брови хмурятся, когда я смотрю вниз на карты, пытаюсь понять, какой смысл за всем этим должен стоять. Она переводит взгляд на меня, и что-то в ее глазах заставляет меня остановиться. В них страх.

— Что? — спрашиваю я, быстро оглядываясь на карты.

— Духи говорят. Проводники предупреждают меня. Ты в опасности.

Скептицизм заставляет меня задуматься, но, несмотря на это, по моему телу пробегает холодок.

— Вы это поняли по картам? На них только картинки, — с сомнением бормочу я, рассматривая каждую.

Первая карта, взятая из ее колоды, — это человек, лежащий лицом вниз с мечами в спине, с десятью, если быть точной. На следующей карте у меня пересыхает в горле, когда я читаю единственное слово внизу под изображением скелета в доспехах верхом на лошади — *Смерть*. Следующая карта та, от которой у меня в животе вспыхивает паника. Изображение башни в огне и падающих людей. Под картинкой написано:

Башня. Следующая карта не нуждается в объяснении, поскольку я смотрю на иллюстрацию дьявола.

В частности, она берет две карты и поднимает их вверх, руки ее при этом дрожат. Я настороженно смотрю на каждую.

Одна из них карта с двумя обнимающимися людьми, называемыми *Любовниками*, а другая тот же жуткий образ дьявола, который читается, как *Дьявола*.

— Никому не доверяй. Враг ближе, чем ты думаешь.

Я быстро оглядываюсь, но вижу только сумасшедших. Люди, которые потенциально могут быть опасны, но не обязательно хотят причинить мне вред. Между нами проходит мгновение, и я хочу спросить ее еще. Я хочу, чтобы она сказала мне, что видит, словно она какая-то чертова гадалка, но я усмехаюсь, когда вновь перевожу взгляд на карты.

Это не реально.

Она здесь не просто так. Очевидно, она не самый лучший человек, которого я могу использовать для получения достоверной информации или совета. Я отмахиваюсь от нее, заставляя себя улыбнуться, благодарная, когда Стеф подходит и начинает увозить.

На этот раз во время осмотра я присутствую достаточно, чтобы помнить, что делает доктор, но мой разум все еще блуждает, образы карт постоянно мелькают за моими веками, как предупреждения. Я все еще крайне расстроена своим очевидным чтением таро. Я никогда не верила в подобные вещи. Имею в виду, что это были просто карты с картинками. Как много может знать старая леди? Несмотря на все мои разоблачительные теории, я не могу не чувствовать, что она знает. И почему я вдруг почувствовала необходимость прислушаться к ее предостережению?

Часть меня хотела бы, чтобы она рассказала мне больше, или у меня хватило бы мужества задавать вопросы, но я стряхиваю это, отказываясь питаться безумием.

Я неловко вздрагиваю, когда доктор заканчивает осмотр. Снять гипс гораздо более раздражает, чем можно было бы подумать. И когда он все-таки снимается, я морщусь от того, какой тощей выглядит моя нога. После того, как я полностью освобождена от гипса на одной ноге, доктор избавляется от прутьев, которые встроены в гипс на моей левой ноге для бедра. Он, кажется, думает, что я быстро восстанавливаюсь, и хотя гипс не снимут в течение некоторого времени, он не хотел, чтобы мое тело становилось зависимым от металлических прутьев для поддержки. В конце концов мне нужно начать растягиваться и пробовать ходить с ходунками, помогая мышцам укрепиться.

Мое кислое настроение только ухудшается, когда меня вкатывают в кабинет доктора Астер. Последнее, что я хочу делать, это проводить время с доктором после того дня, который у меня был. Она, кажется, не удивилась, увидев меня, хотя я и не думала, что она удивится. Вероятно, это была ее идея. Чтобы доктор снял мне гипс, думая, что это сделает меня счастливой и более открытой для разговора с ней.

— Маккензи. Вы хорошо выглядите, — говорит она, опуская очки на переносицу и

глядя на меня поверх горы бумаг.

Наверное, все это заметки о чьей-то чужой жизни, которую она хочет разрушить.

Я хрюкаю на ее неубедительную попытку заставить меня ответить ей. Я все еще упорно отказываюсь давать ей какие-либо слова, которые она может использовать против меня. Воспользовавшись этой неудачной встречей в свою пользу, я заглядываю в календарь позади нее, и моя грудь сжимается, когда я читаю месяц и дату.

Четыре недели.

Я пробыла здесь четыре адские недели, но мне показалось, что это больше, чем вечность.

— Все еще молчите, я вижу? — замечает она. После нескольких минут молчания, она вздыхает, снимает очки и складывает руки перед собой. — Послушайте, Маккензи, у меня такое чувство, что мы все время начинаем не с той ноги. Мне жаль, если вы почувствовали, что я слишком сильно давила раньше. Я просто хочу... Я хочу понять. Эта ситуация с вашей сестрой... У меня никогда не было таких пациентов. Я хочу помочь.

Я отвожу взгляд, чувствуя боль в глазах при упоминании Мэдисон.

— Вы не можете помочь.

— Почему не могу?

Мои нижние губы дрожат.

— Потому что она ушла.

Никакие разговоры и психоанализ не вернут ее. Моя сестра-близнец мертва. Моя вторая половинка была убита.

— Из твоей головы?

Я смотрю на нее, борясь с эмоциями. Почему она всегда так созвучна моим мыслям?

Я так привыкла слышать свою сестру, что теперь, когда она не находится постоянно у меня в голове, я страдаю без нее. Я скучаю по ней. Я чувствую, что тону без нее.

— Вы пробовали... просить ее вернуться?

Она кажется задумчивой, задавая такой вопрос. Это противоречит всему, во что она верит, всему, что относится к ее профессии.

— Не похоже, чтобы она меня слушала. Мэдисон сама по себе. Она была энергичной и всегда делала все, что хотела.

— А что насчет вас?

— А что насчёт меня? — я возражаю.

— Вы, кажется, всегда говорите о Мэдисон. Какой она была, что о ней думали другие, но как насчет вас? Ее нет, Маккензи. Почему бы не сосредоточиться на себе?

— Я не могу этого сделать, — огрызаюсь я. — Это должна была быть я.

— Что должна?

— В ночь ее смерти. Я должна была быть там в ту ночь, а она пошла вместо меня. Теперь вы понимаете, почему я не могу отпустить? В ту ночь умер не тот близнец. Это всегда должна была быть я. Она должна была продолжать жить и делать великие дела, а не я. Она была бы успешной и красивой. Все, чем я не являюсь.

Ясность освещает ее глаза.

— Значит, это чувство вины. Это ваша движущая сила, — размышляет она. — Эта часть вашего разума, та часть, которая держится за вашу сестру, и вам нужно отпустить ее. Это ваше сознание говорит с вами. Ваши страхи из прошлого и чувство вины, пожирающее вас. Это не Мэдисон. Это нездоровая одержимость вашей мертвой сестрой.

— Моя... одержимость? — я недоверчиво заикаюсь, бросаясь вперед. Движение, должно быть, слишком угрожающее, потому что медсестра, стоящая возле двери, предупреждающе сжимает мое плечо, вызывая боль в позвоночнике. — Это не навязчивая идея! Она была моим близнецом. Моей второй половинкой. Мы связаны в жизни и даже в смерти.

Она поджимает губы.

— Это невозможно.

— Отвезите меня в мою палату. Мы закончили.

— Маккензи. — она вздыхает. — Вы на грани. Именно поэтому вам нужно отпустить это. Ваша сестра пробуждает в вас самое худшее.

Я кусаю внутреннюю сторону щеки, пока не чувствую вкус крови, пытаюсь сдержаться, но слова все равно приходят.

— Есть ли кто-нибудь, кого вы любите в этом мире, Поппи? — я ядовито выплевываю ее имя. — Есть ли кто-нибудь, кого вы любите всем сердцем?

Она сглатывает.

— Конечно, есть.

Я улыбаюсь. Улыбка холодная и отстраненная, не похожая на меня.

— Надеюсь, вы потеряете этого человека самым ужасным образом. Надеюсь, что боль, которую я чувствую каждую минуту каждого дня, вы испытаете в десять раз сильнее. А теперь отвезите меня в мою палату, или пожалеете об этом, — шиплю я, и в моем голосе звучит что-то зловещее.

Это что-то новенькое. То, на что я даже не знала, что способна.

Доктор Астер прерывисто вздыхает от моей вспышки, ее тело напрягается от тона моего голоса, беспокойство освещает ее глаза. В этот момент я не могу сказать, беспокоится ли она обо мне или о себе из-за моей вспышки.

— Гэри. — она откашливается, ее глаза ни разу не отрываются от меня, а я не отрываю от нее своего ненавистного взгляда. — Пожалуйста, отвезите мисс Райт обратно в ее палату. Спасибо.

Я молча киплю от злости всю дорогу до палаты. Если бы во мне было больше борьбы, я бы буквально отбивалась бы от Гэри и без всяких угрызений совести врезала бы кулаком в лицо доброму доктору.

Как она смеет говорить мне такие вещи? Она меня не знает. Она ничего не знает о моей жизни.

Вибрируя от ненависти, я варюсь в палате Бог знает сколько времени. В том-то и штука, что я застряла здесь. Мое чувство времени отключается, когда мне больше нечего делать, кроме как спать, есть и смотреть в пустые стены. Теперь я понимаю, почему так много людей хотят быть с другими. Они хотят взаимодействия, как и я. Я жажду этого. Но быть с другими небезопасно, особенно сейчас.

После загадочного комментария той женщины, гадания на картах таро и того возможного наблюдения, я не уверена, кому можно доверять. Если она работает с *ним*, то сколько других тоже работают на него? И доктор Астер, она тоже в этом замешана? Может, для этого и существует блокнот? Она ведет записи для остальных парней.

Тихий стук в дверь выводит меня из паранойи, и когда я вижу, кто это, мне хочется застонать. *Черт, разве этого недостаточно для одного дня психоанализа?*

Доктор входит в комнату, выглядя немного неуверенной. Она поправляет очки на носу и

расправляет плечи, сцепив руки перед собой.

— Маккензи, я хочу извиниться, если расстроила вас. В любом случае. Это не входит в мои намерения.

— *Если?* — я смеюсь, но без юмора.

— Да. Если я перешла черту, мне очень жаль.

— Ну да, вы перешли черту — огрызаюсь я, вспоминая все те гадости, которые она наговорила. — Так что вы можете забрать свои извинения и немедленно отвалить.

Очевидно, приняв мои слова за приглашение, а не за отказ, она хватается стул и подтаскивает его к кровати. Когда она садится, закинув ногу на ногу и положив руки на колени, я понимаю, чего ей не хватает. Блокнота. Нет блокнота.

По какой-то причине это охлаждает негодование, поднимающееся изнутри. Я откидываюсь на подушки на кровати и чувствую, как мое сердце замедляет свой сердитый бег в груди.

— Я бы хотела начать все сначала. Может быть, поговорим о чем-нибудь другом, кроме вашей сестры. Мы можем обсудить ваши предыдущие отношения?

Мое сердце сжимается.

Это еще одна больная тема.

Глубоко вздохнув, я поджимаю губы, стараясь оставаться в стороне снаружи, когда внутри я чувствую, что меня разрывает пополам от одной только мысли о разговоре о Базе. Я не уверена, что какая-то часть меня готова говорить о нем.

Она выгибает бровь, явно ожидая, что я дам зеленый свет. Так что, я киваю, но устанавливаю некоторые основные правила.

— Как только вы меня разозлите, мы остановимся.

Удивительно, но ее верхняя губа дергается, как будто она активно скрывает от меня свою улыбку.

— Я могу это сделать. А теперь давайте поговорим о нем. Как его зовут, и прежде, чем произнести это, остановитесь и подумайте, что делает с вами произнесение его имени. Какие эмоции вы испытываете?

Я делаю паузу. Его имя застряло у меня в горле, будто я родилась, пытаясь его произнести. Такой неизбежности я не боюсь, хотя должна бы.

— Баз Кинг.

Она кивает, призывая меня продолжать копать глубже. Я закрываю глаза, и боль поражает меня первой. Всепоглощающая боль, от которой у меня перехватывает дыхание. Это разрывает мое сердце пополам, ломая мои уже сломанные кости.

— Боль, — шепчу я.

Следующая эмоция, поражающая меня, это предательство. Образы наших обнаженных тел, обнимающих друг друга, обжигают мои веки, когда я думаю о том, как глубоко зашло его предательство. Наша паутина лжи была злой игрой, к которой я не была готова. Он знал это с самого начала. Он использовал меня, пока я отдавала ему кусочки себя. Себя, которую я никогда не могла показать никому другому. И ничего из этого не было реальным. Все наши отношения были запятнаны ложью, и теперь мы похоронены в ней.

— Предательство.

Чем больше я думаю о его предательстве, тем больше злюсь. Я чувствую, как это поглощает меня, распространяется по моим венам, как лесной пожар. Это наполняет мою грудь необъяснимой тяжестью, заставляя задыхаться.

— Гнев, — скриплю зубами я, думая обо всех способах вернуть его, когда выберусь отсюда.

Он пожалеет, что не убил меня. Они все пожалеют о том дне, когда встретили меня.

— Хорошо. Очень хорошо, Маккензи. А теперь не могли бы вы рассказать мне, что произошло? Когда это началось и когда закончилось?

— Когда это началось? — я размышляю, позволяя боли гноиться, вспоминая фарс наших отношений. — Летом. Летом монстр прорвался сквозь мою грудь, скрутил мое сердце, пока оно не превратилось в какую-то омертвевшую вещь, и похоронил его где-то в заросшем листьями лесу. Прямо рядом с моей мертвой сестрой. Он не оставил никаких отметок, никаких следов, ведущих к нему. На этом все и закончилось. В ту ночь, когда он пытался убить меня и потерпел неудачу. В ту ночь вся его ложь стала моей правдой.

Доктор Астер хмурится, ее губы опускаются с сочувствием, когда она смотрит на меня.

— Сколько у вас было до этого отношений? Баз, вы сказали, его зовут, верно?

— Одни, может быть, двое серьезных. После... — я прочищаю горло, прогоняя застрявший там внезапный комок. — Было трудно встречаться с другими людьми и быть счастливой. Это было похоже на предательство по отношению к ней и ее памяти. Она не всегда была лучшей сестрой, но она была моей кровью. Моей второй половинкой. Она была сильной, той, на кого я смотрела снизу вверх.

— Какими были предыдущие отношения?

— Ну, первый парень был моей противоположностью. Он был всем, чем я не была. Во многом он был похож на Мэдисон. Я потеряла девственность с ним, и это была одна из вещей, о которых я пожалела сразу после того, как это случилось.

— Как и все мы, — задумчиво произносит она. — А второй?

— Он был хорошим, возможно, даже лучше, чем я. Слишком хорошим для того, кто прошел через все, что было у меня. Я была зла и страдала. Злилась, что у меня украли сестру. Злилась, что мои родители перестали заботиться. И испытывала боль... боль, потому что в ту секунду, когда умерла Мэдисон, умерла и я. В их глазах они лишились обеих своих дочек той ночью.

Она кивает, будто глубоко задумалась.

— Я слышала, что вы чувствовали себя брошенной родителями. Вы когда-нибудь говорили им об этом?

— Как я могла это сделать? Они все те же. Им на меня наплевать.

— Не думаю, что это правда.

— Ох, неужели? — усмехаюсь я, наклоняясь вперед. — Сколько раз они звонили, чтобы проверить, как я здесь? Сколько раз они пытались навестить меня? — я могу прочесть ответ на этот вопрос по вспышке раскаяния в ее глазах. Ей жаль меня, но она никогда этого не скажет. — Точно, — выдыхаю я, откидываясь на подушки.

Она откашливается, отводя взгляд.

— Вернемся к тому, о чем мы говорили. Каким человеком был Баз? Как он был втянут?

Он был лжецом. Вот кем он был. Чертовски хорошим.

Мои глаза закрываются, когда я чувствую, как там скапливается влага. Мне требуется несколько секунд, чтобы собраться с мыслями, и когда я это делаю, я выкидываю из головы все мысли о моих бывших любовниках.

— С меня хватит.

На секунду мне кажется, что она собирается настаивать на большем, спорить и забыть о

соглашении, но в конце концов неохотно кивает и встает.

— Спасибо, что поделились со мной этим, Маккензи.

Я смотрю, как она и Гэри уходят, и когда я уверена, что все ушли, я позволяю слезам свободно падать, а боли окутать меня целиком.

Глава 7

Баз

Воздух заряжен на верхнем этаже клуба. Так было последние несколько дней, когда я приходил, чтобы закончить работу, но сегодня здесь по-особенному. Я сказал ребятам, чтобы они встретили меня здесь, и, должно быть, заснул, ожидая их в кабинете. В последнее время сон не мой главный приоритет.

Раздается резкий стук в дверь, и в кабинет заглядывает Маркус.

— Остальные парни уже здесь.

Нам нужно кое-что обсудить. Мне нужны ответы. Есть вещи, которые каждый из них скрыл от меня и от всех остальных.

Это не так работает.

Взяв свой стакан бурбона с дубового столика, стоящего рядом с креслом, я направляюсь в гостиную, выходящую на танцпол, где в настоящее время находятся все. Я смотрю на каждого из них. Они сидят в разных местах. Наш адвокат и мой друг, Ной, топчется возле коридора, скрестив руки на груди в непринужденной позе. Зак сидит за стойкой бара, Трент прислонился к стеклу, выходящему на танцпол, а Винсент растянулся на диване, его рука все еще в гипсе. Маркус уже сидит на одном из кресел, и когда наши взгляды встречаются, я вижу, как в его мозгу крутятся шестеренки. Он хочет получить ответы так же сильно, как и я, но, когда, переводя взгляд на парней, моих братьев, я больше не знаю, кому доверять. Я хочу верить Маркусу, когда он говорит, что не знает, что происходит, но он может работать с Винсентом. Интересно, сколько еще ребят с ним работают?

Отчет Дэна показал мне это. У нас нет ответа на вопрос, почему он был в Ферндейле, но одна вещь, которую он нашел, показалась мне интересной. Это документальный след Маккензи, показавший, что она направлялась в Ферндейл за день до того, как система GPS Винсента показала, что он тоже был там. Он утверждает, что она поехала за ним, но я начинаю думать, что он отправился туда для чего-то гораздо более зловещего.

Вполне вероятно, что он выяснил, кто такая Маккензи на самом деле. Кем была ее сестра.

Смена имени и другой цвет волос могли бы обмануть меня, потому что я не был там тем летом после смерти Мэдисон. Я не был параноиком, как Винсент. Может, он хотел убрать Скарлетт из моей жизни не потому, что считал ее золотоискательницей, а потому, что она представляла угрозу самому его существованию.

Я чувствую, что чем дольше тянется молчание, тем больше я злюсь. Это дает моему мозгу больше корма. Это дает мне больше времени, чтобы подтвердить мои подозрения относительно каждого из них.

Зак первым нарушает молчание.

— Что мы здесь делаем, Баз?

— Я все еще не получил ответов, которые хотел. Вот почему мы здесь. Не стесняйтесь посвятить меня в то, что, черт возьми, вы все затеваете.

— Мы? — Зак с силой опускает свой стакан на стойку бара, и я сжимаю челюсти. Я стискиваю зубы. В последнее время мне все труднее и труднее сдерживать гнев. — Почему бы тебе не посвятить нас в свой гребаный план, Себастьян? Все разваливается. Кто-то расследует дело, твоя подружка пыталась сбросить Винсента с обрыва, она вломила в мой дом, а у тебя хватает наглости войти сюда и вести себя так, будто все под контролем? Ты должен был это исправить!

Красный цвет просачивается в мое зрение, и гнев выплескивается в мою грудь. Губы растягиваются в мерзкой ухмылке. Я мрачно смеюсь, задумчиво потирая большим пальцем нижнюю губу, пока иду через комнату. Я подкрадываюсь к нему очень медленно. Прежде чем он осознает это, я хватаю Зака сзади за шею и сжимаю ее. Он шипит от боли, и я наклоняюсь к его уху, чтобы никто не услышал моих следующих слов.

— Кто убирал за тобой последние пятнадцать лет, Закари? Не испытывай меня, мать твою. Пережди мне дорогу, и клянусь, Ковингтон, что это будет твой последний вздох. — я толкаю его вперед, хватая за шею, и он ловит себя в самый последний момент, прежде чем его лицо ударяется о барную стойку.

Я поворачиваюсь лицом к остальным ребятам.

Лицо Трента покрыто гневом, его верхняя губа кривится, и, не в силах обуздать свою глупость, он дует.

— Что, теперь ты считаешь себя крутым дерьмом? Думаешь, что можешь изменить правила, потому что у твоей сучки хорошая киска? — издевается Трент, проходя через комнату ко мне.

Краем глаза я вижу, как Ной делает поспешный шаг вперед, словно собирается встать, между нами, но я поднимаю руку, молча приказывая ему оставаться на месте.

— Именно из-за Маккензи все разваливается. Не из-за нас. Это не какие-то дурацкие секреты, которые, как ты думаешь, мы храним. Это она. И это ты. Лучше бы она, блядь, умерла в той машине с Винсентом. Быть может, тогда все было бы...

Я хорошо сохранял хладнокровие, но все это исчезло, как только имя Маккензи сорвалось с его губ.

Схватив его за горло, я прижимаю его к стене, обрывая на полуслове. Он задыхается, его лицо приобретает странный пурпурный оттенок от силы. Я делал это много раз раньше, держа всю жизнь Трента в своей ладони, но это первый раз, когда моя хватка такая безжалостная. Если я надавлю сильнее, то раздавлю ему горло и убью.

Это заманчиво. Так заманчиво.

— Попробуй, Трент, — поддразниваю я. — Я ждал, что ты облажаешься всего один раз, чтобы наконец поставить тебя на место. Не забывай, с кем говоришь. Не забывай, кто тебя сделал. Кто поднял все ваши жалкие задницы с пола — кто дал вам все, когда у вас ничего не было? Не принимай мою доброту за слабость, Эйнсворт, потому что я прикончу тебя без всяких угрызений совести.

— Мы д-должны б-быть братьями, — выдыхает он, выпучив глаза от недостатка кислорода.

— Братья не пытаются трахать сучек друг друга, — скриплю зубами я, отшвыривая его от себя. — Приведи себя в порядок. Выглядишь как гребаный беспорядок.

Я поворачиваюсь к остальным парням, мой взгляд сталкивается с Винсентом.

Его лицо пустое, как обычно. Он единственный, кто не сказал ни слова, и в данных обстоятельствах я уверен, что он первый, кто встанет на ноги и даст мне знать, насколько он зол, что все вышло из-под контроля, но вместо этого он сидит там, тихо, будто замышляет заговор. Если это не красный флаг, то не знаю, что это.

— Как семья?

Он двигает челюстью взад-вперед. С этим простым вопросом он знает, что я знаю. Может, я и не в курсе всего, но он знает без тени сомнения, что я не верю ничему из того, что он мне рассказал.

— Все ещё куски дерьма, — наконец отвечает он.

Я ухмыляюсь.

— Меня это не удивляет. Яблоко от яблони не далеко падает, не так ли?

Его ноздри раздуваются, и он поджимает губы, просто умирая от желания огрызнуться на меня, но это одна вещь в моих отношениях с Винсентом. Мы не всегда во всем согласны, но и никогда не ссоримся. Он уважает меня и мою семью, и то, что мы сделали для него за эти годы. Вы никогда не кусаете руку, которая вас кормит.

— Так. Хватит, — говорит Ной, выходя на середину, устав от нашего беспорядка. — Теперь, когда вся эта мачо-чушь закончилась, нам нужно разобраться в серьезном дерьме. Даже если Баз повернул историю аварии в вашу пользу, это не значит, что тот, кто занимается этим гребаным делом, ничего не ищет. Это может быть правосудие, месть — что бы это ни было, это проблема. Для всех нас. Так что... — он вздыхает, делая паузу, пронзая взглядом каждого из нас. — Это значит, что, если они собираются раскрыть что-то, о чем я не знаю или о чем не знает Себастьян, скажите это или умрите медленной смертью, когда Баз позволит бросить вас на съедение волкам.

Наступает тишина.

Мы все смотрим друг на друга. Трент, конечно же, ломается первым.

— Так. Хорошо. Не в то лето все началось. Все началось *той* ночью.

У меня внутри все сжимается.

— Ты ведь помнишь, Баз? — спрашивает Зак, вонзая нож.

Я помню.

Я не могу это забыть. Даже если пытался.

— Ты знал, — выпаливаю я, когда Дэн входит в мой кабинет.

Я позвал его под предлогом, что мне нужна его помощь, но на самом деле я был готов надрать ему задницу. Такое чувство, что все рушится вокруг меня с тех пор, как я узнал правду. Я больше не знаю, кому могу доверять. Моя верхняя губа кривится, в попытке контролировать свой гнев. Я так отчаянно хочу выместить это на Дэне или остальных парнях.

На его лице все то же бесстрастное выражение, к которому я привык за эти годы.

— Я знал.

Он недовольно кривит губы, словно презирает себя за то, что скрывает от меня такую тайну.

— И ты, блядь, не догадался сказать мне, кто она? Или почему она здесь, входит в мою чертову жизнь?

Он медленно поднимает глаза, и выражение его лица заставляет меня остановиться.

— Вы платите мне за работу, и я ее хорошо выполняю. В ту же секунду, как она вошла в здание, я понял, кто она. Я изучил все, что касалось ее. Я бы не позволил ей приблизиться к вам, если бы думал иначе. И я знал, что она не представляет угрозы. И мы оба в курсе, что она здесь не из-за этого. Возможно, с ними у нее были планы, но не с вами.

В моей груди раздается рычание, и я тычу в него пальцем.

— Перестань за нее заступаться. Перестань пытаться сделать так, что все, что она совершила, казалось правильным. Как так получилось, что ты нашел на неё все, но у меня ничего не вышло?

Он поджимает губы в ответ на мою вспышку гнева. Это не похоже на меня. Это просто показывает, насколько я сошел с ума от всего этого дерьма.

— Тот, с кем она работает, добрался до того места, где вы увидели бы то, что они хотят, чтобы вы увидели. Полагаю, это какой-нибудь хакер. Она работает не одна, это я точно знаю. И послушайте, я не говорю, что она невиновна. Я говорю, что не видел в ней угрозы. Она ни разу не втянула вас в это. Она была просто сломленной девушкой, ищущей ответы, и использовала вас, чтобы получить их.

— Вот именно. Она использовала меня, чтобы получить ответы. Откуда мне знать, что все это было реальным?

Он пожимает плечами.

— Думаю, вам придется это выяснить, разве нет?

Я ненавижу то, как он смотрит на меня сейчас. С этой чертовой насмешливой улыбкой, как будто это смешно.

— И как, по-твоему, я это сделаю? Я выгнал ее и сказал, чтобы она никогда не возвращалась, и теперь я нигде не могу ее найти.

— Она послушалась?

Он кривит бровь, и в этот момент я его ненавижу. Почему все люди в моей жизни должны быть помехой?

Я предупреждающе сужаю глаза.

— Если ты знаешь, где она, просто скажи мне. Не нужно играть в эти дурацкие игры в угадайку.

— Я знаю. Но, скорее всего, вам это не понравится.

Он переминается с ноги на ногу, и это единственный намек на то, что мне, очевидно, действительно не понравится, где бы она ни была.

Это не должно быть хорошо.

Я выпрямляюсь, волосы встают дыбом.

— Почему, черт возьми, мне не должно это понравиться?

— Потому что родители отправили ее в психиатрическую лечебницу. Там ее и держат.

— Блядь! — я хватаю первую попавшуюся вещь и запускаю ее в стену, наблюдая, как она разлетается вдребезги.

Остатки моего напитка стекают по стене вместе с разбитым хрусталем. Грудь вздымается, когда я пытаюсь контролировать ярость, которая внезапно сжигает каждое отверстие в моем теле.

— Как долго? — когда он не отвечает, я поворачиваюсь, свирепо глядя на него. — Как давно она там?

Он вздыхает.

— Ее отправили туда через несколько дней после аварии.

Я подхожу к окну своего кабинета и смотрю на курорт. Вокруг люди. Отдыхающие. Люди, у которых, конечно, меньше проблем, чем у меня в данный момент. Жар волнами прокатывается по моей груди, заставляя чувствовать, что я дышу огнем. Я испытываю слишком много всего сразу и не знаю, что с этим делать и как себя чувствовать.

— Мне нужно все, что у тебя есть на это место. Где оно, кто им управляет, под чьей опекой она находится.

— Вы получите всю информацию, босс.

Глава 8

Маккензи

Я просыпаюсь ночью, острая боль пронзает мое бедро в том положении, в котором я спала. Без фиксаторов для поддержки мое тело находится в совершенно новом мире боли. Я ерзаю, издавая стон, и позволяю своим глазам привыкнуть к темноте палаты. Мое сердце колотится, и я вздрагиваю, когда вижу темную тень,двигающуюся у двери. Я напрягаюсь, все мое тело наполняется льдом.

Я быстро моргаю, пытаюсь привыкнуть к темноте. Сердце бьется так быстро, что я почти ожидаю, что оно вырвется из груди. На лбу у меня выступили капельки пота, а в ушах оглушительно застучала кровь.

— Доктор Астер? — шепчу я.

Раздается смешок, от которого у меня по спине пробегает дрожь ужаса.

Нет.

Нет, его здесь нет. Это, должно быть, сон. Кошмар.

Я должна произнести эти слова вслух, не осознавая этого, потому что раздается еще один мрачный смешок, и к тому времени, когда он подходит к моей кровати и зажимает мне рот грубой рукой, заглушая крики, мое зрение приспособливается к темноте, и я знаю, что больше не сплю. Зак действительно здесь. Во плоти.

Он смотрит на меня сверху вниз, с озорным блеском в глазах при виде моего искалеченного тела. Его волосы выбиваются из пучка, затеняя лицо.

— У тебя действительно ангел-хранитель на твоей стороне, не так ли? Ты просто никогда, блядь, не умрешь.

Мой всхлип приглушен его рукой. Слезы текут по моему лицу, скатываясь по вискам и волосам. Страх овладел моим телом. Он царапает мне грудь, в горле застревает комок, из-за которого невозможно закричать. Не то чтобы меня кто-нибудь услышит.

— Думаешь, здесь ты в безопасности, Маккензи? Подумай еще раз. Я превращу твою жизнь в ад. Заставлю тебя пожалеть, что ты не умерла. Это обещание.

Он двигается так быстро, что я даже не могу остановить его. Он вырывает одну из подушек у меня из-под головы и накрывает ею лицо. Я паникую, пытаюсь втянуть воздух, но подушка перекрывает мне дыхательные пути. Я мечусь на кровати и пытаюсь позвать на помощь, но удушающий материал заглушает крики. Я чувствую внезапное давление в животе и задыхаюсь, содрогаясь на кровати от того, как Зак давит на рану. На рану, которую нанёс Винсент ножом.

Я задыхаюсь от боли, слез, и подушка, блокирующая мои дыхательные пути, заставляет этот черный туннель мчаться ко мне. Я пытаюсь бороться с ним, но он поглощает меня в приступе паники, пока я вообще не перестану что-либо чувствовать.

Когда я просыпаюсь на следующее утро, мои глаза распахиваются, но меня окружает только тьма. Я пытаюсь втянуть воздух, но чувствую мягкую тяжесть на лице. Паникуя, события прошлой ночи врезаются в меня, и я использую свою свободную руку, чтобы нащупать и стащить то, что лежит на моем лице.

Мое сердце замирает, а желудок сжимается, когда подушка легко сдвигается с моего лица. Моя грудь разрывается от рыданий, и я кричу, думая о прошлой ночи, зная, что она была реальной. Он был здесь. Он был здесь и чуть не задушил меня гребаной подушкой!

Я оглядываю палату в поисках помощи, проверяя, здесь ли он. Я одна. Я смотрю на потолок, надеясь, что здесь установлены камеры, что-то, что может показать, что он пытался убить меня. Мне нужны доказательства. Что-то осязаемое, что я могу использовать против него. Потому что, если я ничего не предприму, он меня убьет.

Костас была права. Я в большей опасности, чем думала. Враг был не так уж далеко. Он здесь.

Должно быть, я рыдаю гораздо громче, чем ожидала, потому что дверь внезапно распахивается и вбегают Гэри, медсестра, которую я никогда раньше не видела, и Стефани. Ее глаза широко раскрыты, на лице написана паника.

— Мисс Райт, что случилось? Вы ранены?

Я бью себя в грудь свободной рукой сквозь рыдания, пытаюсь выдавить слова, но они не приходят. Они застряли у меня в горле, отказываясь вырваться. Одна из медсестер говорит что-то в рацию, и вдалеке я слышу топот ног, в то время как у меня приступ паники. Кровь шумит у меня в ушах, шум в палате затихает, и все, на чем я могу сосредоточиться, это на моей груди, ограничивающая воздух. Перед глазами все расплывается. Лица сливаются, когда приближаются ко мне.

В поле зрения появляется лицо доктора Астер. Она что-то говорит, ее губы шевелятся, в глазах паника, когда она смотрит на меня сверху вниз.

— О-он здесь, — с трудом выговариваю я, задыхаясь и всхлипывая.

Она жестом указывает на что-то позади себя, и следующее, что я помню, кислородная маска надевается на мой рот и нос, помогая дышать.

Я закрываю глаза, ожидая, когда утихнет боль в груди. Не знаю, как долго я так сижу, но через некоторое время ощущение стеснения в легких рассеивается, и я могу сделать глубокий вдох. Я медленно открываю глаза, мое сердцебиение приходит в норму, а рев в ушах успокаивается ровно настолько, чтобы я могла слышать, что происходит вокруг.

— Маккензи? Вы меня слышите? — спрашивает доктор Астер, и ее лицо снова появляется в поле зрения. Я вздергиваю подбородок, показывая, что слышу ее. — Вы можете дышать самостоятельно?

Я снова киваю, и она снимает маску, передавая ее одной из нескольких медсестер, которые рядом.

— Что только что произошло? Вы сказали: «Он здесь». О ком вы говорили?

Горячая слеза скатывается по моей щеке, и подбородок дрожит от волнения.

— Зак Ковингтон. Он здесь. Вчера ночью он был в моей палате. Он пытался убить меня!

Она отшатывается от моих слов, как от пощечины.

— Маккензи, это невозможно. Вы уверены, что это не был какой-то... сон?

— Конечно, я уверена, — скриплю зубами я. — Он положил подушку на мое гребаное лицо, чтобы задушить меня!

Она поджимает губы, явно не убежденная. Тревожное предчувствие задерживается у основания моего позвоночника, когда я смотрю на нее.

— Вчера у нас был долгий разговор. Думаю, это потревожило ваши сны прошлой ночью. Уверяю, вас никто не преследует. Почему бы вам не позавтракать, и мы вернемся к этому сну позже.

Я стискиваю задние зубы так сильно, что, клянусь, чувствую, как мой зуб трескается от силы.

У меня пересыхает в горле, когда она шепчет что-то приглушенным голосом медсестрам, а затем выскальзывает из палаты. Гэри и Стефани остаются, но все остальные уходят. Сдерживая слово, мне приносят завтрак, но я сижу, уставившись на него, и мой желудок сжимается. Я не могу думать о еде, когда Зак был здесь. Если он здесь, то остальные не отстанут.

Стефани одаривает меня дружеской улыбкой, пытаясь успокоить и заставить поесть, но я не отвечаю. Я всех опасаюсь.

Их подкупили? Не потому ли доктор Астер так легко отвергла эту идею? Она тоже в этом замешана? Я не знаю, кому доверять. Зак пытался убить меня прошлой ночью, и что-то подсказывает мне, что он не остановится, пока я не окажусь на глубине нескольких метров рядом с Мэдисон. Так же, как я всегда должна была быть.

Я ужасно нервничаю, когда после завтрака Стеф выкатывает меня вместе со всеми. По-видимому, мой утренний эпизод не так сильно взволновал всех, как меня. Должно быть, дела у меня идут лучше, чем ожидал доктор, потому что она разрешает мне выйти вместе с остальными. Думаю, это ее способ исправить меня. Она, очевидно, думает, что прошлой ночью у меня были галлюцинации, поэтому, если я погуляю со всеми, видя своими собственными глазами, что его здесь нет, я внезапно почувствую себя лучше. Я уверена, что разговор о Базе вчера тоже был шагом в правильном направлении в ее глазах.

Это буквально последнее место, в котором я хочу находиться, но мне нужно смириться с этим и надеяться, что каким-то образом это может сработать в мою пользу. Я могу использовать это время здесь со всеми остальными, чтобы провести свое исследование, узнать, кто есть кто, выяснить, не видел ли кто-нибудь человека, бродящего по больнице, который соответствует описанию Зака. Лучше держать врагов близко, чем вообще не знать, кто они.

Мой план рушится, когда Стеф вкатывает меня в комнату с телевизором и столом, заваленным настольными играми. В углу стоит полка с книгами. Я ошиблась. Меня больше

ни с кем не выпускают. Доктор просто дает мне другие привилегии. Она явно не доверяет мне в присутствии других, и я уверена, что сегодняшнее утро только доказало это для нее.

— Увидимся через двадцать минут, хорошо? Если вам что-то понадобится, Гэри ждет снаружи. — Она колеблется, будто хочет сказать больше, может быть, рассказать о том, что произошло сегодня утром, но в конце концов решает не делать этого.

Я глубоко вздыхаю, глядя ей вслед. Я действительно не хочу, чтобы она была в этом замешана. Она начинает мне нравиться. Это была бы просто моя удача. Я сажусь в кресло-каталку, оглядываю комнату, пытаюсь найти себе занятие на следующие двадцать минут, но вместо этого решаю отправиться к телевизору. Это достаточно бессмысленно, и последнее, что я хочу сейчас делать, это думать.

Я начинаю катиться к пульта, когда замечаю открытую дверь позади меня в отражении затемненного экрана телевизора. Мои глаза расширяются, а желудок сжимается. Женщина, которая ясно дала понять, что работает на Зака, закрывает за собой дверь, и в ее глазах появляется мрачный блеск. Я знаю, что что-то не так, просто по напряжению, которое сейчас наполняет воздух вокруг. Оно такое густое, что трудно дышать. Ее намерения ясны, когда она подходит ко мне.

Решив атаковать, а не защищаться, я стискиваю зубы и изо всех сил толкаю коляску. Мои ноги дрожат от усталости, а тело кричит от боли, от того, что мне приходится вставать самостоятельно, без чьей-либо помощи. На лбу у меня выступают капельки пота, а сердце бешено колотится, когда я оглядываюсь вокруг. Мне нужно найти способ нанести первый удар, прежде чем она приблизится ко мне.

— Сколько они тебе платят?

— Они предоставят мне свободу. Не могу сказать то же самое о тебе, — ухмыляется она, вытаскивая из-за пояса брюк пластиковую вязальную спицу.

Я оглядываюсь назад, на дверь, гадая, где Стефани или Гэри.

Медленно, чтобы не напугать ее, я осторожно делаю шаг назад, подальше от нее, стараясь держаться как можно дальше. Каждая косточка кричит от боли. Еще слишком рано стоять на ногах, но у меня нет другого выбора. И держу пари, они на это рассчитывала. Они оба. На мою слабость, что я буду не в состоянии защитить себя или дать отпор.

Джонс ухмыляется, приближаясь ко мне. Я отступаю, мой гипс на левой ноге стучит по линолеуму с каждым движением. Я маневрирую вокруг стола, пытаюсь поставить что-то, между нами, чтобы она не смогла дотянуться до меня. Будь то стол или моя инвалидная коляска, в данный момент мне все равно. Она бежит вперед и бьет меня. Я отшатываюсь, чувствуя дуновение острого инструмента рядом с телом. Обжигающий жар вспыхивает в моем боку от быстрого движения, но если я не продолжу, если не буду бороться с болью, она воткнет эту спицу в меня, и я действительно услышу Мэдисон, скорее раньше, чем позже.

Она снова наносит удар, и моя спина врезается в шкаф с книгами. Я лихорадочно оглядываю комнату в поисках чего-нибудь, чем можно было бы себя защитить. Ничего. Она снова делает выпад, и я бросаюсь прочь, на этот раз врезавшись бедром в стол. Я испускаю крик агонии и на мгновение замираю, пока мое тело пытается справиться с внезапным приступом боли. Она подходит ко мне, нанося удар спицей, и я ударяю ее гипсом.

Она издаст шипение и ныряет за мной, но я снова поднимаю свою загипсованную руку, на этот раз ударяя ее по лицу и оглушая. Прежде чем я успеваю передумать, я использую стул и стол в своих интересах, поднимаюсь на ноги и отталкиваюсь, прыгая на нее, пока она лежит. Я наваливаюсь всем своим весом ей на спину, удерживая ее тело неподвижным. Она

дико раскачивается, пока я держусь, используя гипс на ее шее как рычаг. Она пронзает меня спицей в ответ, и я издаю крик боли, сжимая ее шею в гипсе и, пытаюсь задушить ее. Мое зрение начинает расплываться, когда боль от перенапряжения моего тела угрожает затянуть меня под воду.

В одно мгновение я вцепляюсь ей в шею и сжимаю изо всех сил, а в следующее раздаются крики и стук в дверь, которую она забаррикадировала. Я уже готова закричать от радости, что кто-то нашел нас, когда она берет верх, и я падаю с ее спины. Мое тело плывет по воздуху, а желудок сжимается, когда флуоресцентные лампы размываются вокруг меня. Я вижу, как край стола приближается ко мне, когда я плыву к земле, но не могу остановить это. Единственное, что я чувствую, это ослепляющую, ошеломляющую боль, а потом меня поглощает темнота.

Глава 9

Баз

После двух недель ожидания, дней и бесконечных ночей без сна я, наконец, внёс два миллиона на финансирование, и это был мой билет в больницу. Несмотря на то, что мы знали, где она, я не был ее семьей, поэтому не мог навещать ее. У меня не было никаких причин, чтобы больница приветствовала меня, поэтому я купил свой путь.

В ту же секунду, как мы подъезжаем к зданию больницы, мое лицо становится кислым. Оно неплохое, что касается удобств, но и не очень хорошее, и мысль о том, что она пробудет здесь в течение скромного количества времени, не устраивает меня. Несмотря на все дерьмовые вещи, которые она сделала, ей здесь не место.

Напа Вэлли известна многим, но как хорошее психиатрическое учреждение? Черт, нет. Я провел свое исследование и нашел больше ужасных историй из этого места, чем хороших. Вот в чем дело с этими государственными программами. Если у вас нет денег на хороший уход, вы застрянете на том, что все остальные смогут позволить себе все, что угодно, и, похоже, именно это произошло с Маккензи. Это сводит меня с ума. Что родители позволяют ей оставаться здесь, не опасаясь за ее безопасность.

Снаружи здание выглядит старым и устаревшим, очевидно, за зданием скрывается история архитектуры. Это четырехэтажный готический объект с инфраструктурой старого света. Внутри он гораздо более модернизирован, чем снаружи, с помощью полусовременных технологий для поддержки большой больничной инфраструктуры. Хотя мысль о том, что она здесь, внутри, все еще не укладывается у меня в голове.

Больница штата Напа не принимает добровольные госпитализации, что означает, что каждый человек, находящийся в этом здании вместе с Маккензи, либо не способен предстать перед судом, либо преступник с психическим расстройством, либо отправлены сюда по причине невменяемости.

Чем больше я оглядываюсь по сторонам, тем больше чувствую, как поднимается мой гнев. Приходится сделать паузу и покорно напомнить себе, что она больше не моя проблема. Я здесь не поэтому. Я здесь за ответами. Чтобы убедиться, что с ней все в порядке, ради собственного спокойствия и выяснить, какого хрена она сделала то, что сделала. Какова была ее конечная цель? Увидеть, как мы все сгнием за решеткой? Или это было что-то

гораздо более зловещее?

Я обхожу тяжелые деревянные входные двери, которые ведут в коридор. С мягкими стенами и еще худшим полом коридор ведет к раздвижным стеклянным дверям, которые, как я могу только предположить, не дают пациентам так легко сбежать. Раздвижные стеклянные двери открываются в стерильный вестибюль с патрулирующей охраной и кем-то, кто работает за стойкой регистрации. Я называю свое имя, и мне приказывают расписаться и поставить дату моего визита в журнале, прежде чем меня впустят.

Как только я, оказываюсь в самом сердце здания, то окидываю взглядом пространство и психически больных вокруг. Группа из них смотрит телевизор, в то время как другая группа сидит за столом и играет в карты. Это буквально то, что вы ожидаете увидеть в психиатрической больнице. Именно так это и показывается в фильмах, где пациенты ходят, разговаривают сами с собой и с другими, собираясь в группы, украдкой бросая параноидальные взгляды через плечо.

Я принимаю все это спокойно, обшариваю лица пациентов, ищу Маккензи, но ее нигде нет.

— Мистер Кинг. Вы пришли.

Я поворачиваюсь на звук, сохраняя бесстрастное выражение лица. В ее тоне безошибочно угадывается легкая враждебность, скрытая фальшивой ноткой согласия. Женщина, с которой я имел неудовольствие постоянно спорить по телефону, выглядит именно так, как я и ожидал. В очках в квадратной оправе и с седыми волосами, собранными в гладкий пучок, с выражением полной серьезности.

— Я только что пожертвовал два миллиона на ваше заведение. Вы действительно думали, что я не приду?

Она улыбается, но это больше похоже на гримасу.

— Конечно. Следуйте за мной в мой кабинет.

Мы идем по освещенным флуоресцентными лампами коридорам, и всю дорогу я ищу Маккензи. Я не знаю, где она и где ее держат, но доктор Астер ясно дала понять по телефону, что не может делиться подробностями своих пациентов, поскольку это привилегия клиента и пациента, поэтому я решил приехать. Кроме того, что Маккензи действительно жива, я больше ничего не знаю ни о ней, ни о ее состоянии. Я понятия не имею, какие у них основания держать ее здесь. Она дала показания в полиции. Единственное, что я могу думать, это то, что она играет роль сумасшедшей, чтобы не попасть в беду после аварии и взлома дома Зака.

Как только мы устраиваемся в ее кабинете, я прижимаю ладони к коленям и наклоняюсь вперед. Этот шаг пугает ее, особенно с моим телосложением. Она не съеживается, как большинство других, но я все равно вижу напряжение в ее челюсти. Ей не нравится, что я утверждаю свое господство над ней в ее пространстве. Я почти ухмыляюсь, чувствуя, как меня это возбуждает.

— Где она?

Она усмехается, поправляя очки на переносице.

— Мистер Кинг, я не могу сообщать вам о своих пациентах. Вы не ее семья, вы никоим образом не отвечаете за ее статус опекуна, и не входите в список ее одобренных посетителей.

Моя улыбка становится уродливой. Я вижу это в отражении ее очков. Она съеживается, но не так, как обычные люди. Она видела слишком много сумасшедших в своей работе,

чтобы позволить другим знать, когда ей страшно или некомфортно, как сейчас. Это едва уловимое движение, то, как она опускается назад, держась на безопасном расстоянии.

— Вы расскажете мне то, что я хочу услышать. И позвольте мне увидеть ее. Мне плевать, противоречит это вашей политике или нет. Знаете ли вы, как легко было бы мне растоптать вас? — спрашиваю я, стараясь говорить тихо и ровно.

Нет никакой необходимости злиться или показывать слишком многого, не тогда, когда она знает, что я прав.

Ее губы недовольно дергаются, обдумывая варианты в своей голове. Она должна прийти к какому-то выводу, решив уступить. Как я и предполагал. Она выпускает глубокий вздох, который кажется сдержанным. Вероятно, это связано с территорией работы.

— Послушайте, я не хотела этого делать, но Маккензи... она не в том состоянии, чтобы принимать посетителей.

Я выпрямляюсь, мои челюсти сжимаются от ее слов.

— И почему же?

— Ну... — она замолкает, в ее глазах мелькает что-то похожее на страх, и она ерзает в кресте. — Она была не в себе, когда ее привезли. Вот почему родители отправили ее сюда. Они полностью опекают ее, потому что на данный момент ее считают некомпетентной. Возможно, она даже представляет опасность для других, а также для нее самой.

— Как так?

Она выгибает бровь.

— Ну, она, кажется, думала, что ее мертвая сестра спасла ей жизнь в ночь аварии, и вдобавок ко многим разговорам, которые она, по-видимому, имела с ней, она, кажется, верила, что вы и ваши друзья убийцы. Она утверждает, что в ночь аварии именно ваш друг проследил за ней и пытался убить. В ее рассказе имеются очевидные дыры и вещи, не имеющие смысла. У нее были галлюцинации, она утверждала, что кто-то пришел за ней. Она параноик. Это одна из главных причин, почему я думаю, что в ее интересах, чтобы родители держали ее здесь.

Разговаривает с покойной сестрой? Я этого не ожидал.

— Меня все это совершенно не волнует. Отведите меня к ней.

Доктор Астер хихикает, словно мои слова забавны. Она водит очками по переносице, наблюдая за мной.

— Поверьте мне, мистер Кинг. Думаю, вы последний человек, которого она желает видеть.

Мои руки сжимаются в кулаки, единственный признак моего разочарования.

— Почему это?

— Мы уже говорили о вас. На данный момент вы не самый ее любимый человек. — услышав мое молчание, она вздыхает. — Я попросила ее произнести ваше имя и выразить эмоции, которые приходят при произнесении вашего имени, и вы хотите узнать, что было сказано?

Черт, нет.

— Я уверен, что вы все равно мне расскажете?

— Боль. Предательство. Гнев. Вот что она испытывает, когда думает о вас. Эти эмоции она связывает с вами, и, честно говоря, с точки зрения врача, я не думаю, что в ее интересах видеться с вами. На самом деле, это может только ухудшить ситуацию. Особенно после аварии.

Мои брови опускаются, беспокойство заполняет тело.

— Мне не сообщили об аварии.

Она ерзает в кресле, явно чувствуя себя неловко из-за новостей, которые должна сообщить.

— Вы не ее ближайший родственник. Конечно, вы не будете осведомлены. Ее родители были в курсе ситуации, и хотя они еще не приезжали навестить ее, это... как... я сказала, она нездорова.

— Черт возьми, выкладывайте, — скриплю зубами я.

— Она поссорилась с одним из пациентов. Обвинила в сговоре с врагом. Что бы это ни значило. — она вздыхает. — Пока охрана разнимали их, кое-что произошло. Когда они оттаскивали обеих женщин друг от друга, она ударилась головой о стол, проломив череп, прежде чем упасть на пол.

Я чувствую, как воздух покидает мою грудь, словно кто-то пинает меня.

Какого хрена она сейчас говорит?

— Что именно вы пытаетесь мне сказать, доктор? — мой голос холоден, пронизан ядом.

Я медленно наклоняюсь вперед, атмосфера в ее кабинете наполняется напряжением. Ее глаза расширяются от скрытой угрозы в моем голосе.

— Она жива. Хотя у нее есть несколько новых шрамов, она жива, и это все, что имеет значение. Уверена, что этот инцидент никоим образом не замедлит ее прогресс и восстановление, — она встаёт, добавляя, увидев выражение моего лица, — Просто краткосрочная неудача вот и все.

— Дайте мне взглянуть на нее, — рычу я, обхватив руками подлокотник кресла.

Дерево скрипит под моей безжалостной хваткой.

Она отрицательно качает головой.

— Я не могу этого сделать. Вы не ее семья, мистер Кинг.

— Я не уйду отсюда, пока не увижу ее.

Она выпускает взволнованный вздох.

— Что насчет этого? Я провожу вас в ее палату, где мы понаблюдаем за ней с другой стороны двери. Обычно я наблюдаю за ней из окна, но сегодня вы можете присоединиться ко мне. Чтобы убедиться, что она в надежных руках.

Ни хрена себе.

Всю дорогу до палаты я чувствую, как колотится сердце при одной мысли, что я снова ее увижу. Это быстрое и глубокое эхо в моей груди, которое ощущается как стальной барабан. Даже если я должен ненавидеть ее после всего, что она сделала, я не в состоянии. После нескольких дней, когда я думал, что она мертва, я просто хочу увидеть ее своими глазами, увидеть, что с ней все в порядке.

Мое сердце замирает в груди, когда они ведут нас в ее палату, мой взгляд останавливается на маленьком комковатом тельце, лежащем в центре больничной кровати. Я смотрю на гипс, на синяки, на то, какой искалеченной она выглядит, и что-то плотное и сдерживающее входит в мою грудь, сжимая органы, пока я не сдерживаю дрожь. Ее волосы — это шок, возвращающий к реальности, показывающий, как далеко она готова была зайти ради всего этого. Черные волосы, которые я раньше считал ее оттенком, теперь наполовину отросли, и часть верхней половины головы стала светлой. На макушке и на лбу у нее не хватает клочка волос, а на коже большой шрам, который, как я предполагаю, появился из-за ссоры с пациентом.

— Мы ввели ей медикаменты от боли, и она немного дремлет, — говорит доктор Астер, пока мы смотрим на ее неподвижное тело, окутанное тяжелым молчанием.

Мои брови опускаются, и я уже собираюсь спросить, как часто она спит, когда замираю, заметив, что Маккензи начинает поднимать голову. Я сдерживаюсь, чтобы не вздрогнуть, когда смотрю на ее лицо, когда она меняет позу. Она вся в синяках, и мне хочется взять ее на руки и унести подальше отсюда, но я не могу этого сделать.

По многим причинам, но только одна действительно имеет значение.

Мы продолжаем молча наблюдать за ней. Мы оба по-своему разбираем Маккензи. Скорее всего, она пытается поставить диагноз, пока я пытаюсь найти девушку, которая держала меня в плену с момента нашей встречи. Я чувствую, как что-то рушится, когда мне трудно найти ее. Особенно лежа в этой постели, выглядя хрупкой и беспомощной.

И тут до меня доходит, как же по-королевски я облажался. Мэдисон попросила меня защитить ее сестру в ночь смерти, и когда я смотрю на скорлупу девушки, лежащей в постели, я понимаю, насколько сильно я потерпел неудачу.

Когда Маккензи снова начинает шевелиться, я стискиваю зубы и поворачиваюсь прочь от ее палаты. Есть время и место для воссоединения, но прямо сейчас, вот так? Нет. Она будет чувствовать себя как в клетке, если узнает, что я наблюдал за ней, видел ее в один из самых тяжелых моментов.

— Как бывший молодой человек, я могу представить, что видеть ее в таком состоянии это шок, — говорит доктор Астер, следуя за мной по коридору, прочь от палаты Маккензи.

— Как вы догадались?

— Назовите это моей докторской интуицией.

— Она больше не моя проблема.

Слова, как кислота на языке, выворачивают желудок.

— Вы не это имеете в виду. Хотите знать, откуда я это знаю?

Я закатываю глаза.

— Не совсем.

Ее губы кривятся в усмешке.

— Из-за того, как вы на нее смотрели. — сделав шаг ко мне, она, кажется, пытается взять себя в руки. — Послушайте, я понимаю. Вам нужно было приехать сюда и самому посмотреть, как она. Но я бы посоветовала вам отпустить ее. Живите своей жизнью. Вы и все ваши друзья.

Я ухожу, намереваясь сделать именно это. Но в том-то дело, что намерения, которым вы не посвящаете себя, вам не свойственны. Они никогда не сбываются.

— Как она?

— Она в замешательстве и, ну, ужасно параноидальна, — отвечает доктор Астер.

Я выдыхаю, отодвигая стакан с виски.

— Верно.

— Вам не обязательно постоянно звонить, чтобы узнать, как она. Если я правильно помню, вы говорили, что она больше не ваша проблема.

Я сжимаю губы, борясь с желанием выругаться на нее. Она не ошиблась. Я

действительно говорил такие вещи, но не имел их в виду. И она, очевидно, это знает.

— Послушайте, она больше не может причинить вам вреда. Я уже говорила об этом вашему другу. Вы оба не должны продолжать это делать.

Все с визгом останавливается. Я бросаю взгляд на Маркуса, который сидит на диване, сдвинув брови и наблюдая за мной.

— Что вы только что сказали?

— Что вам не стоит беспокоиться...

— Кто еще приходил к ней, кроме меня? Вы сказали, что у нее не было посетителей.

От резкости в моем тоне Маркус резко выпрямляется, смущение искажает его черты.

Она делает паузу.

— Я этого не говорила. Я сказала, что ее родители еще не навещали ее.

— Отвечайте на мой гребаный вопрос! — я бью ладонью по столу, мой гнев взрывается.

— Мистер Хоторн. Он не приходит. Он просто расписывается, стоит возле ее палаты и наблюдает, как вы, а потом уходит. Думаю, он просто хочет увидеть своими глазами, что она действительно здесь. И не рядом с ним. Как и большинство жертв, это дает им душевное спокойствие.

Гнев кипит в моих венах, и мой желудок сжимается, пока я медленно перевариваю, сказанное. Он навещал ее все это время. Скорее всего, именно из-за него она поссорилась с другим пациентом. Та же самая ссора, привлекающая к еще *одной* черепно-мозговой травме.

— Вы уверены, что это Винсент Хоторн?

— Я уверена.

— Вычеркните его из списка. Не подпускайте его к ней. Вы меня поняли? Я лишу вас финансирования. Я погублю вас. Никому не следует позволять навещать ее, кроме семьи.

— Что, почему? Япустила вас. Чем это отличается от мистера Хоторна?

— Он здесь не как друг, поверьте мне. Он способен на многое.

Как только я заканчиваю разговор, Маркус вскакивает, на его лице написано беспокойство.

— Что, черт возьми, происходит?

— Винсент. Он был там. Навещал ее все это время.

Он отрицательно качает головой.

— Это невозможно. Зачем ему это...? Зачем ему встречаться с Маккензи? Если только... — его взгляд устремляется на меня, глаза расширяются. — Ты же не думаешь, что он...

Я хватаюсь за края стола, мои пальцы впиваются в дерево.

— Я думаю, что на данный момент он способен на все.

Мы обмениваемся взглядом, который озвучивает мои самые большие опасения. Я больше никому не доверяю, и хотя Маркус доказал свою верность, часть меня все еще насторожена. Даже по настоянию Дэна Маркус чист. Дело в том, что я нуждаюсь в Маркусе как во внутреннем человеке, чтобы узнать правду от остальных парней.

Схватив со стола телефон, я набираю номер Дэна и прошу его подогнать машину. Я нанесу визит Винсенту, нравится ему это или нет.

Я велел Маркусу остаться в The Kings на случай, если он столкнется с другими парнями. Я хотел, чтобы они все были, по крайней мере, в одном из наших мест. Засунув руки глубоко в карманы, я вхожу в роскошный пентхаус Винсента в Голливуде. Ему принадлежит весь верхний этаж, и он единственный из нас, кто предпочитает такое здание, а не настоящий

дом в горах.

Швейцар приветствует меня кончиком шляпы и сразу же узнает. Я бывал здесь бесчисленное количество раз, так что мой визит не является чем-то из ряда вон выходящим. Кто угодно, только не Винсент. Я захожу внутрь, удовлетворенный удивленным выражением, промелькнувшим на его лице. Он сидит на диване, музыка гремит, две девушки целуются в кресле рядом. В воздухе пахнет травкой, и тонкие белые дорожки на столе точно говорят мне, какие у него планы на сегодняшний вечер.

— Пришел, чтобы присоединиться к вечеринке, не так ли?

Взгляд, которым я его одариваю, отнюдь не приятный. Огонь и лед. Мускул на моей челюсти сжимается от того, как сильно я стискиваю зубы.

Почувствовав перемену в воздухе, тяжелый вес моего гнева окутывает комнату, и Винсент медленно поднимается с дивана, держа в руке косяк, и направляется к своему балкону, выходящему на центр Лос-Анджелеса.

— Ну... — Винсент выдыхает вместе с клубом дыма. — Если ты здесь не для веселья, то для чего?

Я прижимаюсь спиной к стеклу его раздвижного окна. Засунув руки обратно в карманы, я поднимаю ногу, кладу ее за спину, принимая небрежную позу, которая не соответствует тому, что я чувствую внутри.

— Сегодня у меня состоялась интересная беседа с доктором Поппи Астер.

Я жду, что он отреагирует на имя, на известие, которое я знаю, но он не реагирует. Он поднимает бровь, делает еще одну затяжку и ждет, когда я продолжу.

— Я должен знать, кто она?

Я ищу в его взгляде правду. Его глаза налиты кровью, веки отяжелели. Он уже под кайфом, и судя по тому, как расширились его зрачки, он уже употребил несколько дорожек. Он либо понятия не имеет, о ком я говорю, либо чертовски хорошо врет.

— Я знаю о твоих частых посещениях психиатрической больницы. Вот о чем я говорю. С твоей стороны было очень умно держать ее местонахождение при себе. Хотел закончить начатое?

Между бровями Винсента пролегает складка. В уголках глаз появляются морщинки замешательства.

— Какого хрена мне навещать в психушку?

Сухой смешок вырывается из моего горла.

— Ты прекрасно знаешь почему. Твое имя уже несколько недель значится в журнале посетителей. Доктор сказала мне, что ты слишком часто навещаешь ее.

Винсент некоторое время смотрит на меня, выглядя совершенно озадаченным. Пока до него не доходит. Я наблюдаю, как это происходит, как приходит понимание. Его глаза блестят, что-то темное проникает в его взгляд, и он сжимает губы.

— Насколько часты *мои* визиты?

От того, как он задает этот вопрос, с легкой резкостью в голосе, у меня волосы на затылке встают дыбом. Я выпрямляюсь, отталкиваясь.

Что-то странным образом похожее на панику вспыхивает у меня внутри, и я набрасываюсь на Винсента. Схватив его за воротник рубашки, я прижимаю его к стене, моя рука прижимается к его горлу, перекрывая доступ воздуха.

Я ищу ответ в его темных, почти черных глазах. Бесконечные лужи грехов и разврата. Он должен быть моим братом, но когда я смотрю на него сверху вниз, то понимаю, что мы

не братья очень долгое время.

— Сделай это, — выдыхает он под тяжестью моей руки. — Ты избавишь меня от страданий.

Мои брови морщатся от этого странного заявления. С разочарованным рычанием я отталкиваюсь от него, устанавливая столь необходимое расстояние, между нами, прежде чем свернуть ему шею. Он наклоняется, задыхаясь от недостатка кислорода. Когда он выпрямляется, я вижу это в его глазах.

Мои ноздри раздуваются, когда осознание осеняет нас обоих.

— Это был он, не так ли?

— Этот подлый ублюдок, — кипит Винсент, имея в виду Зака. — Я убью его.

То, как Винсент говорит это, не просто утверждение, это обещание. Все это время я думал, что они работают вместе, но я ошибался. Зак обманул всех нас, включая Винсента. У них всегда были сложные отношения, по какой-то причине, но теперь, кажется, что-то изменилось, и два друга, которые всегда были как братья, разваливаются.

Действительно, этот подлый ублюдок. Он не только притворяется Винсентом, чтобы спасти свою задницу, но и берет дело в свои руки. И я не могу этого допустить.

Глава 10

Маккензи

Прошлое

— Девочки, идём! Ваш отец ждет вас в машине.

Мы с Мэдисон спешим собрать вещи. Сегодня мы едем на пляж. Это стало чем-то вроде семейной традиции. То, что мы всегда делаем в день рождения нашего отца. У нас с Мэдисон вошло в привычку каждый год собирать ракушки. Она хочет стать морским биологом. Я еще не знаю, чего хочу, но уверена, что, что бы это ни было, я пойду по ее стопам, как всегда.

Сегодня немного пасмурно, поэтому на пляже не так много людей, но мы с Мэдисон все равно раздеваемся и бежим к воде, брызгая друг на друга. Счастье наполняет мою грудь, когда мы скользим под ледяную воду, наши тела дрожат, губы синеют, но все же мы приветствуем это ощущение, становясь единым целым с ним. Я знаю, что она чувствует то же самое. Точно так же, как я знаю, что небо голубое, а трава зеленая. Это наше дело. Мы просто знаем, о чем думает и что чувствует другой. Мы всегда знаем.

*Мама с папой принесли портативный радиоприемник, и когда мы слышим первые звуки песни, мы с Мэдисон смеемся и визжим, выбегая из воды. Схватившись за руки, мы кружимся, танцуя под песню *Dreams — Fleetwood Mac*. Это наша песня, та, ради которой мы не можем стоять на месте, когда она начинает играть. Это одна из тех песен, которые заставляют хотеть двигаться.*

— Когда дождь смывает тебя дочиста, ты поймешь, — поем мы в унисон, ужасно невнятно, но все равно хихикаем от удовольствия, находя наше пение забавным.

Исторически смеясь, мы падаем на песок, позволяя нашему равновесию восстановиться после энергичного вращения. Облака и мрачное небо перемещаются вокруг нас.

— Тебе лучше? — тихо спрашивает Мэдисон, когда песня все еще играет на заднем плане, и мы обе теперь глубоко погружены в задачу поиска ракушек.

Я пожимаю плечами, вспоминая, почему мне было так грустно. Далила из шестого класса взяла на себя смелость придаться ко мне в этом учебном году. Мы все были лучшими друзьями в прошлом году, но что бы ни случилось с тех пор, все изменилось, и она сделала своей жизненной миссией превратить мою жизнь в ад.

За лето я набрала вес. Это очевидно. Моя грудь стала больше, как и мой зад, но Мэдисон осталась прежней, сохранив свою тонкую фигуру, совсем как моя мама. Это тяжело. Мы должны быть близнецами, но в такие моменты, как сейчас, мы не можем быть более противоположными. Я чувствую, что постоянно стараюсь не отставать.

Далила обзывала меня, и теперь весь шестой класс пошел по ее стопам, приняв ее мантру. Моя сестра, очевидно, обратила на это внимание. Она делает в школе все, что может, сопротивляется Далиле, заставляя ее прекратить — все то, что я никогда не смогу сделать для себя.

Больше всего я боюсь, что ее втянут во все это, а это последнее, чего я хочу для нее. Я ее опускаю.

Я уклончиво пожимаю плечами, слишком сильно сосредотачиваясь на разбитой скорлупе, которую сейчас выкапываю, на чем угодно, лишь бы избежать ее взгляда. Я вытираю влажные песчинки с радужной оболочки, пытаюсь очистить ее.

— Да, я в порядке.

— Мак.

То, как она произносит мое имя, заставляет меня задуматься. Я поднимаю глаза, уделяя ей все свое внимание.

— Что?

— Ты совсем не такая, как она говорит. Ты ведь это знаешь, верно? Ты невероятная.

Я морщусь, думая обо всех дерьмовых вещах, которые она сказала за последнее время.

— Что-то не верится, — бормочу я, сдерживая жжение, которое чувствую под веками.

Я всегда слишком заботилась о мнении других. Я не хочу быть такой. Какая разница, если я не нравлюсь кому-то? Почему я испытываю потребность дружить со всеми? Почему хочу всем понравиться? Это так легко дается Мэдисон. Все ее любят, а те немногие, кто не любит? Ей действительно на них все равно.

— Эй, — резко говорит она, притягивая мой взгляд обратно к себе. — Далила злобная стерва, которая несчастна в своей собственной жизни и вымещает это на тебе. Не дай ей победить, слышишь? Ты сильная и красивая, Мак. Никогда не забывай об этом.

Слеза скатывается по моей щеке. Вот тебе и сдерживание эмоций. Сестра протягивает руку и ловит слезу пальцем.

— Я всегда буду рядом, Мак. Я всегда буду защищать тебя, несмотря ни на что. Это ты и я против всего мира.

Две недели спустя

Я со скучающим видом смотрю в окно, отгоняя воспоминания. Все это заставляет мое сердце сжиматься от боли. Я держу все снаружи пустым, но внутри работаю над тем, чтобы найти выход отсюда.

Здесь настоящий ад. Последние несколько недель после «инцидента» были сушим адом. Вот как они это называют.

Я хочу сбежать.

От боли. От мыслей и воспоминаний.

Сбежать из этой дыры. Здесь место людям, которые нуждаются в реальной помощи. Мне здесь не место. Это все, что я знаю. И все же со мной обращаются так, будто я подвержена бегству.

Это чертово безумие.

Они просто не сочли, что я могу выйти на свежий воздух и пообедать, что, я думаю лучше, чем ничего. Я заметила, что листья постепенно начали сменять цвет от ярко-зеленого до кленовой ржавчины. Календарь в кабинете доктора Астер показал мне суровую реальность — я здесь уже полтора месяца и ни с кем не общаюсь, кроме пациентов и врачей.

Единственная медсестра, которая проявила ко мне хоть каплю доброты, это Стефани. Она взяла на себя обязанность доставлять мне еду вместе с одной из других медсестер, и чтобы помочь мне оставаться в здравом уме, она будет держать меня в курсе того, что происходит в реальном мире. Как раз сегодня за обедом она показала мне ролик TMZ. Две звезды упомянутого видео? Это Винсент Хоторн и Зак Ковингтон, дерущиеся друг с другом в клубе, который чертовски похож на The Kings. Ролик заставил меня улыбнуться несмотря на то, что я здесь в ловушке. Приятно было сознавать, что не я одна разваливаюсь на части. Судя по всему, Дикари тоже.

Теперь, когда остался один гипс, мне немного легче передвигаться по палате, которая больше похожа на тюремную камеру. Я работаю с физиотерапевтом, и, хотя боль в костях и теле временами невыносима, но бывает, что терпимо. С каждым днем ходить становится легче, боль утихает.

Я до сих пор ни от кого ничего не слышала. Не от девочек. Не от родителей. Не то чтобы я ожидала услышать что-то от База, но не могу не задаться вопросом, где он. Не сомневаюсь, что он слышал о случившемся, и хотя мне все равно, я хочу знать, ненавидит ли он меня. Ненавидит ли меня так же сильно, как я должна ненавидеть его?

Он считает меня сумасшедшей?

Ненавижу, что какая-то часть меня заботится о том, что он думает. Особенно после того, что я знаю. Я должна желать ему смерти. Мне тоже следовало бы замышлять месть против него. Но иногда любовь перевешивает все, потому что, хотя я ненавижу его всеми фибрами души, я люблю его.

Потому что там, где есть ненависть, есть и любовь. И, к сожалению, я поняла, что одно не может жить без другого.

Каждую ночь, когда я закрываю глаза, он рядом. Но это кошмар. Потому что я представляю себе ту ночь. Я представляю, как он причиняет ей боль. Представляю, как он последние несколько месяцев смеется надо мной в своей голове — за закрытыми дверями. Он, наверное, думал, что я глупая. Ему доставляло удовольствие, что ему удалось так легко разыграть меня. И подумать только, я чувствовала такое отвращение к себе за то, как далеко

зашла. Я была убита горем из-за того, что у нас было, даже когда все это было огромной ложью. Все это было лишь фасадом. Он держал меня рядом только для того, чтобы они могли уничтожить меня. На самом деле ему было все равно. Он просто хотел закончить работу, которую не смог закончить много лет назад. Ничто не было яснее, чем сейчас.

Я позволила этому гневу и горю загноиться. В данный момент я почти на полной мощности. Какая-то часть меня чувствует, что я сейчас взорвусь. И, к сожалению, другая часть хочет увидеть его. Я хочу простить его, и хочу, чтобы он простил меня. Хочу вернуться в ту ночь. Когда мы были чужими. До того, как мы узнали что-либо друг о друге, до того, как ложь слетела с наших губ.

Иногда мне нравится думать, что было бы с нами, если бы мы действительно были чужими. Куда бы нас занесла жизнь? Каждый раз, когда эти мысли приходят мне в голову, я плачу, потому что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Нет смысла даже думать об этом.

Я никогда не чувствовала себя более одинокой, чем здесь. Я держусь подальше от большинства пациентов по очевидным причинам, но без посетителей и поглощенная своими одинокими, грустными мыслями, трудно не ощущать, что меня бросили. Даже Мэдисон ушла.

Я ее не слышу.

Она больше не является постоянным прибежищем в моем сознании или снах.

Она просто ушла, и я не знаю, как к этому относиться.

Часть меня испытывает облегчение. Потому что было так тяжело слышать ее изо дня в день. Быть рядом с ней, зная, что на самом деле ее нет. Но другая часть меня? Я чувствую, что рушусь. Я сломлена во всех формах и проявлениях. Мое тело и душа разбиты вдребезги. Там, где она обычно рядом, чтобы помочь мне пройти через преграды, ее больше нет. Она молчит.

Я даже не чувствую ее больше.

И думаю, что это самое болезненное.

Чувство брошенности. Хотя она клялась, что я нет, часть меня все еще чувствует, что я подвела ее. Теперь больше, чем когда-либо.

Ее позывы к тому, чтобы я двигалась дальше и была счастлива, все еще там, в глубине моего сознания. Будь я умнее, я бы так и поступила. Я бы перестала заикливаться на прошлом. Перестала бы пытаться во всем разобраться. Позволила бы им исправить то, что они считают неправильным во мне, чтобы я могла убраться отсюда к чертовой матери.

Чаще всего я думаю о будущем. Что ждет меня в будущем после этого? Могу ли я действительно подняться с такого низкого уровня? Есть ли у меня вообще желание попробовать?

Ее переработанные слова о том, чтобы двигаться дальше и заботиться о маленькой девочке, которая нуждается во мне, это то, что мучает меня больше всего. Потому что единственная маленькая девочка, которая приходит на ум, это Ава. Я не забыла ее. Не было ни одного дня, когда бы я не думала о маленькой девочке, которая будто смотрит на вымысел моего прошлого. Она-реинкарнированная версия Мэдисон и меня. В этом я уверена.

Я хочу помочь ей, заставить себя восстановиться, чтобы забрать ее.

Я также не уверена, что достаточно сильна для этого.

Резкий стук в дверь вырывает меня из бурных мыслей. Я стону в попытке встать.

— Мисс Райт, к вам посетитель. Не хотите ли прогуляться с ним по парку?

У меня от шока отвисает челюсть.

Посетитель?

Мои родители ни разу не навестили меня, а теперь вдруг хотят притвориться, что им не все равно? Несмотря на здравый смысл, я заставляю себя улыбнуться и прошу о помощи.

Как инвалида, медсестра помогает мне встать с постели и дает мне минуту в туалете, чтобы я выглядела немного презентабельно. Шрамы все еще есть, но они потихоньку начинают исчезать. Синяки прошли большую часть своей фазы, но по большей части некоторые все еще остаются, в основном из-за драки с сукой, Джонс. Если быть до конца честной, я все еще выгляжу так, будто провела двенадцать или более раундов с тренированным бойцом.

В ту секунду, когда я смотрю на широкие плечи и темный костюм, мое сердце начинает биться, впервые с ночи аварии. Никакая травма или даже черепно-мозговая не могли стереть этого человека из моей памяти. Он укоренился в каждой частички меня. Его имя написано на моей коже, как татуировка, клеймо, с которым я не могу расстаться.

Острая жгучая напряженность распространяется по моей груди во вспышке ужасной интенсивности, и я борюсь, чтобы скрыть удивление, когда снова вижу его.

Ощущение — это рай и ад. Он дьявол, замаскированный под ангела.

Баз Кинг человек, которого нельзя не заметить, и именно это сейчас и происходит. Он единственное, на чем я могу сосредоточиться. Он вода в пустыне Сахара после нескольких дней без единой капли. Он дождь в засуху. Он мерцающие звезды рядом с луной. Он сам воздух, которым вы дышите.

Он еще не заметил моего присутствия, поэтому я пользуюсь моментом и выпитываю его. Всего его. Он выглядит хорошо, лучше, чем мне когда-либо служила память. Одетый в еще один безупречный костюм-тройку, угольно-черный цвет сочетается с его чернильными волосами, почему-то делаю его более разрушительным и красивым. Он выглядит сильнее, крупнее, больше похож на человека, чем в последний раз, когда я его видела. Это точеное лицо, напоминающее греческого бога, ничего не говорит о том, что он, возможно, думает.

В глубине души я знаю, что должна сказать медсестре, чтобы она развернула меня обратно. Мне следует держаться подальше, но я этого не делаю.

Вместо этого я крепче сжимаю руку медсестры, готовясь поговорить лицом к лицу с убийцей моей сестры.

С человеком, который украл мое сердце.

Себастьян Кингстон Пирс. Баз Кинг.

Одно и то же.

Мое сердце бешено колотится в груди, и я уверена, что, если бы не помощь медсестры, моя здоровая нога уже не выдержала бы. Его волосы кажутся немного длиннее, чем я помню их раньше. На концах они еще больше завиваются. На ком-нибудь другом это выглядело бы нелепо, но на нем это только добавляло ему грубости.

Я издаю шипение боли, когда мы подходим ближе. Вот в чем штука, когда получаешь кучу дерьмовых травм. Я не могу долго стоять или что-то делать. Я напрягаюсь, пыхтя, как астматик, только что пробежавший километр. Баз напрягается от этого звука, его взгляд почти сразу же сталкивается с моим. Густые и изогнутые брови темнеют от жара, когда он смотрит на меня, но его глаза остаются ледяными, пронизывая меня до костей. Голубизна его взгляда, словно осколки льда, пронзает сердце.

Между нами вспыхивает искра, даже когда я пытаюсь не обращать на это внимания. Что-то потрескивает в воздухе, в пространстве, между нами. Это возбуждает. Волны напряжения, которые настолько сильны, что я ощущаю, как они текут по моему телу, усиливая воздух.

Я чувствую на себе его пристальный взгляд, оценивающий гипс, шрамы, повязки и синяки. Не могу себе представить, чтобы я выглядела хуже, чем сейчас. Как только мы оказываемся достаточно близко, чтобы я могла сесть, медсестра опускает меня на скамью напротив База. Я делаю еще один болезненный вдох, пытаюсь сдвинуть ногу в сторону, чтобы поместиться между столом и скамейкой. Это не работает. Моя подвижность в бедре все еще очень ограничена. Слезы боли подступают к глазам, и я быстро смаргиваю их, надеясь, что он не заметит. Скорее всего, он получит удовольствие от моей боли.

Неловкое молчание наступает, когда медсестра уходит, оставляя нас наедине. Она держится на безопасном расстоянии на случай, если мне понадобится помощь или я решу напасть на своего посетителя.

Я не отрываю взгляда от простого серого столика, стоящего, между нами. Это, как океан, а не столик. Вот как далеко мы находимся. Я все еще чувствую на себе его пристальный взгляд. Огонь по коже, сжигающий мою плоть. Если бы я знала, что это он, я бы, по крайней мере, расчесала бы волосы.

— Что ты здесь делаешь?

Я стараюсь скрыть боль в голосе. Но это бесполезно. Я просто надеюсь, что он списывает это на мое состояние, а не на боль, рвущуюся из швов моего сердца.

Баз молчит, все еще впитывая меня. Периферическим зрением я замечаю, как подскакивает мускул на его челюсти, и вижу дёрганье, словно он скрежещет зубами взад-вперед, обрабатывая свой ответ.

— Тебе больно.

Мои глаза расширяются, и я смотрю на него, удивленная его раздраженным тоном. Между нами проходит секунда, когда я смотрю в его глаза, где все не кажется таким уж ужасным, но, как дьявол на моем плече, я слышу голос Винсента, зловещий шепот, рассказывающий мне снова и снова, как он и Баз причинили боль моей сестре. Как по очереди убивали ее.

Мое горло сжимается, и разбитое сердце принимает еще один удар. Мои губы сжаты, и я отвожу взгляд, не в силах больше смотреть на него.

— Вау, да ты Шерлок, — бормочу я.

— Почему ты здесь, Маккензи?

Внезапно раздраженная самим его присутствием, я рывкаю на него:

— Послушай, просто скажи, ради чего ты пришел сюда. Я больше не хочу на тебя смотреть.

На его лице появляется тень, и он медленно наклоняется вперед. Я чувствую его запах, и он обнажает щель в моей броне.

— Я ждал несколько недель, чтобы попасть сюда и поговорить с тобой. После всего, что ты сделала, самое меньшее, что ты можешь сделать, это проявить хоть какое-то чертово уважение.

От шока у меня отвисает челюсть, и в поле зрения появляется красный.

— Уважение? — шиплю я, моя грудь тяжело вздымается. — Где было уважение, когда ты убил мою сестру, гребаный ублюдок? Если вы хоть на секунду думаете, что я позволю вам

уйти, парни, вы глубоко ошибаетесь. Я еще не закончила. Я никогда не закончу.

Баз изучает мой взгляд, и на мгновение я вижу удивление. Может, это сюрприз, который я знаю. Может, он действительно думал, что я никогда этого не пойму. Но это удивление быстро превращается во что-то другое. Не то чтобы в грусть, но разочарование. Он... разочарован?

Баз мрачно смеется, грубо проводя рукой по лицу.

— Так вот что ты думаешь? Ты пришла к такому выводу, что я убил твою сестру?

— Да! Винсент нарисовал мне эту картину очень четко. Я не хотела в это верить, но ведь именно на это вы все и рассчитывали, не так ли? Я так чертовски влюблена в тебя, что буду смотреть сквозь все это.

Кулак База сжимается на столе, а губы становятся тонкими.

— Это Винсент тебе сказал?

— За несколько секунд до того, как ударил меня ножом.

Я рывком опускаю взгляд к своему перевязанному животу и уродливому шраму, спрятанному там в качестве примера.

— Черт, Маккензи, — рычит он, будто ему действительно не все равно. — Ты думаешь, я действительно это сделал? Что я способен убить кого-то и лгать тебе об этом так чертовски долго?

Моя нижняя губа дрожит. Грудь сотрясается от боли.

— Да.

Баз откидывается назад и выдыхает такой порыв воздуха, словно я его ударила.

— Ты, блядь, сошла с ума.

— Я не сошла с ума, черт возьми! — я задыхаюсь, как сумасшедшая.

Мои слезы балансируют на грани падения, когда мы смотрим вдаль. Баз первым отводит взгляд. Он окидывает взглядом пустое пространство территории. Здесь несколько деревьев и растений. Ничего яркого, просто и стерильно, как стены в моей палате.

— А теперь, если это все, за чем ты сюда пришел, можешь идти. Я не хочу тебя видеть. Я хочу забыть о твоём существовании. Хочу забыть, что позволила тебе, человеку, способному убить мою плоть и кровь, прикоснуться ко мне. Я впустила тебя в себя. Ты моя самая большая ошибка.

Его ноздри раздуваются, взгляд сужается, словно лазерные лучи, сверля меня, разрывая плоть.

— Думаешь, у тебя есть ответы на все вопросы, грязная девочка? — разочарование пронизывает его тон, когда он заполняет мое пространство. — Ты, блядь, даже не поцарапала поверхность. Все твои исследования, черт, должны были тебе это сказать.

Я вздрагиваю от его слов. Он знает.

— Ты не так невинна во всем этом, как думаешь.

Притворное сочувствие, сочащееся из каждого слога, настолько снисходительно, что у меня внутри все сжимается, но я не могу отвести от него взгляд.

— И когда ты наконец увидишь это, не приползай ко мне за помощью, потому что я не облегчу тебе задачу.

С этими резкими словами он встает из-за стола и уходит. Моя грудь сжимается от боли, когда я смотрю, как он уходит, в равной степени злой и убитый горем.

— Это еще не конец, — кричу я ему вслед.

Мышцы на его спине напрягаются. Он смотрит на меня через плечо с холодным

блеском в глазах.

— Я рассчитываю на это.

Чувство вины пытается пробиться сквозь грудь, но я подавляю ее. Он, как никто другой, этого не заслуживает. Но одно можно сказать наверняка. Он ничего не отрицал. Он сделал из *меня* плохую.

Мой гнев с каждым днем только растет. Чем дольше я думаю о разговоре с Базом, тем сильнее разгорается огонь мести. Часть меня не может поверить, что он был здесь во плоти. Другая часть ожидала, что он будет злее, холоднее. Дерьмо, он, похоже, не был заинтересован в том, чтобы убить меня, как я думала, особенно после слов Винсента и что Зак пытался сделать со мной.

Или это было частью их плана? Показать мне, что у них действительно есть кто-то, кто следит за мной все время. Я бы не оставила это без внимания.

Глава 11

Баз

— Почему ты помогаешь ей? Если она не доверяет тебе, а ты не доверяешь ей, почему ты делаешь это для нее? — спрашивает Маркус со своего места на кресле по другую сторону моего стола.

Хороший вопрос. Этот вопрос я задаю себе с тех пор, как покинул психиатрическую больницу и привел все в движение. Маккензи — это риск, который мне, вероятно, не нужен в этом мире, но ей там не место. Мой вчерашний разговор с ней это доказал. Она все еще была ею, только намного злее. Но, когда тебя запирают и заставляют поверить, что ты сумасшедший, это вызывает в тебе злость.

Заняло некоторое время, но Дэн нашел имена и адреса ее подруг в Нью-Йорке. Я не знал, знают ли они что-нибудь о происходящем. У меня такое чувство, что они не в курсе, поэтому я и обратился к ним. Они будут рядом, когда она будет нуждаться в них больше всего. Пока у нее есть безопасное место, куда можно пойти, когда она покинет больницу, это все, что имеет значение для меня.

Я все еще работаю над второй частью своего плана, фактически вытаскивая ее оттуда, а доктор Астер и доктор Голдберг сражаются со мной зубами и ногтями. По какой-то причине она не хочет, чтобы Маккензи покидала больницу. Они искренне верят, что ей там самое место и что их сеансы действительно что-то меняют.

Семья Маккензи должна отпустить ее. Сначала я не был уверен, как заставить их согласиться освободить ее, но в последнюю минуту решил, что личная встреча может сработать.

Я кладу мобильник в карман и поднимаюсь на ноги, на ходу позвякивая ключами.

— Ты прав. Мы не доверяем друг другу. Она думает, что я убил ее сестру, и я уверен, что она хочет убить меня, но я не могу оставить ее там. Я знаю ее достаточно хорошо, чтобы знать, каким будет ее следующий шаг.

Маркус вздыхает.

— Ты уверен, что знаешь, что делаешь? Почему, черт возьми, ты просто не исправил ее?

Зачем позволять ей думать, что ты плохой?

— Нет. Но я все равно это сделаю, — говорю я, собирая свои вещи, прежде чем отправиться в Ферндейл. — Она уже думает, что я плохой, так что лучше подождать, пока она не придет в себя.

— Себастьян, — предупреждающе произносит Маркус. — Она не собирается отпускать это, ты же знаешь, верно? Как только она восстановится, она снова придет за нами. За всеми нами.

Я ухмыляюсь, наслаждаясь тем, как это звучит.

— Ох, я на это и рассчитываю. И я буду готов принять ее, когда она это сделает.

Я сижу припаркованный на подъездной дорожке в течение нескольких минут, прежде чем приготовиться войти. Последний раз я смотрел на этот дом много лет назад, пытаюсь решить, что мне делать с Маккензи. Чувство вины пронзает мою грудь, когда я думаю о ее родителях и о той роли, которую я сыграл в том, что они потеряли свою дочь. Вот что я получил за доверие к Винсенту. За то, что принял его слова за чистую монету.

Через некоторое время я заставляю себя выйти из машины и останавливаюсь на крыльце Райтов. Все может пойти либо очень хорошо, либо очень плохо. Я больше склоняюсь к последнему, когда дверь открывается, и пожилой мужчина, как я предполагаю, отец Маккензи, смотрит на меня.

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Я так понимаю, вы мистер Райт?

— Кто интересуется? — он смотрит на мой костюм, его брови сходятся.

— Себастьян Пирс.

Краска отходит от его лица.

— Сын Бенедикта?

Я утвердительно киваю.

— Не возражаете, если мы зайдем внутрь и поговорим?

Немного неохотно мистер Райт приглашает меня войти, и меня ведут в старую кухню, которая выглядит так, будто ею не пользовались много лет. Все выглядит постановочным и нетронутым. Я смотрю на хрупкого человека передо мной. Я смутно помню его с подростковых лет, но тогда он был намного крупнее. Определенно более здоровым на вид. Смерть дочери, очевидно, подкосила его.

Я оглядываю дом, рассматривая фотографии в рамках. И одна вещь, которая кажется мне странной, это то, что все фотографии с Мэдисон. Слово Маккензи полностью стерли с лица земли.

— Чего ты хочешь? — спрашивает Майкл, сразу переходя к делу.

Он явно не любит гостей в своем доме, что меня вполне устраивает. Я тоже не хочу здесь находиться. Чем быстрее я с этим покончу, тем лучше.

Ради всех.

— Я хочу, чтобы вы освободили свою дочь от государственной опеки. Передайте опекунство мне.

Его глаза удивленно расширяются.

— Моя дочь... Маккензи? Зачем мне это делать? Она нуждается в профессиональной помощи, помощи матери, а я не могу ее оказать.

Мое терпение истощается, когда я смотрю на человека передо мной. По какой-то причине он явно не любит свою дочь. Или, может, потеря одной так сильно повлияла на него, что он забыл, как любить другую, но какова бы ни была причина, он кажется недовольным, даже говоря о Маккензи, и, несмотря ни на что, это не устраивает меня.

Положив руки на стол, я наклоняюсь вперед, ловя его взгляд, стараясь, чтобы он понял, насколько серьезно я отношусь к этому.

— Это была не просьба, Майкл. Вы выпустите ее из этой дыры, потому что мы с вами оба знаем, что, несмотря на все безумное дерьмо, которое она изрыгала раньше, ей там не место.

Майкл морщится.

— Она думает, что ее мертвая сестра-близнец разговаривает с ней. Конечно, ей там самое место. Она сошла с ума. Она нуждается в помощи, мистер Пирс.

Мои губы сжимаются в мрачную линию.

— Так это она сошла с ума? — осмотревшись вокруг, все указывает на очевидное: они стерли ее существование здесь. — У вас повсюду висят фотографии вашей покойной дочери, будто это святилище.

Майкл свирепо сверлит взглядом.

— Так проще. Маккензи никогда не была самостоятельной личностью; она смотрела на Мэдисон почти как одержимая. Ее фотографии не висят, потому что она никогда не была самой собой. И то, как мы выбираем праздновать жизнь нашей дочери, это наше право.

— Отпустите ее. В любом случае, ей лучше находиться в моих руках, — Майкл открывает рот, чтобы что-то сказать, но я обрываю его. — Я еще не закончил. — его глаза сужаются, но он молчит, позволяя мне продолжать. — Как только вы выпустите ее оттуда, а вы это сделаете, и вы, и ваша жена, вы передадите опеку над своей дочерью мне. Ее ближайшим родственником буду я. Ее жизнь будет в *моих* руках, а не в ваших.

Если его глаза сужаются еще сильнее.

— Что она тебе сделала? Зачем тебе эта обуза?

Обуза?

Опекунство над дочерью вдруг стало обузой?

С каждым словом Майкла он начинает нравиться мне все меньше и меньше. Я также начинаю складывать кусочки головоломки Маккензи Райт так, как раньше не складывал.

— Документы у меня с собой, — говорю я, игнорируя все его вопросы. — Все, что вам нужно сделать, это поставить подпись.

Неуверенность мелькает на его лице, но он медленно кивает после нескольких минут молчания. Я с восхищенным вниманием наблюдаю, как он передает мне всю жизнь Маккензи без малейшего намека на раскаяние.

Мне не следовало бы так уж удивляться. Ни один родитель, заботящийся о своем ребенке, не бросит их так, как они бросили Маккензи.

Вернувшись в машину, я звоню старому доброму доктору Астер и сообщаю ей ужасную новость. Маккензи не только находится под моей опекой, но и теперь свободна. Ей больше не придется быть пациенткой или легкой добычей для Зака и всего, что он задумал.

Глава 12

Маккензи

Я снова просыпаюсь в паническом поту, мой взгляд мечется по тихой, неподвижной палате. Как только мое дыхание выравнивается, и я понимаю, где нахожусь, одиночество снова поднимается во мне. Я не хочу здесь находиться. Я не заслуживаю здесь быть.

Как обычно, я делаю вид, что жалею себя. Это стало моей второй натурой, пока я здесь. Помимо физиотерапии, приема пищи и психоанализа с врачами, жалость к себе — это еще одна часть моего приговора.

Это одна из тех вещей, когда тебя запирают, держат подальше от всех, якобы для твоего же блага. Вы начинаете сходить с ума. Начинаете удивляться, как вообще сюда попали. Я подвергаю сомнению свой жизненный выбор, подвергаю сомнению свое здравомыслие и все, что привело меня в это место.

Такое чувство, что я давно ни с кем не общалась, кроме врача. Я не ожидаю, что Баз вернется в ближайшее время, особенно учитывая то, как мы расстались. Это было всего несколько дней назад, и мне почему-то кажется, что его визит только усугубил ситуацию. Это заставило меня жаждать свободы еще больше.

Я его ненавижу.

Я люблю его.

И я знаю, что не должна. Он единственный человек в этом мире, которого я не должна любить, но судьба, жизнь, Бог, кто бы ни контролировал это дерьмо, они играют со мной. Я играю со своими эмоциями ради удовольствия.

Иногда два человека, которые должны быть врозь, те, кто находит свой путь друг к другу. Они те, кто заканчивает отношения, и это Баз и я в двух словах. Мы ужасно плохо подходим друг другу. Мы никогда не продержимся долго, но это не мешает мне думать о нем. Разве это заставляет меня любить его меньше?

Боже, нет.

Я люблю его всем сердцем.

И ненавижу его всеми фибрами души.

Мы вплетены друг в друга. Наше прошлое сталкивается с нашим настоящим, вполне возможно, даже разрушая наше будущее.

Вылезая из постели, я хватаю костыли, и с их помощью пробираюсь к окну, раздвигая занавески. Я наслаждаюсь ощущением прохладного линолеума под ногами. Серебристый свет от луны освещает палату. Решетки, закрывающие окно, делают все возможное, ухудшая мне вид, но я смотрю мимо них, на открытую лужайку внизу. К свободе.

Интересно, когда я окажусь там. Не отвечая никому. Не слушая, как люди разговаривают сами с собой или, что еще хуже, заставляют людей смотреть на тебя, как на сумасшедшую.

Теперь, когда Мэдисон ушла, ее нигде не видно и не слышно, и я действительно одна. Мои родители не звонят и не навещают. База нет рядом, и я почти уверена, что Кэт и Вера, мои подруги, которые, вероятно, вернулись в Нью-Йорк и живут беззаботной жизнью, даже

не знают о моем местоположении. Хотелось бы думать, что они работают над тем, чтобы вытащить меня отсюда, но, по правде говоря, я не могу винить их, если они мне не помогут. Я солгала им. Причинила им боль. Скорее всего, я заслужила все это.

Я вздрагиваю, когда открывается дверь и входят две медсестры, которых я никогда раньше не видела. Главный врач выглядит раздраженным, полностью обеспокоенным тем, что он должен был прийти сюда для чего бы то ни было.

— Собирайтесь, Райт. Пора уходить.

Я делаю осторожный шаг назад, мои костыли лязгают от резкого движения.

— Куда?

Желудок сжимается от беспокойства. Это не входит в нашу рутину. Ночью меня никуда не уводят. Это мое время: думать, мечтать, надеяться. Он качает головой, будто знает, куда ушли мои мысли.

— Вы едете домой.

Домой?

Где дом?

Я стою с разинутым ртом, шок заполняет мои чувства, пока я обрабатываю эту новость. Наконец-то я возвращаюсь домой. Они выпускают меня отсюда по какой-то причине. Я знаю, что это не потому, что доктор Астер считает, что мне стало лучше. Это из-за чего-то другого, вернее, из-за кого-то. Даренному коню в зубы не смотрят. Если я выберусь отсюда, я зацеплюсь за эту возможность, не задавая вопросов.

Идя в ногу с медсестрой, я останавливаюсь на пороге, оглядываясь на четыре стены, в которых застряла Бог знает сколько времени. Я не буду скучать. Мы движемся по коридору, мои костыли стучат по полу, медсестра крепко сжимает мои мышцы, помогая пройти в общую зону возле стойки регистрации. И когда я вижу, кто там стоит, слезы наполняют мое зрение, искажая фигуры. Моя грудь проваливается, и я почти падаю на колени и рыдаю прямо на месте. Но прежде, чем я успеваю это сделать, они уже рядом, протягивают руки, баюкают меня, удерживают в вертикальном положении.

— Все будет хорошо. Я обещаю, — воркует Кэт в моих волосах, ее руки сжимаются вокруг меня.

— Я не позволю им победить. Я не позволю им причинить тебе боль, — яростно шепчет Вера, крепче прижимая меня к себе.

Мы отстраняемся, и я вытираю слезы с глаз.

— Как... как вы здесь оказались, девочки? Что случилось?

Они обмениваются взглядами, и Вера кладет руку мне на плечо, выводя меня из дверей к одной из их машин.

— Пойдем, нам нужно кое о чем поговорить, детка.

Я бросаю последний взгляд на психиатрическую больницу и гримасничаю. Только через мой труп я когда-нибудь снова ступлю в это место. Добровольно или нет.

После долгой поездки и перелета обратно в Нью-Йорк я сижу на диване Кэт, чувствуя себя неловко, и мне не терпится получить ответы. Положив больную ногу на кофейный столик перед собой, я смотрю на своих подруг. Вера сидит рядом со мной, скрестив ноги, в

то время как Кэт отдыхает на своем милом маленьком пушистом кресле, которое стоит напротив нас, а ее гламурный кофейный столик, между нами.

— И? — подсказываю я, переводя взгляд с одной на другую. — Что стряслось? Как вы, девочки, меня нашли?

Они держали меня в напряжении, отказываясь говорить о чем-либо, пока мы не уселись дома.

— Мы прочитали твое письмо, — Кэт делает паузу, и мой желудок сжимается, пока я жду, что она продолжит. — И хотя поначалу это шокировало, это было не за горами. Мы были расстроены, но через день или два поняли, что должны что-то предпринять. Мы не могли с тобой связаться. Твой телефон был мертв, и курорт не давал нам никакой информации, поэтому мы начали беспокоиться. Я отправила письмо отцу и попросила его потянуть за кое-какие ниточки.

Я сжимаю свои потные ладони вместе, нервно крутя большими пальцами.

— Что это значит? Он помог вам найти меня?

Они обмениваются взглядами, ведя молчаливый разговор, о котором я не знаю. Вера улыбается мне, но улыбка не доходит до ее глаз.

— Да. Если бы не отец Кэт, мы бы решили, что ты умерла или сбежала из страны после того, как стало известно об аварии. Они не называли имен, но после того, что мы прочитали, у нас возникло предчувствие.

— Я попросила отца помочь. Он собирается транслировать твою историю по всем основным новостным каналам и во всех газетах этой гребаной страны. Все узнают твою историю, детка. Ваши истории.

Я начинаю задыхаться, смотря на своих подруг. Не знаю, почему я всегда считала, что держать свое прошлое в секрете — это хорошая идея. Они здесь ради меня, реально здесь ради меня несмотря на то, что они знают, несмотря на все, что я сделала. От волнения у меня в горле встает комок, а глаза начинают слезиться.

— Не знаю, что и сказать. Не могу поверить, что вы, девочки, сделали все это для меня.

Вера обнимает меня за плечи, нежно сжимая, молча говоря, что она рядом. Это приятное чувство, особенно, после того, когда так долго не было никого, с кем можно было бы поговорить в том месте. Ощущение теплых рук, обволакивающих меня, согревает мою грудь. Я скучала по этому, ощущая, что у меня есть люди, которые на моей стороне. Что весь мир не против меня, и даже если против, по крайней мере, у меня есть эти две девочки, на которых я могу рассчитывать.

— Давай я приготовлю тебе чай. Сейчас вернусь.

Вера соскальзывает с дивана и направляется в кухню Кэт, ее шелковый халат колышется в такт движениям бедер.

Кэт смотрит на меня со своего места на пушистом кресле, ничего не говоря, но то, как она потирает губы, будто пытается молчать, является мертвой выдачей.

— В чем дело?

Она вздыхает.

— Я не собираюсь лгать. Часть меня все еще расстроена. Из-за тебя, из-за меня и из-за всей ситуации.

Мои брови опускаются.

— Тебе не из-за чего расстраиваться, Кэт. Я должна была рассказать вам правду с самого начала. Не знаю, почему я этого не сделала. Я просто хотела быть другим человеком.

Не хотела быть Маккензи Райт из Ферндейла. А хотела быть Маккензи Райт, светской львицей. Беззаботной девушкой без багажа.

— Дорогая, в том-то и дело. Я всегда знала, что ты не та, за кого себя выдаешь. Я хорошо знаю свой тип. Мы подлые, гнилые до мозга костей. Мы испорченные дети, и ты никогда не была такой, Маккензи. В тот день, в ванной я поняла, что ты не была гостьей на той вечеринке, когда мы впервые встретились. Я подружилась с тобой, потому что, если бы мы поменялись ролями, и я жила бы такой жизнью, как ты, я надеялась, что в мире найдется хотя бы один порядочный человек, который будет рядом и протянет мне руку помощи.

Моя спина выпрямляется.

— Итак, все те разы, когда ты помогала мне материально, а я говорила, что...

— Я давала тебе эти деньги, потому что люблю тебя, Маккензи. Тебе не нужно было скрывать от меня, кто ты. Я бы все равно тебе помогла. Но со всем происходящим, я просто хочу убедиться, что публикация этой истории — это то, чего ты хочешь. Это разрушит жизни. Все жизни.

То, как она это произносит, заставляет мое сердце сжаться, когда я думаю о Базе. Какая-то странная часть меня все еще не хочет причинить ему боль, в то время как другая часть больше ничего не желает. Я вспоминаю тот день, когда он пришел навестить меня в больнице, и, зажав зубами щеку изнутри, с силой прикусываю ее, пытаюсь стереть из памяти воспоминания. Пытаюсь стереть его существование из моего мозга и тела.

Жаль, что я не могу забыть его.

Я хочу забыть его.

Но не могу.

Единственное, что я могу сделать, это вернуть его за всю боль, которую он мне причинил.

Наверное, именно на это он и делает ставку, что я никогда не сделаю ему ничего плохого, но он ошибается. Люди меняются, и их держат в этом месте три, почти четыре месяца? Я тоже изменилась.

Я шмыгаю носом, вытирая его, пытаюсь избавиться от давления.

— Это то, чего я хочу. Это то, чего они заслуживают. Все до единого.

Она поджимает губы, будто хочет сказать что-то еще, сказать мне что-то, что она знает, чего не знаю я, но Вера возвращается в комнату с чаем и протягивает мне обжигающую кружку.

— Я наняла для тебя адвоката, потому что, несмотря на то, что все это правда, они собираются выставить тебя преступницей, и прямо сейчас, в суде, все настроено против тебя. Кэт и ее семейная команда занимаются этим. Команда моей семьи тоже помогает. Ты станешь неприкасаемой, детка. Клянусь.

Эта новость последняя часть, которая меня убивает. Это заставляет плотину прорваться, и я начинаю плакать. Прямо там, с кружкой обжигающего чая в руках, я срываюсь, и впервые с тех пор, как я очнулась после аварии, у меня есть кто-то, кто держит меня и снова собирает воедино.

Вообще-то, рядом со мной два человека.

Официально. Кэт и Вера привели все в движение. Только вопрос времени, когда дерьмо попадет в вентилятор. И хотя я так долго ждала этого момента, он не кажется мне таким прекрасным, как я думала. Я не так счастлива и не так рада, как представляла. Вместо этого мой желудок скручивается в узел, чувство страха опускается в кишечник.

Страхнув все это, я натягиваю пальто на плечи. Свежий нью-йоркский воздух развеивает мои волосы по лицу, царапая кожу. Я иду на встречу с семейным адвокатом Кэт в доме ее отца на 5-й авеню, и хотя у них есть водители, я предпочла пройтись пешком. Я соскучилась по здешнему воздуху. По людным улицам. По стремительной жизни, которая сильно отличается от той, в которой выросла я.

Вчера был первый раз, когда меня освободили с тех пор, как начался весь этот беспорядок, и я хочу впитывать эту атмосферу как можно дольше. Ходьба с только что зажившей ногой и бедром, возможно, не самая блестящая идея, но я жажду почувствовать бетон под подошвами ботинок.

Хотя я чувствую себя здесь хорошо, часть меня все еще скучает по Лос-Анджелесу. Я скучаю по огням, холмам, деревьям, но больше всего я скучаю по Базу. Я как заезженная пластинка, и я это знаю. Но после сегодняшнего дня я без понятия, что с ними будет, и сама мысль о том, что я никогда больше не заговорю с Базом, разрывает мое сердце пополам.

Как я могу так относиться к нему и не ненавидеть себя?

— Маккензи?

Мои плечи напрягаются при звуке этого голоса. Я медленно поворачиваюсь лицом к одному из многочисленных монстров моего детства. К одному из Дикарей.

— Не подходи!

Я протягиваю руку, между нами, пытаюсь удержать Маркуса подальше. Его лицо смягчается, и он поднимает руки в воздух в знак капитуляции.

— Эй, все в порядке. Я здесь только для того, чтобы поговорить, обещаю.

Я настороженно смотрю на него, мое сердце бешено колотится в груди, пытаюсь понять, что он может сказать здесь, в Нью-Йорке. Мой желудок сжимается от страха, когда я оглядываюсь на занятых посетителей Нью-Йорка, слишком занятых своей собственной жизнью, чтобы понять, что что-то не так. Когда я снова смотрю на Маркуса, он принимает самое искреннее выражение лица, какое только может изобразить монстр.

— Мы можем сесть и поговорить? Пожалуйста.

Он указывает подбородком в сторону небольшого кафе. Вопреки здравому смыслу, я киваю, следуя за ним внутрь. Заведение переполнено людьми, стоящими в очереди за органическими напитками. Наверное, это хорошо. Чем больше людей вокруг нас, тем больше свидетелей.

Я сажусь напротив него за один из немногих пустых столиков и просто смотрю. Он не похож на подростка, которого я знала в Ферндейле, но осматривая его, он все тот же. Я все еще вижу того подростка, того хулигана. На ум приходят образы его руки, сжимающей мое горло, угрожающей мне жестокими словами, все для того, чтобы я держала рот на замке.

— Ты, наконец, бросил эту ужасную привычку курить?

Он вздыхает, прекрасно понимая, что я имею в виду. Не знаю, что он может сказать такого, что заставит меня изменить свое мнение о нем, о любом из них. Он не может сказать ничего, что заставило бы меня доверять ему. Они убийцы, и о них нужно позаботиться — поставить их на место.

— Я больше не тот ребенок, Маккензи. Я был... Я был чертовски напуган. Мы все были

напуганы.

— Напуган чем? — спрашиваю я, в моем тоне слышится злоба. — Быть может, напуган, что я узнаю правду? Что вы все убили мою сестру?

Он оглядывается по сторонам, убеждаясь, что никто этого не слышит.

— Мы не убивали твою сестру, Маккензи. Я не прикасался к ней, клянусь.

— Ты чертов лжец, — начинаю я, вставая со своего места, но он быстро поднимется, блокируя мой побег, пытаюсь заставить меня остаться.

— Просто дай мне объясниться, черт!

Я сажусь, сохраняя непроницаемое выражение лица, ожидая, что он скажет то, что ему нужно, чтобы я могла вернуться к своим делам.

— Мы в курсе, что ты планируешь опубликовать статью.

Я невесело рассмеялась.

— Так вот почему ты здесь? Вы, ребята, боитесь?

— Другие парни еще не знают. Только Баз и я.

Я хмурюсь.

— Я не понимаю.

— Гребаный Себастьян, — скрипит он зубами, в отчаянии потирая затылок. — Он тебе ничего не объяснил?

— И почему я должна верить всему, что он говорит? Он убийца.

Маркус закатывает глаза.

— Не обращай внимания. Я ясно вижу, почему он ничего не объяснил. Просто слушай. Что бы Винсент ни сказал тебе в ночь аварии, что бы ты ни думала, что знаешь, это неправда. Баз не убивал твою сестру. Я не убивал твою сестру.

— Что насчет остальных? Зачем так усердно скрывать что-то о той ночи, если ничего не было?

— Я не говорил, что ничего не было. Это просто... Боже. — он раздраженно проводит рукой по лицу. — Остальные парни что-то скрывают, и долгое время я думал, что знаю, что это, но предполагаю, что это нечто больше. Больше, чем все мы. Ты испортишь жизнь этой статьей, Маккензи. Баз невиновен. И в глубине души ты это знаешь. В ту ночь его там не было. Ну же. Включи здравый смысл.

Я отвожу от него взгляд, ненавидя себя за то, что его заявления заставляют меня слишком много думать. Эти узлы в животе становятся все больше, заставляя чувствовать себя неудобно. Но знаю ли я, что это правда? Почему Баз не отрицал этого, когда приходил ко мне? У него был шанс очистить свое имя. Почему он не сделал этого, если он невиновен?

Потому что это не так.

— Я опубликую ее. Что бы ни случилось в ту ночь, это всплывет наружу, Маркус. Вы, ребята, сгниете за содеянное. Даже если ты не был причиной ее последнего вздоха, ты все равно являешься частью этого. Ты все еще под прикрываешь что-то, что-то скрываешь и делаешь меня похожую на сумасшедшую. Я никогда этого не прошу.

Я отталкиваюсь от столика, мое тело дрожит от адреналина и эмоций. Я пытаюсь выбросить его слова из головы, но они остаются там, задерживаясь на задворках сознания, заставляя засомневаться в себе. Правильно ли это? Или он просто прикрывает их? И почему это был Маркус, а не сам Баз?

Неужели он действительно покончил со мной?

Я слишком напугана, чтобы даже дать потенциальный ответ на этот вопрос.

К тому времени, как я добираюсь до офиса отца Кэт, у меня остается всего пять минут. Мои ладони потеют, когда меня ведут в их зал заседаний, и я чувствую легкий дискомфорт, исходящий от бедра. Кэт и Вера предложили быть здесь со мной, но я хотела сделать это сама. Они и так уже достаточно остановили свою жизнь ради меня. Мне нужно кое-что сделать самой, и это одно из них.

— Как ты себя чувствуешь, Маккензи? — спрашивает мистер Ван Дер Пон.

Отец Кэт такой же выдающийся, как и они, и он кричит о богатстве. Все в нем, от того, как он держится, до того, как одевается. Отвлекающие часы Ролекс на его запястье еще одна выдача.

Я слабо улыбаюсь ему, не решаясь заговорить. Это все, чего я всегда хотела. Эта встреча такая монументальная. Глубокая яма в моем животе кричит, чтобы меня услышали, говорит остановиться и подумать, но я не могу. Я достаточно много думала; за эти годы я заработала достаточно боли, чтобы хватило на всю жизнь.

Знакомство происходит быстро, как только в комнату входят два престижных адвоката. Сначала они смотрят на меня настороженно, вероятно, принимая во внимание растрепанное состояние моих волос. Большая часть моих светлых волос уже отросла, но половина все еще выкрашена в черный. Одна половина-натуральная, а другая-черная, которую я когда-то использовала в качестве щита. Не стану отрицать, я выгляжу ужасно. Возможно, когда я покончу со всем этим, я смогу сосредоточиться на себе, как и хотела Мэдисон. Я смогу быть счастливой — такой, какой мне всегда суждено было быть.

— Мисс Райт, прежде чем мы двинемся дальше, мы хотим убедиться, что вы знаете все, что может произойти во время процесса, и, ну, в худшем случае, что может произойти, если все пойдет не по плану.

Мой желудок скручивается от такой возможности. Я не учла, что предприму, если все обернется против меня. Я вложила всю свою веру в надежду, что это сработает.

— Нет никакой гарантии, что статья посадит кого-то из этих парней в тюрьму, но это цель — иметь достаточно людей, средств массовой информации, возмущенных этой несправедливостью, чтобы у сотрудников правоохранительных органов не было другого выбора, кроме как возобновить дело и продолжить расследование. Какие у вас есть доказательства, кроме вашего слова? — спрашивает один из адвокатов, Джеймсон Гомес.

— Ну, у меня были доказательства... У меня была ее футболка, но после аварии я потеряла ее, и не было найдено никаких следов. Не знаю, вернулись ли они и позаботились об этом, или что случилось.

По их просьбе я объясняю им дни, предшествовавшие ночи аварии. Я ворвалась в дом Зака, нашла вещи в деревянном ящике, который он спрятал в своем сейфе, и использовала их, чтобы найти футболку. Продолжаю рассказ о той ночи, когда произошла авария, и все они, кажется, сосредоточенно слушают, кивают и хмыкают. Даже делают заметки в определенные моменты.

— Я буду на сто процентов честен с вами, Маккензи, — вмешивается Джеймсон. — Это может стать серьезным падением. Это богатые люди. Они из крупных семей. Публикация статьи без каких-либо конкретных доказательств может быть своего рода смертным приговором. Я хочу, чтобы вы это знали.

Моя грудь сжимается.

— У меня нет другого выбора. Что мне еще делать?

— Послушайте, Маккензи, с профессиональной точки зрения того, что вы здесь

написали, недостаточно. Черт, этого недостаточно даже для суда. Хотите услышать мое предложение? Приукрасьте события. Конечно, вы нарисовали их как подростков, которым могло сойти с рук убийство, но для того, чтобы это сработало, они должны быть монстрами в глазах средств массовой информации. Людям нужно бояться, что они окажутся на улице.

Мои брови опускаются.

— Значит, вы хотите, чтобы я солгала?

— Приукрасили? Да. Соврали? Нет. Но хорошая новость заключается в том, что, что бы вы ни написали, люди все равно будут искать парней. Это также не будет хорошим вниманием. Мы откопали истории, которые были похоронены, и планируем использовать их в своих интересах. Хранение наркотиков, насилие в семье, семейные проблемы и похороненные судебные иски. The Kings империя будет разрушена. Их клуб? Он пойдёт на дно еще до того, как успеет по-настоящему взлететь. Курортные сети База Кинга упадут в цене. Это самое большое оружие, о котором мы должны беспокоиться. Его адвокаты уже осведомлены о происходящем. Думаю, они ждут нашего следующего шага, прежде чем он попытается похоронить вас и вашу историю.

Упоминание имени База, а также ущерб и разрушения, которые это ему причинит, заставляют мою грудь сжаться. Легкие сокращаются, ограничивая воздух. Как я могу это сделать? Все, ради чего он работал всю свою жизнь, будет разрушено.

Мой желудок скручивает, и я наклоняюсь вперед, сжимая руки на столе.

— Что, если есть вероятность, что некоторые из них невиновны? Есть ли какой-нибудь способ защитить некоторых из них от разрушения до такой степени?

Они обмениваются взглядами, веселье освещает их черты, поскольку они, очевидно, думают, что я наивна, задавая такой вопрос.

— Послушайте, мисс Райт, — вмешивается другой адвокат, Барон Макхью, наконец добавляя свои два цента. — Сделав это? Это может их погубить. Все они виновны по ассоциации. Он владеет бизнесом вместе с остальными. Конечно, его протащат по грязи.

— Ну, Баз даже не был в городке в ту ночь, когда это случилось. Он упоминается в статье, но я никогда не упоминала его как одного из них в частности.

— Именно это нам и нужно, чтобы вы приукрасили. Мы должны сделать его своего рода главарем. Если мы возьмем его, остальные падут.

Я задыхаюсь, желудок сжимается от нерешительности. Это не то, чего я хотела для База. Он так много работал. Для гостиничных сетей. Какой ценой я добилась своей победы? Погубив его репутацию и жизнь?

Маркус заставляет меня сомневаться во всем. Даже если бы у меня была правда, смогу ли я выдумать какую-нибудь ложь о той ночи, чтобы выставить его в дурном свете, чтобы у него были неприятности с законом?

Я качаю головой, мой взгляд мечется между ними.

— Не знаю, смогу ли я это сделать. Я не могу лгать. Вся идея состояла в том, чтобы написать то, что я знаю, написать о произошедшем. Я не могу этого сделать. Что, если позже мы узнаем, что некоторые из них говорят правду и что они не убивали ее? Мне нужно будет сделать заявление, сказать правду, очистить их имена или, по крайней мере, имена тех, кто невиновен.

— Определенно нет. Показ любого средства массовой информации, что у вас были отношения с любым из них, будет выглядеть плохо для вас. И честно говоря, если вы так не уверены в том, кто виновен, а кто нет, вы можете перегруппироваться и подумать о

последствиях.

— Но это общеизвестно. Баз Кинг и я вместе. Как это будет выглядеть плохо?

— Презренный любовник. Работа, вот как они вас изобразят. Не теряйте из виду все, что мы делаем, потому что вы не хотите причинить ему боль. Кто знает, может, он сыграл в этом большую роль, чем вы думаете.

Я стискиваю зубы.

— Я больше не знаю, что и думать. Некоторые вещи не складываются, когда дело касается его. Что, если он невиновен.

— Как вы можете быть так уверены? Вам не кажется странным, что он полетел в семейный

отпуск в ночь смерти вашей сестры? Это его лучшие друзья. Вы хотите сказать, что они девять лет ничего ему не говорили? Чушь. В его рассказе чего-то не хватает, и он не так невиновен, как хочет, чтобы вы думали. Вам лучше забыть его. Смешайте его с остальными, пока он не попытался погубить и вас тоже.

Я делаю паузу, пытаюсь пробиться сквозь шквал эмоций, бурлящих во мне, когда дело касается База. Придя к подобию соглашения с самой собой, я киваю, молча соглашаясь с ним.

— Я все равно не хочу лгать. Я хочу рассказать свою историю, но хочу, чтобы это была правда, моя правда, а не что-то сфабрикованное для СМИ.

Они вздыхают в унисон.

— Уверен, он ожидает, что вы останетесь верны своему слову. Но как ваш адвокат, я не советую этого делать. Все будет очень запутанно. Вы готовы к этому? Вы уверены, что это то, что вы хотите сделать, потому что, как только я даю вперед, никаких тормозов. Мы либо на полной скорости, либо нет.

Я сглатываю, стараясь не обращать внимания на комок размером с мяч для гольфа, застрявший в горле, ненавидя себя за то, что собираюсь сделать это с Базом. Это его погубит. Его семью. После этого он меня возненавидит. Но я не могу думать об этом, потому что все, что я когда-либо делала, все, ради чего я когда-либо работала, может действительно сбыться, если я сделаю это. Наконец-то это происходит. Справедливость для моей сестры. Ответы. Мы наконец-то обретём душевный покой, и, может, тогда моя сестра сможет покоиться с миром.

Я мысленно возвращаюсь к ее словам в ночь аварии, и задаюсь вопросом, не ждет ли меня тоже мир? Не знаю, будет ли это возможно после того, как это попадет в вентилятор, но можно надеяться.

Остальная часть встречи заканчивается быстро, оба адвоката явно раздражены моим решением, но это меньшее из двух зол, и единственное исключение, которое я была готова сделать. Я ценю журналистику и правду, стоящую за словами, и отказываюсь становиться лицемеркой только для того, чтобы кто-то прочитал мои слова или услышал мою статью.

Засунув руки в карманы пальто, я иду по улице, наблюдая за людьми, позволяя своему разуму работать над событиями встречи и тем, что это, возможно, будет означать для будущего. Я вздрагиваю от вибрации напротив ноги. В кармане у меня звонит телефон, и, взглянув на экран, я сразу понимаю, кто это. Нажимая кнопку ответа, я подношу динамик к уху и вздрагиваю, когда слышу голос.

— Ты издеваешься надо мной, Маккензи? Все, о чем я просил, это держаться подальше от неприятностей. Это все, о чем я просил. Тебе чертовски повезло, что тебя поместили в

психушку раньше, чем я успел до тебя добраться.

— Джек, — стону я.

За все это время я совершенно забыла о своем друге Джеке и о той роли, которую он сыграл в моих попытках сбить парней. Без его хакерского я ни за что не смогла бы так долго дурачить База или кого-то еще. Я бы тоже, наверное, гнила в тюремной камере, если бы не его помощь во время взлома дома Зака в Хидден-Хиллз.

— Мне очень жаль. Все вышло из-под контроля, и я... Боже, прости, что втянула тебя в это.

— Я не сержусь. — он вздыхает, явно чувствуя себя виноватым за то, что огрызнулся на меня. — Я испугался. Думал, ты уже мертва. А потом узнал, что ты в психушке. Блядь, я думал, тебе делают лоботомию и все такое.

В уголках моих губ появляется улыбка.

— Они этого больше не делают. Но, как бы то ни было, я сожалею, что расстроила тебя. Как ты вообще узнал, что я там?

Он усмехается.

— Это моя работа, помнишь?

— Верно, — я резко смеюсь. — Полагаю, именно так ты и достал этот номер?

— Довольно хорошо, не так ли?

Я ухмыляюсь. Это моя первая настоящая улыбка за целую вечность.

— Ты лучший, я когда-нибудь говорила тебе это?

— Ты выглядишь дерьмово, Маккензи, но видеть твою улыбку чертовски приятно. И честно? Не совсем достаточно, я определенно не возражал бы, чтобы ты хвалила меня немного чаще.

Моя улыбка застывает на лице, когда до меня доходят его слова, и я оглядываюсь.

— Дай угадаю, ты меня видишь?

— Я у часов.

Я оглядываюсь, щурю глаза, пытаюсь разглядеть его.

Я слышу его раздраженный вздох.

— Около твоих, Маккензи. Иисус.

Наконец я замечаю его в бейсболке, низко надвинутой на лицо, и качаю головой. Я показываю ему средний палец за то, что он придурок.

— Давай, нам надо поговорить.

Я пересекаю улицу, следуя за Джеком в здание, в котором, как я теперь понимаю, должно быть он остановился. Его студия заполнена коробками, компьютерами и проводами. Я съезживаюсь.

— Господи, Джек, — бормочу я, чуть не спотыкаясь о оборванный провод.

Он закатывает глаза.

— Ох, заткнись. Я думаю, что твои проблемы перевешивают состояние моей нынешней жизненной ситуации. А теперь посади свою задницу сюда и скажи мне, что, черт возьми, происходит. И начни с самого начала.

Я поджимаю губы.

— Возможно, мы пробудем здесь какое-то время.

Он пристально смотрит на меня, молча приказывая начать рассказ. Как только я рассказываю ему обо всем, что произошло, и о том, что, вероятно, произойдет после того, как статья выйдет в свет, он смотрит в потолок, вероятно, в поисках силы, качая головой.

— Ты тычешь пальцем в медведя, Маккензи. Это не работает так, как ты хочешь. Ты ведь это знаешь, верно? Если ты не будешь осторожна, он убьет тебя следующей.

Я сжимаю губы, не убежденная.

— Хотела бы я посмотреть на его попытку.

— Ну и что теперь?

— Я буду наблюдать, как они все падают.

— А Баз? Что с ним?

— Я хочу услышать от него правду. Настоящую правду. Не какую-нибудь ерундовую историю, которую он раскрутил или раскрутил Винсент. Мне нужно знать, причинил ли он ей боль.

— Как, черт возьми, ты собираешься вытянуть из него эту информацию? Ты здесь, а он там. Ты не доверяешь ему, он не доверяет тебе. Это чертова катастрофа, ожидающая своего часа.

— Ну... — я замолкаю, ловя его взгляд, желая, чтобы он выслушал меня.

Он не слушает. Его рот раскрывается, шок освещает его черты.

— Ты шутишь. Скажи мне, что ты, блядь, шутишь? Ты хочешь вернуться, найти способ вернуться в его жизнь? Что, черт возьми, с тобой не так?

— Мне просто нужно, чтобы ты помог мне попасть к нему.

— Почему бы тебе не попытаться связаться с ним и не поговорить по-настоящему, а не лгать? Ты когда-нибудь думала об этом?

Я свирепо смотрю на него.

— Перестань это делать. Перестань заставлять меня чувствовать себя виноватой за тот выбор, который я сделала. Он не захочет меня слушать. Наш последний разговор прошел совсем не хорошо. Это единственный выход.

— А если он причинит тебе боль? Что мне тогда делать?

Мой рот открывается, и я замираю, думая о том, что он может причинить мне боль. Думаю об этом, страх не приходит, потому что я не вижу, как он это делает.

Я не могу видеть, как Баз причиняет мне боль. Или, может, я снова глупа и наивна, желая увидеть в нем лучшее.

— Он не сделает мне больно, — наконец говорю я.

— Ты уверена? — спрашивает он, сдвинув брови, и на его лице написано беспокойство.

Я впервые вижу его по-настоящему испуганным. Мне остается только надеяться, что я права.

— Нет. — я выдыхаю и пожимаю плечами. — Но я уже приняла решение. Мне нужно это завершение.

— Почему ты не можешь просто забыть об этом, Маккензи? Ты действительно думаешь, что он из тех мужчин, которые так легко поверят тебе после того, что случилось в прошлый раз? Уверяю тебя, нет.

— Нет, на этот раз у меня другой план. Ставки выше. Мне просто нужно, чтобы он думал, что я доверяю ему и все еще забочусь о нем.

— Ты все ещё заботишься о нем.

— Кто, черт возьми, это сказал?

— Никому не нужно это говорить. Это очевидно любому, у кого есть мозги.

— Ты можешь мне помочь или нет, Джек? Это мой последний шанс.

— Почему бы тебе не набраться терпения и не подождать, пока власти за них не

возьмутся? Пусть они разберутся с доказательствами в твоей журналистской статье. Разве не поэтому ты написала ее в первую очередь?

Я скрещиваю руки на груди.

— Скажи мне, как с ним связаться, или я уйду отсюда.

— Прекрасно. На этот раз твоя повестка дня должна быть реальной. Ты должна быть самой собой. Только не Скарлетт. Не какой-нибудь шлюхой с крашеными волосами. Только ты. Покажи ему, кто ты на самом деле. Разденься для него догола, открой свои слои, чтобы он увидел, что на этот раз ты действительно серьезна.

— Он не облегчит мне задачу.

— Не сомневаюсь. Просто будь осторожна. Этот мужчина и все его друзья все еще опасны. Не хочу, чтобы ты совершала еще какие-то глупости, поняла?

— Да, папа, — поддразниваю я.

После встречи с Джеком я еще некоторое время бродила по улицам Нью-Йорка, просто размышляя. Я пытаюсь впитать в себя как можно больше спокойствия, прежде чем дерьмо действительно попадет в вентилятор. Когда я возвращаюсь к Кэт, то удивляюсь, что они с Верой расхаживают вокруг, поджидая меня. Я вкратце рассказываю им о своей встрече с адвокатами и о дальнейших шагах, которые мы планируем предпринять, потом рассказываю им о своей стычке с Маркусом. На тот случай, если этот ублюдок попытается что-нибудь сделать.

— Мы хотели удивить тебя девичьим днем. День баловства, прежде чем все станет... сумасшедшим, — говорит Кэт, таща меня к двери с заметной улыбкой на лице.

Вера берет прядь моих волос, ее лицо искажено презрением.

— Пора все исправить. Ты выглядишь так, будто носишь отвергнутую версию парика Си.

Смех срывается с моих губ, потому что она не ошибается. Взгляды, которые я получала от людей, были не самыми добрыми. И они правы. Пришло время перемен. Пора вернуться к своим корням и обнять себя.

После целых семи часов смывки чёрного пигмента с моих волос в любимом салоне Веры, мастер смог вернуть их в нормальное состояние и даже добавить несколько медовых светлых прядей. С болью в спине от многочасового сидения в кресле я поворачиваюсь к зеркалу и задыхаюсь от отражения, смотрящего на меня.

Это я.

Не та я, которая притворяется кем-то другой. Мои глаза кажутся светлее, кожа ярче, чем она выглядела в последние дни — недели на самом деле. Светлые локоны теперь обвивают мои плечи, а более короткие скользят по контуру моего лица и челюсти.

Не знаю, как мастеру удалось это сделать, но она превратила меня в прекрасную версию Маккензи, прежде чем у нее появилось какое-либо желание мести. Версия меня самой, о существовании которой я даже не подозревала.

— Я и забыла, какая ты красивая. Настоящая ты, — говорит Кэт, кладя руку мне на плечо и нежно сжимая.

Она улыбается мне из нашего отражения в зеркале, гордость мерцает в ее глазах.

Я кладу свою руку на ее, внезапно охваченная эмоциями. Потому что она права. Черные волосы были хороши. Это было другое — изменение, которое должно было произойти, — но это была не я. Когда я смотрю на свое отражение, длинные волнистые пряди светлых волос падают мне на плечо, я чувствую, что наконец-то нашла себя. Здесь, посреди хаоса и горя.

После того, как мы закончим с моими волосами, мы перейдем к тому, что еще есть в списке Кэт и Веры на сегодня. Когда я подготовлена и покрашена, избавленная от нежелательных волос, и мой макияж нанесён до совершенства, мы отправляемся на ужин в одно из мест, которые мы часто посещали раньше. Это не займет много времени для новостей, скоро начнут поступать сообщения, и я не удивлена, что в центре всего этого находятся Дикари. Верные своему слову, Джеймсон и Барон сумели опубликовать статью, и теперь появляются истории о Дикарях и грехах их прошлого. Люди, обиженные ими, делают заявления. Все это происходит. Всего через несколько часов после того, как дали зеленый свет. Теперь я понимаю, почему адвокаты предупреждали меня о принятии правильного решения, потому что они не шутили. Когда они сказали, что едут на всей скорости, они имели в виду именно это.

И по какой-то странной причине, под всеми праведными эмоциями от имени моей сестры, я чувствую себя виноватой. Какая-то часть меня чувствует вину за то, что я причиняю Базу боль. Это разрушит его карьеру. Я забираю все, ради чего он так много работал. Но стряхиваю с себя эти мысли и тревоги. Я делаю только то, что он сделал со мной — то, что они сделали со мной. Они отняли у меня весь мой мир, и теперь я, наконец, стреляю в ответ, забирая у них то, что значит больше всего.

Глава 13

Баз

Она сделала это.

Она действительно сделала это.

Люди стекались к ней, прочитав ее слова и

услышав ее историю. Статьи сыпались направо и налево, пятная репутацию ребят, показывая их истинное лицо. Я позволил этому случиться. Меня это не касалось. Это их проблемы, которые они просили помочь убрать. Теперь это уже не в моих руках.

Мои губы кривятся от маленьких украшений, которые Маккензи добавила к этой статье с тех пор, как я прочел ее в последний раз. Без сомнения, какой-то адвокат велел ей добавить это. Ее ненависть ко всем нам намного сильнее, чем я предполагал, но было очевидно, даже когда я читал только что напечатанную статью, она немного сдерживалась. Даже со всем тем ущербом, который был нанесен, я знаю, с точки зрения бизнеса, этого все равно недостаточно.

Огненная яма в моей груди растет, чем больше я думаю о нашем последнем разговоре. Как она легко поверила, что я могу причинить кому-то боль. Что я могу убить ее сестру. Это меня разозлило. На нее и на наше затруднительное положение. Потому что она действительно ничего обо мне не знала, если думала, что это правда.

Странно, как она заставляет меня чувствовать. С одной стороны, я хочу защитить ее. Хочу защитить ее от боли, с которой она, без сомнения, живет каждый день. Но другая часть меня хочет причинить ей боль за то, что она сделала. То, как она безрассудно пробралась в мою жизнь.

Ничего хорошего из этого не выйдет. Все закончится катастрофой, и я не сдамся без боя. Я не причастен к убийству ее сестры и, блядь, не позволю ее мести разрушить все, ради

чего я так упорно трудился.

С тех пор как полторы недели назад вышла ее статья, я сделал заявления от своего имени. Остальные парни сами по себе. Особенно Винсент. Он был занозой в заднице. Его родители не видели его, Дэн не может найти его, и он вне связи с остальными ребятами. По крайней мере, так говорят.

Между ним и Заком происходит нечто большее. Он был ошеломлен новостью, что Зак тайком пробирался в психиатрическую больницу, притворяясь им. Я думал, что Винсент встретится с ним или, по крайней мере, надерет задницу, но он сделал прямо противоположное. Зак понятия не имеет, что я в курсе о его визитах или о том, что Винсент тоже, и я планирую продолжать в том же духе.

Чем больше я думаю об этом, тем больше понимаю, что они, вероятно, работают сообща. Это еще один вопрос, который я должен решить. Я уже высказал Дэну свои опасения по поводу Маккензи. Мне нужно постоянно следить за ней, потому что я не знаю, на что они пойдут, чтобы причинить ей боль. Как бы я ни был расстроен, я не хочу, чтобы она пострадала. Хотя мне и не следовало бы этого делать, я слишком забочусь о Маккензи, чтобы позволить этому случиться.

— К вам пришли, мистер Кингстон, — говорит моя новая помощница, заглядывая в мой кабинет.

— Кто?

— Говорит, что она старая подруга. У нее не назначена встреча, и мне очень жаль, но я также не знаю, как она сюда попала.

Я откидываюсь на спинку кресла и киваю.

— Впусти ее.

Как только гость входит в мой кабинет, происходит нечто странное. Словно она кислородный вакуум, весь воздух извлекается из легких. Мое сердце колотится, и член, черт бы его побрал, шевелится при виде Маккензи. Я не видел ее со времени моего визита в психиатрическую больницу, и она была в ужасном состоянии по разным причинам. Ее волосы были похожи на плохой парик, наполовину светлые, наполовину черные. Половина ее тела была в гипсе, черт, но сейчас? Это совершенно другая девушка. У меня захватывает дух, и я не хочу в этом признаваться, но мне кажется, что так она выглядит красивее.

Знание того, что это она, без каких-либо ошибок в ее внешности, делает со мной странные вещи. В животе образовалась глубокая яма, а грудь наполнилась теплом, расширяясь с каждым вдохом, прежде чем распространиться по венам.

Я должен приложить все усилия, чтобы сохранить внешнее выражение лица пустым, когда она входит в мой кабинет, ее взгляд останавливается на мне, в поиске. Я провожу глазами вверх и вниз по ее телу, впитывая ее. Ее светлые волосы мягкого медового оттенка ниспадают на плечи густыми волнами. Ее лицо, теперь уже без синяков, выглядит так же потрясающе, как и в первый вечер, когда она, спотыкаясь, вошла в мой ресторан, нарушив мой ужин. Она одета в джинсы с огромной дыркой на колене, кроссовки и простой топ. В ансамбле нет ничего особенного, но на ней? Это все выглядит чертовски великолепно. А вишенка сверху? Она жива.

Я пожираю ее взглядом, сердце сжимается при мысли, о возможности того, что было бы, если бы она никогда не вышла из машины той ночью.

— Себастьян, — произносит она вместо приветствия.

Ее голос сильный и ясный, как огонь, который медленно начинает разгораться в ее

глазах. Мои губы кривятся.

— Не думал, что увижу тебя так скоро, Маккензи. Или Скарлетт? Не могу сказать. Волосы сбивают меня с толку.

Ее губы кривятся в гримасе, когда она садится на свободное место напротив. Некоторое время мы молча смотрим друг на друга, каждый из нас вбирает в себя другого.

— Я пришла сюда за правдой. И только правдой.

Я смеюсь, но без юмора.

— Я думал, ты уже все поняла. Разве не поэтому ты делаешь все возможное, чтобы разрушить все, что я построил? Потому что веришь, что я убийца?

Я вижу, как на ее лице мелькает чувство вины, но она быстро маскирует ее, пытаюсь взять себя в руки. Расправив плечи, она наклоняется вперед, умоляюще глядя на меня.

— Прекрати притворяться. Чем быстрее мы покончим с этим, тем быстрее я смогу покончить с тобой.

— Ты никогда не покончишь со мной, Маккензи. Ты знаешь это так же хорошо, как и я.

Ее губы сжимаются в мрачную линию, разочарование проникает в ее беспокойные глаза.

— Зачем ты это сделал? Почему именно она? Что она сделала кому-то из вас, чтобы заслужить это?

Я играю со стаканом виски, который все еще стоит передо мной. Лед уже давно растаял, в результате чего в спирте образовалось кольцо, в котором отчетливо видна химическая реакция. Мое тело напряжено, когда я прохожу через уровни моих разочарований. Она все еще верит, что я это сделал, и часть меня хочет, чтобы она поверила. Пусть она верит, что у нее есть все ответы, потому что, возможно, она не заслуживает правды.

Но я этого не делаю.

— Я не убивал твою сестру.

— Ты лжешь, — цедит она сквозь зубы, раздувая ноздри.

Я опрокидываю все содержимое в стакане, наслаждаясь ожогом, когда жидкость спускается по горлу, оседая в груди.

— Я никогда не утверждал, что я хороший мужчина. По правде говоря, я уже говорил, что нет. Но я не убийца. И никогда им не был.

Я наблюдаю, как это происходит. То, как дыхание покидает ее тело. Ее плечи опускаются с тем, что я могу только представить, это поражение и облегчение. Я наблюдаю за ее внутренней работой через эмоции. Она ведет борьбу внутри себя, и когда смотрит на меня этими глазами, которые словно бегут в другой мир, я почти сдаюсь ей. Но остаюсь бесстрастным снаружи, наблюдая и ожидая ее следующего шага.

Она его не делает, поэтому я делаю за нее.

— Расскажи мне о ночи аварии.

Ее глаза сужаются, будто она не доверяет мне, что справедливо. Я ей тоже не доверяю.

— Почему?

— Потому что я хочу знать правду.

Маккензи выглядит задумчивой, словно не уверена в моих намерениях, но выдыхает.

— В ту ночь покера я пробралась в кабинет Зака, когда должна была пойти в туалет.

У нее, по крайней мере, хватило порядочности выглядеть немного виноватой в своих действиях. В том-то и странность, что она здесь. Так много всего произошло, что я не знаю, нужно ли обращаться к слону в комнате или нет.

— Я увидела кое-что в его сейфе, а после той ночи в твоём кабинете... — она бросает на меня быстрый взгляд, всего на секунду, болезненный взгляд, прежде чем смотрит в другую сторону, не позволяя мне увидеть то, через что она проходит. — Я вернулась. И взяла ту коробку, которую нашла в его сейфе. Сначала в ней лежали случайные вещи, которые не имели никакого смысла. Я все равно забрала ее, надеясь, что хоть что-то там поможет мне найти ответы, но это было до тех пор, пока Мэдисон... — ее глаза расширяются, и она бросает взгляд на меня, словно боится закончить эту фразу.

Мой взгляд слегка сужается. Я уже знаю о разговорах, которые она вела со своей сестрой. Доктор Астер рассказала мне об этом, но я никогда не говорил об этом непосредственно с Маккензи.

— До чего? — подсказываю я, вопросительно изогнув бровь.

Она фыркает, отводя взгляд.

— Что-то подсказывало мне, что я упускаю что-то. Ответы были прямо передо мной. Вот тогда-то я и собрала все воедино. Там была веревка, старая потрепанная квитанция и координаты. Вот почему я оказалась в Ферндейле в ту ночь. Вот куда привели меня координаты, и в ту ночь я нашла окровавленную футболку. Я ее выкопала. Она была у меня в руках. Я это знаю. — одинокая слеза скатывается по ее щеке, подбородок дрожит от волнения. — Но тогда там был и Винсент. Он последовал за мной, и я могла бы убежать от него, если бы у него не было пистолета. Он силой усадил меня в машину, и... Боже, я не помню, как это произошло. В одну секунду я была за рулем, а в следующую мы катились с обрыва.

Я стискиваю зубы, умирая от желания добраться до Винсента и убить его. Я ясно представляю, как все это происходит. Винсент оказался там не случайно. Он знал, что она нашла. После того, как Зак рассказал ему о взломе в его доме, я уверен, он решил, что избавление от Маккензи было единственным способом защитить парней от того, что они сделали той ночью. Между мной и Дэном ясно, что Зак, Трент и Винсент скрывают гораздо больше о той ночи, чем раньше.

Возможно, именно поэтому Винсент так сильно хотел избавиться от Маккензи? Потому что в глубине души он всегда знал, что это приведет к тому, что она будет копать и выяснять правду, подвергая их опасности.

Часть моего мозга кричит, чтобы я посмотрел на нее поближе. Могу ли я действительно принять ее слова за чистую монету после того, что она только что признала? Что она разговаривает со своей покойной сестрой.

— Когда ты говоришь, что «что-то» подсказывало тебе, что ты имеешь в виду?

Боль и что-то похожее на стыд проникают в ее взгляд.

— Она сказала тебе, не так ли?

Ее голос напряжен, будто она едва сдерживает эмоции. Я потираю большим пальцем нижнюю губу, держа свои мысли при себе.

Я никогда не верил в паранормальную сторону вещей. Существует ли другая сторона? Не знаю, и мне все равно. Теперь я здесь, и это все, что имеет значение. Уверен, что, если есть рай и ад, я буду проклят на вечность в аду. У меня нет никаких сомнений.

Дело в том, что Маккензи считает, что ее покойная сестра разговаривала с ней, и я не знаю, что чувствую по этому поводу. Несмотря ни на что, я знаю, что испытываю к ней. Я ее ненавижу. Ненавижу то, что забочусь о ней, потому что, несмотря на всю эту ненависть, есть жгучее желание, жгучее ощущение в моем животе, которое говорит мне, что то, что я

чувствую к ней, не похоже ни на что другое, что я когда-либо испытывал к кому-либо в своей жизни. В равной степени я хочу отпустить это чувство, но и держаться за него, как за спасательный круг.

Мы ужасно плохо подходим друг другу.

Совершенно неправильно.

Каждый момент наших отношений был основан на лжи, и все же я здесь слушаю ее, говорю правду, вместо того чтобы прогнать. Слушаю ее так, словно у меня еще осталось хоть какое-то доверие.

Она для меня как кислород. Я не люблю кислород, но я *нуждаюсь* в нем. Так же, как нуждаюсь в девушке, сидящей напротив.

— Что именно Винсент сказал тебе в машине? — спрашиваю я, решив просмотреть все подробности о ее сестре.

Может быть, когда-нибудь мы найдем баланс, где я смогу затронуть эту тему, но это, безусловно, не сегодня.

Боль мелькает на ее лице, когда она смотрит на меня. Не могу сказать, потому ли это, что она знает, что я избегаю темы ее мертвой сестры, или потому, что вопрос вызывает воспоминания, которые она предпочла бы подавить. У меня возникает желание притянуть ее к себе и отвести этот взгляд — убрать боль.

— Он сказал, что это была твоя идея. Все это. В ту ночь должна была быть я, как я всегда и знала. И что ты был единственным... — ее голос срывается, и на ресницах появляются слезы. — Он сказал, что это ты убил ее, и что все, даже с первого момента нашей встречи, было подстроено. Ты знал, что это я, и использовал меня.

Я собираюсь убить его. Я убью его, как только узнаю, где он скрывается.

В ее глазах столько всего можно прочесть. Я вижу, как она изучает мой взгляд, ищет ответы, хочет найти свою правду. Я прочел это, так легко. Она хочет верить, что я это сделал, но в уголках ее карих глаз таится сомнение, хаотично смешивающееся с мириадами цветов.

— Я не убивал твою сестру, Маккензи.

Это единственное объяснение, которое я даю. Потому что, хотя я, возможно, и не лишил ее жизни, я сделал кое-что еще, что было так же плохо.

Ее слезы скатываются, и она качает головой, все еще не доверяя мне.

— Ты лжешь.

Я не уверен, что мы когда-нибудь вернем это доверие.

— А если и лгу? Если я действительно убил ее? Тогда что? — спрашиваю я ледяным голосом, наклоняясь вперед.

— Тогда я убью тебя, — говорит она так прагматично, что я знаю, что она говорит правду.

— Я никогда не поднимал руку на твою сестру. Я... черт, я совершил много ошибок тем летом. Возможно, верил, что Винсент не имеет никакого отношения к ее смерти.

Я вздрагиваю, когда говорю это, думая о том, как глупо я все скрывал ради них и держал их всех подальше от неприятностей, потому что это было именно то, что я сделал.

— Перестань мне лгать! — вдруг кричит она, хлопая ладонью по полированному дереву стола.

Звук достаточно громкий, чтобы заслужить мой неодобрительный взгляд. Я открываю ящик стола и вытаскиваю толстую стопку бумаг, накопившихся за последние полтора

месяца. Несмотря на то, что в мире уже существует другая версия, я все еще цепляюсь за эту, потому что здесь, внутри, это то, что дало мне первый реальный взгляд на девушку, сидящую напротив меня. Ту сторону Маккензи, которой ей так и не удалось поделиться со мной.

Я бросаю их на стол между нами и внимательно наблюдаю, как ее глаза опускаются вниз, погружаясь в хмурое выражение, которое меняет все ее лицо при виде этого. Удивление освещает ее черты, стирая часть гнева, с которым она вошла в мой кабинет.

— Ты... ты читал?

— Да. Прежде чем ты выпустила новую версию, я прочитал эту. Сначала я не знал, что с этим делать. Это заставляло меня сомневаться. Сомневаться в своих поступках в прошлом.

Ее губы сжимаются, гнев возвращается в глаза.

— Почему ты не сказал мне, что прочитал? Я неделями думала, что ты... — она отворачивается и смотрит в окно кабинета.

Следует еще один удар тишины.

— Поэтому я и пришел к тебе. Поговорить. Попытаться понять, что все это значит. Кем ты была и почему ты действительно оказалась в моей жизни. — ее глаза, округлившиеся от настороженности, снова устремляются на меня. — Я не мог убить твою сестру. Тот факт, что мне даже приходится объяснять тебе это, полная чушь. В ту ночь, после вечеринки, я покинул Ферндейл и улетел в Бразилию. У меня не было времени встретиться с ребятами на скале Поцелуев. Я не был там всю ночь.

Она ищет в моих глазах правду, и всякий раз, когда она находит то, что ищет, она издает вздох, который больше похож на боль.

— А как же фотография, которую я нашла? Снимок был сделан в ту же ночь. В ночь смерти Мэдисон.

Я вижу это в ее глазах, потребность в ответах. Она так отчаянно хочет, чтобы кто-то был виновен в смерти Мэдисон, что готова искать объедки и бежать с ними.

— Это была всего лишь фотография, Маккензи. Она ничего не значила. Она пролежала в ящике моего стола много лет. Это не имеет никакого значения, кроме того, что это была последняя фотография, которую мы сделали подростками перед колледжем.

Каждая частичка Маккензи сдувается от моих слов. Она закрывает лицо руками и начинает всхлипывать. Я так потрясен ее вспышкой эмоций, что даже не могу заставить себя встать с кресла и утешить ее.

— Если... если это был не ты, тогда... — она икает.

Я видел Маккензи во многих сценах за время нашего совместного пребывания, но никогда так, как сейчас. Такой эмоциональной, такой расстроенной. Я должен был раньше заметить, как ей больно.

Как я мог не заметить?

— Именно это я и пытаюсь выяснить. Я не смогу тебе помочь, если ты, черт возьми, не дашь мне что-нибудь, Маккензи.

— Почему ты хочешь мне помочь?

— Возможно, я тебе не доверяю, но это не значит, что мне не нужны ответы. Со мной поступили так же несправедливо, как и с тобой.

Она выглядит ошеломленной.

— Ох, неужели? Не знала, что твою сестру убили.

Я стискиваю зубы.

— Я не это имел в виду.

— Я просто не понимаю, почему Винсент хочет, чтобы я думала, что это ты. Он мог бы сказать о ком угодно. Почему ты?

Она задает многозначительный вопрос, будто все еще думает, что я лгу, и это выводит меня из себя. Мне начинает казаться, что эта дискуссия идет по кругу. В один момент она мне верит, а в следующий сомневается.

— Рискую показаться полным придурком, но тогда ты не была на моем радаре, Маккензи. Саммер ненавидела твою сестру, и я старался держаться подальше. Я даже не знал о ней и Винсенте, пока позже он не пришел ко мне за помощью.

— Какого рода помощь?

Мое тело наполняется напряжением, потому что, как бы я это ни выкрутил, она меня возненавидит. Я не убийца, но вполне могу им быть.

— Просто забудь об этом.

Ее лицо застывает.

— Нет, не забуду. Я только что рассказала тебе все, а теперь ты хочешь скупиться на подробности и умолчать? Блядь, посмотри на меня, Баз. Твой друг держал меня на мушке. Меня ударили ножом. Заперли в психушке, и я едва могу стоять на ногах, не хромя из-за того, что со мной случилось.

Чувство вины сдавливает мне грудь.

— Было видео. — я замолкаю, оценивая ее реакцию. — Винсент и твоя сестра спали вместе. Он записал это без ее разрешения, и она рассердилась. Он попросил меня избавиться от видео, хотя *делал вид*, что оно у него есть. Он защищал ее, но все еще держал правду над ее головой. Он ублюдок, да, но мог бы сделать и гораздо хуже.

— Не делай этого, мать твою, — шипит она. — Не делай из него хорошего прямо сейчас.

— Я не делаю. Ты спросила, что случилось, и я говорю тебе то, что знаю.

— Мэдисон и Винсент... нет. — она качает головой, ее лицо морщится от гнева. — Не может быть. В этом нет никакого смысла. Она бы мне сказала.

— Мне кажется, ты многого не знаешь о своей сестре.

Ее взгляд прищуривается.

— Что, черт возьми, это должно означать?

— Все, что хочешь, — пренебрежительно говорю я, не уверенный, что рассказывать ей о последних моментах, которые я разделил с ее сестрой, мудрое решение.

Внезапно раздается стук в дверь, и Миа просовывает голову внутрь, ее длинные шоколадные волосы свисают через плечо. В ту же секунду, как Маккензи замечает ее, она застывает на своем месте, ее лицо вытягивается на целых две секунды, прежде чем губы сжимаются, и она принимает выражение, говорящее, что ей все равно.

Я знаю лучше.

— Мистер Кингстон. Мне звонит мистер Экер по поводу планировки отеля Hampton resort. Ох, прошу прощения, — она замолкает, заметив Маккензи. — Я не знала, что вы все еще с гостьей. Может, мне вернуться попозже?

Я отрицательно качаю головой.

— С таким же успехом можно и закончить, Миа.

Она улыбается. Вот в чем дело с Мией. Она беспечная девушка. Определенно не в моем вкусе, но хорошо выполняет свою работу, так что я не могу жаловаться.

— Хорошо, хорошо... — она делает паузу, еще раз взглянув на Маккензи, явно

интересуясь, кто она. — Все готово к гала-концерту. Вы все еще хотите, чтобы я сопровождала вас, или передумали?

Боковым зрением, я вижу, как Маккензи вздрагивает. Она напрягает спину, ерзает, делает вид, что новости ее не беспокоят. Когда я смотрю на нее, румянец поднимается к ее щекам, и это не от смущения. Она злится. Практически вибрирует.

Неужели она думает, что из-за того, что она облажалась, жизнь не будет продолжаться без нее?

К черту все это.

— Да. Пожалуйста, оденься соответственно. Позвони Рен Бонжок. Его команда убедится, что у тебя есть все необходимое.

— Отлично, — она улыбается, показывая две ямочки по обе стороны щек. — Кроме того, мне до сих пор не удалось связаться с мистером Хоторном.

Мои задние зубы скрежещут от реальности этого заявления. Никто не слышал о нем с тех пор, как новости начали печатать эти истории. Похоже, Винсент не единственный, кто скрывается.

— На сегодня все. Спасибо, Миа

— Позвоните мне, если я вам понадобится. — она поворачивается к двери и останавливается на пороге, чтобы оглянуться на Маккензи. —

Хорошего вам дня, мисс. Кстати, мне нравятся ваши волосы.

Маккензи хмурится еще сильнее.

— До свидания, Миа, — отрезает она.

Мне приходится сдерживать желание рассмеяться над тем, насколько она рассержена. Может, то, что она сказала раньше, было не всей правдой. Очевидно, она все еще что-то чувствует. Не все было фальшью.

— На чем мы остановились?

— Новая ассистентка? — спрашивает она резким тоном.

Я сдерживаю улыбку.

— Очень тщательная. Лучший сотрудник, который у меня когда-либо был.

Она оцетинилась в своем кресле, свирепо глядя на меня.

— Ты отвратителен. Как профессионально, — сарказм сочится из ее тона.

— Что отвратительного в милой сотруднице, которая хорошо справляется со своей работой?

Она закатывает глаза и отвечает сухо:

— Так вот как мы теперь это называем?

— Если хочешь что-то спросить, выкладывай.

Маккензи сердито смотрит на меня и выглядит просто убийственно.

— У меня нет к тебе вопросов.

— Почему ты вдруг так разозлилась, Маккензи? Ревнуешь?

Ее руки сжимаются в кулаки на коленях, глаза извергают на меня яд.

— Мне все равно. Трахай кого хочешь. Ты для меня ничего не значишь. Ты был средством для достижения цели. Я получила то, что мне было нужно. Мы закончили.

Я крепче сжимаю ручку в руке, и если я сожму ее еще сильнее, то она сломается от силы. Я должен тренировать себя, чтобы сохранять хладнокровие и спокойствие. Она сказала это. Все, что я уже знал. И к черту все это.

Хотя я и не хочу этого, я чувствую, как последствия ее слов разворачиваются в моей

груди.

— Мы никогда не закончим, грязная девочка.

Она вздрагивает от этого прозвища, очевидно, не готовая к воспоминаниям, которые внезапно захлестывают ее разум. Она отталкивается от моего стола и направляется к двери. Я замечаю ее легкую хромоту и ненавижу это.

— Куда ты? — кричу я ей вслед.

Она замолкает, крепче сжимая дверную ручку.

— Возвращаюсь к моей жизни в Нью-Йорке.

— Мы не закончили, Маккензи.

— Мы даже не начинали, Себастьян. Пока.

Вскочив с кресла, я бросаюсь за ней. Как только она тянется к двери, я хватаю ее за запястье и разворачиваю к себе. Сначала она борется с моей хваткой, пытаюсь вырваться. Я прижимаю ее спиной к стене своего кабинета, рядом с дверью. Ее глаза широко раскрываются, грудь вздымается, и задевает мою от близости. Положив руки ей на голову, я наклоняюсь к ней, заключая в клетку.

— Мне нужно уходить, — выдыхает она, ее глаза горят огнем.

Вытянув шею, я подхожу достаточно близко, чтобы почувствовать ее запах, ее фирменный сладкий цветочный аромат, который все еще сводит меня с ума. Ее дыхание скользит по моему лицу, и когда я наклоняюсь, я слышу ее резкий вздох.

— Останься, — шепчу я ей в щеку, касаясь губами нежной кожи.

Двери моего кабинета внезапно распахиваются, и в кабинет входит Миа со стопкой бумаг в руках.

— Мистер Кингстон, у меня... — она замирает, увидев нас. Ее глаза широко раскрыты, взгляд мечется между нами. — Прошу прощения. Я помешала?

Момент, который только что был у меня с Маккензи, рассеивается. Она отталкивает меня от себя, выпрямляясь.

— Нет. Ты не помешала.

Она проходит мимо меня и покидает мой кабинет, даже не оглянувшись. Я стискиваю зубы, бросая на Мию свирепый взгляд.

— В следующий раз, когда ты войдешь в мой кабинет без стука, я тебя уволю.

Краска отхлынула от ее лица.

— Вы правы. Мне жаль.

Я откидываюсь на спинку кресла в тот самый момент, когда за Мией захлопывается дверь. Я делаю глубокий вдох и разочарованно провожу рукой по волосам, когда чувствую запах Маккензи. Она ушла, но ее запах все еще здесь.

Она думает, что может так легко убежать. Она ошибается.

Глава 14

Маккензи

Мое сердце болезненно сжимается с каждым шагом, который я делаю. Я получила то, за чем пришла. Подобие истины. Он не совершал этого. Это все, что я должна знать. Я могу вернуться в Нью-Йорк, дожидаться, когда это дерьмо попадет в вентилятор, и надеяться, что остальные парни будут осуждены за что-то. А Баз... Ну, пусть горит в аду, мне все равно.

Я солгала там. Сквозь зубы.

Увидев Мию, входящую в его кабинет, с ее телом модели, кремовой кожей, роскошными волосами и той милой улыбкой, которую я хотела стереть с ее лица, я почувствовала удар в грудь. Я хотела показать ей, каким уродливым может быть мир.

Я ревновала. Просто и ясно. Не могла представить, чтобы такая красавица, как она, работала на База, не получая льгот на стороне. Она слишком красивая девушка, а Баз слишком красивый мужчина, чтобы их отношения оставались на профессиональном уровне.

Он спит с ней?

Тоже называет ее грязной девочкой?

Уф. Ненавижу даже то, что меня это волнует. Если да, то мне все равно. Я даже не должна тратить на него свое дыхание. Но как бы я ни старалась забыть его и стереть из памяти, я не могу вычеркнуть его из себя. Он в моей крови, каждая частичка его течет по венам.

Очевидно, мысль о том, что он идет на гала-концерт, притворяясь, что в его жизни все в порядке, беспокоит меня. Скучает ли он по мне или думает обо мне вполтину меньше, чем я о нем? Что меня больше всего беспокоит, так это то, что, когда он будет с ней, будет ли он думать обо мне, или я так далеко упала, что даже я не мимолетная мысль в его голове?

Я хочу, чтобы он думал обо мне. Хочу, чтобы он сошел с ума от своих мыслей. Чувствовал то же, что и я.

Я эгоистична и безумна из-за того, что чувствую себя так, из-за того, что хочу причинить ему боль. Я хочу, чтобы он скучал по мне так сильно, что ему трудно дышать, как и мне.

Хочу, чтобы он почувствовал, как его сердце разбивается на миллион непоправимых осколков, потому что я исчезаю из его жизни. Потому что именно это случилось со мной. Я думала, что смогу снова увидеть его, но ошиблась. В данный момент я едва функционирую. Моя единственная надежда, единственное, на что я могу надеяться, это справедливость. Но я беспокоюсь, услышав, что он не может связаться с Винсентом, что они сбежали.

Я зашла слишком далеко, позволяя этому случиться, и хотя я сказала, что возвращаюсь домой, чтобы жить дальше и освободить База от прошлого, я не могу этого сделать, пока они не умрут.

Я делаю то, чего не делала уже несколько месяцев. Что-то, что приносит мне большой стыд, но я все еще прячусь в своей комнате, свет выключен, ноутбук включён, когда я прокручиваю новости о Базе.

Сегодня вечер гала-концерта, и хотя я сдерживалась и старалась быть занятой, я все равно здесь, преследую его и его спутницу, или его помощницу, кем бы она для него ни была. Ненавижу, как хорошо он выглядит в смокинге. Его волосы зачесаны назад, и длинная непослушная прядь свисает перед лицом, как у суровой кинозвезды. Он выглядит идеально. И меня выводит из себя, как мое сердце начинает биться быстрее и сильнее, чем дольше я смотрю на него.

Его спутница, Миа, как бы мне ни хотелось сказать, что она похожа на тролля, но это не так. На самом деле, она выглядит безупречно, одетая в облегающее белое платье, которое

делает ее шоколадные волосы выделяющимися на фоне бледной кожи. Я нахожу фотографию и у меня падает желудок. Баз стоит на красной ковровой дорожке со скучающим, отчужденным выражением лица, а Мия смотрит на него с благоговением, написанным на ее лице.

Он ей нравится. Да и как она могла не заинтересоваться им?

Жгучая боль разрывает центр моей груди, чем дольше я смотрю на их фотографии вместе.

Я не могу не задаться вопросом, о чем они говорят. Его рука держит ее? Или они сделают это позже, вне поля зрения общественности?

Интересно, если...

Свет в моей комнате вспыхивает, и Кэт входит, скрестив руки на груди, глядя то на меня, то на мой ноутбук.

— Прекрати. Ты ничего не знаешь.

— Я знаю, что он спит с ней, — парирую я.

Она закатывает глаза.

— Ты не знаешь. Ты действительно видела, как его член входил в нее?

— Нет, — бормочу я, морщась от отвращения при одной мысли об этом.

— Тогда заткнись.

Я держу губы на замке, но продолжаю смотреть на снимки, где они вместе. Я слышу, как Кэт входит в комнату, и кровать опускается рядом со мной. Она нависает над моим плечом, глядя на экран вместе со мной.

— Она прекрасна. — мой голос тихий и кроткий.

Я ненавижу это. Ненавижу, как мелко я говорю.

— Да, — соглашается она.

Я вытягиваю шею и бросаю на нее свирепый взгляд, на который она пожимает плечами.

— Знаешь, кто она еще? Она выглядит уверенной и довольной собой. Вот почему ты считаешь ее красивой. Ты тоже великолепна, Мак, но знаешь что? Это твоё представление о себе, сравнение, которое ты делаешь, оно никогда не приведет тебя ни к чему в жизни. Оно никогда не сделает тебя счастливой. Ты ничего не знаешь об этой девушке и судишь ее только из-за того, как сильно ты не любишь себя.

— Когда ты стала Мисс Мотивационный оратор?

Она снова пожимает плечами.

— Когда поняла, что одна из моих лучших подруг на самом деле не подруга, а сосуд, ищущий мести.

Я ошеломленно замолкаю от ее слов. Мое лицо расслабляется, когда я смотрю на нее. Кэт трет губы и смотрит на меня извиняющимся взглядом, явно не желая, чтобы эти слова вырвались. Когда мы смотрим друг на друга, я ясно вижу, как сильно я причинила ей боль. Может, это не так сильно беспокоило Веру, но Кэт было больно.

Она тяжело вздыхает.

— Я все еще злюсь на тебя, и хочу, чтобы ты это знала. Но я люблю тебя. И хочу, чтобы ты была счастлива. *Это* не сделает тебя счастливой.

Мое горло распухает от волнения, а глаза щиплет от давления угрожающих слез.

— Прости. Я никогда не хотела причинить тебе боль. Думаю, я была просто ослеплена своей мстью.

— Я знаю. И понимаю. От этого боль не становится меньше. И я в курсе, что ты не

хочешь этого слышать, но я думаю, что ты все еще на этом пути.

— Что?

— Слеплена жадой мести. — она многозначительно смотрит на экран. На База. Мое сердце сжимается. — Ты проделала весь этот путь ради чего? Ради еще одного разбитого сердца?

— Я пошла на это ради правды. Я знаю, что он ее не убивал. Теперь могу оставить его в покое.

— Но почему? Почему бы не поделиться с ним, что ты чувствуешь?

— Потому что... — я замолкаю, глядя на свои ногти, избегая ее взгляда. — Слишком много всего произошло. Как он сможет снова мне доверять? И как я могу доверять ему после того, как видела его в постели с этими девушками? Я не могу забыть.

Кэт вздыхает, как будто я безнадежна.

— Как бы то ни было, я думаю, что идти разными путями это огромная ошибка с обеих сторон.

Я не отвечаю. Боюсь, что если отвечу, то могу позволить правде ускользнуть, что я действительно думаю, что она права. Насчёт всего.

— Итак, где ты остановилась? — спрашивает Джек, печатая на одном из своих многочисленных компьютеров.

С тех пор как я вошла, он был на взводе. Он продолжает поглядывать на меня краем глаза и задавать случайные вопросы о том, как прошел мой день и другие ненужные вещи.

Мои брови опускаются вниз.

— Кэт разрешила мне пожить у нее, пока я не найду жилье. Я все еще довольно глубока в долгах, так что, если ты сможешь волшебным образом избавиться от них, будет здорово.

Он бросает в мою сторону сухой взгляд.

— По-моему, я и так уже достаточно натворил. Охладись.

Джек возвращается к печатанию. После встречи с Базом я спросила его, не может ли он узнать, чем занимаются остальные ребята. Конечно, Баз был чист, но это не означало, что я верила в невиновность остальных. Я не вдруг забыла, что Винсенту почти удалось убить меня или что Зак пытался задушить меня.

База не было там девять лет назад, когда они сделали то лето худшим годом в моей жизни. Их постоянные насмешки. Он не поймет. Они боялись меня. Они хотели что-то скрыть от меня, а я отказывалась верить, что это как-то связано с каким-то дурацким секс видео. Я все еще обдумываю эту информацию. Я знала, что Мэдисон хочет. Она хотела, чтобы кто-нибудь из них обратил на нее внимание, но они всегда отказывали ей, или, по крайней мере, она заставляла меня верить в это.

Как много я не знала о своем близнеце? Несмотря на то, что наши отношения были не самыми лучшими, я думала, что знаю ее, но теперь я начинаю понимать, что на самом деле ничего о ней не знала.

— Ты нашел их?

— Да. Всех, кроме Винсента.

Мое тело напрягается при одном упоминании его имени. Я не могу слышать его, не

вспоминая ту ночь. Образы обрушивались на меня спорадическими вспышками. Как я убегала от него, от пистолета, сворачивая с дороги. Абсолютная ненависть светилась в его глазах, когда он вонзил металл глубоко в мой живот. Я провожу пальцами по выступающему через рубашку шраму, ненавидя дрожь, пробегающую по спине.

Ненавистью, которую я питаю к нему, нереальна. Даже если выяснится, что он не причинил ей вреда, в чем я сомневаюсь, я все равно причиню ему боль за то, что случилось в ту ночь. Ничто в моей жизни никогда не будет прежним. Мое тело никогда не будет выглядеть как прежде, а мои шансы выносить ребенка в будущем? Он вполне мог все испортить для меня.

Я ни на секунду не верю, что он невиновен. Никто не пошел бы на то, что он сделал, чтобы покрыть гребаное секс видео. Эта глубокая ненависть, разделенная, между нами, никогда не закончится. У нас есть незаконченное дело, и я смирилась со своей судьбой и с его. Я полна решимости найти его, потому что на этот раз я буду той, кто положит этому конец.

Он будет тем, кого я закопаю в землю.

— Где он может быть? — я стискиваю зубы, в основном про себя. Куда бы он отправился, чтобы спрятаться, если не к Базу? — Что насчет остальных? Нашел на них что-нибудь интересное? Они что-то замышляют?

Он качает головой, затем погружается в подробности их повседневной жизни. Ничто из того, что он говорит, не выделяется. И ничто, конечно, не кричит об убийцах, пытающихся бежать из страны. Жаль, что у меня нет места в первом ряду в их головах, чтобы я знала, о чем они думают, что они задумали.

— Я кое-что нашел, пока копал. Не знаю, как я пропустил это раньше, но... — он вздыхает, потирая затылок, как обычно, когда ему что-то не нравится. — Но думаю, тебе нужно это увидеть.

Мой желудок сжимается от сурового выражения его лица. Что бы он ни нашел, вот почему он так себя ведет. Он не знает, как я отреагирую. И, честно говоря, я не уверена, сколько еще смогу выдержать.

— В чем дело?

Он протягивает мне папку, и я некоторое время смотрю на нее, прежде чем набираюсь смелости открыть.

Я перелистываю страницы, нахмутив брови. Джек начинает объяснять, вероятно, читая замешательство, написанное на моем лице.

— Когда ты была в старших классах, ты получила стипендию на полный курс в Небраске?

— Да, но вместо этого я отправилась в Нью-Йорк. На брошюре были картинки деревьев и это почему-то напоминало мне Мэдисон. Ничто в Нью-Йорке не напоминало мне о ней. Это было единственное место, которое она никогда бы не захотела посетить. Почему ты спрашиваешь?

— Бенедикт Пирс, вот причина, по которой ты получила это письмо и стипендию. Он пожертвовал три миллиона в начале года, примерно в то же время, когда ты поступила. Иначе зачем бы он это сделал? Было непросто, но я прокрутил все назад, и мое чутье подсказывает мне, что это как-то связано с тем, что случилось с Мэдисон тем летом.

Я откидываюсь на спинку дивана, пытаюсь переварить услышанное. Я никогда не разговаривала с отцом База. Я видела его несколько раз в городке, но он был богаче греха, а в

Ферндейле он был королевской крови. Королевская семья не ходила по улицам среди простых крестьян. Они сидели в своих башнях и смотрели сверху вниз на бедняков и низший класс. Так что нет. У Бенедикта не было причин жертвовать три миллиона долларов на колледж, в который его сын не собирался поступать. У него не было абсолютно никаких причин, чтобы обеспечить мне полную стипендию в колледже, черт возьми, в Небраске.

— Я просто не понимаю. Зачем он это сделал?

— Ты никогда не думала, что, может быть, Баз хочет, чтобы ты держалась подальше от Ферндейла и его друзей на случай, если ты еще что-нибудь натворишь?

Нет, не думала, но теперь могу предположить.

Говорил ли Баз правду, когда мы разговаривали в последний раз? Или все это еще одна ложь? Я намерена выяснить. К черту последствия.

— Ты в порядке? — спрашивает Джек, уже отодвинувшись от компьютера и заняв место рядом со мной на диване. — У тебя такой вид, будто ты сейчас упадешь в обморок.

Я кашляю, встряхивая головой, избавляясь от новых теорий, которые сейчас переполняют мой мозг.

— Я в порядке. Просто проголодалась. Может перекусим?

Он, кажется, застигнут врасплох этой просьбой.

— Прямо сейчас?

Я хватаю свою сумочку и иду к двери, ожидая, что он последует за мной. Мы едем на метро в одно из моих любимых кафе. Джек молчит, давая мне возможность все обдумать. Думаю, он чувствует, что я в этом нуждаюсь. Как только мы усаживаемся, я достаю из сумочки мобильник и играю с ним. Перекидывая его из руки в руку, я наконец-то прикусываю язык и набираю сообщение Базу. Наверное, он был прав. Мы еще не закончили.

Глава 15

Баз

Я приятно удивляюсь, когда получаю сообщение от Маккензи с просьбой о встрече. Удовлетворение накатывает на меня волнами. Я могу выдержать все, что она бросает в меня. Мне просто нужно увидеть ее снова — чтобы она была рядом. Не раздумывая ни секунды, я приказываю Дэну организовать полет. Я хочу оказаться в Нью-Йорке как можно скорее.

Ей не понравится мое присутствие в ее пространстве, но мне чертовски все равно. Я уже достаточно ждал — столько, сколько может выдержать мое терпение. Ей придется смириться. Лос-Анджелес моя территория, Нью-Йорк, вероятно, ее, а Ферндейл наша средняя точка. Но я знаю, что Ферндейл хранит самые худшие воспоминания для неё, и это никогда не будет возможным для нас. Я не готов вернуться туда так скоро после того, как просто съездил повидаться с ее родителями.

— Поскольку вы скоро окажетесь в Нью-Йорке, я подумал, что вы захотите это увидеть, — говорит Дэн, подтвердив мои данные о полете, показывая мне что-то, от чего у меня закипает кровь.

Я напрягаюсь, когда открываю его письмо с фотографиями. Я попросил Дэна, чтобы кто-нибудь присмотрел за Маккензи, пока она в Нью-Йорке. Сначала я сказал себе, что это

потому, что, поскольку она теперь под моей опекой, мне нужно знать, что с ней все в порядке. Но дело не только в этом. И Дэн, конечно, знал это.

На первом снимке Маккензи стоит на тротуаре и смотрит на что-то вдаль. На следующей фотографии она стоит рядом с мужчиной в толстовке и бейсболке. Большая часть его лица скрыта от камеры, но не вся. Они исчезают в здании позади, и я сужаю глаза. В электронном письме перечислены детали и время. Как долго она там пробыла. В какое время этот человек обычно приходит и уходит. Я нажимаю на следующую фотографию и стискиваю зубы так сильно, что у меня начинает болеть челюсть.

Маккензи сидит с тем же мужчиной в ресторане с бутербродом в одной руке, пока смеется. Мужчина напротив нее смеется вместе с ней, и они оба выглядят абсолютно влюбленными, и черт возьми, если это не злит меня. Ревность пронзает тело, заставляя меня сжимать и разжимать кулаки, пока я работаю над своим гневом, стараясь не ударить кулаком в первое, что увижу. Мой гнев только растет при виде даты этих фотографий.

Сегодня.

В этот же день она попросила о встрече.

Похоже, моя грязная девочка опять что-то замышляет, и я собираюсь это выяснить. Я планирую всегда быть на два шага впереди нее. Я не совершу тех же ошибок, что и в прошлый раз. Я впустил ее, и она солгала. У нее не будет шанса сделать это снова.

Теперь шоу веду я.

Прислонившись спиной к кожаному креслу, я перекидываю лодыжку через колено и устраиваюсь поудобнее. Им не нужно много времени, чтобы добраться домой. Но я уже знал это. Вообще-то я рассчитывал на элемент неожиданности.

Я слышу, как в замке поворачивается ключ, и не успеваю опомниться, как включается свет, и фигура входит, закрывая дверь. Когда он поднимает глаза, уже слишком поздно. Его глаза расширяются, и тревога освещает его черты. Он обводит взглядом свою студию, паника ясно написана на его лице.

— Милое местечко.

Я кладу руки на подлокотник его кресла, заставляя его чувствовать себя неловко. Он боится. Я вижу это по его глазам. Очевидно, он знает, кто я, а значит, точно знает, зачем я здесь.

— Как ты сюда попал? — спрашивает он, стараясь скрыть дрожь в голосе, но я все равно ее замечаю.

— У меня есть свои способы. Хотя отдам тебе должное. Я не смог просмотреть ничего из того, что у тебя здесь есть. Который компьютер, как я полагаю, наполнен подробностями моей жизни? Для Маккензи?

Я машу рукой вокруг нас, в сторону компьютеров и проводов, свисающих из каждого угла. Здесь нет недостатка в технологиях. Джек Лейн прикрыл все свои базы.

Его лицо бледнеет от моего вопроса.

— Не понимаю, о чем ты.

Я встаю с его кресла, и он резко отскакивает от меня, роняя сумку, которую держит в руке. Он пытается убежать, протягивая руку к входной двери, но я пересекаю комнату.

Схватив его сзади за шею, я прижимаю его к стене.

— Что ты для нее делаешь? — спрашиваю я, сжимая.

— Ничего. Клянусь, — задыхается он.

Я ухмыляюсь ему, и он съеживается от страха.

— Попробуй еще раз, мистер Лейн.

— Она моя подруга. Вот и все. Мы просто тусуемся, когда ей нужно с кем-то поговорить.

Мои губы плотно сжимаются. Мне не нравится этот ответ. Это почти хуже, чем то, что она наняла его, чтобы помочь ей. Если они друзья, есть шанс, что он захочет ее трахнуть, а этого просто не произойдет.

— Неужели это так? — спрашиваю я утраченно спокойным голосом.

Он сглатывает под давлением моей руки. Было бы так легко раздавить ему горло. Но я, очевидно, не могу этого сделать. Маккензи никогда мне этого не простит.

— Д-да, — задыхается он. В его глазах вспыхивает бунт. — И даже не вздумай причинить ей боль.

Мои брови поднимаются до линии волос.

— Комплекс спасителя, вот что это такое, Джек? Потому что тебе он не идет. Придерживайся хакерства. Вот в чем ты хорош. И небольшой совет. — я наклоняюсь, выравнивая наши взгляды, и слегка усиливаю хватку, доводя свою точку зрения до конца. — Она моя во всех отношениях. Если ты надеешься спасти ее, то не сможешь. Мне не нравится, когда люди пытаются забрать то, что принадлежит мне, Джек. Держись от нее подальше.

Я отшвыриваю его, и он падает на пол, едва удерживаясь на ногах. Он потирает кожу на горле, задыхаясь.

— Она не хочет меня, идиот.

— Послушай меня, Джек. Если ты прикоснешься к моей девушке, если ты хотя бы подумаешь о том, чтобы прикоснуться к ней, тебе конец. Ты будешь первым, кого я убью. Понял? — я прохожу мимо него, направляясь к двери. — И купи новые гребаные замки, — бросаю я через плечо, оставляя его позади.

Выйдя в коридор, я смотрю на часы. Это заняло немного больше времени, чем ожидалось, но у меня в запасе еще достаточно времени, чтобы добраться до места, где я остановился, прежде чем Маккензи приедет туда. Я попросил ее встретиться со мной там, чтобы мы могли поговорить о том, что она думает и знает.

К тому времени, как я добираюсь до квартиры, у меня как раз хватает времени налить себе стакан виски, прежде чем я слышу стук в дверь. Когда я открываю ее, я ожидаю увидеть Маккензи, но определенно не эту ее версию. Ту, которая переполнена гневом, что буквально пар идет из ушей.

Блядь.

Маккензи

В ту секунду, когда я вижу База и то, как он, красив сегодня, мой гнев вновь захлестывает меня. Почему он всегда выглядит таким сексуальным? С его дурацкими

сексуальными глазами и дурацкими длинными волосами. Всю дорогу сюда я обдумывала новости, которые сообщил мне Джек. Это может ничего не значить, это может быть случайным совпадением, но я знаю, что это неправда. Я все еще взваливаю на плечи столько гнева. Я злюсь на него за гала-концерт, за тех девушек в его постели, за его помощницу Мию.

Когда мое такси подъехала к адресу, который он прислал, я не могла остановить закатывание глаз. Конечно, его богатая задница быстро обзаведется квартирой такого размера в Нью-Йорке. Отвратительно, как он иногда богат.

Я крепче сжимаю газету, которая теперь сминается в моих руках. Проскакиваю мимо него, а затем поворачиваюсь к нему. На нем парадные брюки и белая рубашка на пуговицах, галстук давно снят, первые пуговицы расстегнуты, обнажая загорелую грудь. Я швыряю газету ему в грудь, отталкивая его вместе с ней.

— Не объяснишь ли мне, почему твой отец оплатил мне полную стипендию в Небраску в выпускном классе?

Что-то светится в его глазах, и он вздыхает.

— Чертов Джек.

Мое сердце замирает. Страх свернулся у меня на языке.

— Что ты сделал? Откуда ты знаешь Джека? Лучше не трогай его. Он невиновен.

Он усмехается.

— С твоим драгоценным маленьким бойфрендом все в порядке.

— Ответь мне, Себастьян.

— Он дома, в целостности и сохранности, если ты об этом.

Я стискиваю зубы.

— Отвечай на мой чертов вопрос, Себастьян, или да поможет мне Бог.

— Потому что я ему так сказал.

— Зачем ты это сделал? — он уходит от меня, и я бегу за ним. — Нет, нет, нет. Ты не должен этого делать. Тебе не удастся убежать от этого разговора. Скажи мне правду прямо сейчас! — кричу я, мой голос срывается, эхом отдаваясь вокруг нас в роскошном пространстве.

Он хватается за подоконник и опускает голову. Он внезапно напрягается, и я чувствую, что бы он мне ни сказал, это все изменит.

— Садись.

Мои губы сжимаются.

— Нет. Я буду стоять. Начинай говорить.

— Сядь! — кричит он.

— Нет!

Внезапно он резко поворачивается и швыряет свой стакан, и тот разбивается вдребезги, ударившись о стену. Мое сердце замирает, а дыхание застревает в горле. Я настороженно смотрю на него, замечая, как гнев волнами изливается из него.

— Я не лгал, когда говорил, что не убивал ее, но я сделал кое-что гораздо хуже.

При этих словах я падаю в кресло, как он и ожидал.

— Что ты сделал?

Мое тело дрожит, а желудок скручивается в узлы, когда мои слезы висят на краю моих ресниц, на грани падения.

— У всех нас есть роли в нашей жизни, и в моей дружбе с парнями я был человеком, к

которому они приходили, когда им нужно было о чем-то позаботиться, и когда я вернулся из Бразилии, Винсент нуждался во мне, чтобы что-то сделать.

Он поворачивается ко мне, и я вижу вину в его глазах. Я стискиваю зубы, боль пронзает мою грудь.

— Просто скажи. Просто скажи это, мудака.

— Они были на скале Поцелуев в ту ночь, когда наткнулись на нее... — он прочищает горло, и моя грудь трещит. Вся земля колышется у меня под ногами. — Она была в лесу. Зак подошел посмотреть, дышит ли она, случайно дотронулся до нее и запачкался ее кровью. Он испугался, и все они приняли решение избавиться от доказательств того, что они были там в ту ночь.

Мой подбородок дрожит в попытке контроля своих эмоций. Они коснулись моей мертвой сестры.

Они сняли с нее одежду, чтобы защитить себя.

— Они боялись, что ты будешь продолжать преследовать их, поэтому попросили меня позаботиться об этом.

Медленно я встречаюсь с ним взглядом, и слезы вырываются наружу. Он морщится и выглядит явно задетым. Я впервые вижу столько эмоций на его лице. Обычно он замкнутый. Так хорошо скрывает то, что он испытывает или о чем думает, но я чувствую, что вижу все это прямо сейчас, и это больно. Я чувствую, что не могу дышать.

— И ты это сделал? — спрашиваю я почти шепотом.

— Не так, как они хотели, но да. — раскаяние. Это написано у него на лице, поэтому я отвожу взгляд, ожидая продолжения. — Я велел отцу отвезти тебя подальше от Ферндейла. От них. Сказал им, что я позаботился об этом, и позволил им верить во все, во что они хотели верить.

— Значит, ты солгал мне?

— Я не солгал...

— Ты солгал! — кричу я, моя грудь вздымается. — Ты сказал, что понятия не имеешь, кто я. Говорил, что я даже не была на твоём радаре. Ты прикрыл убийство моей сестры!

— Тогда я тебя не знал. Не так, как я знаю тебя сейчас.

— Ты все еще не знаешь меня!

— Маккензи. — он вздыхает, потирая виски, будто это я его расстраиваю. — Я никогда не хотел причинить тебе боль.

Я издаю резкий, невеселый смешок.

— Ты никогда не хотел причинить мне боль? Из-за тебя вся моя жизнь развалилась! Ты причина всего этого. Черт, я думала, что ненавижу тебя раньше, но теперь... ты видел, как я страдаю. И думаешь, я поверю, что ты не знал, кто я? Я чувствую запах дерьма. — я качаю головой, поднимаясь. — И подумать только, мне было жаль тебя! Мне было жаль лгать, когда все это время ты должен был знать, что это я. В глубине души какая-то часть тебя должна была знать правду.

— Я не знал, что это ты. Я ничего из этого не складывал, пока ты не дала мне почитать эту статью. Как я мог? Ты чертовски убедила, что от прежней тебя ничего не осталось.

— Я ненавижу тебя, — хриплю я, рыдание разрывает неподвижный воздух. — Ты больной, лживый ублюдок.

— Маккензи...

— Держись от меня подальше, — шиплю я, отскакивая от его стола и бросаясь прочь.

Он добирается быстрее, чем я успеваю уйти. Его рука сжимает мое запястье, и он разворачивает меня, пытаясь заставить выслушать его, но я не слышу его слов. Все, что я чувствую, это боль в груди. Она всепоглощающая. Я все время представляю себе ту ночь и то, как все это запутано. Как это все запуталось. Я так обижена, так переполнена яростью, что моя рука скользит по его щеке, и мы оба замираем. Я прерывисто вздыхаю и делаю осторожный шаг назад. Его щека покраснела от удара.

— Пошел ты.

Я освобождаюсь от его хватки и ухожу. Не оглядываюсь. Потому что знаю, что если я это сделаю, то развалюсь на части, и потому что это Баз, я позволю ему собрать меня обратно, несмотря на всю боль, которую он причинил.

Мои руки дрожат, когда я выбегаю из квартиры, мое зрение затуманено, и я ничего не вижу, но продолжаю бежать. Я бегу до тех пор, пока легкие не начинают болеть, пока не начинаю хрипеть от боли, а икры не начинают гореть от напряжения. Я падаю вниз на улице, прислонившись к кирпичному зданию. Перед глазами все плывет, когда я набираю номер Кэт. Она сразу же отвечает.

— Ты мне нужна, — всхлипываю я.

И вскоре она уже со мной, притягивает меня к себе на заднем сиденье своей машины.

Когда мои рыдания и слезы высыхают, я смотрю в окно, наблюдая за пролетающими мимо огнями города. Когда мы подъезжаем к ее дому, я вырываюсь из ее объятий, и она грустно улыбается мне, вытирая с моего лица остатки слез.

— Я не хотела этого делать, но сегодня утром позвонил отец и сообщил плохие новости. Мои глаза закрываются, и я снова чувствую, как мой мир рушится вокруг.

Глава 16

Маккензи

Жертва травмы или Отвергнутый Любовник?

Это единственный вопрос, который приходит на ум при прочтении статьи, которая потрясла мир социальных сетей. Мои первые первоначальные мысли во время чтения были следующими:

Я чувствую запах дерьма.

Кто позволил этой даме написать такое дерьмо?

Это какая-то жестокая шутка?

Я всецело за движение Me Too и верующих женщин, но верующих в этот мусор, который извергает эта мадам? Она написала «журналистскую статью» о себе, о своей жизни и о том, почему ей было так тяжело. (Бу-бу-бу). Она винила мужчин в своих семейных проблемах. Как она может ожидать, что мы поверим в ее невиновность, если она встречалась с одним из предполагаемых убийц своей сестры? (Фото ниже.)

Вот что, ребята, происходит, когда оскорбленная женщина хочет отомстить. Ни для кого не секрет, что печально известный плейбой Баз Кинг был замечен со многими девушками, и я уверена, что она хочет отомстить ему за то, что он разбил ей сердце.

Любой, кто верит в этот кусок дерьма, который определяется как острый и новаторский, абсолютная шутка. Пожалуйста, мисс Маккензи Райт, если вы читаете это, начните жить и займитесь другой карьерой, потому что не так надо преодолевать

расставание.

Спасибо, СЛЕДУЮЩИЙ.

Комментарии:

@TanaCamilla90: Это отвратительно. Не могу поверить, что кто-то зашел так далеко после разрыва.

@YoboiErenn_: Не удивлена, что кто-то это сделал. Этой девушке нужна помощь. Серьезная помощь.

@Nofacediva12: Я бы тоже разозлилась, если бы меня бросил самый горячий мужчина на планете. Кхх. Какая слабая сука.

@QueenVeelo_: Она даже не привлекательная!

@Icon6Kathianaa6: Домашняя девушка должна сделать всем одолжение, задохнуться и умереть, потому что нет, сестренка.

Пять дней.

Сто двадцать часов.

Семь тысяч двести минут.

Вот сколько времени прошло с тех пор, как мне казалось, что мой мир разбился вдребезги. Мне все время интересно, сколько раз мой мир может развалиться на части навсегда, но, очевидно, жизнь забавная штука. Жизни нравится давить на вас, пока вы не почувствуете, что находитесь на грани истерики.

Я ничего не слышала от База, и за это я ему очень благодарна. Не знаю, смогу ли справиться с ним. Особенно сейчас. Адвокаты сказали, что это произойдет, и теперь я больше всего жалею, что не послушалась. Жаль, что я не приукрасила историю, как они предлагали. Возможно, тогда это оказало бы большее влияние. Возможно, тогда это сработало бы.

Я читаю посты, статьи, которые разрывают меня на куски. Комментарии не очень приятные. Хэштеги в Твиттере еще хуже. #MackenzieWrightIsOverParty. Я никогда не думала, что буду ассоциироваться с каким-либо хэштегом, и уж точно не с таким, как этот. Люди создают фан аккаунты с именами Дикарей, и каждый их пост — это основательная порка меня и того, почему я являюсь проблемой в обществе.

Этот мир может быть таким злым. Хотя, потеря сестры уже показала мне это, я думаю, что не понимала, насколько ужасными могут быть люди в Интернете. Меня протаскивают по грязи, потому что я вдруг оказалась лгуньей. Я та самая шлюха, которая лжет. Я сумасшедшая. Я скорбящая. Я все между ними, в то время как все они невиновны.

Стервятникам было легко найти мои фотографии с Базом с гала-концерта, на котором мы присутствовали, и другие откровенные снимки, когда мы находились в Сан-Франциско и покидали клуб. Я понятия не имею, было ли это его рук дело, но на Page Six была опубликована статья обо мне и о том, насколько я была лгуньей, используя эти фотографии в качестве улики против меня.

Все думают, что я презираемый любовник или девушка, ищущая выплаты, желающая заполучить влияние, которое это принесет.

Не этого я хочу. Я хочу справедливости.

Я хочу, чтобы Мэдисон была свободна.

Правоохранительные органы не заинтересованы в возобновлении дела. И с чего бы они должны быть заинтересованы? Я чертова шутка. Если это вообще возможно, то парни сейчас более популярны, чем были раньше, и что еще хуже, все, что Баз рассказал мне о той ночи? Я

ничего не могу с этим поделать, потому что уже выгляжу лгуньей. Эти так называемые теоретики все разоблачили, и если я попытаюсь еще раз, то стану посмешищем. Никто больше не возьмет меня на работу. Скоро я стану бездомной и буду жить под скалой.

Я знаю, что мои подруги никогда бы этого не допустили, но что мне делать? Позволить им вечно заботиться обо мне? Я отказываюсь, и отказываюсь ползти домой к родителям. Мое имя запятнано. И снова все это в руках Дикарей.

Мой телефон вибрирует на кровати, и когда я смотрю на ярко освещенный экран, мой желудок сжимается. Комок размером с мяч для гольфа застревает у меня в горле, когда я дрожащей рукой подношу телефон к уху.

Последний раз я разговаривала с родителями в ночь, когда проснулась в больнице и должна была дать показания полиции. Они не навещали меня, пока я находилась в той адской дыре, и уж точно не звонили после, чтобы узнать, как я, так что без понятия, какого черта они хотят от меня сейчас.

— Алло?

— Маккензи, — вздыхает мама. Ее голос звучит устало и слабо. Как она. — Что ты делаешь? Я думала, тебе становится лучше. Почему ты пытаешься запачкать имя нашей семьи в грязи?

Месяцы спустя, и это то, к чему они призывают? Не для того, чтобы проверить меня или узнать о моем благополучии, а чтобы сосредоточиться на себе и на том, что осталось от их репутации? Моя кровь закипает, и я презрительно поджимаю губы.

— Я пытаюсь поступить правильно по отношению к своей сестре. Не могу сказать того же о вас, ребята.

— Это несправедливо. Мы сделали все, что могли. Иногда нужно отпустить вещи ради собственного здравомыслия. Я думала... Я думала, тебе становится лучше. Именно по этой причине он заставил твоего отца подписать документы на опеку. Он клялся, что тебе стало лучше.

Мой желудок сильно сжимается, перехватывает дыхание.

— О ком ты говоришь?

— Сын Бенедикта. Тот, который был на всех тех фотографиях с тобой в новостях. Он приходил к нам не так давно и заставил твоего отца подписать бумаги, отказываясь от наших прав.

Моя грудь дико вздымается, пытаюсь приспособиться к тяжелому дыханию. Я крепче сжимаю телефон, и сглатываю. Мой желудок крутит от страха.

— О чем ты говоришь?

— Он отвечает за твое здоровье. Это из-за него тебя выпустили.

Мои брови опускаются, а лицо хмурится. Нет, этого не может быть. Зачем он это сделал? Какая ему от этого польза, если он освободил меня оттуда?

Вот тогда-то меня и осеняет.

Баз владеет мной.

Нет более мягкого способа выразить это. Он отвечает за *все*, что касается меня. В ту же секунду, как я выйду из-под его контроля, я снова окажусь в этом дурдоме так же быстро, как и оказалась там раньше. От одной этой мысли у меня по спине пробегает холодок.

Разочарование вызывает слезы на глазах, потому что это единственный раз, несмотря ни на что, когда я не смогу бороться с ним. В последний раз, когда я заходила к нему в кабинет, он сделал вид, что мы не закончили, что мы никогда не закончим. И теперь я понимаю

почему. Он держит ключи от королевства у себя. Вся моя жизнь лежит у него на ладони.

— Спасибо ни за что, — выдавливаю я, прежде чем повесить трубку и отбросить телефон подальше от себя.

Все, что это устройство сделало в последнее время, так это принесло плохие новости. Паника и меланхолия приливают и отливаются в моей груди. Я опускаю голову на руки, пытаюсь дышать сквозь острую боль предательства, которая пронзает центр моей груди, заполняя полость льдом.

— *Ну и что ты собираешься с этим делать?*

У меня перехватывает дыхание, и я замираю при звуке голоса. Закрыв глаза, я мысленно считаю до пяти, убеждая, что мне это только кажется. Это невозможно. Не после столького времени.

— *Ты действительно собираешься сидеть и притворяться, что меня здесь нет?*

Я задыхаюсь от рыданий, когда слышу снова. На этот раз я заставляю себя открыть глаза и вижу Мэдисон, прислонившуюся к стене и наблюдающую за мной. Я энергично потираю виски, стараясь избавиться от боли, потому что этого не может быть. Должно быть, мне это снится или мерещится. Словно отражая меня, ее волосы теперь светлые, как и всегда. Я уже не знаю, что реально, а что нет.

Моя грудь расширяется от волнения, а тело дрожит.

— Ты не настоящая.

— *Да. И я сказала тебе двигаться дальше. Так что да, думаю, мало что изменилось. Ты все еще плохо слушаешь.*

— Мэдс? — я задыхаюсь.

Она отталкивается от стены и пересекает комнату, останавливаясь рядом со мной. Клянусь, когда она опускается на матрас, я чувствую, как кровать прогибается под ее весом. Когда ее глаза встречаются с моими, я чувствую, как первая слеза выскользывает. Мой подбородок дрожит, смотря на нее, взгляд пожирает каждый ее кусочек. Наступает момент, когда мы смотрим друг на друга, глаза в глаза, и это похоже на то, как если бы мы смотрели назад в искривление времени нашего детства. Ее лицо похоже на мое, но, как и у всех близнецов, есть небольшие отличия.

— *Ш-ш-ш. Больше никаких слез,* — выдыхает она, притягивая меня в свои объятия.

Удивление проносится по моему телу, и я падаю в ее объятия, держась за нее, будто она собирается исчезнуть без предупреждения. Я не хочу, чтобы она снова исчезала. Я не смогу справиться с этим во второй раз.

— Скажи мне, что делать, — шепчу я в ее мягкие, как шелк, волосы.

— *Ты либо продолжаешь бороться, либо, наконец, оставляешь это.*

— Я не могу оставить все как есть.

— *Тогда ты знаешь, что должна делать.*

Мы падаем на кровать, и я провожу остаток ночи, позволяя моей мертвой сестре пробежаться пальцами по моим волосам, пока не засыпаю.

Я резко просыпаюсь от ощущения, что кто-то трясет меня за плечо. Ерзая на кровати, я оборачиваюсь и оказываюсь лицом к лицу с Верой. Она смотрит на меня сверху вниз с

озабоченным выражением лица.

— Привет, детка. Ты, должно быть, заснула. Кэт хотела, чтобы я осталась с тобой сегодня. У нее съемки.

Я приподнимаюсь на кровати, прислоняясь спиной к изголовью, и оглядываю комнату, проверяя, здесь ли еще Мэдисон. Очевидно, что нет.

— Хочешь позавтракать и поговорить?

Я морщусь от этой мысли. Я знаю, что мне нужно поесть, но мысль о том, чтобы выйти на публику, на люди, которые в настоящее время пытаются заколоть меня вилами, — да, это не самая лучшая идея.

— Я не хочу сегодня ни с кем иметь дело, Вера. Я пас.

— Наверное, ты права. — она вздыхает, садясь рядом со мной. — Почему бы мне не позвонить водителю и не попросить его привезти нам что-нибудь? Яичница с мимозой?

Я чуть не закатываю глаза от того, как богато и высокомерно прозвучала вся эта фраза, но вместо этого у меня вырывается сухой смешок.

— Ох, как я скучала по тебе, Вера.

Теперь она закатывает глаза.

— Заткнись и прими душ, Кенз. От тебя воняет.

Я даже не обижаюсь на ее замечание. Уверена, что она права. После столь необходимого теплого душа я вдыхаю восхитительный запах завтрака и направляюсь на кухню. Вера все разложила на столе. Несмотря на то, что все выглядит и пахнет так хорошо, я нахожусь в таком страхе, что, когда сажусь, я не могу насладиться этим. Я вожу еду по своей тарелке, думая обо всем, что я хотела бы забыть.

— Я ненавижу видеть тебя в таком состоянии. Не могу сказать, из-за него ли это, из-за этих придурков в Интернете, или из-за того, что они остаются безнаказанными, за то, что сделали с тобой.

— Все вместе.

Но в основном это Баз. Но я этого не произношу. Признать это вслух значит признать поражение.

У меня было пять дней, чтобы смириться с его правдой, и я, кажется, не могу. Он солгал мне. Если он солгал об этом, то мог солгать и обо всем остальном. На самом деле я не верю, что он мог убить Мэдисон. В нашем прошлом нет ничего, что могло бы на это намекнуть. Но что, если это сделал Винсент? Или Трент? Возможно, даже Зак? Я уже больше не уверен насчет Маркуса. Его хронология, кажется, ясна и совпадает с Базом.

Главный вопрос, который у меня сейчас есть: что на самом деле произошло той ночью? Ну и что, если Баз и Маркус ушли? Таким образом, трое из них остались там в ночь ее смерти. Они могли бы легко придумать ложь, чтобы помочь прикрыть друг друга.

Часть меня хочет продолжать копать, в то время как другая хочет сдаться и найти ту жизнь и то счастье, которые я так отчаянно искала. Я устала узнавать правду о вещах только для того, чтобы это еще больше разбило мое сердце.

— Ты ему веришь? Что он этого не делал?

Я пожимаю плечами.

— Часть меня верит. Но я все равно ему не доверяю. Что, если он лжет, защищая их?

— Что, если он не лжёт? Что, если все это правда?

Я бросаю на нее сухой взгляд, и она смеется, указывая на меня вилкой.

— Ладно. Глупо так говорить. Я знаю. Но я думаю, что я имею в виду, как ты узнаешь,

лжет он или нет? Я больше не оправдываю ложь, но, может, держать своих врагов рядом и весь этот джаз прямо сейчас не самая глупая вещь, которую ты могла бы сделать.

Мои брови поднимаются. Это именно то, о чем я думала раньше, но мне казалось неправильным снова обманывать его. Хотя он делал то же самое со мной, не так ли? Чем это отличается? Кэт возненавидела бы эту идею. Черт, вот почему я так удивлена, что Вера вообще упомянула об этом. Она словно дьявол на моем плече, взывает к мыслям, которые уже кружатся, умоляя, чтобы ее заметили.

— Он слишком умен, чтобы вновь попасться на эту удочку. Он никогда не поверит, что я приползу обратно, после всего случившегося.

Она пожимает плечами, засовывая в рот кусочек нарезанного арбуза.

— Заставь его поверить. Не ползи назад. Что ты хочешь делать в глубине души, когда думаешь о Базе?

— Я хочу... — я замолкаю, не уверенная, стоит ли говорить свои мысли.

Она закатывает глаза.

— Просто скажи.

— Я хочу причинить ему боль. Очень сильно. Но также хочу то, что у нас было раньше. Я хочу его. Хочу, чтобы он был моим. Я скучаю по его прикосновениям. Я скучаю... Боже, иногда мне кажется, что я скучаю по всему, что связано с ним.

Она усмехается.

— Уверена, что ты скучаешь не только по его прикосновениям, но это хорошо. Используй это. Потому что это действительно то, что ты чувствуешь. Он не подумает, что это ложь или заговор. А на этот раз? Ты можешь ударить его в самое болезненное место. Ты получишь желаемое. Ты держишь врага близко, и будешь копать глубже, когда он больше тебе откроется.

Я тихо сижу, обдумывая этот план. Это может иметь обратный эффект. Ужасный. Но чем больше я думаю об этом, тем больше понимаю, как хорошо это может сработать. Но меня останавливает только одно.

— Вопрос в том, сможешь ли ты справиться с этим? Сможешь еще раз притвориться? Не влюбившись в него?

У меня нет ответа на этот вопрос. В основном потому, что я уже влюблена в База Кингстона.

Единственное, чего я теперь боюсь, это влюбиться в него так глубоко, что не смогу взлететь на воздух.

Я стою перед домом, из которого выбежала за несколько дней до того, как весь мир решил, что ненавидит меня. В тот вечер я поклялась себе, что больше никогда его не увижу. Что я никогда больше не буду ему доверять, но посмотрите, что я делаю.

Бегу обратно к нему.

Единственная разница в том, что на этот раз я оставляю доверие вне вещей. Хотя мне придется активно пытаться подавить свои чувства к нему. Я все еще не уверена на сто процентов, каким будет мой план действий. Просто надеюсь, что, когда я увижу его снова, все, что я попытаюсь подавить, не всплывет обратно на поверхность.

Одно можно сказать наверняка. Что бы там ни случилось сегодня, я не уйду, пока он не согласится передать мое опекунство кому-нибудь из моих подруг или мне. Я до сих пор не могу поверить, что мои родители отпустили меня вот так. Кто мог сделать такое? Неужели я так мало значу для них? Неужели я такая помеха в их драгоценной жизни, что им пришлось переложить это бремя на кого-то другого? Они действительно согласны с тем, что этот человек Баз? Они даже не знают его!

— Не ожидал увидеть тебя здесь.

Я резко оборачиваюсь и вскрикиваю от удивления при звуке грубого, глубокого голоса. Там стоит Баз во всем своем великолепии. Я замечаю суровое выражение его лица и сглатываю. Не ожидала дружелюбного приветствия, особенно после того, как мы расстались, но это не делает ситуацию менее болезненной.

— Не думала, что ты все еще здесь.

Мы смотрим друг на друга, и что-то в его взгляде переходит в мой, заключая в себе мою душу. Я отвожу взгляд, чувствуя, как края моего зрения расплываются от надвигающихся слез. Я думала, что смогу справиться с этим, но не могу. Один его взгляд и я разваливаюсь на части. Я отворачиваюсь от него и закрываю глаза, пытаюсь взять себя в руки.

Это не работает.

С собственным сознанием мои ноги сами собой удаляются от него. Как будто мой собственный разум и тело знают, что следовать этому плану идиотизм. Встретиться с ним прямо сейчас слишком рано.

— Эй, — говорит он, хватая меня за руку и поворачивает к себе.

Он замолкает, увидев слезы на моем лице. Его губы сжимаются в тонкую линию, а глаза становятся мягкими. Там, где он был жестким и безжалостным всего несколько минут назад, сейчас он, кажется, немного смягчается, и это осознание вины врежется в меня.

Он все еще явно что-то испытывает. Я знаю, что испытывает. А может, я просто выдаю желаемое за действительное. Почему я хочу упасть в его объятия, почему хочу, чтобы он был тем, кто вернет меня обратно? Я не должна здесь находиться. Эмоции, борющиеся внутри меня, очевидно, говорят, что это ошибка.

Я качаю головой, стряхивая с себя его хватку.

— Я не могу это сделать.

Отвернувшись от него, я пытаюсь уйти, но он не отпускает меня.

— Не можешь сделать что?

— Это! — я раздраженно указываю, между нами. — Думала, что смогу приехать сюда, и... что справлюсь. Я пришла к выводу, что могу попробовать. Но я не могу, Баз. Я больше не могу с этим справляться.

Я прижимаю руки к голове, пытаюсь остановить боль, желая, чтобы стук прекратился.

— Христос, — сердито шипит он, и в моем психическом расстройстве я думаю, что его гнев направлен на меня, но когда я слышу его следующие слова, я поднимаю глаза, понимая, что это не так. — Убери этот чертов телефон. Имей хоть какое-то чертово уважение.

Снова схватив меня за руку, Баз прикрывает меня своей широкой спиной и ведет внутрь, в то время как несколько прохожих стоят на улице с телефонами, снимающими мой срыв, будто это что-то, за чем можно наблюдать и записывать. Просто еще одна вещь, которая мне нужна в моей жизни.

Баз проводит меня в гостиную. Я сажусь на диван и роняю голову на руки. Лучше бы он не вёл себя так. Из-за этого на него трудно сердиться. Почему он всегда заботится обо мне и

в то же время причиняет боль?

Я слышу, как он устраивается напротив меня. Чувствую на себе его взгляд и даю себе еще несколько секунд, чтобы собраться. Наконец я поднимаю голову и вытираю с лица остатки слез. Пристально смотрю на нетронутый мраморный пол, не в силах наблюдать за ним.

— Что ты здесь делаешь, Маккензи?

— Я... я...

Мое горло сжимается, и я замолкаю. Я должна это сказать. Сказать ему, что пришла сюда, чтобы увидеть его. Потому что я, честное слово, не была уверена, что смогу держаться от него подальше. Всю правду.

Я боюсь это сделать. Обнажиться, чтобы он причинил мне еще большую боль, чем уже причинил. Вопрос Веры вертится у меня в голове.

— *Сможешь ли ты справиться с этим? Не влюбившись в него?*

Я думала, что смогу. Думала, что смогу скрыть свои чувства к нему, но теперь, когда я здесь, лицом к лицу, не знаю, смогу ли.

— Для того, кто ненавидит меня и никогда не делился со мной чем-то настоящим, ты ведешь себя не подобающе.

Как будто кто-то поднес спичку к пламени, огонь разгорается. Мой взгляд стреляет в него и сужается.

— Я пришла сюда поговорить, но, очевидно, видеть тебя, даже смотреть на твое лицо, сейчас тяжело, — процедила я сквозь стиснутые зубы.

— Тогда говори.

Теперь, когда он сидит напротив меня, его поведение изменилось. Кажется, словно по комнате пробегает холодный сквозняк, но это всего лишь холодок. Он, вероятно, помнит, как прошла наша последняя встреча. Видение моей руки, плывущей по воздуху и сталкивающейся с его щекой, ударило меня в полную силу.

— Вчера у меня был интересный разговор с родителями. — его лицо ничего не выдает. Ублюдок даже не моргает. Просто наблюдает за мной, ожидая продолжения. Его внешний облик неразрушим. — Ничего не напоминает?

— С чего бы? — он бросает вызов.

Так спокойно, как только могу, с огнем, кипящим внутри, я кладу ладони на бедра и слегка наклоняюсь вперед, прищурившись.

— Не валяй дурака, Себастьян. Ты знаешь, о чем я говорю. И я хочу знать почему. Зачем идти к родителям? Зачем забирать у них опеку и переписывать на себя? Что ты задумал?

— Умная девочка, — задумчиво произносит он, кривя верхнюю губу от удовольствия.

— Зачем ты это делаешь?

— Ты действительно считаешь, что в их руках тебе будет лучше? Это хочешь сказать?

Я хмурюсь, потому что это не то, что я говорю. Я имею в виду, черт, они не навещали меня в этой дыре. Они просто выбросили меня, будто я ничего для них не значила. Часть меня знает, что будет лучше с этим, и это пугает меня. Как я могу доверять Базу после всего, что он сделал, больше, чем моим собственным родителям? Это даже не главная проблема. Главная проблема заключается в том, что он изо всех сил старался отнять это у них.

Зачем? К этому моменту мы даже не общались. У него явно какой-то скрытый мотив.

— Нет, но это не значит, что я хочу, чтобы опеку было у тебя. Перепиши его на

кого-нибудь, *кроме* себя.

— Почему нет? Неужели ты думаешь, что я не принимаю близко к сердцу твои интересы?

— А ты принимаешь? — я бросаю вызов. — Потому что я почему-то не верю. Я тебе не доверяю. Каждый твой шаг просчитан, и я хочу знать, почему ты это сделал.

Он уклончиво пожимает плечами. Неожиданно слишком гладко и спокойно, на мой вкус.

— Решил, что так будет безопаснее. Поблагодаришь меня потом.

— Перепиши опеку.

Он цокает.

— Не могу этого сделать.

— Почему?

— Сначала скажи, зачем пришла сюда, — возражает он.

— За этим я и пришла сюда! — рявкаю я, мой тон преувеличен.

Баз кривит бровь, понимая, что я блефую. Он усмехается. Глубокий звук грохочет по моему телу.

— Похоже, вся ложь не изменилась.

Его слова, как удар в грудь. Я стараюсь не вздрагивать от того, как сильно они меня беспокоят. Ненавижу, что он всегда будет считать меня лгуньей. Как бы я хотела сидеть здесь, обнажиться перед ним и рассказать ему обо всем.

— Хорошо, хочешь знать, зачем я здесь? Потому что мне нужна твоя помощь.

Его брови удивленно взлетают вверх.

— Какая?

— Я уверена, что виновата в том, что пресса разрывает меня в клочья. — я свирепо смотрю на него. — Мне нужно, чтобы это прекратилось. При таких темпах я нигде не смогу найти работу. Мое имя запятнано. И я просто... Мне нужно, чтобы это прекратилось. Эти люди в Интернете жестоки.

По правде говоря, я не нуждаюсь в его помощи. И хотя меня беспокоит, что люди говорят обо мне в Интернете, я могу игнорировать это. Я могу спрятаться на некоторое время, пока все не уляжется. Хотя, найти работу? Это уже совсем другая история.

Баз пристально наблюдает за мной, слишком пристально, и я боюсь, что он видит меня насквозь. Боюсь, он уже знает, зачем я здесь на самом деле, и поймет, что это всего лишь слабая попытка оправдаться. Я не могу этого допустить. Это мой последний шанс вернуться в его жизнь.

Мне следовало придерживаться первоначального плана, который я обсуждала с Верой, но с моим разбитым сердцем это слишком рискованно.

Через секунду он проводит пальцем по пухлой нижней губе, глядя на меня с холодной отчужденностью, от которой хочется съежиться и умереть.

— Так вот для чего ты здесь? — ворчит он, качая головой, будто ему следовало знать лучше. — Конечно, ты здесь именно ради этого. Ты хочешь, чтобы я убрал и твой беспорядок тоже. Улучшил все?

Его насмешливый тон раздражает меня.

— Ты мне кое-что должен, жалкий сукин сын.

Баз откидывается назад, наблюдая за мной с холодным расчетливым блеском в глазах. Я ненавижу это. Мне кажется, он видит меня насквозь. Видит насквозь все дурные намерения,

которые были у меня, когда я пришла сюда. Я плотно сжимаю губы, отказываясь отвести взгляд или отступить.

Он ухмыляется, и на этот раз это застаёт меня врасплох, насколько это жестоко. Наклонившись вперед, он произносит слова так тихо, с хриплым подтекстом, что это ударяет меня прямо в сердце.

— Ты хочешь использовать меня, детка?

Я сглатываю, скрещивая ноги, избавляясь от внезапной боли внизу. Я ищу гнев, чтобы держаться за него.

— Не называй меня так, — огрызаюсь я. Наклонившись вперед, я угрожающе понижаю тон. — Ты мой должник.

Баз поджимает губы.

— Вполне справедливо. Но что я получу взамен?

Смех вырывается из моей груди.

— Ох, не знаю, возможно, мой нож не будет торчать из твоей яремной вены?

Он ухмыляется. Веселье освещает его глаза. Ублюдок наслаждается этим.

— Нож? Боже, ты действительно изменилась, не так ли?

Я расправляю плечи.

— Да.

Он еще больше наклоняется вперед, и от этого легкого движения его запах проникает в мое личное пространство, и я ненавижу то, как он освещает мое тело. Это все мужчина. И весь Баз.

— Ну, я тоже, грязная девочка. Уверена, что хочешь это сделать?

— Мы договорились, Себастьян? Просто скажи, что хочешь взамен, — рычу я сквозь зубы.

Если он спросит меня еще раз, готова ли я, я в конце концов уйду, потому что нет, я не готова. Но я никогда не дам ему об этом знать.

Он ухмыляется.

— Я хочу тебя, конечно.

Мое сердце подпрыгивает к горлу, и я морщусь.

— Прекрасно.

— Готова работать ради этого, грязная девочка? Потому что это будет непросто.

И снова в его взгляде нет жара, только лед. И он горит по-другому. Более болезненно. Я понимаю, что это должно причинить боль. Он хочет причинить мне такую же боль, как и я ему.

— Пошел ты. Так мы договорились или нет? — спрашиваю я, вкладывая сталь в свой голос.

Он откидывается назад.

— Договорились.

Я собираю свою сумочку и собираюсь уходить, но удивленно ахаю, когда Баз разворачивает меня и ведет к стене. Он двигался так быстро, что я даже не слышала, как он поднялся. Жар его тела прижимает меня к стене, и я чувствую, как он просачивается сквозь одежду. Его запах проникает в мои чувства. Трудно думать, трудно дышать, когда он так близко.

Мое сердце бешено колотится. Оглушительный звук грохочет у меня в ушах. Он так близко, что я чувствую каждое теплое дыхание на своей макушке. Мои соски трутся с

материалом лифчика. Было бы так легко наклониться вперед и соединить наши губы вместе. Было бы так легко потеряться в этом мужчина, как я делала это много раз прежде. Как два магнита, положительный и отрицательный, щелкают друг о друга. Эта связь, которая всегда была, между нами, вибрирует, и я чувствую, как наклоняюсь к нему. Я должна сопротивляться его хватке, притворяться, что ненавижу это. Его рука внезапно обвивается вокруг моего затылка, и его прикосновение согревает меня с головы до ног. Он входит в мое личное пространство; его твердые мышцы сливаются с моими изгибами.

Мои губы инстинктивно приоткрываются, когда он наклоняется, его лицо нависает всего в нескольких сантиметрах от моего. Мы делим воздух друг с другом, вдыхая жажду и желание, которое внезапно душат комнату. Его большой палец скользит от моего запястья вверх по руке, по изгибу плеча, по шее и останавливается на подбородке. Подушечкой большого пальца он проводит им по нижней губе, играясь со мной.

Румянец ползет по моей коже, и мне почти хочется умолять его сделать это уже сейчас. Поцеловать меня. Унять боль. Даже если я потеряюсь в его поцелуе всего на несколько минут, я приму это.

— Такая страстная, — выдыхает он мне в губы.

Я не могу сдержать стон, когда его язык высовывается, обводя контур моих губ. Мое сердце пульсирует, почти умоляя о большем.

Он отстраняется, наблюдая за мной, и мне хочется закричать в отчаянии и от несправедливости всего. Но вдруг он ныряет, целует меня, захватывает мои губы грубо и жестко. Я стону ему в рот, полностью погружаясь в него. Обхватив рукой мой затылок, он притягивает меня к себе, направляя поцелуй.

Когда он отстраняется, он кладет руку мне на голову, заключая в клетку, и смотрит на меня сверху вниз. Я прилагаю усилия, чтобы замедлить дыхание, но уверена, что он это видит. Черт, он, наверное, слышит, как я тяжело дышу. И знает, как сильно я хочу его. Его рука соскальзывает с моей шеи, в то же время тепло его тела покидает мое, и он отступает.

— Ты получишь известия от меня, — он указывает подбородком в сторону двери, и у меня скручивает живот.

В то время отказаться от своего тела ради возвращения прав казалось хорошей идеей. Но не сейчас. Особенно после поцелуя.

Может, мне следовало просто сказать правду, потому что это? Что мы делаем? Это так же опасно, если не опаснее, чем отдать ему свое сердце на серебряном блюде.

Глава 17

Баз

Мои легкие горят, странное ощущение наполняет мою грудь, когда я смотрю, как она уходит. В крови бушует огонь, который, кажется, может сжечь солнце. Вот какой эффект оказывает на меня Маккензи. Я ясно видел ее сегодняшнее поведение насквозь, но разве это помешало мне заключить с ней сделку? Ни в коем случае. Потому что я зависим. Это значит, что я наконец-то смогу удержать ее в своих руках. Это значит, что я смогу удержать ее

рядом, когда все, чего она хочет, это убежать подальше от меня.

Какая-то маленькая часть меня разочарована тем, что она пришла сюда только для того, чтобы я решил ее проблемы. И ничего больше. Или, по крайней мере, она хочет, чтобы я в это поверил. Но этот поцелуй и то, как ее тело все еще реагирует на мое? Это говорит мне все, о чем я должен знать— все, что эти пухлые губы никогда не осмелились бы произнести.

Она все еще хочет меня.

Определённая ее часть все еще хочет меня, и я буду копать, просеивать ее страхи и гнев, пока не раскрою эту часть ее.

Я готов принять вызов. Задача: снять с нее кожу, слой за слоем, пока она не обнажится передо мной. Я планирую сломать ее, потому что это единственный жизнеспособный вариант. Она чертовски упряма и хочет использовать меня. Так что я ей позволю. Она может использовать меня, сколько захочет.

Порывшись в своих карманах, я достаю телефон, чтобы позвонить Мии. Она поднимает трубку на втором гудке, ее ликующий голос разносится по линии.

— Добрый день, мистер Кинг. Чем я могу вам помочь?

— Мне нужно, чтобы ты сделала для меня заявление. Кроме того, мне нужно, чтобы ты продолжала хоронить эти статьи.

— Я могу это сделать. Для чего это заявление? А статьи, касающиеся мисс Райт? У нас есть большая часть источников, но учетные записи и хэштеги, не уверена, что мы можем что-то с этим поделать.

— Я с этим разберусь. Заявление касается моих отношений с мисс Райт. Я хочу, чтобы весь мир узнал, что она моя. Я могу справиться с остальным, но пока это нарушит ветер в парусах разъяренной толпы, когда она будет обеспокоена. Свяжись с Джулией, нашим публицистом, и пусть она что-нибудь набросает.

На другом конце провода воцаряется молчание. Оно достаточно долгое, чтобы я смог представить ее удрученное лицо. В этом и заключается суть найма женщин на должность помощниц. Каким бы грубым, резким или неприятным я ни был, они всегда хотят большего. Миа ничем не отличается. Она чертовски хороша в своей работе, но она также смотрит на меня, как на Бога. Я не Бог. Я человек, кающийся в своих грехах. И делаю все возможное, чтобы все исправить.

Она меня не знает. Не видит меня настоящего. А видит только то, что видят остальные. Хорошая внешность, огромный счет в банке и хорошее время для постели. Меня никто не интересуется, кроме той самой девушки, которая сводила меня с ума с тех пор, как вошла в мой ресторан, ворвалась в мою жизнь, все эти месяцы назад. Я могу только надеяться, что это не станет проблемой. Особенно теперь, когда Маккензи снова появится в кадре.

С другой стороны, это может быть весело. Маккензи, очевидно, чувствует угрозу со стороны Мии, так что держать Мию рядом может сыграть выгоду для этого маленького соглашения, которое мы заключили. Я сказал Маккензи, что будет нелегко, и я имел это в виду. Даже несмотря на то, что она держит меня, я все еще зол, и все еще есть маленькая часть меня, желающая причинить ей боль.

— Какие-то проблемы, Миа? — спрашиваю я, нетерпение окрашивает мой тон.

— Нет. Нет, конечно, нет. — она приходит в себя, прочищая горло. — Я займусь этим для вас, мистер Кингстон. Когда мне ждать вашего возвращения?

— Скоро. Есть еще несколько вещей, с которыми я должен разобраться.

Повесив трубку, я набираю номер Маркуса и договариваюсь с ним о встрече. Он все еще

здесь, в Нью-Йорке, и если это сработает, он должен быть в курсе всего происходящего. Он может не доверять Маккензи, и ему это не понравится, но у него нет другого выбора.

Если мы действительно собираемся раскрыть правду о лжи Винсента, это единственный вариант. Мне нужно держать Маккензи рядом. Это единственный способ защитить ее.

Трент знает больше, чем показывает, а Зак прикидывается дураком. Я боюсь худшего. Могли ли они разыгрывать меня все эти годы? И если да, то что произошло на самом деле? Возможно, Маккензи была не так уж далека от истины. Возможно, в ту ночь это действительно должна была быть она.

Я вылезая из машины, застегиваю пальто и поднимаюсь по ступенькам в элитное здание в Верхнем Ист-Сайде. Оно кричит о деньгах. Что-то, чего, я уверен, у Кэтрин Ван Де Пон в избытке.

После разговора с Маркусом мы пришли к своего рода соглашению. Он не доверяет Маккензи и считает, что я совершаю огромную ошибку. Я тоже никому не доверяю, и обычно никогда не ставлю себя в положение, когда кто-то может обжечься, но мне все равно. Я все еще делаю это.

Я вхожу в вестибюль, и швейцар приподнимает шляпу, очевидно, зная, кто я, не задавая вопросов. Я останавливаюсь у стойки и сообщаю пожилому мужчине, что я прибыл, чтобы увидеть Маккензи Райт, которая остановилась у Кэтрин. Ей не требуется много времени, чтобы спуститься, хмурясь от моего неожиданного присутствия. Она активно пытается скрыть удивление гримасой, но это не работает. Я вижу ее насквозь. Даже если она этого не хочет.

— Что ты здесь делаешь?

Она плотнее закутывается в кардиган, оглядывая вестибюль, убеждаясь, что никто больше не смотрит.

— Мы идем на мероприятие. Подготовься.

Ее брови поднимаются. Недоверие написано на ее великолепном лице.

— Черт возьми, конечно же.

Я подхожу к ней, играя с красивыми светлыми волосами, беспорядочно лежащими через плечо.

— Ты пришла ко мне за помощью, помнишь? Мы заключили сделку, грязная девочка. Время платить.

— Себастьян, я не пойду с тобой на мероприятие. Часть плана это или нет. Мы никуда не пойдём.

— Ох, да, мы пойдём. Нам еще многое предстоит обсудить, прежде чем мое заявление будет опубликовано. Теперь это уже не остановить. Ты приняла решение. Ты застелила постель. Теперь пришло время лечь в неё. Желательно под меня.

Ее губы сжимаются.

— Прекрасно. Но мне нужно одеться и сообщить Кэт. Ты останешься здесь.

Она отворачивается, но я смеюсь, идя рядом с ней.

— Ох, нет. Не думаю, детка. Я иду с тобой. Мы можем рассказать ей вместе.

В ее больших карих глазах вспыхивает паника, но она ничего не говорит и не спорит со

мной по этому поводу. Она не хуже меня знает, что я добьюсь своего.

Я следую за ней в лифт и чувствую, как ее враждебность излучается в маленьком замкнутом пространстве. Она хочет убить меня.

Что ж, плохо.

Мы едем в тишине — я пожираю ее взглядом, а она смотрит прямо перед собой на зеркальный хром, делая все возможное, чтобы игнорировать меня.

Будет весело.

Мы выходим на этаже Кэт, и Маккензи открывает дверь, но останавливается, как только поворачивает ручку. Она оглядывается на меня, и что-то в ее лице заставляет меня остановиться.

— Просто позволь мне говорить, хорошо?

Она заходит внутрь, и я слышу голос ее подруги.

— Мак? Куда ты ходила?

Ноги Кэт останавливаются, когда она входит в гостиную, ее взгляд сверлит меня насквозь. Ее глаза бегают, между нами, и не требуется много времени, чтобы неодобрительный взгляд материализовался на ее лице.

— Что происходит? Почему ты здесь? Разве ты не сделал достаточно?

Я этого заслужил.

— Мы... мы говорили о решение всех проблем, — быстро добавляет Маккензи.

Кэт усмехается.

— Пожалуйста, скажи, что ты шутишь. Пожалуйста, скажи, что ты умнее этого. Ты забыла, что он сделал? Кто его друзья?

Маккензи корчится от слов Кэт. Я уверен, что она терзала себя именно из-за всего этого, с тех пор как заключила сделку со мной, и то, что Кэт задела ее, не помогает.

— Кэт... ну же.

— Маккензи, пожалуйста, не делай этого. Забуди о нем.

Глаза Маккензи наполняются слезами. Для меня это последняя капля. Я захожу в комнату, ловя взгляд Кэт. Она злится. Я вижу по ее взгляду, как сильно она меня ненавидит. Как сильно мне не доверяет.

— Права на Маккензи принадлежат мне. Я заставил ее родителей переписать опеку на меня. Все в моих руках. Мы заключили сделку. Я держу ее имя подальше от средств массовой информации и не позволяю им протаскивать ее по грязи, а она возвращается к человеку, которого выбрала. Вот почему она это делает.

Глаза Кэт расширяются, на ее лице написано потрясение, а в глазах вспыхивает гнев.

— Насколько жестоким ты можешь быть?

Я засовываю руки в карманы ижимаю плечами.

— Я с удовольствием покажу тебе.

Кэтрин фыркает, уперев руки в бока, и наблюдает за Маккензи прищуренным взглядом.

— Ты уверена в этом? Ненависть, которую ты испытываешь, не будет длиться вечно, детка. Мы справимся с этим и без его помощи.

Маккензи сглатывает и кивает.

— Я уверена.

Она направляется в свою комнату, чтобы переодеться, оставляя меня с Кэт. Ее дерзкая подруга не ждет ни секунды. Она подходит ко мне, нос к носу, глядя на меня снизу вверх.

— Если ты снова причинишь ей боль, я убью тебя. Понял? В ее жизни было достаточно

боли, чтобы хватило на всю жизнь. Может, хоть раз постарайся не быть в центре всего этого.

Она не ошибается.

Я киваю в знак согласия, когда Маккензи выходит из комнаты, одетая во что-то более повседневное, но на ней это выглядит невероятно. В Маккензи что-то есть. Это необъяснимо, но действительно. Вам хочется смотреть на нее, узнать поближе. Когда я смотрю на нее сейчас, мне кажется, что я смотрю на новую девушку. Волосы — это радикальная перемена, к которой мне нужно привыкнуть, но теперь, зная, что это она, настоящая она, я обнаруживаю, что люблю этот цвет больше, чем черный. Таким образом, она меньше похожа на лисицу и гораздо более уязвима. Это настоящая Маккензи Райт.

— Давай покончим с этим, — почти рычит она.

Выходя, она останавливается рядом с Кэт, и они обе шепчутся вполголоса. Лицо Кэт выглядит странно скептическим. Она явно не уверена в разумности этого решения. Скорее всего, это так.

Маккензи кипит от гнева всю дорогу до машины. Я устраиваюсь на сиденье рядом с ней и жду, когда водитель тронется. У нас будет публичный обед в Ле Бернарден. Не нужно сообщать об этом таблоидам или папарацци. Маккензи такой выдающийся человек в социальных сетях, что на данный момент они все равно найдут ее, желая оказаться первыми, кто получит эту историю. Первый снимок, на котором мы снова вместе.

— Зачем ты это сделал? Зачем бросаться из-за меня под автобус? — тихо спрашивает она.

Я чувствую ее сладкий, опьяняющий запах в замкнутом пространстве. Это отвлекает. Мне хочется протянуть руку и заключить ее в объятия.

Я смотрю в окно, не в силах смотреть на нее, пока отвечаю.

— Затем, что на этот раз ты перестанешь лгать окружающим. По крайней мере, теперь она знает правду.

Я сделал это не поэтому. Я сделал это для нее. Хотя я и не хочу этого, я забочусь о ней. Краем глаза я вижу, как она вздрагивает, мои слова попали в намеченную цель. Я хочу дотянуться до нее и успокоить боль, которую, несомненно, вызвали мои слова, но не могу. Это слишком сильно показало бы меня, и на этот раз мне нужно взять верх. Поэтому вместо того, чтобы делать то, что кажется правильным, я сжимаю руки в кулаки и не отрываю взгляд от окна, пока мы не добираемся до места назначения.

Я вылезаю из машины и протягиваю ей руку. Когда она берётся за меня, я чувствую дрожь, проходящую по ее телу. Или это моя дрожь? Не могу сказать. Рука об руку мы проходим через вход, шокированные лица и разговоры замирают, когда они останавливаются, чтобы посмотреть на нас, сразу узнав нас обоих.

Я чувствую, как Маккензи напрягается рядом, явно ощущая себя неловко от такого внимания. Шепот начинается немедленно, и я практически чувствую, как она закрывается, поэтому сжимаю ее руку в своей, в единственной форме поддержки, которую я готов ей дать в этот момент. Кажется, это помогает. Она глубоко вздыхает и выпрямляет спину.

Мы обходим длинную очередь людей. Когда нас проводят к нашему столику, она не теряет времени даром. Очевидно, с кроткими чувствами, с которыми она столкнулась ранее, покончено, и на их месте старая Маккензи, которую я помню со всех тех месяцев назад. Та, кто делает храброе лицо.

Фасад.

— Скажи, зачем ты пришел сюда, чтобы мы могли разойтись в разные стороны.

Я улыбаюсь ей. Уверен, что для всех остальных это выглядит ужасно романтично, то, как я улыбаюсь и тянусь через столик, чтобы взять ее руку в свою. Но она видит все, как оно есть. Холодная улыбка, за которой нет настоящей теплоты.

— Ты вернешься со мной в Лос-Анджелес и останешься со мной.

— Нет, черт возьми!

— Если ты хочешь, чтобы это сработало, мне нужно, чтобы ты была рядом.

— Я вернусь в Лос-Анджелес, но ты, блядь, сошел с ума, если думаешь, что я останусь с тобой.

Я пожимаю плечами.

— Думаю, я могу выселить Мию из ее номера, а ты можешь заехать вместо нее. Она может остаться со мной...

— Отлично! — огрызается она чересчур нетерпеливо. — Какие еще нелепые правила у тебя действуют?

— У меня еще один предстоящий гала-концерт. Ты должна будешь присутствовать на всех мероприятиях, соблюдая приличия. Я уже опубликовал заявления. Все уже должно успокоиться на фронте статей.

Напряжение в ее плечах ослабевает.

— Я могу это сделать. Что еще?

— Разумеется, ты в моем распоряжении в любое время. — я наклоняюсь вперед, наслаждаясь тем, как ее глаза горят огнем, который разгорается глубоко внутри. — Всякий раз, когда я хочу трахнуть тебя, ты позволяешь мне.

Ее губы приоткрываются, и она сглатывает. Через некоторое время она закрывает рот и стискивает зубы, ее челюсть ходит ходуном. Тонкие мышцы на шее подпрыгивают от этого движения, дразня меня, умоляя о моем рте на ее коже.

— А теперь, если ты закончил, у меня есть свои правила. Если мы сделаем это, если я дам тебе доступ к своему телу, тогда у меня будет право голоса в том, что с ним произойдет. И я говорю, никаких поцелуев.

Я откидываю голову назад и смеюсь над абсурдностью этого предложения. Все посетители ресторана поворачиваются и смотрят в нашу сторону с любопытством на лицах, вероятно, задаваясь вопросом, над чем, черт возьми, мы можем смеяться, когда в средствах массовой информации было изображено, что она ненавидит меня до глубины души. И я думаю, что они не ошибаются на сто процентов.

Никаких поцелуев? Это просто не сработает для меня, и я точно знаю, почему она предложила это. Поцелуй прошлой ночью пробудил старые чувства, и она внезапно испугалась.

— Нет, — я качаю головой, делая глоток из стакана.

Она напрягается, ее лицо становится бурным от моего очевидного отклонения ее предложения.

— Это моя единственная просьба. Если ты не можешь выслушать меня, мы не заключим сделку.

Я откидываюсь на спинку стула, оценивая ее. Она говорит на полном серьезе. Думаю, я могу дать ей сантиметр, но будь я проклят, если она пройдет этот километр. Играя с материалом салфетки, раскрытой передо мной, я оцениваю ее панику в глазах. Ей нужно, чтобы я согласился на это. Вот в каком она отчаянии.

— Хорошо. Я могу это уважать.

Удивление пробегает по ее лицу, и ее глаза расширяются, словно она действительно не может поверить, что я согласился на это. Я уверен, что какая-то часть ее души надеялась, что я не соглашусь, чтобы ей не пришлось выполнять свой чертов план.

— Хорошо. Это хорошо.

Она ерзает на стуле, явно чувствуя себя неловко. Внезапно оказавшись здесь в ловушке, не имея другого выхода.

Я ухмыляюсь.

— Ты все равно будешь умолять меня об этом. Я не слишком беспокоюсь.

На этот раз она усмехается.

— Ты, кажется, ужасно уверен в себе.

— Что я могу сказать, я знаю свои активы. И знаю тебя.

Ее губы сжимаются, и на секунду мне кажется, что она хочет сказать что-то еще, но в конце концов решает этого не делать. Вместо этого она меняет тему разговора.

— Итак, ты познакомился с моими родителями. Уверена, это было весело.

Она смотрит на меня, когда задает вопрос, и наши взгляды встречаются. Все, о чем она хочет спросить, написано у нее на лице. Все, что она хочет сказать, написано в ее глазах.

— Не особенно, нет. Моника и Майкл... любопытные люди. Совсем не такие, как я ожидал.

— А чего ты ожидал? — спрашивает она с искренним любопытством.

Что-то потеплее.

Родители, которые такие же, как ты. Настоящая ты.

— Все и ничего, — отвечаю я, сохраняя неопределенность.

Она грустно улыбается.

— Мне кажется, я могу читать между строк. Они избавились от всего, что напоминает им обо мне, не так ли?

Столько эмоций отражается в ее глазах. Она знает правду, и мне даже не нужно давать ей ответ.

— Я не обратил на это особого внимания. Я был там только ради одного. Меня не очень интересовали детали.

Она усмехается.

— Верно. И ты говоришь, что я здесь единственная лгунья?

Я глубоко вдыхаю, наклоняясь вперед, заполняя ее личное пространство.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал, Маккензи? Что они вычеркнули тебя из своей жизни? Что они восхваляют жизнь твоей сестры, а не дочери, которая у них все еще жива?

Ее подбородок дрожит, и я ругаюсь себе под нос, качая головой. *Слишком далеко зашел, придурок.*

Словно вспомнив, что мы на публике, она кивает, сдерживая эмоции.

— Мы закончили с этим местом? Мне нужно собрать вещи.

Я вздыхаю и неохотно киваю, потому что мне больше нечего сказать.

Маккензи гораздо более сломлена внутри, чем когда-либо показывала, и после моего визита к ее родителям я начинаю понимать, почему. Я постепенно все больше понимаю ее и планирую снять с нее все эти слои, пока она не обнажится.

Маккензи

Я чувствую, как неодобрительный взгляд Кэт сверлит мою спину, когда я заканчиваю собирать вещи. Она молча смотрит на меня с тех пор, как я вернулась домой после ужина. Глубоко вздохнув, я поворачиваюсь к ней лицом, уже чувствуя тяжесть своих решений.

— Просто скажи это.

— Я думаю, что это огромная ошибка.

Я никогда не слышала, чтобы ее голос звучал более уверенно, и это пугает меня.

— Я знаю, но у меня действительно нет другого выбора.

— Выбор есть всегда, Маккензи. И я боюсь за тебя. Мы не можем ему доверять.

— Знаю. Но он тоже не может мне доверять.

Она хмурится.

— И что это должно означать?

— Держи своих врагов ближе. Вот почему я это делаю. Он получает мое тело, а я получаю все остальное. Я провела черту и знаю, где мои пределы, и он тоже.

— Я не дура. И ты тоже. Я знаю, что ты любишь его. Это катастрофа в процессе становления.

— Я понимаю. Но теперь пути назад нет.

Она откидывает голову назад, глядя на потолок в поисках силы, но затем кивает, смирившись. Кэт раскрывает объятия, и инстинктивно погружаюсь в нее, сжимая ее, как спасательный круг.

— Я всего в двух шагах, если понадобится.

— Я люблю тебя, — выдыхаю я в ее объятия.

Закончив собирать вещи, я еще раз прощаюсь с Кэт и Верой, прежде чем сесть в черную машину, которую прислал за мной Баз. Мы заказали его частный самолет обратно в Лос-Анджелес, и я боюсь. Боюсь, Кэт права — что это ошибка.

Но в глубине души я еще больше взволнована. Здравомыслие так трудно обрести, когда я рядом с этим мужчиной. Такое чувство, что я каждую секунду тянусь к своему здравомыслию вокруг него, будто это камень посреди реки, в то время как яростное течение тянет меня в противоположном направлении.

Когда я сажусь в самолет, то хмурюсь, понимая, кто еще летит с нами.

— Нет. Черт, нет.

Баз, и Маркус смотрят в мою сторону.

— Ох, поверь мне, принцесса. Я тоже не в восторге от такого поворота событий, — говорит Маркус, закатывая глаза.

Я сжимаю губы в тонкую линию и свирепо смотрю на База. Он солгал. Это не была частью плана.

— Садись, грязная девочка.

Ублюдки.

Я именно так и поступаю, но мое отношение не может быть ошибочным. Я сажусь на свободное место рядом с Базом и обнаруживаю, что сижу прямо напротив Маркуса. Мы смотрим друг на друга, как капризные дети. Я отвожу взгляд, прежде чем поддаться желанию ударить его кулаком в лицо. Прошло много времени с тех пор, как я была здесь в последний раз, и позвольте мне сказать, что великолепие ничуть не изменилось.

Удивление озаряет мое лицо при виде Дэна, который несёт одну из моих небольших

сумок и помещает ее в кабину наверху. Я так давно его не видела, и какая-то часть меня хочет извиниться за всю ту чепуху, через которую я его заставила пройти. Словно понимая, куда направляются мои мысли, он делает самую безумную вещь. Он одаривает меня улыбкой. Думаю, что это первый и единственный раз, когда я вижу, как суровый мужчина улыбается, и это застает меня врасплох, мой рот отвисает.

Словно он не просто сделал что-то настолько потустороннее, он возвращается к работе, и я рискую взглянуть на База, который наблюдает за мной. Вздрагиваю, встречаясь с ним взглядом. Его глаза впиваются в меня, в поисках. Тепло внезапно окутывает мою грудь, будто я проглотила огненный шар. Маркус прочищает горло, явно чувствуя себя неловко от тишины.

— Перестаньте трахать друг друга глазами.

Я закатываю глаза.

— Есть ли причина, по которой он здесь?

— На самом деле, есть. Если это сработает, мне нужно, чтобы вы оба вели себя хорошо. Я понимаю, что у вас обоих имеется дерьмо из прошлого, но мне действительно все равно. Сейчас у нас есть более важные вещи, о которых нужно беспокоиться.

— Тебе легко говорить. Маркус не преследовал тебя со своими друзьями, не душил тебя у стены своего дома и не говорил, что убьет тебя, если ты не отступишь.

Баз напрягается, бросая на Маркуса обжигающий взгляд. У него, по крайней мере, хватает порядочности выглядеть раскаивающимся.

— Я же сказал, что сожалею об этом. Мне было страшно. Я совершил много ошибок, но он прав. Я тебе не доверяю. Думаю, что Баз сошел с ума, позволив тебе вернуться в его жизнь, но у меня нет права голоса.

Я бросаю вопросительный взгляд на База, на что он отвечает скучающей маской. Когда он делает это, его глаза кажутся непроницаемыми, как глыбы льда.

Почему он не сказал ему правду? Маркус думает, что это реально? Зачем лгать его друзьям и заставлять меня говорить правду своим? Я начинаю тереть висок, чувствуя, как начинает болеть голова. Я не пробыла рядом с ним и двадцати минут, а он уже сводит меня с ума.

— Что насчет остальных парней? Должна ли я тоже быть дружелюбной с ними?

— Нет, — быстро отвечает Баз.

Слишком быстро. Мой взгляд сужается.

Что с ними? Неужели Дикари окончательно разваливаются на части? Остается только надеяться.

— Позволь мне разобраться с ними. Они придут в себя.

Он обменивается взглядом с Маркусом, и у меня скручивает желудок.

Так много секретов. Удивлена, что мы вообще можем здесь дышать. Начинает казаться, что они нас хоронят.

Большую часть полета мы проводим в тишине, за исключением нескольких коротких разговоры между Базом и Маркусом. Я стараюсь следить за ними, чтобы получить информацию, и то, что я получаю от их обсуждения, это подробности о других курортных предприятиях парней и База. Я почти забыла, какой он бизнесмен. Укол вины пронзает меня при мысли, как я пыталась в своей злобе — в своём тумане мести уничтожить все, ради чего он работал.

Может, он и заслужил это, но я еще не достигла низкой точки. Я не могу так с ним

поступить. С его друзьями? Абсолютно да. Я все еще не уверена, как поступлю с ними, когда придет время.

Каково было бы снова увидеть Винсента? Ожидает ли Баз, что мы станем друзьями? Надеюсь, что нет, потому что я уверена, что если бы я нашла что-нибудь острое во время этой встречи, я бы убила его. Так же, как он пытался убить меня.

Мои уши напрягаются, когда я улавливаю конец их разговора.

— Прошу прощения. Что ты только что сказал? Ты исключаете Винсента из клуба? — выпаливаю я, давая понять, что подслушивала их разговор.

Мое сердце колотится. Я не могла расслышать это правильно.

— У тебя с этим какие-то проблемы? — спрашивает Баз, поднимая бровь.

— Я... я не понимаю.

— Он пытался убить тебя. Ему повезло, что я не могу его найти, иначе я бы его прикончил.

Я молчу от шока. Не думала, что Баз когда-нибудь предпочтет меня кому-нибудь из своих друзей. Дерьмо, какая-то часть меня даже не уверена, что он верит моему рассказу о событиях той ночи. И если он не может найти Винсента, то, где он? Что он задумал? Джек тоже не мог его найти. Словно он исчез с планеты.

Я перемещаюсь на кожаном сиденье к Базу, наблюдая за ним. Мог ли он...? Нет, он бы этого не сделал. Я не так уж много значу для него. Не настолько, чтобы убивать. Но черт. Он уже так много лгал, что еще одна ложь для него?

В середине полета я начинаю дремать, убаюканная глубоким шепотом База и Маркуса. Когда я прихожу в себя, мое тело накрыто одеялом, и самолет пуст, за исключением База, который все еще сидит рядом со мной, наблюдая.

Я ерзаю на кожаном сиденье, зевая, закидываю руки за голову и отвожу от него взгляд. Мне не по себе от тяжести его взгляда. Как долго он наблюдал, как я сплю?

— Это не жутко, — бормочу я, сбрасывая с себя одеяло.

Я не обязательно думаю, что это жутко, но это странно. И если это заставит его отвести взгляд, еще лучше. Его губы кривятся от удовольствия, будто он точно знает, что я делаю.

— Где все?

— Они уже уехали.

Я сглатываю. Здесь только мы. Это совершенно очевидно. Мое сердце бешено колотится и сжимается, будто оно пробуждается от мучительно долгого сна. Словно почувствовав направление моих мыслей, Баз наклоняется ко мне, и я замираю. У меня перехватывает дыхание, и когда наши взгляды встречаются, по спине пробегает дрожь. Электрические разряды исходят от кончиков моих пальцев. Напряжение потрескивает в воздухе вокруг, и когда Баз протягивает руку, поднимая прядь моих волос, я перестаю дышать.

Он смотрит на нее, задумчиво потирая между пальцами.

— К этому придется привыкнуть, — бормочет он, в основном про себя.

Прежде чем я продолжу размышлять, он обхватывает кулаком мои волосы, притягивая меня к себе, и я задыхаюсь, мои соски бусинами выступают под рубашкой, поскольку каждая молекула в теле умоляет о его прикосновении.

Я напрягаюсь, когда он сокращает расстояние для поцелуя. Дернувшись в его объятиях, я прижимаю руку к его груди, останавливая.

— Я же говорила, никаких поцелуев.

Он усмехается. Звук теплый и глубокий, и пробуждает во мне что-то, что слишком долго

дремало. Баз наклоняется, и я закрываю глаза, думая, что он проигнорирует, но вместо этого я чувствую, как его губы прижимаются к моей шее, чуть ниже уха, и прерывистый вздох срыгается с моих губ. Так или иначе, поцелуй в шею могут быть хуже, чем поцелуй в губы. По всему телу пробегают мурашки. Он не останавливается на этом... нет, зубами он покусывает мягкую кожу, а затем тянет губы к моему уху, играя со мной.

— Поехали домой, — хрипло шепчет он, прежде чем отстраниться, оставляя меня совершенно бездыханной.

Баз не пропускает ни одного удара. Одним плавным движением он встаёт на ноги, выходя из самолета. Я изо всех сил пытаюсь догнать его. Мои ноги угрожают отказать. Как поцелуй— и даже не настоящий — от этого мужчины может оставить меня такой бескостной?

Глава 19

Маккензи

Снова войти в пентхаус — это одновременно и горько-сладко, и скручивает желудок. Боль пронзает мою грудь, когда я оглядываюсь. Все

точно такое же. С точки зрения декора ничего не изменилось, но ощущение, что изменилось все остальное. Я слышу, как предыдущие разговоры шепчутся по кругу, как старые призраки. Отголоски прошлого.

Моя грудь сжимается от эмоций. Воспоминания о той ночи. Я убегаю из этого самого места, в слезах, с разбитым сердцем. Слышу, как Баз подходит ко мне, и моя грудь вздрагивает на вдохе, в попытке взять себя в руки.

— Ты можешь остановиться в комнате для гостей, дальше по коридору от моей.

Ледяная боль пронзает мою грудь. Я знаю, что он предлагает мне комнату для гостей, потому что думает, что так мне будет удобнее, но это причиняет боль. Я подавляю это, отмахиваясь.

— Есть ли причина, по которой я не могу остановиться в одном из других номеров на курорте?

— Потому что я хочу, чтобы ты была достаточно близко для секса, когда ты мне понадобишься.

Мой желудок сжимается от его слов, и требуется мгновение, чтобы собраться с мыслями. Я вношу в свой тон сухую нотку.

— А еще говорят, что романтика умерла. Это идея была глупой, — бормочу я себе под нос.

— Напротив, я думаю, что это лучшая идея, которая у меня была за последнее время.

Я закатываю глаза.

— Ох, я уверена. А ещё я уверена, что ты также подумал, что это хороший способ отыграться.

Не знаю, что заставляет меня это произнести, но я сразу же жалею об этом, когда Баз принимает новое выражение. То выражение, с которым я не знакома. Столько всего нового в последнее время. Он сокращает расстояние, между нами, возвышаясь надо мной и смотря

сверху вниз.

— С чего ты взяла, что я хочу отыграться? — спрашивает он, лаская мою щеку с благоговением, которое не соответствует жестокому тону его голоса.

Я ощущаю укол его слов на своей коже, как удар хлыста, но отказываюсь отступать. Отказываюсь позволить ему увидеть, насколько больно это замечание. Мне нужно сыграть роль девушки, которой все безразлично. Девушки, которая здесь для того, чтобы добиться своего, и все.

— Ты говорил это раньше, а не я.

— Не заблуждайся, детка, нас нет. Это я делаю тебе одолжение и трахаю тебя, делая это.

Боль просачивается в мою грудь. Его слова скользят по моим венам и обжигают. Каждый слог разрывает плоть.

Я отворачиваюсь, направляясь в комнату для гостей, и очень благодарна, что он не следует за мной. Не уверена, что смогу выдержать встречу с ним прямо сейчас. Его слова ранили. Это ссадины на моей коже, царапающие и жгущие, колющие сердце.

С чистыми линиями, темными поверхностями и современным декором гостевая комната так же хороша, как и остальная часть его пентхауса. Однажды я пробралась сюда и осмотрелась, но физически никогда здесь не спала. Не тогда, когда у меня имелся доступ к кровати База. Думая о его постели, у меня мелькает воспоминание о той ночи. Две девушки приходят на ум, и я чувствую, как сердце ожесточается. Я начинаю злиться при мысли, и цепляюсь за это чувство, за боль, которую вызвали его слова. Только так я выберусь отсюда живой.

Прошло уже два дня, как я здесь, во владениях База, и я чувствую себя так, словно хожу по яичной скорлупе. На следующий день после того, как он сокрушил мой дух, растоптав его на своих нетронутых мраморных полах, у него была работа, так что теперь пентхаус в моем распоряжении. Мне достался ключ, дающий доступ внутрь и наружу, поэтому я решаю отправиться к бассейну и посидеть. Погода в Лос-Анджелесе начинает понижаться, но это не мешает туристам проводить время в воде и танцевать в бикини. Я сижу на одном из шезлонгов, полностью одетая, без намерения раздеваться или входить в воду, не со всеми шрамами, портящие мое тело.

Возвращаясь в пентхаус несколько часов спустя, Баз все еще не вернулся, но Дэн здесь. Если бы не он, я, возможно, голодала бы последние два дня. Он приносил мне обед и ужин, и вчера не дал сойти с ума, пока База не было. Интересно, что его задерживает? Что такого важного, что он даже не пытается прикоснуться ко мне?

Вот что меня так беспокоит. Не знаю, чего ожидать от База, но я хочу быть готовой к тому моменту, когда мы будем спать вместе. Мне нужно достаточно времени, чтобы заблокировать свой разум и свое сердце от дальнейшей боли. Секс с Базом всегда был взрывоопасным, и наше время в разлуке, скорее всего, этого не изменило. Это то, что меня больше всего беспокоит. Я не хочу упасть в него в ту же секунду, как он прикоснется ко мне или доведёт до оргазма. Я хочу быть сильнее.

Последний час я ворочалась с боку на бок, поэтому решила, что к черту все это, и

встала. Я не слышала, как пришёл Баз, поэтому подумала, что он все еще не вернулся и занимается бог знает чем. Я выхожу из комнаты для гостей и останавливаюсь в коридоре. Мой взгляд прикован к окнам от пола до потолка и невероятному виду на холмы и голливудские огни.

Я направляюсь к балконным дверям и открываю их, выходя на прохладный ночной воздух. Ветер сегодня немного резкий, развеивает мои волосы, но я приветствую его. Я приветствую ощущение чего-либо, кроме этой тошнотворной печали, которая живет во мне. Я сажусь рядом с хрустальным камином, откуда открывается прекрасный вид, и просто ложусь на шезлонг и думаю.

Услышав тихий щелчок позади, я ерзаю на шезлонге, когда вижу, что Баз идет ко мне. Он не смотрит на меня. Вместо этого его взгляд прикован к пейзажу. Интересно, сколько раз он сидел здесь и просто мирно осматривал просторы холмов и сверкающие огни города. Когда он садится рядом со мной, мне становится не по себе. Я больше не знаю, как вести себя с ним, не думая о прошлом или о беспорядке в будущем.

— Я пойду.

— Сиди, Маккензи.

Он раздраженно вздыхает, его голос звучит устало. Я обратно сажусь и прилагаю усилия, чтобы не ерзать.

— Я понимаю, почему тебе так нравится Нью-Йорк, — говорит он, все еще глядя на открывающийся вид. — Там все по-другому, чем здесь: люди, образ жизни.

— Думаю, что это самая здоровая часть того, чтобы жить здесь. В Нью-Йорке здания — это единственный вид, который ты видишь, но здесь, это? Это захватывает дух. Каждый раз, когда я вижу это. — наступает тишина. — Работал?

Это неубедительное начало разговора, и я ругаю себя за это в ту же секунду, как оно слетает с моих губ. Господи, я хуже всех в этом разбираюсь.

— Кто-то должен. Ты, похоже, сошла с ума от скуки.

— Ну, да. Я застряла внутри... — оборвав себя на полуслове, я бросаю на него взгляд. Он закатывает рукава, обнажая загорелые, мускулистые предплечья, давая мне возможность мельком увидеть татуировку, от которой у меня сводит живот. — Тебя здесь не было. Откуда ты знаешь, что мне было скучно?

— Камеры, Маккензи. Такая потрясающая инвестиция.

— Новое дополнение?

Он бросает взгляд в мою сторону.

— Нет.

Мое сердце сжимается, и я сглатываю.

Что это значит? Как долго они установлены? Были ли они, когда я была здесь раньше?

— Чтобы ответить на вопрос, который ты слишком боишься задать; да, они были установлены ранее. Именно так я всегда знал, что у тебя на уме.

Мой рот открывается от шока.

— Это вторжение в частную жизнь.

Он усмехается.

— Хочешь поговорить о вторжении в частную жизнь?

— Значит, ты знал? Все это время? Почему ничего не сказал?

Я не понимаю ни его, ни того, как работает его голова. Если он все видел, зачем держал в секрете? Я чувствую себя дурой. Он выставил меня преступницей, хотя все это время точно

знал, чем я занимаюсь.

— Да.

— Ты никогда не противостоял мне. Почему?

Он, кажется, глубоко задумался, обдумывая свой ответ. Можно было бы подумать, что это будет простой ответ, но я думаю, что нет. На данный момент мне следовало бы знать лучше. Баз расчетливый человек. Он не принимает никаких решений, которые в конечном итоге не принесут ему никакой пользы. Так что должна быть причина, по которой он решил скрыть это от меня. Как долго он знал? Я вспоминаю, пытаюсь точно определить момент, когда он слишком пристально наблюдал за мной. Анализирую каждый момент нашего времени, задаваясь вопросом, было ли что-то из этого реальным. Для меня это было реально. Несмотря на всю ложь и информацию, которую я хотела найти о Дикарях, я начала доверять Базу. Я привязалась к нему, мои чувства затмили рациональные мысли.

— Потому что я хотел посмотреть, что у тебя на уме. Как далеко ты зайдешь со своей ложью. И должен сказать, что ты умничка. Даже одурачила меня на некоторое время.

От его слов меня пронзает боль в сердце. Это постоянная колющая боль, от которой трудно дышать. Я ненавижу то, что он считает меня лгуньей, и еще больше ненавижу то, что он прав.

— Я не хотела причинить тебе боль.

Мой голос дрожит, и я презираю себя за то, что он выдает мои чувства. Наши взгляды сталкиваются, но сейчас он так замкнут, что я не могу сказать, о чем он думает.

— Ты не причинила мне боль. Это означало бы, что я что-то испытываю к тебе, Маккензи.

Я вздрагиваю, физически вздрагиваю, от резкости его слов. Он даже не моргает, говоря это, очевидно, не испытывая никаких угрызений совести. Я сжимаю руки в кулаки, наслаждаясь тем, как ногти впиваются в ладонь. Все, что угодно, лишь бы избавиться от гулкой боли в сердце и стреляющей боли в груди.

— Хорошо, — говорю я, прочищая горло. — Пока мы на одной волне. Я имела в виду про твои слова. Ты для меня ничего не значишь. Я здесь ради своей свободы. А ты можешь гореть в аду, мне все равно.

Я встаю с шезлонга с этими прощальными словами и захожу внутрь. Он не следует за мной, и за это я ему очень благодарна. Последнее, что мне нужно, чтобы он увидел эту боль, нарастающую в глазах, или слезы, колеблющиеся на краю ресниц.

Я сажусь на край кровати, верчу в руке мобильник, обдумывая идею позвонить Кэт или Вере. Прилететь сюда и сделать это было ошибкой. Возможно, я не так сильна, как думаю. Если то, что я чувствую после нашего последнего разговора, что-то говорит, я бы сказала, что я слабее, когда дело доходит до База, чем изначально думала.

Вместо того, чтобы позвонить одной из них, я решаю написать Джеку. Он игнорировал мои сообщения. Уверена, что отчасти это потому, что он ненавидит переписываться, а другая часть, что это из-за ситуации с Базом. Он сломал его для меня, но я, кажется, не могу понять, почему Баз угрожал ему за то, что он был рядом со мной. Как будто он не хочет, чтобы кто-то был на моей стороне. Он активно обрывает мои связи со всеми, кто у меня есть. И я ненавижу его за это.

Джек: Какую часть фразы «Не пиши мне, чтобы твой парень-псих не убил меня» ты не понимаешь?

Я громко смеюсь над этим сообщением.

Маккензи: *Он не убьет тебя.*

Я хмурюсь.

Маккензи: *И он не мой парень.*

Джек: *Могла бы одурачить меня.*

Маккензи: *Заткнись. Просто скажи, если ты уже что-нибудь нашел.*

Джек: *Нет. Оставайся в безопасности. И удали мой номер.*

Закатив глаза, я бросаю телефон на кровать. Почему он не может найти Винсента? Тревожное ощущение нарастает в основании позвоночника. Глубокая яма поселяется у меня в животе. Просто интересно, что он может замышлять. Он пытался убить меня, чтобы я ничего не упустила из виду. Я беспокоюсь, что нахождение здесь с Базом делает меня легкой добычей. Хочу верить, что он вычеркнул Винсента из своей жизни, но это не так.

Как я могу? Все, что я видела до этого момента, говорит о полной противоположности.

Разочарованно вздохнув, я снимаю с плеч кардиган, откидываю одеяло и забираюсь в постель. Я только начала успокаиваться, когда слышу это. Звук шагов. Напрягаюсь, и когда моя дверь открывается, мое сердце сжимается. Баз стоит, прислонившись к дверному косяку, и наблюдает за мной.

— Зачем ты пришёл?

Его глаза изучают мое лицо, заставляя щеки покраснеть от тепла. Я чувствую, как его взгляд скользит по моему телу, останавливаясь на изодранной футболке, в которой я сплю.

— За тобой.

Яростная волна прокатывается по моему телу. Я прижимаю язык к небу, пытаюсь найти остроумный ответ, но у меня его нет. По собственной воле мои глаза осматривают его тело. Его рукава закатаны до предплечий, обнажая мускулистые мышцы и выступающие вены, от которых у меня текут слюнки.

На кончике языка вертится сказать ему, чтобы он убирался, но это не часть нашей сделки. Он все равно меня опередил. Он делает шаг в комнату, его всепоглощающее присутствие внезапно заставляет воздух двигаться и наполняет его таким плотным напряжением, что становится трудно дышать. Он манит меня пальцем, веля встать и подойти к нему, но я хмурюсь. Мне не нравится быть у него на побегушках. Но я думаю, что технически это то, для чего я здесь. Словно прочитав ход моих мыслей, он приподнимает бровь, и в этих глазах, которые я люблю ненавидеть, вспыхивает веселье.

Я сбрасываю с себя одеяло, ненавидя себя за послушание. Улыбка, которая появляется на его лице, захватывает дух, когда он смотрит на поношенную футболку.

— Милая пижама, — говорит он, играя с материалом, его пальцы касаются моих бедер.

У меня перехватывает дыхание, и наши взгляды встречаются. Жар вспыхивает в глубине, наполняя комнату невыносимой температурой. Она опасно горячая, как голубое пламя.

Я останавливаюсь в нескольких сантиметрах от него.

— Заткнись.

Я шлепаю его по руке, но он как будто бы ждал, что я это сделаю, потому что ловит мою руку, используя импульс и разворачивает меня. Моя спина сталкивается со стеной, а дыхание вырывается рывками. Он встаёт передо мной, прижимая меня к стене и блокируя путь. Моя грудь резко поднимается и опускается, и задевает его.

Мы смотрим друг на друга. Это битва сил, чтобы увидеть, кто переживет другого. Я почти рушусь, ощущая, как кончики его пальцев скользят по моему бедру, играя с подолом

футболки. Его глаза сверкают при тусклом освещении. Он ждет моего отступления. Он ошибается. Я сжимаю губы и прищуриваюсь, бросая вызов.

Его пальцы скользят выше, выше и выше, останавливаясь на вершине. Я задерживаю дыхание, ненавидя то, как мое сердце сжимается от предвкушения. Я промокла только от его мягкого прикосновения и близости. Кончиком пальца он проскальзывает под шов моих трусиков и останавливается. Мое лицо горит от смущения, когда он проводит подушечкой пальца по моей влаге. Что-то вспыхивает в его глазах, когда он смотрит на меня. Это не одобрение, но чертовски близкое. Ему нравится, что мое тело все еще реагирует на него таким образом.

Это борьба, чтобы не закрыть глаза и не поддаться удовольствию, которое заключает меня в себе. Его челюсть сжимается, когда он погружает свой палец в мои соки, подтягивая ее к клитору и кружа. Жар поднимается к моим щекам от звуков, которые издает моя влага. Явное напоминание, что мое тело предает меня. Бедра поднимаются, и я издаю вздох, который подстегивает его. Мое возбуждение просачивается в воздух вокруг нас.

Он входит пальцем в меня, затем медленно выходит. Мучительно медленно. Хочется закричать в знак протеста. Это так приятно, но я нуждаюсь в большем. Моя киска сжимается вокруг его пальца, пытаюсь удержать его там, где он мне нужен.

— Нервничаешь? — шепчет он, его губы касаются раковины уха. Когда я сжимаю его палец, он ухмыляется, принимая это за ответ. — Да, грязная девочка.

Он надавливает на мой клитор, быстрее кружа, но сохраняет свой темп пальцем. Он играет со мной. Теперь это совершенно очевидно, хотя мое тело не получило уведомления. Я полностью подпала под его чары.

— Нет.

Я заставляю себя контролировать свой тон, чтобы скрыть правду о том, что он делает с моим телом.

— Тогда расскажи мне, каково это.

Моя бравада спадает, когда он оставляет свой палец внутри меня. Я задыхаюсь, моя рука взлетает к его бицепсу для поддержки. Я впиваюсь ногтями в его кожу, пытаюсь найти якорь в удовольствии.

— Х-хорошо.

Баз усмехается. Звук темный и жуткий. Это побуждает мою киску сжаться вокруг него.

— Да ладно тебе, Маккензи, ты можешь придумать что-нибудь получше. Ты написала целую чертову статью обо мне, используя гораздо больше, чем это. Скажи. Мне.

— Ты ублюдок, — выдыхаю я сквозь удовольствие и боль, которые его слова вызывают в моей груди.

Он входит вторым пальцем, и я больше не могу мыслить здраво.

Он склоняет голову к моему уху.

— Тогда что это значит для тебя?

Моя грудь сжимается. Несмотря на удовольствие, я отталкиваю его от себя и поворачиваюсь, моя грудь вздымается от силы гнева. И вот он стоит, такой же красивый и спокойный, как всегда.

Я ненавижу его.

— Убирайся.

Мы пристально смотрим друг на друга, ухмылка дергается в уголке рта. Мои брови сходятся, когда он подносит пальцы ко рту и облизывает мои соки. У меня отвисает

челюсть, а тело сводит судорогой. Это самое странное ощущение, словно тихий оргазм прокатывается по телу только при виде того, как он пробует меня на вкус.

Он поворачивается, тихо смеясь на ходу. Убедившись, что он ушел, я захлопываю дверь и прислоняюсь к ней спиной, тяжело дыша.

Что, черт возьми, это было?

Глава 20

Баз

Мия как раз обсуждает важные сообщения, когда на кухню входит Маккензи. Ее светлые волосы распущены, и на ней все еще та проклятая нелепая футболка со вчерашней ночи. И все же она никогда не выглядела более красивой.

Я отключаюсь от Мии, мой взгляд прикован к Маккензи. Я думаю о прошлой ночи и о том, как она ощущалась на моих пальцах, какой она была на вкус. Черт, я скучаю по ней. Я скучаю по ее телу. Не иметь возможности поцеловать ее прошлой ночью было абсолютной пыткой, но я имел в виду то, что сказал. Я сдержу свое слово, пока она не попросит об этом. Тогда и только тогда я потеряюсь в ней.

Ее глаза полузакрыты ото сна, а губы, приоткрыты, умоляя о поцелуе. Словно почувствовав мой взгляд, ее глаза расширяются, и она устремляет свой взгляд на нас. Она замирает, замечая, что я наблюдаю за ней. Слатывает, и розовый румянец ползет по ее шее, вероятно, думая о прошлой ночи. Затем, словно осознав, что мы не одни, она смотрит на Мию.

Две девушки сверлят друг друга взглядом, и я чувствую, как в воздухе что-то меняется. Не знаю, когда Мия перестала объяснять, но, должно быть, в какой-то момент она поняла, что я ее не слушаю. Маккензи внезапно переминается с ноги на ногу из-за ее выбора одежды. Губы Мии сжимаются, и я понимаю, что держать ее рядом может быть проблемой, если она продолжит в том же духе.

— Как я и говорила... — она откашливается, привлекая мое внимание к себе. — Я скорректировала календарь, учитывая ваш визит на Бали. Как и вашу поездку в Бразилию. Академия запросила у вас приглашение на Бал Мотыльков, а также на бал ЮНИСЕФ. Вы все еще хотите, чтобы я забронировала места на двоих?

— Да. Не забудь добавить Маккензи в качестве моей спутницы.

Глаза Мии устремляются на меня, и что-то вспыхивает в их глубине, но мне все равно, что это может быть. Она надменно фыркает, садится напротив меня и кивает.

— Я сейчас займусь этим, — говорит она напряженным голосом. — Кроме того, звонил начальник полиции. Что бы вы хотели, чтобы я ему передала?

Я отваживаюсь взглянуть на Маккензи, которая стоит как вкопанная, краска отхлынула от ее лица.

— Я позвоню ему.

Теперь, когда Миа почти забыта, я встаю и приближаюсь к Маккензи. Она пытается отступить, но я не позволяю ей. Скользя рукой по ее талии, я притягиваю ее тело вплотную к своему. Она задыхается, на ее лице написано удивление. Черты ее лица

смягчены усталостью. У ее мозга не было возможности сказать ее лицевым мышцам, чтобы они проявили гнев вместо интереса. Чувствуя на себе пристальный взгляд Мии, я наклоняюсь, мой рот нависает над ртом Маккензи, и ее глаза расширяются.

— Я скоро все объясню.

Вместо того, чтобы прижаться губами к ее губам, как я хочу, вместо этого меняю траекторию к ее лбу. Она издает тихий писк. Я не могу сдержать улыбку, которая появляется на моем лице. Я буду наслаждаться и ломать ее по кусочкам, пока она не сдастся мне.

— Мне нужно сделать звонок. Пожалуйста, отложи остальные мои звонки на сегодня до дальнейшего уведомления.

Я обмениваюсь последним долгим взглядом с Маккензи, прежде чем повернуться. Схватив телефон и пиджак, я направляюсь к двери. Мне нужно перезвонить шефу из своего кабинета. Мои шаги замедляются, когда я слышу отдаленные голоса Маккензи и Мии.

— Тебе не кажется, что поздновато вылезать из постели? — комментирует Миа, на мой взгляд, слишком ехидно.

Маккензи принимает это спокойно. Я слышу ее смех и представляю, как она качает головой, глядя на Мию с холодным блеском в прекрасных карих глазах.

— Прошлой ночью меня не дали поспать. Вيني своего босса.

Я усмехаюсь себе под нос и выхожу из пентхауса.

Ох, Маккензи. Эта игра в ревнивицу слишком забавна.

Закрывшись в своем кабинете, я звоню шефу. Откинувшись на спинку кожаного кресла, я ухмыляюсь, когда слышу грубый голос пожилого мужчины, раздающегося в трубке.

— Мистер Пирс. Рад, что вы наконец-то смогли уделить мне минутку своего времени.

— Кинг.

— Последний раз, когда я проверял, ваша официальная фамилия была Пирс. Пока вы юридически не измените это, я буду называть вас мистер Пирс.

Я стискиваю зубы. Чертов ублюдок.

— Чему я обязан? — сухо спрашиваю я.

— Мы понимаем, что мисс Райт сейчас находится под вашим опекуном. Нам нужны ее

показания. Она вломилась в чей-то дом и попыталась совершить убийство. Она не может прятаться за этим фарсом с проблемой психического здоровья и, безусловно, не будет вечно прятаться за вами.

— Никто не выдвигает обвинений. У вас есть то, что вам нужно, и мы все можем пойти разными путями. Она и так через многое прошла.

— Она опасна.

Я пожимаю плечами.

— Я могу с ней справиться.

Он раздраженно вздыхает.

— Мне бы не хотелось навещать вас обоим, мистер. Ей нужно приехать в участок. Есть вещи, с которыми нужно разобраться.

— Вы и близко к ней не подойдете, — спокойно говорю я, раздражая его.

— Вы знаете, с кем разговариваете?

— Да. Вы так много обещаете, офицер. Не делайте этого. Я серьезно. Я не очень хорошо отношусь к людям, пытающимся забрать вещи, которые принадлежат мне.

Я вешаю трубку, бросаю мобильник на стол и сразу перехожу к письмам, которые Миа

отметила, как самые важные. Бал ЮНИСЕФ состоится через две недели. Это означает, что у меня в запасе две недели, чтобы изменить общественное мнение о Маккензи.

Будет весело.

Когда я возвращаюсь в пентхаус, Мии уже нет, а Маккензи, небрежно одетая, сидит за кухонным баром и ест рогалики. Она делает паузу на середине жевания, когда чувствует мое присутствие. Тяжело вздохнув, она поворачивается ко мне со скучающим выражением лица.

— Так много для того, чтобы спокойно насладиться едой.

Я ухмыляюсь.

— Давай. Одевайся. Сегодня ты едешь со мной.

Ее брови поднимаются.

— Куда?

— Не беспокойся об этом. Просто приведи себя в приличный вид.

Она смотрит на себя сверху вниз.

— Что не так с моей одеждой?

Ничего. В этом-то и проблема. Я не должен наслаждаться, что мы проводим вместе столько времени. Я должен был превратить ее жизнь в ад, а вместо этого играю с ее киской и решаю ее проблемы, пока она остается в моем пентхаусе бесплатно.

— Если тебе нужно спросить, это гребаная проблема.

Ее лицо вытягивается, и она смотрит на себя. Я внутренне ругаю себя, но ничего не выдаю. Она напрягается и кивает.

— Как скажешь, мудака.

Мой член твердеет, когда я смотрю, как она топает прочь, ее соблазнительная задница покачивается в этих проклятых джинсах. Как только она исчезает из виду, я поправляю свой член, испуская вздох разочарования. Синие яйца, блядь.

Чтобы сэкономить нам обоим время, я достаю ей одежду из шкафа в своей комнате, так как ее одежда все еще здесь. Я без стука распахиваю дверь в комнату для гостей. Она резко оборачивается, лицо искажено гневом.

— Какого черта тебе сейчас нужно? — недоверчиво спрашивает она.

Я прохожу мимо нее, бросая одежду на кровать.

— Это экономит нам обоим время. Надень это, чтобы мы могли уже ехать.

Маккензи скрещивает руки на груди.

— Кем ты себя возомнил? Я тебе не принадлежу. Я сама могу выбрать одежду, большое спасибо.

— Ты принадлежишь мне, грязная девочка. Каждая частичка тебя, нравится тебе это или нет.

Она насмехается надо мной.

— Думаешь, что подписание бумаги что-то значит для меня? Я тебе не принадлежу, — рычит она, в ярости замахиваясь на меня рукой.

Я ловлю ее кулак, прежде чем она успеваешь коснуться меня, и притягиваю ее к себе, прижимая тело к своему. Она борется с моей хваткой, но одновременно, будто не осознает этого, ее тело прижимается ко мне, словно она хочет быть там, так же сильно, как я хочу ее.

рядом.

— Ты не думаешь, что я владею тобой? — шепчу я ей на ухо, проводя кончиками пальцев по ее шее, обводя шею и ключицы.

Она дрожит в моих руках и сопротивляется, пытаюсь вырваться из моих объятий, но ни разу не говорит, чтобы я остановился. Она ни разу не просит меня отпустить ее. Ее дыхание учащается от близости, и я получаю удовольствие от этого. Быть так близко к ней и вот так держать ее в своих объятиях. Схватив обе ее руки одной рукой за спину, я использую это в своих интересах, удерживая ее от борьбы со мной.

Я провожу кончиками пальцев по центру ее тела, останавливаясь, когда добираюсь до пояса джинсов. Играю с небольшим зазором между ее животом и материалом. Она не осознает этого, но ее тело склоняется к моему прикосновению, молча умоляя о большем, в то время как ее великолепное лицо искажено гневом, невнятно произнося каждое ругательство, которое она может придумать.

— Твое тело врет не так хорошо, как ты, детка.

Я расстегиваю пуговицу на ее джинсах и молнию, просовывая руку внутрь. Ее глаза закрываются, и она издаёт стон, когда я касаюсь пальцами ее складок через материал трусиков. Она промокла насквозь. Чувствую, как влага увлажняет мои пальцы сквозь тонкий кусочек материала, покрывающий ее киску.

— Мое тело это не только я. Оно будет реагировать так на любое прикосновение, — хрипло выдыхает она.

Мысль, что кто-то другой прикасается к ней, что чьи-то пальцы погружаются в ее влажный жар, заставляет меня стиснуть зубы.

— Да?

Я оттягиваю ее трусики в сторону и вхожу в нее, наслаждаясь ощущением ее киски, когда ее стенки сжимаются вокруг меня. Она издает мяукающий звук в глубине своего горла, который звучит очень похоже на удовольствие и разочарование, смешанный в прекрасной гармонии.

— Да. Любой может сделать это со мной, и это будет иметь тот же эффект, — выдыхает она.

Я сгибаю палец, потирая ее стенку, наслаждаясь тем, как она дергается в моих руках, громко постанывая.

— Это тело мое. Эта киска моя. Ты моя, Маккензи, нравится тебе это или нет.

— Ты можешь получить все это, но мое сердце тебе никогда не достанется, — выплевывает она.

Все, еще крепко сжимая ее запястья, я выхожу из нее, и прежде чем она успевает понять, что происходит, я укладываю ее на спину на кровати. Она задыхается, глаза расширяются, когда я стягиваю джинсы с ее ног.

Залезая на ее тело, я устраиваюсь между ее ног и погружаюсь в нее двумя пальцами, двигая, наслаждаясь тем, как ее соки издают звук вокруг нас. Я сгибаю оба пальца, потирая их о то место, которое сводит ее с ума. Маккензи откидывает голову назад, глаза закрываются, рот образует идеальную маленькую букву «о».

— Что ты там говорила? Снова ложь?

— Т-ты идиот. Моя киска — это не мое сердце.

— Ох, поверь мне, я знаю разницу. Твое сердце это лед, а эта киска, ну, киска — это рай.

Она напрягается подо мной и, словно на меня вылили ведро холодной воды, толкает меня в грудь.

— Слезь с меня.

Я делаю это. Ее грудь вздымается, глаза остекленели от удовольствия и эмоций. Ее подбородок дрожит, когда она смотрит на меня.

— Я сделаю это. Я надену эту чертову дурацкую одежду. Просто убирайся.

Чувство вины захлестывает меня.

— Маккензи. — я вздыхаю.

— Я так тебя ненавижу, — шепчет она. — Ты меня еще не понял? Я тебя терпеть не могу.

С ее влажностью, все еще покрывающей мои пальцы, я вхожу в ее пространство и втираю ее соки о ее нижнюю губу, заставляя ее рот открыться. Она высовывает язык, в ее глазах вспыхивает огонь ненависти, когда она слизывает свои соки с моих пальцев.

— Я знаю, что ненавидишь. Вот почему это так весело, грязная девочка.

Глава 21

Маккензи

Я стараюсь не вести себя как-то не так, когда сажусь в его машину, но я расстроена. Его слова ранили. Я чувствую себя его маленькой марионеткой, он дергает за ниточки, когда ему, черт возьми, заблагорассудится. Все, что я хотела бы сделать, это вклеить ему пощечину по красивому лицу.

Я также обдумываю разговор, который у меня состоялся ранее с его помощницей Мией. Она сука. Просто и понятно. Этим утром мы мусолили одно и тоже целых десять минут, нанося друг другу удары. Это было чертовски мелко, но было приятно выплеснуть свой гнев на кого-то другого. Она, казалось, тоже наслаждалась спаррингом, очевидно, имея дело с некоторыми собственными проблемами гнева.

Я почувствовала, что начинаю нервничать, когда она прокомментировала мое пребывание в гостевой комнате. Она заявила, что, возможно, я не так уж много значу для База, если он так легко вышвырнул меня из своей постели. Я была зла, так расстроена, будто она знает что-либо о наших отношениях. Ее комментарий разозлил меня, что я солгала. Я солгала сквозь зубы, сказав ей, что я спала в кровати База, и что бы ни случилось между нами, я та, кого он хотел и хочет видеть. Я рассказала ей обо всех способах, которыми он довел меня до оргазма на этих простынях прошлой ночью. Конечно, это была ложь, но это только доказывает, что она ни черта не знает о происходящем, между нами.

— Значит, нас двое, не так ли?

Как только эти слова произносятся, мне приходится вести внутреннюю борьбу. Я хотела убить ее. Хотела убить База. Не горела желанием представлять, как он трахает ее. Не в его постели. Нигде. Я не могла ничего сделать, но представила, когда это произошло.

Был ли это в вечер гала-концерта? Неужели она встала на колени в его лимузине и проглотила каждую каплю его спермы, как это сделала я? Эта мысль, этот образ заставили мое сердце болезненно сжаться.

Я ненавижу База. Это всего лишь факты, но я не хочу, чтобы он был с кем-то еще.

Это несправедливо. Но я поняла, что я эгоистка. И мне на это наплевать.

После этого у меня не нашлось для нее ответа, поэтому я просто проигнорировала ее. Она фыркнула, затем ушла, давая мне возможность, наконец, вздохнуть с облегчением. Я все еще чувствовала затяжную боль и гнев от этого разговора, и когда Баз вошел на кухню, когда я завтракала, это напомнило мне, почему я была зла.

Хотела бы я сказать, что была достаточно сильной, чтобы не наслаждаться его прикосновениями, не хотеть его прикосновений ко мне, но я в этом нуждалась. Вот почему я оттолкнула его. Потому что я ненавидела свою слабость, когда дело касалось его. Я подумала о Мии и бесчисленных других девушках, с которыми он, возможно, был, пока мы находились в разлуке, и меня затошнило.

Меня затошнило от одной мысли об этом.

В машине я украдкой бросаю взгляд на База, разглядывая его сильные плечи и суровое красивое лицо. Жаль, что я не придумала правил получше. Мне ненавистна мысль о том, что он спит со мной, в то время как спит со многими другими. Ненавижу саму мысль о том, что он вообще с кем-то спит. Я хочу его стоны для себя. Его рычание удовольствия, когда он двигает бедрами, скользя своим членом в меня и из. Я хочу быть единственной, которая знает, каково это.

Сердце сжимается, и я ерзаю на сиденье, заставляя себя смотреть в окно.

— Куда мы едем?

— На ещё одно мероприятие. Нужно соблюдать приличия, детка.

Он весело подмигивает мне, и хочется протянуть руку и убрать это с его лица.

— Ты мне противен. Надеюсь, ты об этом знаешь.

Он смеется.

— Чувство полностью взаимно.

Ледяные кинжалы пронзают мое сердце.

— Это глупо. Пресса увидит это маленькое представление насквозь. Мы не похожи на влюбленную парочку. Не говоря уже о том, что у тебя достаточно девушек в районе трех штатов, которые, вероятно, могут подтвердить твои измены.

— Думаю, мы оба знаем, что ты хорошая лгунья. Уверен, что ты можешь одурачить весь мир так же, как одурачила меня.

Жгучая боль пронзает мою грудь. Я готовлюсь к его следующим ударам. Каждое его слово в последнее время — это удар в сердце, удар плетью по плоти. Это непоправимая рана на коже. Шрам, оставленный без присмотра.

— Что касается девушек. В чем ты хочешь, чтобы я признался, Маккензи? Что я трахал других девушек? Это то, что ты хочешь услышать?

— Если мы собираемся притворяться, мне нужно знать, с чем я столкнусь. Вернее, с кем. Если ты попробовал на вкус полмира, думаю, это будет справедливо. Особенно, если она будет где-нибудь рядом со мной.

— Она? — он смеется. Это гулкий звук, который окутывает нас в машине. — Скажи это, Маккензи. Просто скажи.

— Хорошо. С кем ты переспал? Число этих девушек?

Он становится серьезным, останавливаясь, чтобы посмотреть на меня, оценивая мою реакцию. Я стараюсь не показывать боль, но это бесполезно. Он ее видит. Я знаю, что он видит. Когда он не отвечает, я теряю терпение.

— Эти две девушки? Миа?

— Все они, — хрипло отвечает он. — Я трахнул их всех, Маккензи. Я откидывался назад и смотрел, как они скачут на моем члене, будто от этого зависит вся их жизнь.

Мое сердце делает что-то странное при его словах. На секунду мне действительно кажется, что у меня сердечный приступ. Возникает стеснение, ощущение, что невозможно дышать. Сокрушительная тяжесть на груди. Я буквально чувствую, как сердце начинает биться в груди. Одно дело злиться на перспективу того, что он будет трахать других девушек, но услышать правду, яркие детали? Это больно.

— Задел твои чувства?

Я закатываю глаза, борясь со слезами, не желая, чтобы он видел мою боль.

— Я уже говорила тебе, но повторю еще раз. Ты для меня абсолютно ничего не значишь. Вперёд, трахай каждую даму на этой планете, пока твой член не отвалится. Мне все равно.

Разговор, вероятно, был не лучшим выбором с точки зрения создания настроения на оставшуюся часть дня, но это произошло, и пути назад нет. Остальная часть поездки проходит в напряженной тишине, и я ловлю себя на том, что представляю все способы, которыми я могла бы убить База, не попавшись.

Мы делаем несколько остановок в центре Голливуда. Как он и обещал, папарацци на каждом шагу фотографируют нас. Это заставляет меня задуматься, где все настоящие знаменитости. Я не актриса и не известная певица. А просто девушка, поднимающая ложную тревогу. Не понимаю, почему интернет так очаровался мной. За последние два часа беготни с ним мы не произнесли ни единого слова, ожидая любезностей, когда от нас этого ожидают.

Как бы мне этого не хотелось, я, наконец, нарушаю тишину и заговариваю, когда мы проезжаем через холмы на окраине Лос-Анджелеса. Дома здесь очень красивые. Я бросаю любопытный взгляд на База, когда мы останавливаемся перед особенно большим домом.

— Что мы сейчас делаем?

— У меня встреча с агентом.

Мои брови опускаются, лицо сморщивается в замешательстве.

— Зачем ты смотришь этот дом? У тебя уже есть один, и в твоём распоряжении целый курорт.

Баз пожимает плечами, помогает мне выйти из машины и ведет по мощеной подъездной дорожке.

— Если мне он понравится, то это будет инвестицией. Не нужна никакая другая причина.

Я закатываю глаза от его мыслительного процесса. Это такая богатая вещь, чтобы сказать. Да, не у всех есть деньги, чтобы вложить их на многомиллионный дом только для того, чтобы назвать это инвестицией. Даже не для того, чтобы жить в нём.

Агент, Ванесса, взрослая женщина, которая серьёзно относится к делу. В ту секунду, когда мы входим в дом, она пожимает мне руку, затем руку База и начинает свою работу. Она подробно рассказывает о доме, о том, кем были предыдущие покупатели, и о любых новых обновлениях или ремонтах, сделанных в нём. Дом с четырьмя спальнями, четырьмя с половиной ванными комнатами и бассейном на заднем дворе. Интерьер внутри красив; полы из темного дерева контрастируют с белыми стенами и гладкими мраморными столешницами.

Я задерживаюсь на протяжении большей части тура, давая Ванессе и Базу пространство

для разговора о доме. Пока они заканчивают говорить, я направляюсь в главную спальню, в восторге от вида на задний двор. Здесь, наверху, можно четко увидеть бассейн и фон ярко-голубого неба, и холмы за ним. Вид не так красив, как у База в его доме или на курорте, но у этого свое очарование. В этом есть очарование, что я могу видеть себя влюбленной, если бы это место было моим.

— Что думаешь?

Я поворачиваюсь на звук голоса База. Он прислонился к дверному косяку, наблюдая, как я любуюсь видом. Я пожимаю плечами. Нельзя отрицать, что дом прекрасен. В нем много характера.

— Разве имеет значение мое мнение?

— Да.

Я закатываю глаза и качаю головой. Иногда он бывает таким упрямым.

— Он красив. В очень сдержанном смысле. Уверена, что это будет хорошая инвестиция.

Кажется, это его успокаивает. Дернув подбородком через плечо, он указывает в сторону коридора.

— Давай. У нас еще есть несколько других дел, которые нужно сделать.

Как только Баз официально заканчивает свои деловые встречи, Дэн высаживает нас в 71Above в центре Голливуда поужинать. Я не очень удивляюсь, когда Баз заказывает нам отдельный столик на террасе, с которой открывается вид на большую часть центра Лос-Анджелеса. Он, красив, сверкающие огни и холмы на заднем плане, пока мы едим. Даже не спросив, на столе появляются стакан скотча и бутылка вина.

Я делаю большие глотки вина, остро нуждаясь в алкоголе, если планирую пережить весь этот ужин в здравом уме.

— Гала-концерт ЮНИСЕФ состоится через две недели. У тебя есть какие-либо предложения по поводу того, какое платье ты хотела бы надеть?

Я смотрю на него поверх бокала с вином.

— Ты хочешь сказать, что у меня действительно есть право голоса?

— Не совсем. — он пожимает плечами. — Я подумал, что предоставлю иллюзию выбора.

— В любом случае, меня это не волнует. Последнее платье, которое было выбрано для меня, отлично сработало, — огрызаюсь я в ответ.

Он кивает, не сводя с меня глаз.

Я хочу, чтобы он отвернулся.

— Согласен.

Неловкое молчание опускается, между нами. Я отворачиваюсь, хотя все еще чувствую на себе его взгляд, обжигающий меня изнутри. Я осушаю содержимое бокала и почти выплевываю все выпитое, когда он говорит.

— Я не должен был говорить то, что сказал раньше.

Моя грудь сжимается от воспоминаний. Баз не тот человек, который обычно ощущает необходимость извиняться, так что тот факт, что он делает это сейчас? Это должно означать, что он знает, как сильно он причинил мне боль, и по какой-то причине это расстраивает меня еще больше. Не хочу, чтобы он знал, что я чувствую, и не хочу, чтобы он, из всех людей, чувствовал себя ужасно из-за меня.

Я прерывисто втягиваю воздух и заставляю себя вкрадчиво улыбнуться ему, говоря неправду сквозь зубы.

— Меня это нисколько не беспокоит.

— Для человека, который так хорошо умел лгать, ты стала ужасно плохой в этом. Ревность тебе не идет, Маккензи.

— Я не ревную, Себастьян. Мы можем просто поесть в тишине? Я здесь не по желанию. А потому что должна.

— Ты совершенно ясно дала это понять. Я привел тебя сюда, чтобы поговорить о чем-то важном. О Винсенте.

Я напрягаюсь, мое тело холодеет при одном упоминании его имени. Я никогда не смогу думать о Винсенте без боли. Никогда не смогу слышать это имя без чувства гнева.

— Когда ты в последний раз видела его или Зака?

— А что? — спрашиваю я, сузив глаза.

Я вдруг ощущая насторожённость. Особенно по выражению его лица. Он говорит серьезно.

— Это очень важно, Маккензи. Просто ответь.

— Я не видела его после аварии. А если я когда-нибудь столкнусь с ним? Я убью его. Так что, пожалуйста, если ты планируешь привести его сюда и ожидаешь, что мы станем друзьями, это никогда не сработает. Даже не беспокойся.

Губы База сжимаются.

— Ты можешь сказать правду в течение гребанных пяти секунд?

Я вздрагиваю от неожиданности.

— Это правда, ты, чертов мудака.

— Я знаю, что он был в больнице, навещал тебя. Наблюдал за тобой. Делал то, что он делал. Ты не видела его там?

Мои брови сдвигаются, и я качаю головой.

— Ты имеешь в виду Зака? Я говорю

тебе правду. В последний раз я видела Винсента в ночь аварии. Но Зака...

Моя грудь сжимается, когда я вспоминаю вес подушки на моем лице. Чувство паники, охватившее меня, когда я не могла дышать.

— Что насчет Зака?

Я провожу рукой по лицу, слишком боясь произнести эти слова вслух. Они безумные. Я покажусь параноиком. Баз скажет, что мне это приснилось. Что это был просто кошмар.

— Маккензи? — подсказывает он.

Прерывисто выдохнув, я хватаю бутылку вина и наливаю себе еще. Делаю длинные глотки и вытираю излишки тыльной стороной ладони.

— Мне показалось, что я видела его в те первые несколько недель. Я думала, я действительно схожу с ума. Но одна из пациенток упомянула что-то о Заке, из-за чего казалось, что он был там, и она собиралась выполнить его грязную работу.

Глаза База светятся гневом. Он хватается за край столика. Его пальцы впиваются в дерево с такой силой, что я слышу треск.

— Однажды ночью я проснулась ни с того ни с сего, а он был рядом. Он... он положил подушку мне на лицо и сказал, что собирается закончить начатое. Я не понимала. Мне было страшно.

Баз отскакивает от столика, опрокидывая стул. Я быстро оглядываюсь, радуясь, что мы одни. Нет даже персонала.

— Ты говоришь мне это сейчас? Какого хрена, Маккензи?

— Прости! Я... мне было страшно. Когда я рассказала об этом врачам и персоналу, они сделали вид, что я сошла с ума. И я действительно так думала! Пока эта девушка не напала на меня. Вот так я и разбила себе голову.

— Так вот как это произошло?

Он перестает расхаживать, задавая вопрос. Внезапно его окружает пугающее спокойствие, но, будто я знаю его наизусть, я понимаю, что это затишье перед бурей. Он очень близок к срыву.

— Да. После этого был тот маленький момент времени, который я не могла вспомнить. Потом ты пришел навестить меня, и вскоре после этого я покинула больницу. Это не оставило мне выбора для правды. Был ли он там на самом деле? Или все это у меня в голове?

— Блядь. Я знал, что он притворяется Винсентом, но не понимал, что он дал знать о своем присутствии.

— Как ты узнал?

— Доктор Астер проговорила, что Винсент навещал тебя. Я немедленно лишил его прав на посещение. Его имя было единственным, вписанном в журналах. Я был уверен, что это Винсент, пока не столкнулся с ним, чтобы получить некоторые ответы. Он не имел ни малейшего понятия, что Зак был там, навещая тебя, притворяясь им.

Я делаю паузу.

— Но зачем ему это делать? Вы, ребята, все должны быть лучшими друзьями.

Баз усмехается.

— Да. Мы были; до того, как появилась ты. Я начинаю понимать, что мы никогда не были так близки.

— Что ты мне не договариваешь, Себастьян?

— Перестань меня так называть, — рывкает он, и это его первое проявление гнева.

До сих пор он был таким спокойным и собранным.

— Это твое имя. И я буду называть тебя так, как захочу. А теперь расскажи мне, что ты знаешь.

— Я не доверяю парням. Это все, что я знаю. Винсент пытался убить тебя, Зак лгал, и судя по всему, тоже пытался убить тебя, а Трент ведет себя как гребаная киска — в этом нет ничего нового.

— Итак, что мы собираемся с этим делать?

— Мы? — он смеется. — Нет никаких «мы». Ты покончила со своей мстью. Больше никакого этого дерьма. Позволь мне разобраться с этим.

— Прекрасно.

Я откидываюсь назад, сердито глядя на него, пока допиваю вино, уже чувствуя легкое гудение от больших бокалов, которые я наливала.

— Я серьезно, Маккензи. Я не смогу уберечь тебя от неприятностей, если ты сделаешь что-нибудь еще. Мне нужно, чтобы ты хоть раз сделала то, что тебе, блядь, говорят, только до тех пор, пока я не разберусь с этим дерьмом.

— Я сказала хорошо, ага? Держи их подальше от меня, и я буду держаться от них подальше. Легко и просто.

Он наблюдает за мной, изучает мой взгляд, ищет правду, но не находит. Я говорю ему то, что он должен услышать, но я имею в виду то, что сказала. Если я их найду, они мертвы. Мне все равно, если это риск моего будущего. Я больше не могу позволить им уйти безнаказанными. Они пытались убить меня. И на этот раз я отказываюсь быть жертвой.

Большая часть напряжения, которое тяжело давило между мной и Базом, рассеивается после ужина. Вероятно, именно вино и еда уносят большую часть затаенного гнева, который я питаю к нему. Или, возможно, это потому, что сегодня у меня наконец-то состоялся разговор с ним, в котором я чувствую, что он близок к тому, чтобы сказать мне правду.

Я знаю, что взволнована, когда он говорит, что у нас есть еще одно дело, и я даже не чувствую, что это меня беспокоит. Я в замешательстве, когда мы начинаем въезжать на холмы. Мимо деревьев и тропинок, которые обычно зарезервированы для туристов.

Мой взгляд мечется от База к Дэну, и я начинаю сомневаться, будет ли он тем, кто убьет меня и оставит здесь. Когда мы подъезжаем к воротам, с табличкой «*вход запрещён*», я выглядываю наружу и ахаю.

— Знак Голливуда?

Возбуждение внезапно прорывается через организм. Я виню в этом алкоголь. Он улыбается моей реакции, и впервые за несколько дней его улыбка становится мягкой. Это его улыбка из более простых времен, из прежних. До того, как все дерьмо между нами испортилось. Это заставляет меня остановиться, когда тепло разливается по груди.

Он дергает головой через плечо, протягивая руку между нами.

— Давай.

Я беру его, скользя ладонью по его ладони, наслаждаясь тем, как электрический ток вибрирует по моим венам.

— Что, если нас поймают? — спрашиваю я, когда мы обходим ворота.

Он смеется, словно мне следовало бы знать лучше.

— Не поймают. Дэн позаботится об этом. Итак, какая буква?

— Хм?

Он поднимает голову.

— На какую букву ты очень хочешь сесть. Разве не по этой причине люди хотят подойти к знаку, подобраться достаточно близко к буквам?

Я останавливаюсь, оглядывая их. Буквы выглядят больше, чем в жизни, и пугают.

— Наверное, я никогда не думала так далеко. На самом деле я не думала, что стоять здесь будет вариантом, так что, может быть... буква «Г»? Она выглядит самой безопасной. С других букв мы могли бы упасть.

Баз сжимает мою руку в своей и смеется надо мной, помогая мне пройти через грязь и сорняки, чтобы добраться до буквы «Г». Мы обходим металлические прутья, удерживающие надпись, и встаем под навесом.

Дыхание покидает меня в порыве воздуха, и я протягиваю руку, хватаясь за край надписи для поддержки, когда смотрю на вид. Сердце бешено колотится в груди, переводя взгляд вниз на раскинувшиеся холмы, заходящее солнце и мерцающие огни города. Небо окрашено в различные оттенки оранжевого и красного, едва заметные оттенки фиолетового смешиваются по краям, когда оно исчезает в тонких облаках. Огни города медленно становятся все ярче и ярче, по мере того как солнце и гармоничное сочетание цветов испаряются, оставляя на небе отпечаток цвета индиго. Если бы все было по-другому, это мог

бы быть самый романтичный день в моей жизни.

— Я всегда хотела это сделать. Это страшнее, чем я себе представляла, но это... красиво.

— Я знаю.

Мои губы приоткрываются, когда я оглядываюсь на него и понимаю, что он наблюдает за мной. Резкие черты его лица в этом освещении невероятно красивы и суровы. Свет вспыхивает вокруг нас, освещая буквы, давая мне четкое представление о его ярких и напряженных глазах, которые, кажется, смотрят в мою душу. Жар приливает к моим щекам от того, как он смотрит на меня, и я опускаю взгляд к его ботинкам. Улыбка приподнимает уголки моих губ, и легкость, которую я давно не ощущала, скользит по телу.

— Ты выглядишь нелепо в этом костюме, ты ведь знаешь это, верно?

Баз смеется. Звук хриплый и глубокий, и я чувствую, как он грохочет в моей груди.

— Сегодня мои возможности были ограничены.

— Зачем ты привез меня сюда, чтобы я увидела это?

Его широкие плечи поднимаются в уклончивом пожатии, улыбка медленно исчезает, когда он смотрит на последние кусочки заходящего солнца. Оно отбрасывает последние остатки теплого пурпурного сияния на холмы, пока не исчезает.

— Почему бы и нет? Ты хотела это увидеть. У меня есть возможность сделать так, чтобы это произошло.

Наши взгляды встречаются, и я чувствую, как между нами проходит ток. Чувствую, что забываю его резкие слова и хочу упасть в его объятия. Я скучаю по этому. По ощущению, как он обволакивает меня.

— Но почему? Почему ты хочешь сделать это для меня, Баз?

Он входит в мое пространство, положив руки мне на бедра. Тепло от его ладоней просачивается в материал моих брюк, распространяя огонь по коже. Он слегка надавливает, и я следую за ним, пока моя спина мягко не сталкивается с внутренней стороной буквы «Г». Он больше не двигает руками вверх или вниз по моему телу. Просто остается в данный момент со мной.

— Потому что ты возненавидишь меня, — наконец отвечает он. — Это последнее хорошее перед всем плохим.

Я хмурюсь, мой желудок скручивается от его слов.

— Не знаю, как это возможно. Я уже ненавижу тебя.

Его губы кривятся, но это длится всего несколько секунд.

— Я собираюсь забрать у тебя. Забрать то, что хочу, а затем уйти, потому что это то, что я делаю. И ты возненавидишь меня за это.

Я ошеломленно молчу, хотя знаю, что он прав. И, наверное, к лучшему, что я его ненавижу. После всего произошедшего, это будет справедливо. Но глупая часть меня не хочет ненавидеть его. В такие моменты мне хочется, чтобы все вернулось на круги своя. Я хочу стереть свое прошлое, стереть все проступки и двигаться вперед. Но не могу этого сделать. Не знаю, как отпустить прошлое, и это моя самая большая проблема.

И он это знает. В глубине души он знает, что я никогда не смогу отпустить все это. Никогда не смогу доверять ни ему, ни его друзьям.

Я резко втягиваю воздух, когда Баз внезапно втискивает одно из своих колен между моих ног, его глаза скользят по моему лицу. Сердце оживает, и ноги слегка раздвигаются для него. Его руки скользят по моим бокам, лаская живот и край груди, а мои губы

инстинктивно приоткрываются. Обе эти грубые и мозолистые руки скользят по моей шее, одна хватается за затылок, а другая устраивается в моих волосах.

Он дергает меня за волосы, и искра удовольствия пронзает меня изнутри. Я стону, подставляя шею. Его губы соприкасаются с моим горлом, язык высовывается, пробуя кожу на вкус. Мои глаза закрываются, когда он отпускает мои волосы, а затем его рука переходит за пояс моих брюк. Баз мягко трет меня через трусики, материал прилипает к моей киске.

— Расстегни их и сними, — приказывает он.

Глаза расширяются, и я оглядываюсь, сердце застревает в горле. В основном темно, но это не значит, что кто-то поблизости не сможет нас увидеть.

— Здесь?

Баз усмехается у моего уха, и звук волнами прокатывается по моему телу.

— Я думал, тебе нравится, когда за тобой наблюдают, грязная девочка?

Я с трудом сплываю, расстегиваю брюки и стягиваю их вниз. Баз медленно опускается передо мной, его мозолистые руки скользят по моим ногам. Желудок яростно переворачивается, когда он смотрит на меня со своего места. Не сводя с меня пристального взгляда, он сжимает мои трусики в руке и дергает так сильно, что клочок материала рвется от силы. Моя грудь дико вздымается, когда он поднимает мою левую ногу, обнажая интимные части ночному воздуху. Дрожь пробегает по телу, когда он закидывает ногу себе на плечо, его лицо теперь идеально на одном уровне с моим центром.

Его руки находят опору на моей спине, и он раздвигает ноги немного шире, смотря вниз на мокрую киску. Дрожь сотрясает мое тело, когда он облизывает губы и снова смотрит на меня.

— Ты так прекрасно выглядишь, Маккензи. С твоей киской, открытой только для меня, — говорит он, как раз перед тем, как провести языком.

Это заставляет меня откинуть голову на букву позади. От удара ощущается легкая боль, но я слишком сосредоточена на мужчине, стоящим передо мной на коленях, что-то делающим с моим телом. Баз водит языком вокруг моего клитора, чередуя лизание и сосание. Мои руки скользят в густые, мягкие пряди его волос, и бедра сами по себе поднимаются, оседлая его лицо. Когда он входит пальцем, медленно двигаясь, стон вырывается из моей груди, эхом отдаваясь вокруг нас.

— Трахни мой рот. Вот так, грязная девочка, — рычит он, заставляя мое сердце содрогнуться от удовольствия.

Когда он добавляет еще один палец и сгибает их, прижимаясь к внутренним стенкам, я стону, двигая бедрами, трахая их. Я чувствую, как нарастает оргазм, мои стенки сжимаются вокруг его пальцев, пока он работает надо мной. Он скользит свободной рукой вверх по моему телу, страх и удивление окутывают меня, когда он обхватывает мое горло и слегка сжимает. Наши глаза встречаются, его лицо между моих ног, пожирает меня, и я смотрю вниз, наблюдая, как его пальцы трахают меня.

Я взрываюсь прямо там, когда он сжимает меня чуть сильнее. Задыхаюсь от его хватки и отрываюсь, мое тело содрогается.

Когда я, наконец, снова могу дышать, Баз выходит из меня и помогает мне взять себя в руки, поправляя одежду. Он не произносит ни слова, пока мы возвращаемся к машине, и я тоже. Я пытаюсь осмыслить произошедшее. Этот мужчина утверждает, что не доверяет мне, но привёз меня посмотреть на закат, стоя под надписью Голливуда, и трахнул меня своим ртом напротив одной из букв. Он сбивает меня с толку, и эта часть о том, что я ненавижу

его, как только все это начнется? Что это должно означать?

Мне не нужно слишком долго гадать. Я точно знаю, что это значит, когда мы совершаем последнюю остановку в клубе. Я не была в The Kings с той ночи, и кажется, что это было целую вечность назад. словно это была другая жизнь.

Мы проходим через вход, держась за руки, и это сильно отличается от того, как мы входили в последний раз, находясь здесь. Вокруг нас вспыхивают вспышки, папарацци выкрикивают вопросы, которые мне приходится активно игнорировать. Я щурю глаза от мигающих огней и извивающихся тел, пока мы пробираемся сквозь толпу на верхний этаж. Поднимаясь по ступенькам, один из охранников, работающих на нижнем уровне, отводит База в сторону и говорит приглушенным голосом. Баз смотрит на меня. Что-то в его глазах не устраивает меня, когда он кивает мускулисту мужчине и проходит мимо него обратно ко мне.

— Мне нужно, чтобы ты осталась здесь. Я должен кое-что сделать, прежде чем мы сможем уехать, — говорит он, открывая мне дверь.

Я переступаю порог и останавливаюсь, бросая на него вопросительный взгляд.

— Куда ты?

— Никуда. Я вниз, есть кое-что, с чем мне нужно разобраться.

— Что ж, позволь мне пойти с тобой.

— Я тебе предлагал? Сядь, блядь, на место.

Я отшатываюсь в удивлении от его тона. Он не извиняется, просто хлопает дверью, оставляя меня на верхнем этаже в полном одиночестве. Я оглядываюсь, осматривая комнату. Она выглядит так же, как и в прошлый раз, когда я была здесь. Мой взгляд перемещается в сторону окна, и тепло заливает мое тело при воспоминании, как Баз трахал меня там.

Я прочищаю горло. Последнее, что мне нужно делать, это думать о Базе в таком свете, когда он только что вел себя как полный кретин. Я стараюсь сидеть так долго, как могу, но в конце концов начинаю ходить, скука убивает меня. Я подхожу к затемненному стеклу и смотрю вниз, шок пронзает мою систему, когда я вижу, ясно, как день, в углу, Баз разговаривает с кем-то, обнимая рукой плечи девушки.

Я вижу красное.

Они переминаются во время разговора, и я четко вижу, кто это. Это Зак. Почему Зак здесь, и почему Баз разговаривает с ним так небрежно? Я думала, он их ненавидит.

Или, может, он просто хочет, чтобы я в это поверила.

Предательство проходит через меня, когда я наблюдаю за ними. Мои глаза сужаются, особенно на девушке. С огнем, ревушим в моих венах, я иду к своей сумочке, достаю телефон и набираю номер Джека.

— Что ты не понимаешь в удалении моего номера, Маккензи? Боже.

— Может, ты уже прекратишь с удалением номера, Джек? Он не причинит тебе вреда. Я не позволю. Теперь, с другой стороны, я нуждаюсь в какой-то форме защиты здесь. Я не доверяю Базу и его мотивам. Он что-то скрывает.

— Что случилось? — спрашивает он, и в его голосе внезапно появляется страх.

— Не знаю. Трудно объяснить. Я просто... Мне что-то нужно. Что-нибудь.

Джек выпускает долгий протяжный вздох, и я знаю, что действую ему на нервы.

— Это в последний раз, ты меня поняла? Я прилечу через несколько дней, и если ты не сможешь найти способ улизнуть и встретиться со мной, тебе несдобровать.

— Я найду способ.

Глава 22

Маккензи

Я позволяю гневу, который я испытываю, гноиться. Позволяю ему накапливаться, пока не оказываюсь на грани взрыва. С моей точки зрения, Баз там, внизу, «занимается чем-то» около тридцати минут, в то время как я прячусь здесь, наверху. Баз больше не просто разговаривает с Заком. Его окружает толпа дам, и хотя я не могу ни слышать его, ни видеть выражения его лица, я прекрасно представляю, что там происходит.

Я думала, мы договорились. Я не позволю ему прикасаться ко мне, если он будет трахать каждую девушку, которую встретит. Может, моя свобода все-таки не так уж важна для меня? Если это означает иметь дело с этим дерьмом, я не уверена, что смогу это сделать. Я думала, что смогу справиться с этим, но то, что я чувствую внутри в этот момент? Ярость внутри говорит совсем о другом. Я чувствую себя презираемой любовницей, сидя здесь, ожидая, когда он вернется.

Кипя от гнева, я формулирую план. Всего через несколько дней Джек будет здесь. Мне нужно найти способ сбежать от База, что очень тяжело, когда я на его курорте, который, как я теперь знаю, охраняется, как Форт-Нокс. Мне нужен предлог, что-то, чтобы выиграть время. Мои мысли обрываются, когда дверь открывается, и заходит Баз. Он не смотрит на меня и не приносит никаких извинений, и это только разжигает ярость, заполняющая каждое отверстие моего тела. Он должен знать, что я видела, чем он занимался.

— Решил свои дела? — издеваюсь я, глядя ему в затылок.

Он наливает себе выпить.

— На самом деле, да.

— Ох, не сомневаюсь. Я не понимала, что когда дело касается твоего члена, это то, что ты считаешь самым важным. — я встаю, свирепо глядя на него. — Ты можешь, по крайней мере, проявить ко мне хоть каплю уважения, Себастьян. Привести меня сюда, чтобы ты мог выставлять напоказ этих других девушек и намочить свой член, это вульгарно.

Баз застывает со стаканом на полпути к губам.

— Думаешь, я должен уважать тебя, Маккензи?

Его тон холоден, и у меня в животе поселяется пустота.

— Ты знаешь, что должен.

— Я ни черта тебе не должен, поняла? Ты пришла ко мне. Поставила свое тело на свободу. Это гребаная цена.

Он почти плюет, шокируя меня. Прежний Баз исчез, мужчина, который привёз меня к знаку Голливуда и выжимал из меня оргазм своим ртом. На его месте этот человек. Себастьян. Тот, кто выглядит таким отстраненным, будто он предпочел бы быть, где угодно, только не здесь, в этой комнате со мной.

— Мы договорились. Если бы я согласилась на это, ты бы не трахался с половиной мира.

Баз сжимает затылок, потирая его, словно этот разговор расстраивает его.

— Ты думаешь, что ты особенная, Маккензи? Твоя киска — это не все, так что перестань. Я трахаю тебя, потому что могу. Потому что я этого хочу. Мне ничего не нужно делать. Я не тот, кто *нуждается* в помощи. Ты нуждаешься в ней. Ты такая же, как и все

остальные, — пиявка, ползущая ко мне, ожидающая, что я решу твои проблемы.

Это подло.

Это намеренно обидно, и я не могу остановить, как моя грудь дрожит от эмоций. Я кусаю внутреннюю сторону щеки, сдерживая желание заплакать от ударов, которые его слова нанесли по моему телу. В груди пронзительная боль, из-за которой невозможно сделать ни единого вдоха.

— Если ты трахаешься с кем-то еще, я уйду.

Мой голос остается ровным несмотря на то, что я чувствую себя разбитой внутри. Он отталкивается и направляется ко мне. Допивает остатки своего напитка и встает передо мной, глядя на меня с презрением, от которого мне хочется свернуться калачиком.

— Я больше ни с кем не трахаюсь, как бы мне этого ни хотелось. Я бы лучше трахнул кого угодно, но ты. Но ты вынуждена делать это, не так ли?

Я не могу сдержать дрожь в нижней губе. Это больнее, чем в прошлый раз. Я чувствую, как резкость царапает кожу, разбивая сердце. Чувства недостаточности переполняют меня, как и всю мою жизнь. Я была недостаточно хороша для родителей. Я была недостаточно хороша для Мэдисон. И я все еще недостаточно хороша для База.

Моя рука взлетает сама по себе, и он ловит ее в самый последний момент, крепко сжимая мое запястье, как раз перед тем, как моя рука соприкасается с его щекой. Он смотрит на меня сверху вниз.

— Осторожнее, Маккензи. Я позволю этому не произойти только один раз.

— Гори в аду, ублюдок, — шиплю я, выдергивая запястье из его хватки.

— Уже, грязная девочка.

Я вылетаю из комнаты. Все, что угодно, лишь бы уйти от него. Меня не волнует, куда я иду и как доберусь. Я просто нуждаюсь в дистанции. Проталкиваясь сквозь толпу, я, наконец, перевожу дыхание, когда дохожу до выхода. Прохладный воздух бьет мне в лицо, и я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоить колотящееся сердце и острую боль в груди. Я замечаю Дэна, прислонившегося к машине, наготове. На его лице сочувственное выражение. Он открывает дверь, и мои глаза наполняются слезами.

Я бросаю быстрый взгляд через плечо, изо всех сил стараясь не обращать внимания на вспышки и громкий гул голосов вокруг, беспокоясь, что Баз выйдет через выход и последует за мной. Когда он не появляется, я вздыхаю с облегчением и забираюсь в машину, радуясь, что только я. Уверена, что он велел Дэну отвезти меня домой.

Когда мы отъезжаем от клуба, первая слеза скатывается по моей щеке. Она медленно опускается, как и разбивается мое сердце.

Баз прав. Я действительно ненавижу его.

Я бы сказала, что жить с Базом неловко, но это не так уж плохо. Помогает то, что его здесь не бывает. Я не видела его и не слышала о нем с той ночи в клубе. Когда я мимоходом спросила об этом Дэна, он упомянул, что Баз остановился у себя в доме. Не знаю, почему это знание ранило больше, чем перспектива того, что он будет встречаться с другими девушками.

Неужели быть рядом со мной так тяжело, так непривлекательно для него, что он должен

оставаться в доме, лишь не быть рядом?

Единственное преимущество его ухода в том, что это дает мне шанс снова построить стену вокруг сердца, чтобы защитить себя. Только так я смогу пережить это с ним. Это также дает мне возможность уходить отсюда, не посвящая его в то, чем я занимаюсь.

Наш план прост. Джек будет здесь ровно в два часа дня, чтобы забрать меня. Он припаркуется рядом, подальше от камер наблюдения. Не уверена, сколько камер у них перед входом, поэтому, просто на всякий случай, я попросила его припарковаться немного подальше. У меня нет проблем с ходьбой. Я никак не могла пригласить его на курорт, не подняв никаких красных флагов. Баз знает, как он выглядит, и знает, кто он. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить Джека.

Таймер на моем телефоне срабатывает в час пятьдесят девять ночи, и я спускаюсь из пентхауса к выходу. Поправив ремешок сумочки на плече, я оглядываюсь, прежде чем подойти к машине Джека. Он достаточно далеко, чтобы я не могла разглядеть его личность, но достаточно близко, чтобы я могла ясно увидеть, что это он, по его телосложению. Убедившись, что за мной не следят, я сажусь в машину и вздыхаю с облегчением. Это казалось почти слишком легким.

— Выглядишь дерьмово.

Я хмыкаю в ответ, зная, что он, вероятно, прав. Я чувствую себя дерьмово. Последние несколько дней я ворочалась с боку на бок, думая о Базе, о Мэдисон и остальных Дикарях. В моей голове был бесконечный круг мыслей, которые я просто хочу остановить.

Мы с Джеком едем в уютной тишине, пока не подъезжаем к одноэтажному дому в районе Ван Нуи. Мои брови опускаются, и я бросаю на него взгляд.

— Где именно мы находимся?

— Airbnb, детка. Я отказываюсь рисковать тем, что кто-то украдет мое оборудование в непристойном мотеле.

Я киваю, зная, что он, вероятно, прав. Последний мотель, в котором я останавливалась, был не самым безопасным местом для кого бы то ни было, тем более для девушки, у которой нет никакой защиты. И, конечно, как только мы оказываемся внутри, Джек даже не дает мне возможности сесть, не говоря уже о том, чтобы дышать. Он набрасывается на мою задницу, как только мы переступаем порог.

— Прежде чем мы двинемся дальше, тебе лучше, черт возьми, объясниться. Что происходит и почему ты нуждаешься в защите?

Я рассказываю Джеку, что видела в клубе и что узнала о том, что Зак использовал имя Винсента в больнице. Дело не только в том, что я нуждаюсь в защите, но и в том, что мне нужно довериться кому-то еще, чтобы они убедили меня, что я не сумасшедшая. Что все происходящее не просто совпадение, и с этим действительно нужно разобраться.

Он вздыхает, уперев руки в бока и устремив взгляд в потолок в поисках помощи. Он часто делает это. Обычно именно так я узнаю, что скоро добьюсь своего. Повернувшись, он роется в черной спортивной сумке, которая стоит на полу возле дивана, и у меня перехватывает дыхание, когда он что-то вытаскивает.

— Это для защиты. Ты меня понимаешь? Я научу тебя, как им пользоваться, но, клянусь, Маккензи, мне нужно, чтобы ты пообещала, что не причинишь этим вреда ни себе, ни кому-либо другому.

Я смотрю на него и смягчаюсь от умоляющего взгляда в его глазах.

Моя грудь расширяется на вдохе.

— Обещаю.

Я оглядываюсь на черный пистолет в руке Джека. Я никогда не прикасалась к оружию. У меня никогда не было для этого причин. Но теперь есть. Это просто для защиты, своего рода мера предосторожности. Или, по крайней мере, это то, что я говорю Джеку и себе так много раз. Надеюсь, что хотя бы один из нас поверит в эту ложь.

Джек проводит остаток дня, обучая меня, как использовать его в случае чрезвычайной ситуации. Если возможно, держать оружие в руках намного страшнее, чем смотреть на него. Он чертовски тяжёлый и может оборвать жизнь всего одним нажатием на спусковой крючок. Это страшно и волнующе. Не знаю, как я собираюсь пронести пистолет в пентхаус, без ведома База или Дэна, но я попытаюсь. Я больше не собираюсь рисковать. Я никому не могу доверять, и это единственное, чему я могу довериться. Этот пистолет сохранит мне жизнь.

Как только я кладу опасную вещь в сумочку, мой сотовый пронзительно кричит, эхом отдаваясь вокруг, и я подпрыгиваю. Мы с Джеком переглядываемся. Удивление сменяется беспокойством, когда я смотрю на идентификатор вызывающего абонента. Баз. Мы не разговаривали уже несколько дней. Он даже не проверял меня. Чего он может желать сейчас? Знает ли он, где я и чем занимаюсь?

— Не отвечай. Он может следить за тобой, — выпаливает Джек.

Я бросаю на него сухой взгляд.

— Он бизнесмен, а не чертов агент ФБР.

Все еще сомневаясь, я решаю перевести звонок на голосовую почту. Я жду, не оставит ли он сообщение. Он этого не делает, но посылает сообщение.

Баз: *Будь готова к восьми вечера, Дэн заедет за тобой и отвезет к месту назначения.*

Маккензи: *Куда ты меня везешь?*

Я жду ответа, но не удивляюсь, когда его не получаю. Неуверенность скапливается у меня в животе, когда я прощаюсь с Джеком. Мы со страхом смотрим друг на друга, когда он высаживает меня. Я знаю, что он беспокоится обо мне, особенно теперь, когда у меня есть пистолет, но я изо всех сил стараюсь сохранять спокойствие снаружи, по крайней мере, ради него.

Держа сумочку ближе к телу, слишком боясь выпустить ее из поля зрения, я вхожу на курорт, чувствуя, как прожектор освещает меня с каждым шагом. Я как раз направляюсь к лифту, думая, что все в порядке, когда двери плавно открываются, и там стоит Дэн. Скрестив руки на груди, он кивает мне.

— Мисс Райт.

— Дэн, — говорю я, мой голос слишком высокий и хриплый.

— Мистер Кинг решил, что будет лучше, если я покажу вам, что вы должны надеть сегодня вечером.

Я крепче сжимаю сумочку и беспокойно переминаюсь с ноги на ногу всю дорогу до уровня пентхауса. Чувствую, как капли пота выступают у меня на лбу и беспокоюсь, что моя сумочка выглядит слишком громоздкой. Он своего рода телохранитель. Знает ли он, как определить, есть ли у кого-то пистолет?

— Какие-то проблемы? — спрашивает он, заметив мое беспокойство.

Я резко дергаюсь.

— Что? Нет, нет, конечно, нет!

Я чуть не кричу, испытывая нервозность. Глаза Дэна сужаются, но он ничего не

говорит. Лифт звенит, как только мы оказываемся на уровне пентхауса, и я почти добираюсь до двери, проводя ключом, забывая, что Дэну все еще нужно объясниться.

— Ваше сегодняшнее платье лежит на кровати. Пожалуйста, будьте в вестибюле к восьми вечера, чтобы мы могли приехать вовремя.

Я отрывисто киваю и сглатываю, потея сквозь одежду, желая, чтобы он уже ушел. Как только он направляется к двери, я вздыхаю с облегчением, но замираю, когда он поворачивается ко мне.

— Вы уверены, что с вами все в порядке, мисс Райт?

— Угу. Мне просто нужно принять теплый душ, вот и все.

Он смотрит на меня в течение нескольких солидных ударов, прежде чем уйти, и я почти падаю от облегчения. Я направляюсь в свою спальню, стараясь не открывать сумочку, пока не окажусь в безопасности. Не знаю, установлены ли у База здесь камеры, но если да, мне нужно спрятать оружие так, чтобы он не увидел.

Я забираюсь на кровать, откидываю одеяло и проскальзываю под него. Укрывшись им, я достаю оружие из сумочки, и мое сердце дрожит под его тяжестью. Я прячу его под подушку, пока не найду для него лучшее, более безопасное место.

Этого будет достаточно.

Я отступаю от зеркала, рассматривая свое отражение. После душа я начала готовиться к вечеру с Базом и всем, что это повлечет за собой. Но судя по тому, что он оставил мне надеть, я прекрасно представляю, что произойдет сегодня. Просто не могу понять, почему он делает из этого такое большое дело.

Если это просто секс, почему мы не занимаемся этим здесь? Почему едем куда-то еще, будто это какое-то важное событие?

Платье, которое Баз оставил на кровати, шикарное, но не такое шикарное, как то, в котором я была на прошлом гала-концерте. Очевидно, что мы не собираемся на мероприятие такого масштаба, но идем куда-то, где мне действительно нужно приодеться. Платье потрясающее, изумрудно-зеленый атлас с высоким разрезом на левом бедре и рюшами на талии. Оно обнимает мое тело во всех нужных местах. Низкий, глубокий вырез обнажает достаточно декольте, чтобы быть сексуальной, но не слишком развратной. Спина тоже обнажена в низком разрезе, оставляя мало места для воображения.

Я чувствую себя на миллион долларов, когда смотрю в зеркало, мои светлые локоны рассыпаются по плечам, а лёгкий макияж подчеркивает глаза. Я нахожусь в мире, далеком от того беспорядка, в котором я была раньше, но все еще чувствую то же самое внутри. Как будто я никогда не буду достаточно хороша, чтобы быть девушкой в его объятиях, хочу я этого или нет.

Бросив последний взгляд на себя в зеркало, я хватаю сотовый и клатч от Шанель, который Баз купил на вечер, и запихиваю все, что мне понадобится, в маленькую дорожную сумочку. Она слишком мала, чтобы вместить пистолет, поэтому, очевидно, я оставляю его здесь, чертовски надеясь, что сегодня он мне не понадобится.

Дорога от курорта до того места, куда мы направляемся, не слишком длинная. Мы не едем в город, как я ожидала, а вместо этого едем все дальше и дальше от оживленного

центра Лос-Анджелеса к Холмби-Хиллз, где живут богатые. Дэн останавливается перед особняком, который простирается на от того, что кажется милями, у меня перехватывает дыхание. От этого великолепия сердце колотится, а желудок сжимается в равных долях.

Мраморный фонтан находится в центре кольцевой дороги, где в настоящее время припаркованы дорогие автомобили. У входа стоят мужчины в смокингах, охраняя массивные двери. Я оглядываюсь на пары и группы мужчин, идущих от своих роскошных автомобилей к дверям.

— А где Баз?

— Уже внутри.

Я сглатываю. Мысль о том, чтобы войти внутрь в одиночку, мне не нравится.

На этих мероприятиях рядом со мной всегда Баз. Он моя молчаливая поддержка, когда я никогда не признавалась вслух, что мне это нужно, но теперь, когда мне придется идти одной, меня тошнит от одной мысли об этом.

Сделав глубокий вдох, я тянусь к дверной ручке, но что-то останавливает меня. Страх впивается в горло. Я оглядываюсь на Дэна, ожидая подтверждения.

— Я в опасности? — спрашиваю я дрожащим от страха голосом.

Его лицо на секунду смягчается, успокаивая.

— Мистер Кинг никогда не подвергнет вас опасности.

— Это спорно, — бормочу я себе под нос, выбираясь из машины.

Я почти ожидаю, что он проводит меня до дверей, но он этого не делает. Он оставляет меня на произвол судьбы. Зная База и то, какой он мудака, я уверена, что это было сделано нарочно. Вся эта ночь предназначена для того, чтобы заставить меня чувствовать себя неловко и не в своей тарелке.

Мои каблуки стучат по тротуару, а ноги так сильно дрожат, что я удивляюсь, как они не выдают меня. Как только я подхожу к маячащим деревянным дверям, один из мужчин в смокинге останавливает меня.

— Имя?

— Маккензи Райт?

Это звучит скорее, как вопрос, но он срабатывает. Он открывает передо мной дверь, и я задыхаюсь. Особняк внутри великолепен. Он из темного дерева, с яркими сверкающими люстрами и знаменитыми произведениями искусства на стенах. Он кричит о богатстве.

Я останавливаюсь в фойе, прижимая к себе сумочку и оглядываясь в поисках База. Я чувствую на себе взгляды. Люди, слоняющиеся вокруг с бокалами шампанского в руках, смотрят на меня с нездоровым любопытством. Словно они знают, что мне здесь не место.

Я вздрагиваю, чувствуя, как теплая рука скользит по моему бедру сзади. Несмотря на то, что я не хочу, я устраиваюсь в знакомом трюме, используя его тело, чтобы взять себя в руки и черпать из него силы. Набрав полную грудь воздуха, я вдыхаю запах всего, из чего состоит Баз, и мое колотящееся сердце замедляется.

— Рад, что ты смогла следовать указаниям, — задумчиво произносит он мне на ухо, отчего у меня по спине пробегает дрожь.

Я морщусь, оглядываясь вокруг, пытаюсь понять, что, черт возьми, происходит.

— Что это за место? — шепчу я себе под нос, продолжая наблюдать за людьми.

— Увидишь, — неопределенно бормочет он.

Он ведет меня в ногу с собой, останавливаясь, чтобы поговорить с мужчинами в большом зале. Болтовня громкая, что указывает на большое количество людей здесь. Для

чего, я не совсем уверена. От моего внимания не ускользает то, как некоторые из них смотрят на меня слишком долго. Их злобные глаза задерживаются на моей груди и открытом разрезе платья, слишком длинном, чтобы считаться подходящим. Баз ничего не говорит, но крепче сжимает меня, когда это происходит, так что я знаю, что он это замечает.

— Великий Себастьян Кингстон. Так скоро вернулся?

Пожилой джентльмен, возможно, ровесник моего отца, подходит к нам и протягивает руку, чтобы Баз пожал ее. Он безупречно одет в сшитый на заказ костюм с атласными лацканами. Его волосы с проседью зачесаны назад, открывая поразительные черты лица. Он напоминает мне еще более выдающегося Джорджа Клуни, если это возможно. У него легкий акцент, говорящий мне, что он, скорее всего, не из Штатов.

— Пьер. Рад тебя видеть. Спасибо, что пригласил нас.

При упоминании о «нас» Пьер смотрит в мою сторону.

— Это она? Боже, Себастьян, ты, конечно, счастливый мужик. *C'est une beauté.* (с французского: Она красавица.)

Румянец поднимается к моим щекам, и я отвожу взгляд, чувствуя себя неловко от того, как он смотрит на меня. Может, я и не говорю по-французски, но суть его слов я улавливаю.

— *Je suis vraiment chanceux. Elle est á moi.* (с французского: Мне очень повезло. Она моя.)

Глубокий голос База прокатывается по мне волнами, отчего перехватывает дыхание. Он упоминал, что может говорить на нескольких языках, но слышать, как он говорит по-французски? Мое сердце сжимается, а затем яростно пульсирует. Ощущение настолько тревожное, что я кладу свободную руку на живот, пытаюсь собраться с мыслями.

— Маккензи, это Пьер Шаламе. Пьер, это моя девушка, Маккензи Райт.

Я вздрагиваю от его слов. Его рука сжимает мое бедро, очевидно, предупреждая, чтобы я сохраняла хладнокровие. Было бы неплохо получить предупреждение. Я понятия не имела, что он говорил людям, что я его девушка. Пьер ухмыляется.

— Ах, да. Хорошие всегда идут первыми, не так ли? Приятно познакомиться, — говорит он, пожимая мне руку. — Вы останетесь на шоу позже?

Баз кивает, а я хмурюсь.

— Мы не пропустим.

— Вам нужна обычная комната на ночь?

Я задумчиво хмурюсь, когда Баз снова кивает, уже переходя от разговора с Пьером к следующей группе.

— Дай мне секунду. Я сейчас вернусь, — шепчет он мне на ухо, позволяя своим губам соблазнительно коснуться раковины, посылая еще одну дрожь по моей спине.

Что, черт возьми, происходит? Комната, шоу? Где мы находимся?

Я тупо стою и жду, когда Баз вернется. Испуганный вскрик срывается с моих губ, когда мужчина встает рядом со мной, чтобы представиться. Он берет мою руку в свою, крепко сжимая, так, что я не могу освободиться. Он говорит со мной, что-то говорит, но из-за ревушей тревоги в моей голове я не могу сосредоточиться. Как только он начинает играть с моими волосами, я начинаю беспокоиться, оглядываясь по сторонам, гадая, где Баз.

Облегчение проходит через мою систему при звуке резкого, болезненного вдоха. Я поворачиваюсь, обнаруживая База, как он крепко обхватывает шею мужчины сзади. Баз низко наклоняется, не сводя с меня ледяного взгляда, и что-то шепчет себе под нос, что слышно только им двоим. Когда он отстраняется, и мужчина убегает, даже не оглянувшись

на меня, я вздыхаю с облегчением.

Это облегчение вскоре превращается в настороженность, когда я смотрю на База. Что, черт возьми, это было?

Что он сказал ему, чтобы заставить его так унесться?

Как только у нас выдаётся небольшой перерыв от представлений и бессмысленных разговоров с другими гостями, я отвожу База в сторону и требую, чтобы он сказал, что происходит.

— Это странно, Баз. Все это место какое-то странное. Не мог бы ты просто сказать, что происходит?

Он смотрит на меня сверху вниз, наши глаза ведут свой собственный молчаливый разговор без разрешения. Внезапно на нижнем уровне особняка раздаётся звон колокола. Все начинают шептаться, а затем исчезают в коридоре, который, как я предполагаю, ведет в другую комнату.

— Как раз время для шоу.

Допив остатки своего напитка, он берет меня за руку и ведет за собой. Моя ладонь сильно вспотела в его ладони. Не знаю, что происходит, и тот факт, что он остается скрытым в отношении сегодняшнего вечера, не совсем внушает доверие.

Тускло освещенный коридор действительно ведет в комнату. Это своего рода бальный зал, но то, что поражает меня замешательством, а затем ужасом, это кровать с балдахином спереди и в центре. Все окружают ее, и моя хватка крепче сжимает руку База, в животе нарастает тошнотворное чувство.

— Что это, блядь, такое? — шиплю я, когда он останавливается в ногах кровати.

— Просто смотри.

И я смотрю. Пара, кажется, появляется из ниоткуда, и она снимает с себя великолепное красное платье, пока толпа смотрит. Ни капли стыда в ее теле. Я с восхищением и ужасом наблюдаю, как пара трогает и ласкает друг друга перед толпой. Я ожидаю, что это станет похабным и превратится в порно-шоу, где члены толпы начинают трогать себя или своих кавалеров, но, к моему большому удивлению, они просто стоят в стороне и смотрят, полностью замороженные.

Когда он сказал «шоу», я поняла это сейчас. Это не просто секс. То, как пара движется вместе, это синхронный танец, отработанный до совершенства. Он красивый и волнующий. Не предназначен для того, чтобы заставить вас прыгать по костям человека рядом с вами; он просто предназначен для визуального наслаждения.

Когда мужчина берет ее сосок в рот и проводит рукой между ее ног, у меня перехватывает дыхание. Что-то теплое скручивается у меня по спине и кружится в животе. Баз подходит ко мне ближе. Во мне бушуют противоречивые эмоции. Я хочу обидеться и почувствовать отвращение от того, что я наблюдаю — как пара занимается сексом передо мной, — но я ничего не ощущаю. Во всяком случае, все как раз наоборот. Когда мужчина скользит в нее сзади, ее спина красиво выгибается, голова откидывается назад, я задыхаюсь, когда мое ядро почти болезненно пульсирует.

Я качаю головой и пытаюсь отвернуться от шоу, но Баз удерживает меня на месте. Он наклоняется к моему уху.

— В чем дело, грязная девочка?

— Мне это не нравится.

— Я думаю, что нравится, — шепчет он.

Мужчина ускоряет темп, и стоны дамы становятся громче. Медленно вокруг нас начинают расходиться пары. Некоторые остаются здесь на протяжении всего шоу, но я делаю все возможное, чтобы уйти. Я чувствую, что нахожусь на грани возгорания, и ненавижу себя за это.

— Ты сказала, что хочешь вернуть себе свободу? Что хочешь, чтобы все вернулось на круги своя. Это нормально, Маккензи, — выдыхает он мне в ухо, в его тоне слышится мрачная нотка.

Я сдерживаю слезы и стараюсь не оглядываться и не таращиться на происходящее вокруг. Это не он. Тот факт, что я довела его до этого... это ломает что-то внутри меня. Что-то фундаментальное в нас.

Наши отношения были построены на лжи. Они рассыпались из-за лжи. И теперь он дает мне шанс все изменить. Нравится мне это или нет. Но как далеко я готова зайти ради этой свободы? На этот вопрос я слишком боюсь ответить, даже в безопасности своей головы.

Я быстро выхожу из зала, проталкиваясь сквозь других зрителей, которые стоят вокруг, все еще наблюдая. С бешено колотящимся в груди сердцем я направляюсь прямо к выходу, но Баз хватает меня за талию и тащит по темному коридору, загоняя в угол в пустой части особняка.

— Это доставляет удовольствие? Какой-то больной секс-клуб?

— Мне это не доставляет удовольствие. Это то, что делают богатые и элита, и было бы невежливо отказываться от приглашения.

— Он сказал «так скоро вернулся?», так что у тебя, очевидно, здесь в распоряжении обычная комната. Что это значит?

Моя грудь вздымается при вопросе. Желудок скручивается в беспокойном движении. Не хочу представлять, как он занимается сексом с любой из здешних девушек. Не могу конкурировать с этим.

— Я могу тебе показать.

Он смотрит на меня сверху вниз, ожидая, когда я приму решение. Он видит это по моему лицу еще до того, как я успеваю произнести вслух. Взяв меня за руку, он ведет меня по тускло освещенному коридору, в котором так тихо, что каждый наш шаг зловещим эхом отдается вокруг. Он открывает тяжелую, украшенную резьбой деревянную дверь в конце коридора. Комната огромная. В ней стоит еще одна кровать с балдахином, а из окон открывается невероятный вид на обширную территорию особняка.

— Итак, ты остаешься здесь и делаешь что?

В моем голосе слышится дрожь. Я неуверенно прохожу по комнате, осматривая все вокруг. В углу стоит стул, лицом к кровати, и когда Баз садится туда и откидывается назад, оценивая меня, волосы у меня на затылке встают дыбом. Приходит осознание.

— Нет, — я качаю головой. — Я не буду спать с твоими друзьями. Если ты так думаешь.

У меня сжимается грудь. Он сказал, что никогда так со мной не поступит. Боже, как все поменялось.

Баз усмехается. Звук похож на гравий. Глубокий и хриплый.

— Никто к тебе не прикоснется, Маккензи.

Я хмурюсь.

— Ох. — я пытаюсь сдержать свой гнев и скрыть боль в голосе, но она все равно сквозит. — Тогда зачем ты сюда пришел?

Он сидит и наблюдает за мной, вероятно, прикидывая, как я отреагирую на эту новость.

Через мгновение он пожимает плечами, будто ему на все наплевать.

— В основном, чтобы посмотреть.

Я качаю головой и усмехаюсь.

— Думаешь, я поверю, что ты приходишь сюда и никого не трахаешь? У тебя в распоряжении эта комната и ты просто смотришь? — мои губы сжимаются в мрачную линию. — Ты лжешь.

— Вопреки тому, во что ты веришь, есть только одна девушка, которую я хочу трахнуть. И она единственная, кто стоит в этой комнате.

Сильная дрожь пробегает по моему телу, у меня перехватывает дыхание. Желудок проваливается, а на лбу выступает пот.

Я прочищаю горло, оглядывая комнату, не уверенная, что пока могу смотреть ему в глаза.

— Тогда зачем ты привел меня сюда? Ты мог бы сделать это в пентхаусе.

Он пожимает плечами.

— Убить зайцев одним выстрелом. У меня была встреча с Пьером. Он пригласил нас. Я подумал, что тебе это может быть интересно.

Я смеюсь, но без юмора.

— Ты действительно думал, что мне это понравится? Ты меня хоть знаешь? Мне не нравится смотреть, как другие трахают друг друга.

Баз хихикает, больше про себя, качая головой.

— Ох, но, грязная девочка, я думаю, что тебе нравится это. Думаю, тебе нравится смотреть. Я чувствовал твой запах в той комнате. Твое возбуждение от того, что ты просто смотришь, как они занимаются сексом. Твое тело наклонилось ко мне, когда он взял ее сосок в рот. Когда он провёл своим членом по ней, твое дыхание изменилось. Как и сейчас, твои глаза расширены. Потому что ты моя грязная девочка, Мак, и тебе это нравится.

От стыда мои щеки розовеют, и я смотрю в пол. Я закрываю глаза, судорожно втягивая воздух, от которого у меня сжимается грудь.

— Прекрасно. И? Это человеческая природа. Дерьмо, подай на меня в суд.

Баз ухмыляется, зная, что он держит меня именно там, где хочет. Это не то, в чем я бы никогда не призналась вслух, не говоря уже о ком-то еще, и он знает. Именно такой эффект производит Баз.

— Мне нужно, чтобы ты была честна со мной сейчас, Маккензи, или навсегда замолчи. Ты хочешь уйти? Это твой шанс.

Я должна сказать «да». Я знаю, что должна. Но вместо этого я сглатываю и встряхиваю головой. Такое чувство, что я только что приговорила себя к смерти.

Баз одаривает меня захватывающей дух улыбкой. Это проходит до самой сердцевины. Мне не хватало этой улыбки.

— Как далеко ты готова зайти, чтобы вернуть себе свободу, Маккензи?

Медленно краска отходит от моего лица.

— Ты сказал, что я здесь не для этого, — говорю я сквозь зубы. — Если ты собираешься трахнуть меня, трахнуть меня с этими отвратительными богатыми мудаками, тебя ждёт еще одна вещь.

Его челюсти сжимаются.

— Ты так думаешь? Думаешь, я позволю другому мужчине трахнуть тебя, пока я стою и смотрю?

— Я уже больше ничего не знаю.

Его глаза сужаются, и он встает со стула, направляясь ко мне.

— Ты моя, Маккензи. Хочешь ты этого или нет. Это означает, что я говорю, когда и как я тебя трахну. Это означает, что киска принадлежит мне. Поняла? А теперь скажи мне, ты все еще хочешь уйти? Последний шанс.

Он стискивает последнюю часть, будто едва сдерживается.

— Нет, — шепчу я, решая свою судьбу.

В этот момент раздается стук в дверь. Он даже не говорит «войдите», но дверь все равно открывается, и входит красивая рыжеватая блондинка. Она стройная с великолепными изгибами и костной структурой, за которую я бы убила. Она потрясающе красива, и от одного ее вида мое сердце сжимается в груди. Я представляю, как они с Себастьяном проводили время вместе в этой постели. Я ненавижу это. Я ненавижу ее. И это заставляет меня ненавидеть его немного больше, чем я уже ненавижу.

Внезапно меня охватывает чувство ничтожности. Я строю прочную стену вокруг своего сердца, защищая себя от дальнейшей боли.

Девушка входит, останавливается, ее взгляд скользит вверх и вниз по моему телу, а затем останавливается на Базе. Мои руки сжимаются в кулаки, и я поворачиваюсь к нему с прищуренными глазами.

— Ты хочешь заняться сексом втроем? Ты, блядь, шутишь?

Базу хватает наглости рассмеяться, но он качает головой.

— Я думал, тебе все равно, с кем я трахаюсь? — он насмехается.

Мои губы сжимаются в мрачную линию.

— Мне все равно.

— Ох, неужели? — он бросает вызов.

Когда он дергает головой и стройная девушка неторопливо направляется к нему, я прикусываю язык. Мне хочется кричать и бушевать, но я остаюсь в опасном состоянии молчания, сохраняя неподвижность тела, выглядя недовольной.

— Мне плевать, — шиплю я, пытаюсь притвориться, что меня это не беспокоит.

Словно наблюдение за тем, как эта дама проводит руками по моему мужчине, меня не беспокоит. Она начинает с его предплечий, скользя руками вверх и обнимая его сильные плечи. Мои легкие ограничивают воздух, когда она прижимается к нему, поглаживая его тело. Я наблюдаю, как внутри меня зреет ад, и притворяюсь, что меня это не беспокоит.

Но я не могу.

— Стоп.

Мой голос звучит резко, заставляя их обоих посмотреть в мою сторону. Глаза База победно загораются. Он получил то, что хотел. Выколотил мое признание в том, что я все еще забочусь о нем. Что я все еще хочу его.

Он стряхивает с себя девушку и медленно приближается ко мне. И поскольку я жажду наказания, я бросаю взгляд на его брюки, ожидая увидеть эрекцию после того, как она терлась о него своим прекрасным телом, но, к моему большому удивлению, там ничего нет.

Он останавливается в нескольких сантиметрах передо мной, встречаясь со мной взглядом.

— В любом случае? — шепчет он, и в его тоне слышится мрачная нотка.

Я встречаюсь с ним взглядом. Яркий цвет его глаз шок для моего организма. Они очень соблазнительны, но в то же время полны опасности. Я бросаю на него свой собственный

вызывающий взгляд.

— Любой ценой.

Он расправляет плечи, выпрямляется, все еще глядя на меня сверху вниз. Плавные движения прекращаются, и он замолкает, глубоко задумавшись. Баз оглядывается на великолепную рыжеволосую, хотя они не обмениваются ни словом. Она кивает головой и улыбается, понимая их молчаливый разговор. Медленно она начинает раздеваться, ее красивое, чувственное тело выставлено на всеобщее обозрение, когда она проводит руками по телу, по груди, играя с собой.

Мое сердце сжимается. Взгляд возвращается к Базу.

— Я сказала, стоп.

— Это не для меня. Это для тебя.

Я замолкаю, замешательство искажает ход мыслей. *Он не может иметь в виду...?*

Мои глаза расширяются. Словно почувствовав мою внезапную панику, Баз скользит рукой по моей шее, притягивая мое тело к своему.

— Ты учащенно дышишь, грязная девочка. Насколько ты возбуждена? От мысли, что Шери прикоснется к тебе?

Он прижимается теплыми губами к моей шее, и я беспомощно стону. Моя кожа горячая и липкая. Пот липнет к телу, и желание тянется глубоко в моем животе, ускоряя дыхание. Ногти впиваются в плоть его рук, и он рычит.

— Я... Я не...

Я качаю головой, пытаюсь солгать ему, но он прав. Она великолепна, и есть маленькая часть меня, намек, который любопытен.

— Ты можешь уйти, если тебе некомфортно.

Он говорит это тихо, так что я единственная, кто может услышать.

Это мой выход. Мой единственный шанс.

Я сглатываю и киваю в основном самой себе. Дрожащими руками я нащупываю молнию на платье и медленно расстегиваю ее. Выskalываю из облегающего материала, и когда он падает у ног, оставляя меня голой в нижнем белье, которое купил мне Баз, мое сердце подпрыгивает на несколько ударов. Грудь колотится от адреналина, когда я ложусь на кровать, взгляд устремляется на База, когда он откидывается на спинку стула, наблюдая за мной. Он даже не смотрит на ее обнаженное тело. Он смотрит на меня. Как будто я единственная девушка в комнате. Это согревает мою грудь и делает меня неоправданно счастливой.

У меня глупая потребность прикрыть шрам на животе, и, словно он может почувствовать, куда направляются мои мысли, Баз смотрит вниз, изучая меня. У меня перехватывает дыхание, эмоции застревают в горле, пока я ожидаю отвращения. Это не красивый шрам. Кожа розовая и сморщенная, шрам охватывает приличную часть живота. Легкие ограничивают воздух в попытке сдержать внезапную волну слез, которые, как я чувствую, приближаются.

Взглянув на База сквозь завесу волос, я ожидаю увидеть его сидящим там, на стуле, который больше похож на трон, с выражением отвращения на лице, но вместо этого все совсем наоборот. Его лицо ничего не выдает, кроме глаз... они полны огня. Пламени, которое лижет мою плоть, сдирает кожу и обжигает ее.

Это не взгляд человека, испытывающего отвращение. Нет, это взгляд злости и возбуждения одновременно.

— Нервничаешь?

Я вздрагиваю от близости ее голоса, когда она ползет рядом ко мне на кровать. Ее голос мягкий, но совершенно соблазнительный. Когда наши взгляды встречаются, ее глаза наполняются пониманием, и она словно знает, что дело не в ней. Это касается нас с Базом. Я вздергиваю подбородок вверх и вниз в отрывистом кивке и сглатываю. Я позволяю своим рукам безвольно упасть по бокам, хотя отчаянно хочу прикрыться.

Шери протягивает руку, берет прядь моих волос и накручивает ее на палец.

— Ты великолепна.

Я бросаю быстрый взгляд на База и уже собираюсь ответить, когда ее губы опускаются на мои, и она целует меня. Ее мягкая, нежная рука ложится мне на плечо, и она притягивает меня ближе к себе, совсем немного. В процессе этого ее грудь задевает мою, и я задыхаюсь в ее рот. Она сладкая, мягкая и на вкус как клубника. Ее язык высовывается, играя со мной, сначала осторожно поглаживая мой.

Мое сердце сжимается, и я обнаруживаю, что выгибаюсь в ее прикосновении, мой собственный язык ищет ее. Она отстраняется, проводя губами и языком по моей шее, и мне не хватает воздуха, мой желудок переворачивается от возбуждения. Сквозь затуманенные, полные похоти глаза я смотрю на База и ожидаю увидеть, что он возбужден происходящим на кровати, но вместо этого он выглядит сердитым. Туман рассеивается, и я моргаю, сосредоточившись на нем. Его челюсть скрежещет назад и вперед, пока он наблюдает, как Шери проводит губами по моей шее. Мой рот раскрывается от удивления, когда она опускает кружевную чашечку лифчика, обнажая грудь, ее язык касается моего соска. Электрические разряды удовольствия выстреливают прямо в мой центр, и я сжимаю простыни по бокам для поддержки.

Словно почувствовав мой взгляд, Баз смотрит мне в глаза, его собственный взгляд горит яростью, и под всем этим я вижу похоть. Пламя поднимается на несколько ступеней. По какой-то причине это его злит, но он мужчина, и две девушки, целующиеся друг с другом, все еще заводят его.

— Раздвинь ноги, Маккензи, — рычит он сквозь зубы.

Его голос резок, как лезвие бритвы, но в то же время хриплый.

У меня перехватывает дыхание, когда приходит понимание. Шери касается зубами моего соска, прежде чем уложить меня на спину. Медленно я раздвигаю ноги, обнажая себя перед ними обоими. Словно не в силах сдержаться, Баз наклоняется вперед, пристально глядя на меня, и хрипло выговаривает Шери свое требование.

— Покажи ей, как хорошо можно провести время, Шери.

Она соблазнительно улыбается мне и скользит между моих ног. Ее мягкие, нежные руки играют с кожей. Она так хорошо пахнет, и ее кожа, она... другая. Она нереальная. То, как она может посылать дрожь по моему телу одним прикосновением; это похоже на то, что она знает точные места, к которым нужно прикасаться, лизать и ласкать, чтобы свести с ума. Мои глаза закрываются, а сердце бешено колотится. Сердце пульсирует, и я подпрыгиваю, чувствуя, как ее руки играют с моими сосками.

Ее рот смыкается, прокладывая путь вниз по моему животу, и я издаю сдавленный вздох, глядя в потолок, когда она проводит языком вверх и вниз по моему центру. Она деликатно раздвигает мои половые губы и прижимается к ним в поцелуе. Шери попеременно то порхает языком по моему клитору, то нежно посасывает его, будто это ее любимое занятие. Сами по себе мои бедра изгибаются маленькими одобрительными

кругами от того, как хорошо это ощущается. Моя кожа в огне, центр мокрый, а киска болезненно сжимается, умирая от желания почувствовать что-то большее внутри.

Язык Шери обводит клитор, затем погружается в меня, и я дико приподнимаюсь с кровати от этого ощущения. Она целует мою киску медленно и глубоко так же, как целовала мои губы. Моя сердцевина пульсирует, и я чувствую, как надвигается оргазм, угрожая затянуть меня с каждым трепетом и прикосновением ее языка к моему пучку нервов.

Взгляд на База говорит мне, что ему нравится увиденное. Это написано на его лице, в пламени, которое горит в его глазах, когда он наблюдает, как Шери поедает меня. Он сидит на стуле, как на троне, сжимая ручки, как тиски. Его взгляд скользит по моей коже, будто он запечатлевает этот момент в памяти.

Оторвав взгляд от База, я совершаю серьезную ошибку, опускаю глаза и встречаюсь взглядом с Шери, когда она обводит языком мой слишком чувствительный клитор. Стон удовольствия вырывается из моей груди, и когда я снова смотрю на База, боль, такая мучительно восхитительная, что пронзает мою киску, и я стону. Он наблюдает с пристальным вниманием, его глаза мечутся от Шери, которая стоит на коленях между моих ног, ее обнаженное тело на полном обозрении, до моих глаз, словно он не уверен, куда хочет смотреть.

Когда она входит в меня двумя пальцами, я беспомощно стону. Извиваюсь, кричу, на грани того, чтобы кончить ей на язык, и сквозь мой затуманенный взгляд я вижу, как База теряет себя. Он не трогает и не гладит себя, но балансирует на краю, сжав кулаки. Мгновение проходит, между нами, его взгляд сверлит дыры во мне, а затем Шери, когда она облизывает мой клитор и вводит в меня свои пальцы, прямо перед тем, как мой оргазм обрушивается на меня. Черные пятна пляшут перед взором, и волна ощущений взрывается, заставляя тело извиваться и дергаться на кровати, будто я внезапно стала акробаткой.

База издает дикое рычание, и когда мой оргазм стихает, я открываю глаза как раз вовремя, чтобы заметить, как он вскакивает на ноги. Он приказывает Шери убираться к черту, а сам идет к кровати, на ходу раздеваясь. Она бросает на него уничтожающий взгляд, наслаждаясь собой гораздо больше, чем он ожидал.

Как только дверь за ней захлопывается, оставляя нас вдвоем, мускулистое тело База выставляется на всеобщее обозрение, и моя киска сжимается от всех мускулов и загорелой плоти. Клянусь, он стал больше, мускулистее с тех пор, как мы расстались.

Он ползет по мне, прижимая мое тело к своему и подталкивая меня своей толстой эрекцией. Я хватаюсь за него, моя грудь вздымается, удовлетворяя ненасытную потребность внутри. Я нуждаюсь в освобождении, и хочу его от База. Только от него.

— Поцелуй меня. Просто, блядь, поцелуй меня, пожалуйста, — умоляю я, возвращаясь к своему слову, как он и обещал.

Он не разочаровывает. Наши рты сталкиваются в своего рода дуэли.

— Ты моя, — рычит он, яростно захватывая мои губы, отмечая меня как свою.

Я влюбляюсь в него, потому что это... это то, что мне нужно. Вот чего мне не хватало. Его, его прикосновений. Все, чем является Себастьян Пирс.

Я раздвигаю для него ноги, и он устраивается между ними, положив руки по обе стороны от моей головы, заключая в клетку. Он смотрит на меня сверху вниз в течение нескольких секунд, прежде чем его член оказывается во мне. Без презерватива, без предупреждения, просто в чистом блаженстве. Мои ногти впиваются в его спину, когда он безжалостно входит в меня, моя влага покрывает его член, стенки сжимаются вокруг него от

удовольствия, умоляя остаться.

Мы оба издаем стоны, когда его тело дает мне, а я беру. Когда он толкается в меня — выходит, а затем снова входит — я закрываю глаза, хватаясь за его плечи для поддержки, впитывая то, что он заставляет меня испытать. Сердце сжимается вокруг него, тело на грани очередного оргазма. Когда его большой палец начинает описывать круги по клитору, я разваливаюсь под ним. Оргазм врывается в меня, взрываясь, как фейерверк. Искры, зажженные внутри, зажигают мое тело в огне.

Но на этом он не останавливается. Баз сжимает мои бедра, поднимая мою нижнюю часть тела в своих руках, встречая толчки, и этот новый угол проникновения заставляет меня задыхаться от удовольствия. Ощущений так много, что я не в состоянии дышать. Наши взгляды встречаются, и в этот момент, между нами, что-то происходит. Как будто время непостоянно, и ничего в прошлом никогда не происходило. Это только мы. Он внутри меня, наполняет меня. Ни прошлого, ни секретов, только мы.

— Вот так, грязная девочка. Возьми мой член, — хвалит он, прижимая мои бедра своему члену.

Он зарывается кулаком в мои волосы и тянет, выгибая мое тело к нему. С каждым толчком он врезается все глубже, поражая то место внутри меня, которое заставляет меня разваливаться на кусочки вокруг него.

Его большой палец снова находит опору на моем клиторе, и он поглаживает в такт своим толчкам.

— Кончи для меня, детка, — скрипит он, и все, что требуется, это еще несколько толчков внутри, затем мои стенки сжимаются вокруг него, и я снова кончаю.

Его хватка на моем бедре крепчает, и я знаю, что он близок.

— Баз, — стону я, когда мое тело содрогается вокруг него.

Он кончает. Баз кончает в меня, его хватка усиливается, черт возьми, почти раздавливая меня.

Его движения замедляются, и мы оба смотрим на беспорядок между моих ног, когда он выходит. Наши взгляды встречаются, и я жду, что он оставит меня. Чтобы снова превратиться в того холодного мудака, с которым я имела дело последние несколько дней, но он этого не делает. Он ложится на кровать рядом со мной, пытаюсь отдышаться.

Когда наше дыхание замедляется, я переворачиваюсь на бок, лицом к нему. Он не двигается, но вытягивает шею в мою сторону, наблюдая за мной так же пристально, как я за ним. Мне так много хочется ему сказать, но я не знаю, как это сделать. Кажется, я не могу найти свой голос после произошедшего. Моя грудь сжимается, когда я провожу глазами по его чертам, вбирая в себя все части его, которые я пропустила. Его прекрасные глаза это то, о чем я мечтала больше всего. Они легче, чем я когда-либо видела.

Это вертится у меня на кончике языка. Три слова, которые я не имею права произносить. Но я их чувствую. Я чувствовала их в течение долгого времени, и лгала себе. Пыталась убедить себя, что мне наплевать на этого человека. Однако я не озвучиваю ни одной из этих мыслей. Я слишком боюсь отказа. Вместо этого прочищаю горло, протягиваю руку и провожу ею по его мягким волосам.

— Что все это значит?

Он неопределенно пожимает плечами, все еще не сводя с меня глаз. Словно он думает, что я исчезну, если он хотя бы моргнет.

Я облизываю губы, внезапно ощущая себя неудобно, просто думая о том, что я позволила

случиться. Я позволила девушке поцеловать меня. Позволила ей трахнуть меня своим ртом, и, Боже мой, это было приятно. Я бы предпочла, чтобы губы База были на мне, но это не меняет того факта, что я не испытывала отвращения от ее прикосновения, и это пугает меня.

— Неужели секс втроем действительно так важен для мужчин? — спрашиваю я, думая о той ночи в его пентхаусе, когда застала его с двумя девушками.

Баз усмехается, будто я должна знать лучше.

— Дело не в том, что я хотел другую в своей постели, Маккензи. Это о том, чтобы посмотреть, смогу ли я справиться с чьими-то руками на тебя. Девушка это или нет.

У меня перехватывает дыхание, что-то похожее на надежду наполняет мою грудь.

— И каков вердикт?

— Я не могу, — говорит он, становясь серьезным. — Я не стану делить тебя с кем-то и уж точно не откажусь от тебя. Мысль о том, что кто-то прикасается к тебе, мужчина или девушка, сводит меня с ума. Это делает меня убийцей.

Мое сердце бешено колотится от его признания, и, Боже, помогите мне, я, должно быть, сошла с ума, потому что его слова делают меня счастливой. Они заполняют пустоту, которая прожигает дыру в груди. Они наполняют мой желудок бабочками, потому что это означает, что он все еще хочет меня, возможно, так же сильно, как я хочу его.

Зажав нижнюю губу зубами, я провожу рукой по его груди вниз, пока не сжимаю его член. Его ствол все еще покрыт моими соками, и когда я глажу его от основания до конца, он снова начинает твердеть, почти сразу же. Рычание грохочет в его груди, и я переворачиваюсь, забираясь на него сверху. Наши взгляды встречаются, когда я прижимаю кончик его члена к своему входу, а затем скольжу вниз. Он кладет руки мне на бедра, но больше ничего не делает. Он позволяет мне владеть этим раундом.

Положив руки ему на грудь, я объезжаю его до глубокой ночи, наверстывая упущенное. Я держу эти три слова запертыми внутри себя, все еще слишком боясь последствий, если произнесу их вслух.

Глава 23

Баз

Я не отрываю взгляда от Маккензи, пока она спит в моей постели. Она выглядит умиротворенной. Она всегда умиротворенная, когда спит, но, когда бодрствует, это похоже на наблюдение за бурей. Это в ее глазах, хаос, который она, без сомнения, ощущает изнутри. Я хочу забрать его, но не могу. В любом случае, она бы мне не позволила.

Прошлой ночью впервые за очень долгое время, между нами, все было так, как раньше, но я не уверен, понравилось мне это или нет. Это не было частью плана. План состоял в том, чтобы обезопасить ее. Я мог бы справиться с ее ненавистью ко мне, но не смог бы, если бы она не была жива, чтобы сделать это.

Я уверен, что Зак и Винсент работают сообща, и я им не доверяю. Теперь все подозреваемые. И хотя я хочу этого, я не доверяю Маккензи. Теперь легко увидеть ее ложь

насквозь. Не знаю, как не замечал этого раньше. Я знаю, что она не собирается оставлять карты там, где они лежат. Она все еще злится, все еще обижена, что в сочетании с катастрофой, когда она обеспокоена.

Я наблюдал за ней ранее, когда она покинула курорт и села в случайную машину. Я не видел, кто был за рулем, но мог сделать обоснованное предположение. Она все еще заручается его помощью, ищет способы навредить мне и остальным парням. Не могу сказать, что мы этого не заслуживаем.

Я понимаю, она считает меня эгоистичным ублюдком за то, что я привел ее сюда, за ее свободу, но она мало что знает, я ей для этого не нужен. Как только ее родители передали опеку мне, она стала свободной. Я просто хочу убедиться, что больше ни у кого не появится возможности воспользоваться ею. Вроде того, что я делаю сейчас. Я лицемер, но человек, стремящийся получить желаемое. И я хочу Маккензи.

Прошлая ночь доказала мне это громко и ясно. Пьер некоторое время был моим деловым партнером. Вернувшись во Францию, он хотел, чтобы ему помогли начать бизнес, и он обратился ко мне. С тех пор мы стали хорошими друзьями. Он открыл Святилище здесь, в Штатах, безопасное место для богатых и элиты, чтобы наслаждаться жизнью. Каждые несколько месяцев он устраивает такие вечера, как вчерашний. Я делаю все возможное, чтобы присутствовать на большинстве из них, дабы не проявлять неуважения к нему или нашим деловым отношениям.

Думаю, что часть меня хотела напугать Маккензи событиями прошлой ночи. Я хотел, чтобы она убежала в горы, тем самым облегчила бы мое решение. Я знал, что снова связываться с ней было ошибкой, но не мог остановиться. Она как дыхание — жизненная сила. Я не могу не быть рядом с ней.

Я был приятно удивлен, что она возбудилась, наблюдая за шоу. У меня был для нее совершенно другой план. Я хотел проверить ее пределы, но в основном хотел проверить свои.

Могу ли я сидеть сложа руки и смотреть, как кто-то прикасается к ней? Доставляет ей удовольствие? Если бы я смог, я бы знал, что смогу выжить без нее. А если нет? Это доказывало то, что я уже знал. Я еще не закончил с ней и, скорее всего, никогда не закончу. Она каким-то образом вплелась в меня, переплела свое бытие с моим.

Я думал, что присутствие Шери в качестве дополнения облегчит мне задачу. Это были две девушки, прикасающиеся друг к другу — мечты большинства мужчин, воплощающиеся в жизнь. Только каждый раз, когда Шери прикасалась к Маккензи и целовала ее, мне приходилось физически сдерживаться. Это тело моей девушки, к которому она прикасалась. Я хотел стать тем, кто заставит ее так стонать и доведет до оргазма. Тогда я понял, что если я даже не смогу вынести присутствия Шери рядом с ней, доведя ее до оргазма, то не смогу справиться ни с кем другим.

Все было улажено прошлой ночью. Она моя. Даже если она этого не хочет. Она может бороться со мной зубами и гребаными ногтями, но она всегда будет моей, и в глубине души она это знает.

Мой телефон вибрирует в кармане, и, бросив последний взгляд на Маккензи, я извиняюсь и иду в свой кабинет. Откидываюсь на спинку кресла и нажимаю на кнопку, поднося к уху.

— В чем дело?

— Дело сделано, — говорит Дэн, переходя прямо к делу. — Все перевезено. Дом

полностью обустроен. Вы уверены в этом?

Нет, не уверен, но у меня нет другого выбора. Я пытаюсь исправить свои прошлые ошибки, и это лучший способ, которым я могу воспользоваться.

— Уверен, — вру я.

— Команда будет на месте в пятницу утром, чтобы подготовить ее к гала-концерту. — я киваю, уже зная это. — Мистер Ковингтон тоже вернулся в свой дом. У меня есть человек, который следит за ним, но что касается Винсента... У меня все еще нет зацепок.

Я сдуваюсь. Где он, черт возьми?

— Мне нужна еще одна услуга. На последнем гала-концерте, на котором я присутствовал вместе с Маккензи, можешь найти приемное агентство, которое представляла эта организация, и узнай имена детей, которые там присутствовали.

Дэн слишком долго молчит, что говорит мне о том, что он хочет сказать больше на эту тему, но в конце концов решает не делать этого. Следующие несколько минут мы вкратце обсуждаем мое расписание на ближайшие несколько дней и вводим в курс дела внезапные изменения в планах.

После звонка я задерживаюсь в своем кабинете, размышляя. Средства массовой информации все еще жаждут крови Маккензи. С тех пор как были напечатаны наши совместные фотографии и статьи, большая часть корма утихла, но мне этого недостаточно. Этого будет недостаточно, пока Маккензи не окажется в безопасности от резких слов.

У меня есть идея, как я могу это исправить, но знаю, что она никогда не пойдет на это. Уверен, что еще один секрет никому не повредит.

Мои руки скользят по воде, пока у меня не болят спина и плечи, но я пробиваюсь и продолжая плыть. Я продолжаю плыть, даже когда чувствую на себе чей-то взгляд. Я знаю, кто это, даже не останавливаясь и не глядя. Чувствую это по изменению в воздухе. Закончив, я вытираю воду с глаз и убираю волосы с лица.

Маккензи стоит там, ее взгляд пожирает меня в воде. В ее глазах жар, но нельзя не заметить неуверенное выражение на лице. Она не знает, где мы после вчерашнего, и я ее не виню.

С тех пор как я вернулся в ее жизнь, вокруг нее была возведена та же самая стена защиты. Даже после всего произошедшего прошлой ночью, я не вижу, чтобы она в ближайшее время снесла ее. Маккензи парит у бассейна, наблюдая за мной, ее окружает тревожный воздух. Она зажимает пухлую нижнюю губу, с тревогой жуя ее, пока придумывает, как сказать то, что ее беспокоит.

Я приподнимаю бровь, подзадоривая ее.

— Так и будешь стоять и пялиться?

Ее тело сотрясается. Она хорошо разыгрывает это с нахальным закатыванием глаз, опускаясь на край бассейна. Она закатывает штаны до щиколоток и опускает ноги в воду. Я дал ей время собраться с мыслями.

Она смотрит на меня сквозь ресницы, легкая хмурость портит ее черты.

— Насчет прошлой ночи... — ее щеки пылают, и я ничего не могу с собой поделать. Я ухмыляюсь, что, вероятно, неправильно. Очистив лицо от эмоций, она выпрямляет спину. —

Ты сказал, что то, что я сделаю, предоставит мне свободу. Я хочу вернуть ее немедленно. Меня не волнуют средства массовой информации. Я могу с этим справиться. С меня хватит. Я готова уйти.

Я опускаю руки в воду. Она сбегает, как я и предполагал. Потому что прошлая ночь все для нее изменила. Это заставило ее вспомнить, на что это было похоже. В течение одной блаженной ночи она не думала о мести или обо всех людях, причинившие ей зло. Нет, прошлой ночью она просто думала о себе и удовольствии. И теперь, когда мы здесь, при свете дня, она напугана. Боится вернуться к тому, что происходит, между нами.

Ага, я не позволю этому случиться. Не позволю ей оттолкнуть меня. Уже нет. Мне надоело держаться на расстоянии от Маккензи.

Я плыву к ней, мой взгляд впитывается в каждый восхитительный сантиметр ее тела. Я кладу руки ей на колени, и она задыхается, когда вода впитывается в материал. Она сглатывает, когда мы смотрим друг на друга. Я вижу все, что она не говорит. Она слишком горда, чтобы умолять меня отпустить ее, отпустить, потому что она знает, так же хорошо, как и я, что еще немного времени вместе разрушит то, что осталось от наших стен, и мы по-настоящему облажаемся.

— Мы еще не закончили, грязная девочка. Даже близко нет.

Черты ее лица напрягаются.

— Отдай ее мне, сукин ты сын. Я сделала то, что ты хотел, чтобы я сделала прошлой ночью. Эта маленькая игра подошла к концу.

— Ты собираешься вести себя так, словно ты не получила такого удовольствия, как я?

— Нет, — бросает она вызов. — Я позволила тебе трахнуть меня. Позволяла тебе смотреть, как другая девушка трахает меня своим ртом. Это ничего не значит, Себастьян.

Я усмехаюсь. Вижу, мы вернулись к Себастьяну. Она использует это имя, когда хочет увеличить дистанцию, между нами.

— Видишь ли, дело в том, Маккензи, — размышляю я, крепче сжимая ее колени, и она задыхается. Я наклоняюсь к ней, капли воды все еще стекают по моей коже, и теперь на нее. Она впитывает все это, ее взгляд следует за каплями. Я наклоняюсь, заставляя ее снова взглянуть на меня. — Я тебя знаю. Знаю, когда ты лжешь, и прямо сейчас ты врешь мне. Наверное, некоторые вещи никогда не меняются, не так ли?

Я использую ее ноги как импульс, чтобы оттолкнуться от нее, и вылезаю из воды. Слышу, как она прерывисто вздыхает, когда я покидаю ее. Я не испытываю никаких угрызений совести по поводу купания в обнаженном виде. Я чувствую ее взгляд на каждом сантиметре своей кожи, оставляя ее на произвол судьбы.

Маккензи большую часть дня отсиживается в комнате для гостей, вероятно, держась от меня подальше. После того, как Дэн доставляет нам ужин, я стучу в ее дверь, почти ожидая, что она проигнорирует меня и умрет с голоду, но она этого не делает.

Она слегка распахивает дверь, ее лицо искажается от раздражения.

— Чего ты хочешь?

— Встретимся на кухне за ужином.

Она смеется.

— Нет. Я прекрасно поужинаю в своей комнате.

Я стискиваю зубы.

— Это не просьба. Встретимся на кухне, или я сам тебя туда притащу.

Карие глаза скептически прищуриваются.

— Ты не посмеешь.

— Попробуй, детка.

Расставив еду, я даю ей добрых десять минут, прежде чем решаю притащить ее сюда. Словно зная, что она испытывает мое терпение, она идет по коридору с хмурым выражением лица, бормоча себе под нос. Я победно ухмыляюсь.

Она делает это слишком легко.

— Есть причина, по которой ты заставляешь нас ужинать вместе?

Я сажусь напротив нее с самодовольной улыбкой на лице.

— На самом деле, есть.

Когда я больше ничего не говорю, она приподнимает бровь.

— Ты собираешься вдаваться в подробности?

— Завтра утром мы вылетаем в Нью-Йорк. В пятницу гала-концерт ЮНИСЕФ. Кроме того, у меня есть кое-какие дела, которые я должен уладить, пока буду там.

— Завтра утром? — она повторяет, широко раскрыв глаза. — У меня даже не было времени собрать вещи или сообщить...

Она обрывает фразу на полуслове, понимая, что чуть не проговорила. Мои глаза сужаются в тонкие щелочки.

— Кому сообщить? — я приподнимаю бровь, вызывая ее закончить эту фразу.

— Забудь, — фыркает она. — Хотя было бы неплохо предупредить, когда мы улетаем.

Ты не можешь просто щелкнуть пальцами и ожидать, что я подпрыгну.

— Ты ведь поэтому здесь, не так ли? И разве не этим я сейчас и занимаюсь, предупреждая тебя?

Она роняет вилку, и та оглушительно стучит по тарелке.

— Ты активно пытаешься разозлить меня, потому что это я и испытываю.

Я смеюсь.

— Может быть.

— Зачем?

Я наклоняюсь вперед, наслаждаясь тем, как вспыхивают ее глаза, когда я это делаю.

— За тем, что, наблюдая, как ты злишься, мой член становится твердым, как камень.

Воздух вокруг нас заряжается мощным напряжением и электрическими искрами. Она сглатывает. Ее розовый язычок высовывается, соблазнительно облизывая нижнюю губу.

Держу пари, она даже не осознает, что делает это.

— Поверь мне, то, что я чувствую к тебе сейчас, — хрипло шепчет она, наклоняясь вперед, встречаясь со мной взглядом, — Ты бы не хотел, чтобы я оказалась рядом с твоим членом.

Мои брови взлетают вверх, удивление от ее нахальства посылает дрожь по спине. Она игнорирует меня на протяжении всего ужина, делая все возможное, чтобы избежать моего взгляда. Как только она начинает играть с оставшейся едой на тарелке, толкая ее кончиком вилки, я знаю, что у нее что-то на уме, и она не уверена, как об этом сказать.

— Есть ли причина, по которой ты повёл меня на место Мии?

Я кладу вилку.

— Я сделал заявление, что ты моя девушка. Зачем мне идти с другой девушкой, которая не является тобой?

— Тебе было бы легче, разве нет? Я видела, что пишет пресса всякий раз, когда мы выходим вместе. Тебе это не надоело?

— Мне все равно, что обо мне говорят. В прошлый раз я взял Мию в качестве своей пары только потому, что уже отправил приглашение на несколько месяцев вперед.

Ее глаза перескакивают на мои.

— Знаешь, ты ей нравишься.

Откинувшись назад, я скрещиваю руки на груди. Ее взгляд устремляется вниз, к движению, захватывая мои руки, прежде чем она заставляет себя снова поднять взгляд.

— Я знаю.

Ее лицо вытягивается при признании. Она действительно думала, что я настолько слепой? Что я не заметил, как у Мии появились ко мне чувства?

Как будто она закончила этот разговор, Маккензи отталкивается от стола и направляется в свою комнату. Мои следующие слова останавливают ее.

— Вот почему я ее уволил.

Она медленно поворачивается, чтобы посмотреть на меня, удивление написано на ее лице.

— Ты ее уволил?

Я киваю, оставляя все как есть. В конце концов, держать Мию было бы ошибкой. Несмотря на то, что я с самого начала ясно дал понять о наших профессиональных отношениях, было очевидно, что она надеялась, что это может измениться. Этого не произойдет. Есть только одна девушка, которую я хочу, и она сводит меня с ума половину времени.

— Я уже позвонил твоей подруге Кэтрин по поводу нашего предстоящего визита в Нью-Йорк, — говорю я, меняя тему.

Ее лицо морщится от замешательства.

— Ты звонил Кэт? Зачем?

Я пожимаю плечами.

— Подумал, что, если ты будешь в Нью-Йорке, они с Верой захотят знать.

Она продолжает странно смотреть на меня, поэтому я отодвигаюсь от стола и иду в свою спальню. Я и так уже отдал слишком много. Вот в чем проблема, когда я рядом с Маккензи. Она заставляет меня отдавать гораздо больше, чем я намеревался.

Глава 24

Маккензи

— Ох, дорогая. Думаю это моя лучшая работа, — говорит Рен, нанося последние штрихи на мою кожу.

Глядя на себя в зеркало, я думаю, что он, возможно, прав. Рен превзошел самого себя на последнем торжестве, но сегодня он совершил невозможное. Я чувствую себя моделью или кинозвездой.

Чувствую себя важной персоной.

Чувствую себя собой.

Никаких крашенных волос. Никаких скрытых мотивов. Только я.

Это платье не такое сексуальное, как золотое, которое я надела на последний гала-концерте, но это... я чувствую себя принцессой. Сегодня вечером состоится глобальный гала-концерт ЮНИСЕФ, а это значит, что там будет еще больше прессы и звезд, чем в прошлый раз. Само платье это единственная в своем роде вещь Gaurav Gupta Couture, но у этого немного больше таланта, чем у последнего платья. Само платье цвета мягкой лаванды с оттенками шампанского, которые сверкают в определенных ракурсах, а также бриллиантами и драгоценными камнями, вплетенные в ткань. Это платье-скульптура с открытыми плечами, облегающее фигуру, со шлейфом, который выглядит как элегантные волны в океане позади меня.

— Эта благотворительное мероприятие немного более претенциозное, чем предыдущее, и оно идеально, — уверяет он меня, когда мы смотрим на мое отражение.

Мои светлые кудри струятся по спине. Мастер вставил те же самые драгоценные камни Swarovski, которые встроены в платье, в прядь волос. Он похож на водопад из волн и драгоценных камней, и я не могу полюбить это ещё больше.

— Еще раз спасибо, Рен. Не знаю, как ты продолжаешь это делать, делая меня похожей на принцессу, но спасибо.

— Иди за своим мужчиной, девочка.

Он подмигивает мне, и я смеюсь, притягивая его к себе, чтобы обнять. Когда все это притворство будет сказано и сделано, я буду скучать по нему больше всего.

Я стараюсь не слишком расстраиваться из-за того, что База здесь нет, чтобы встретить меня и посмотреть на мое платье, как в прошлый раз в пентхаусе. Я представляю, как он видит меня и целует, как в тот день. Только когда Дэн провожает меня до ожидающей машины, База нигде нет. Такое чувство, что он оставил еще одну зияющую дыру в моей груди от своего отсутствия.

— А где Баз? — неохотно спрашиваю я Дэна.

Он встречает мой взгляд в зеркале заднего вида.

— Он нас встретит. У него была встреча, которая задержалась, так что он направится прямо туда.

Я киваю, пытаюсь по выражению его лица понять, говорит ли он правду. Какая встреча у База прямо перед этим событием? Я не уверена, но что бы это ни было, это очевидно важно.

Мои ладони становятся влажными от пота, когда мы подъезжаем к Уолл-стрит Чиприани, где проходит мероприятие. Там красная ковровая дорожка, и десятки лимузинов выстроены вдоль улицы. Машина за машиной останавливается у главного входа, чтобы выпустить своих гостей.

Когда приходит моя очередь выходить, я чувствую, что меня сейчас стошнит. Мысль о том, чтобы войти внутрь в одиночку, мне не нравится. Это не какой-то извращенный секс-клуб. Это широко разрекламированное мероприятие с красной ковровой дорожкой. Я не могу идти одна. Пресса сожрет меня заживо. Я начинаю задыхаться, но затем моя дверь внезапно открывается, и я вздыхаю с облегчением. Слезы, которые покачивались на моих ресницах, сверкают, когда я смотрю на База. Его лицо смягчается при виде меня, вероятно, принимая мое паническое выражение. Он наклоняется на уровень моих глаз.

— Эй, тут только мы. Отключись от них. Они будут выкрикивать вопросы, будут говорить всякое, чтобы вызвать у тебя реакцию, но ты будешь держать голову высоко поднятой и игнорировать их. Поняла?

Я киваю, хотя уверена, что у меня не получится. Не представляю, как смогу войти туда и притвориться, что не слышу скорострельных вопросов, которые, без сомнения, будут сыпаться в мою сторону. Баз протягивает мне руку ладонью вверх, чтобы я взяла ее, и помогает мне выйти из машины. Звуки поражают меня первой. Крики, громкий гул голосов, вспышки и щелчки фотографов, когда они пытаются сделать идеальный снимок для продажи. Мое тело сотрясается, когда я выпрямляюсь, поправляя платье.

Я жду, что Баз начнет показывать дорогу, но, когда он этого не делает, я смотрю на него, гадая, что случилось. Я резко останавливаюсь, когда наши взгляды сталкиваются. Его глаза пожирают меня. Тепло разливается по моей груди от блеска благоговения в его глазах. Его губы инстинктивно приоткрываются, и он притягивает меня к себе, сжимая мою ладонь в своей, успокаивая.

Он наклоняет голову к моему уху, и фотографии вокруг нас сходят с ума.

— Ты похожа на ангела, — шепчет он, когда мы идем по красной дорожке.

Жар приливает к моим щекам, и я не могу не улыбнуться. Должно быть, он хотел именно такой реакции, потому что усмехнулся. Это длится недолго, но он улыбается мне и целует в висок, указывая путь. Тогда я понимаю, что это первый раз, когда его увидят улыбающимся на красной ковровой дорожке, и это со мной.

Он прикрывает мое тело своим, и я стараюсь не обращать внимания на вопросы, пока мы пробираемся по бесконечной дорожке. Я стараюсь не вздрагивать от резких обвинений, когда они царапают мою кожу. Я крепко держу его за руку, пока мы останавливаемся, чтобы сфотографироваться на красной ковровой дорожке.

После того, как мы улыбнулись и попозировали для сотен фотографов, мы сошли с дорожки в главный зал. Несмотря на то, что это совсем другое событие, я не могу избавиться от ощущения дежавю, которое у меня возникает. Я оглядываю роскошный бальный зал, кричащий о богатстве. Сердце сжимается, когда я оглядываюсь, опечаленная тем, что больше не увижу Аву. Она была кусочком солнечного света на последнем гала-концерте, который мы с Базом посетили для детей-сирот. Я не забыла о ней. Она всегда в глубине моего сознания, и я всегда задаюсь вопросом, все ли с ней в порядке. Счастлива ли она. Интересно, удочерила ли ее еще какая-нибудь семья и дали ли ей ту жизнь, которую она заслуживает?

— О чем ты думаешь? — спрашивает Баз, его голос скользит по моей коже, как гравий.

Я говорю ему правду, не видя смысла лгать об этом.

— Об Аве.

Я не ожидаю, что он вспомнит, кого я имею в виду, но я счастливо удивлена, когда он ее вспоминает.

— Она была милой. Тот гала-концерт был не таким грандиозным. Вот почему-то мероприятие казалось немного более интимным, чем этот.

— Удивлена, что ты помнишь.

— Я многое помню, Маккензи, — неопределенно говорит он, подводя нас к одному из многочисленных официантов вокруг.

Он несет поднос с бокалами шампанского. Баз протягивает мне один и делает обход, разговаривая с разными группами людей, все это время я работаю над обработкой знакомых лиц. Я не думала, что Баз знает половину людей, с которыми здоровается, но, Боже, он действительно знает большинство, если не всех, важных людей.

Я судорожно выдыхаю, мои глаза округляются от шока, когда вижу, кто находится всего

в нескольких метрах от нас. Я хватаюсь за руку База, сжимая ее, привлекая его внимание. Он смотрит на меня сверху вниз, вопросительно изогнув бровь.

— Это Рианна? — я шепчу-шиплю.

Он следит за моим взглядом и тихо усмехается.

— Она посол ЮНИСЕФ.

Я сжимаю его бицепс для поддержки, внезапно ощущая слабость. Господи, я на мероприятии с Рианной. Господи, помоги мне.

Забавляясь тем, как я поражена, Баз ведет нас к нашему столику. Мы сидим с горсткой других людей, которых я не знаю. Но если бы по тому, как они одеты, можно было судить, я бы сказала, что они важные персоны.

После двух бокалов шампанского я начинаю ощущать его действие. Я даже прижимаюсь к Базу. Не то чтобы он возражал. Он принимает это как должное, придвигает мой стул вплотную к своему и обхватывает рукой спинку моего сиденья, заключая меня в клетку. Он так хорошо пахнет. Как, специи, чистое белье и что-то мужественное, что по своей сути является Базом.

Во время речей я кладу голову на плечо База и закрываю глаза, желая, чтобы все было по-другому. Я почти могу представить, что это реально. Что это не какой-то фасад и что он привел меня в качестве своей пары, потому что чувствует ко мне то же, что и я к нему. Кончики его пальцев кружат по моей шее головокружительными движениями, от которых я почти засыпаю.

Как только участники встают и уходят, беседа после ужина, я решаю воспользоваться туалетом и размять ноги. Я стараюсь не краснеть, когда получаю комплименты по поводу платья от других женщин, которые одеты так же безупречно, если не ещё лучше.

Я немного брожу, допивая четвертый бокал шампанского. Пить так много, вероятно, не самое умное решение, но я хочу быть в оцепенении. Я больше не хочу думать о том, что будет сегодня.

Мои ноги уносят меня все дальше и дальше от большой толпы посетителей. Я хожу по залу, ноги кричат от каблуков. В конце концов я останавливаюсь прямо перед большим залом, где проходит главное мероприятие. Это еще один бальный зал в своем роде, с коврами и мебелью, которая стоит больше, чем все, что у меня когда-либо было в жизни. Я плюхаюсь на одно из кожаных сидений с золотой отделкой. Несколько других гостей слоняются вокруг, но достаточно далеко, чтобы я не могла слышать ничего, кроме низкого шепота их голосов. И это прекрасно — это дает мне шанс потеряться в собственных мыслях.

— Мне было интересно, куда ты убежала, — говорит Баз, останавливаясь передо мной.

Я глубоко вздыхаю и продолжаю прокручивать в голове слова моей сестры и думать о последнем мероприятии, на котором мы присутствовали.

— Просто нужно было подышать, — пожимаю я плечами, оглядываясь вокруг и наслаждаясь роскошью.

Насмешка пузырится в моей груди.

— Что?

— Я думала, что моя жизнь к этому времени изменится, понимаешь? Но вот я здесь, все еще на том же месте, где была много лет назад. Может, не физически, но я все еще там. И я устала, Баз, — шепчу я. — Я так устала. Я хочу отпустить, но не могу. Почему я не могу просто отпустить?

Я, наконец, смотрю на него, и его лицо ничего не выдает, когда он слушает меня. У

меня такое чувство, что он позволяет мне выложить все это здесь, в открытую, поэтому я пользуюсь этой возможностью.

— Я думала, что к этому времени у меня будет карьера, я буду безумно влюблена в хорошего мужчину, и мы создадим семью. Разве не грустно, что это все, чего я когда-либо действительно хотела от жизни? Полюбить кого-то и кого-то, кто хоть раз полюбит меня в ответ?

Правда теперь выливается из меня, как рвота, благодаря всему алкоголю, который я выпила за вечер.

Баз вздыхает и садится рядом со мной.

— В этом нет ничего печального. Ты все еще можешь иметь все это.

Я смеюсь, но смех выходит сдавленным и натянутым.

— Ты же знаешь, что нет. Не лги, чтобы мне стало лучше. Я в полном беспорядке. Последние девять лет я была в полном беспорядке.

— Тогда чего ты хочешь, Маккензи?

Моя нижняя губа дрожит. Я ерзаю на кожаном сиденье, поворачиваясь, чтобы посмотреть на него.

— Быть счастливой.

Его взгляд скользит по моему лицу, пока он обдумывает мой ответ.

— Что сделает тебя счастливым?

— Ава бы сделала меня счастливой.

Я говорю это, не задумываясь. Это не ложь, но я знаю, что у меня нет времени растить ребенка, даже если бы я могла дать ей семью. Кого-то, кто будет любить ее и защищать. Я бы защищала ее ценой своей жизни.

Интересно, имела ли ты это в виду Мэдисон в ночь аварии? Неужели она имела в виду, что я должна отложить весь свой гнев в сторону ради Авы? Или ради какой-нибудь другой маленькой девочки, которая так же потеряна, как и я?

Жесткая грань, которая обычно задерживается в уголках его глаз, больше не существует. Теперь она заменена чем-то совершенно другим. Не знаю, почему я это говорю, но правда продолжает срываться с моих губ.

— А ты.

Он хмурится.

— Что насчет меня?

— Ты спросил, что сделает меня счастливой. — я пожимаю плечами. — И я сказала тебе.

Жар вспыхивает глубоко в глубине его глаз, а затем его рот оказывается на мне, и он целует меня. Я стону ему в рот, его губы дразняще приоткрывают мои. В его прикосновениях есть мягкость, но в заботе настойчивость, будто он не знает, что хочет сделать в первую очередь. Я провожу рукой по его угловатой челюсти, наслаждаясь ощущением щетины, задевающей мою руку.

Мы оба отстраняемся, наши груди вздымаются, похоть льется из наших глаз. Моя кожа внезапно становится лихорадочной, покалывание пронизывает каждый сантиметр моей кожи, просто умоляя его поцеловать меня, прикоснуться ко мне, любить меня.

— Трахни меня. Пожалуйста, — умоляю я у его губ.

Рычание грохочет в его груди. Его глаза прочесывают огненную дорожку по моей коже, пока он изучает мое лицо. Увидев, что он тоже в этом нуждается, он встает на ноги, берет

меня за руку и ведет через здание. Баз коротко со всеми прощается. Издаёт болезненный стон, понимая, что должен отвезти нас в свою роскошную квартиру, потому что дал Дэну выходной на остаток ночи.

Как только мы оказываемся в его Бентли, я начинаю рвать на нем одежду, пытаюсь впустить его в себя. Он погружает пальцы в мои волосы и притягивает мой рот к своему, целуя до бесчувствия. Внезапно отпрянув, с вздымающейся грудью, он встречается со мной взглядом, его глаза перебегают с моих глаз на губы.

— Не здесь.

Он заводит двигатель, отстраняясь, но не в силах сдержаться, я начинаю расстегивать его брюки, пытаюсь погладить его член, пока он ведет машину. Моя похоть подпитывает меня. Я просто хочу, чтобы он оказался внутри меня, а его кожа на моей. Похоть и алкоголь кружатся в теле, затуманивая мозг. Все, что мне нужно, это он.

Баз стискивает челюсть, его руки сжимают руль, пока я работаю над его длиной. Он теплый и толстый, и мне хочется взять его в рот. Словно почувствовав, куда направляются мои мысли, его рука внезапно поднимается, останавливая меня.

Он прав. Наверное, это не самая лучшая идея отсосать у него, пока он едет по дороге.

— Подними платье и прикоснись к себе, — приказывает он, его тон полон решимости.

Мой желудок опускается, и я зажимаю нижнюю губу зубами. Я вожусь с материалом своего платья, стягивая стринги вниз по ногам. Я не отрываю взгляда от База, раздвигая ноги. Он смотрит на меня сверху вниз, его пальцы с побелевшими костяшками сжимают руль, когда он пытается сосредоточиться на дороге. Толчок удовольствия проходит по моей спине, когда я начинаю прикасаться к себе. Низкое рычание грохочет в его груди.

— Трахни себя, грязная девочка.

Я погружаю палец внутрь и откидываю голову назад. Глаза закрываются, представляя, что это его палец. Я так ясно представляю себе его сильное, твердое тело, нависающее надо мной, когда он трахает меня пальцами. Стоны срываются с моих губ. Выгибаюсь и растягиваюсь на сиденье, чувствуя, как мое ядро сжимается вокруг пальца, а оргазм приближается. Звуки моей влажности эхом отдаются вокруг нас вместе с моим тяжелым дыханием. Или это дело База? Я не могу сказать.

Машина внезапно резко дергается, и мои глаза распахиваются от звука визга шин. Я моргаю, удивление освещает мои черты при виде, что мы припаркованы в подземном гараже кондоминиума. Баз набрасывается на меня в ту же секунду, как машина глохнет. Отодвинув свое сиденье назад, он тащит меня через центральную консоль и без предупреждения насаживает на свой член.

Одна рука тянется к его плечу, а другая к потолку в поисках опоры. Его руки сжимают мои бедра, когда он направляет мои движения, двигая меня на своем члене. Я скачу на нем, мои стоны разливаются вокруг нас, заполняя автомобиль. Его рука исчезает в моих волосах, и он тянет, притягивая мой взгляд к себе. Мои глаза полуприкрыты, взгляды встречаются. Его губы прижимаются к моим. Поцелуй жесток, почти так же жесток, как его толчки. Я чувствую себя такой заполненной в этом позе. Судя по тому, как его бедра двигаются внутри меня, я долго не протяну.

— Вот так, детка. Кончай на мой член. Вот так, — рычит он мне в губы.

Эти слова погибель. Я разваливаюсь на части. Моя киска сжимает его член, соки покрывают его ствол, а звук шлепающей плоти и моя влажность единственный саундтрек, окружающий нас.

Баз сжимает мою шею сзади. Потянув меня вниз на своем члене, он растирает меня по своей эрекции, его кончик трется о то место глубоко внутри меня, которое заставляет видеть звезды.

— Тебе это нравится, грязная девочка? — спрашивает он мне на ухо.

Я киваю, что-то бессвязно бормоча.

Как только очередной оргазм захлестывает меня, хватка База сжимается, и он кончает в меня. Тепло заливает меня, и я падаю на него. Я прижимаюсь лицом к изгибу его шеи, вдыхая его, пытаюсь контролировать тяжелое дыхание. Мурашки бегут по коже, когда Баз проводит рукой по моему позвоночнику, играя с плотью. Подушечки его пальцев рисуют маленькие круги, чертовски близкие к усыплению.

Все еще держа одну руку в моих волосах, он мягко откидывает мою голову назад, чтобы я могла посмотреть на него. Моя грудь сжимается от эмоций, когда мы смотрим друг на друга. Мы ничего не говорим, просто сидим, а его член все еще глубоко во мне. Каждая частичка меня смягчается. Стена рушится, когда он отпускает мои волосы, его рука обхватывает мою щеку. Его большой палец гладит меня по щеке. Он изучает мои глаза, его взгляд скользит по всему моему лицу, будто он запечатлевает каждую часть меня в памяти.

Я открываю рот и почти выдыхаю слова, те слова, которые я держала, прижимая к груди, но вместо этого вырывается прерывистое дыхание. Прежде чем этот момент пропадает, я провожу по его чертам подушечкой пальца, не имея возможности прикоснуться к тому, что принадлежит мне, когда захочу. Теперь я могу сделать это только после того, как он меня трахнет. Складка образуется между моими бровями, и Баз выдыхает. Очевидно, я нарушила момент, слишком много думая.

Он поднимает меня с колен и помогает забраться на пассажирское сиденье. Устраивается поудобнее, затем открывает дверцу и обходит машину. Баз открывает ее, и я спешу прикрыться, но он опускается на корточки рядом с открытой дверью, помогая мне. Его теплые мозолистые руки скользят по моим бедрам, когда он надевает мое нижнее белье. Он оглядывается, затем помогает мне выйти из машины, берет меня за руку, для поддержки, и поправляет материал платья. Я чувствую, как его сперма стекает по моим ногам, и мои щеки горят. Он ухмыляется мне, словно точно знает, что происходит.

Мы входим в здание, держась за руки. Я оглядываюсь, все еще поражаясь тому, сколько денег у этого человека. Ему есть где остановиться, куда бы он ни пошел.

— Зачем ты купил это место?

Как только двери лифта закрываются за нами, он пожимает плечами, прислоняясь спиной к хромированной стене.

— Быть рядом с тобой.

Мои глаза расширяются, и у меня перехватывает дыхание.

— Ты купил целую квартиру, чтобы быть рядом со мной? Это безумие, Себастьян.

Его рот кривится.

— Ты знаешь, на самом деле это влияет на меня, когда ты используешь мое полное имя.

Я закатываю глаза, но улыбаюсь. Сейчас между нами возникает легкое, беззаботное чувство, которого не было уже очень давно.

— Что насчет другого дома в Калабасасе?

Он пожимает плечами, отводя от меня взгляд, когда двери открываются на его этаже.

— Хорошо инвестировать в недвижимость.

Мои брови морщатся, все еще полностью сбитые с толку его решениями, но я пожимаю

плечами. У меня нет таких денег, как у него, так что я знаю о покупке недвижимости? Я не смогла бы позволить себе домик на дереве в Калифорнии, даже если бы попыталась.

Мы поднимаемся на лифте из гаража в его квартиру, и, оказавшись внутри, я зависаю в гостиной, вспоминая нашу ссору, когда мы были здесь всего несколько недель назад. Странно сейчас находиться здесь.

Баз направляется к бару и наливает себе выпить. Он садится в одно из кресел, не говоря ни слова. Я оглядываюсь по сторонам, гадая, должна ли я быть здесь с ним или исчезнуть в одной из комнат с его глаз. Расправляю плечи, решая сесть на диван рядом с ним и не слишком задумываться об этом.

— Когда ты в последний раз была счастлива?

Его голос пререзает тишину, взгляд прикован к стакану, стоящему на деревянном столе. Я сжимаю губы, беспокойно потирая их. Я хочу сказать ему, что в последний раз я была по-настоящему счастлива до того, как все это случилось, когда я была с ним.

Но я этого не произношу. Я пожимаю плечами.

— Я действительно не знаю. Возможно, когда Мэдисон была еще жива?

Его взгляд устремляется на меня, и мы смотрим друг на друга. Я пытаюсь понять, о чем он думает, но его лицо ничего не выдает. Он снова надел ту пустую, отчужденную маску, которую усовершенствовал.

— Ты имела в виду то, что сказала там?

Я сглатываю, глядя на стол, между нами.

— Да. — эмоции застревают у меня в горле, поэтому я качаю головой, заставляя себя сухо рассмеяться. — Но я знаю, что это не вариант. Я не знаю, как первым делом связаться с агентством. И даже тогда я не совсем в том месте, чтобы заботиться и растить ребёнка. Черт, всего месяц назад я лежала в психиатрической больнице. Это не совсем обнадеживает.

Он откидывается назад, кивая в основном самому себе. Поднимает руку, задумчиво потирая большим пальцем нижнюю губу.

— Есть кое-что, о чем я хотел с тобой поговорить.

Мой желудок скручивает. Такие новости никогда не могут быть хорошими. Я выпрямляюсь, готовясь к тому, что он собирается сказать.

— В чем дело?

— Издательство обратилось ко мне от твоего имени, — мои глаза расширяются, когда он продолжает. — Они хотят предложить тебе сделку с книгой. Рассказать историю на более широкой платформе.

Ошеломленная, я откидываюсь назад.

— Что? Что это значит?

— Это значит, что тебе предлагают шанс изменить свою жизнь.

Я хмурюсь, качая головой, все еще не в силах осознать его слова.

— Но зачем обращаться к тебе? Почему не обратиться ко мне?

— Потому что ты моя, — говорит он так буднично, что мое сердце сжимается.

— Не знаю, хорошая ли это идея. В первый раз у меня получилось не очень хорошо. То, что я с тобой, не изменило мнения общественности обо мне.

Он наклоняется вперед, положив руки на колени.

— Они дают тебе шанс рассказать свою историю так, как она должна была быть рассказана, Маккензи. Если этого недостаточно для тебя, они предлагают шестизначные цифры только для подписания. Это даже не расчет продаж или что еще это может принести.

Мое дыхание вырывается в спешке. Шесть цифр? Что, черт возьми, происходит?

— И ты согласен с этим? Я говорю о нас, о Дикарях?

Он пожимает плечами.

— Это не моя история. А твоя. Делай, что хочешь.

— Я не знаю, что сказать.

Баз вздыхает. Он явно ожидал другой реакции.

— Просто подумай об этом. Это может изменить всю твою жизнь.

Я киваю, в основном самой себе, позволяя всему этому утонуть. Он осушает содержимое, ставит стакан обратно на стол и встает.

— Встретимся в комнате, когда будешь готова. И на этот раз сними платье. Я хочу видеть тебя всю, когда буду трахать тебя сегодня.

Он поворачивается, направляясь в спальню. Мой желудок сжимается. Так много эмоций и мыслей проносится в голове. В конце концов, я так и делаю — снимаю платье, направляясь в его спальню.

Глава 25

Маккензи

Я просыпаюсь где-то посреди ночи. Ерзая на простынях, я издаю шипение, когда мое тело начинает болеть. Пройшей ночью Баз был груб, и я не могла насытиться им. Возникло чувство, что он нуждается выпустить свой сдерживаемый гнев через меня, и я позволила ему. Я наслаждалась этим.

Садясь, я хмурюсь, понимая, что его нет в постели. Прохладные простыни на его стороне говорят, что он ушел некоторое время назад. Соскользнув с кровати, я поднимаю его брошенную белую рубашку со вчерашнего вечера и просовываю в нее руки. Застегиваю две средние пуговицы, чтобы рубашка оставалась застегнутой, а затем отправляюсь на поиски База. Я останавливаюсь у самого порога, когда слышу его глубокий голос. Он говорит тихим голосом.

Я застываю на месте, чувствуя внезапную потребность замолчать, вместо того, чтобы заявить о своем присутствии. Так тихо, как только могу, я открываю дверь, выдыхая вздох облегчения от того, что она не скрипит и не издает никакого шума. Высунув голову, я оглядываю темный зал, пытаюсь определить, откуда доносится голос. Стараясь не шуметь, я иду на звук.

Я понимаю, что он доносится из гостиной. Останавливаюсь перед самым порогом, чтобы он меня не увидел. Прислонившись спиной к стене, я пытаюсь контролировать дыхание и прислушиваюсь.

— Думаешь, я этого не знаю? — Баз шипит на того, с кем разговаривает по телефону. — Если он появится, ты скажешь мне, и клянусь, Трент, еще раз выкинешь это дерьмо, я убью тебя, понял? Зак вернулся в Лос-Анджелес. Он следующий, кого я навещу. Я предлагаю вам собраться, или я нанесу вам визит, и обещаю, что это будет некрасиво.

Моя грудь вздымается, когда я отхожу от стены, пытаюсь переварить услышанное. Он

сказал, что не знает, где Зак, но он только что произнёс, что он вернулся домой. И если Зак дома, это должно означать, что Винсент тоже. Мой желудок сжимается, и беспокойство скользит по венам.

Я хочу верить Базу и его утверждениям, что он на моей стороне, что он не доверяет Дикарям, но, если он им не доверяет, как все еще может говорить с ними так легко, будто ничего не случилось?

Коррупция.

Это единственное логическое объяснение. Настоящая коррупция — это тонкое лезвие, которое вы не чувствуете, пока оно не войдет глубоко в вашу спину. Пока не почувствуете, как кровь льется из вашей плоти, а боль просачивается из пор.

Я спешу обратно в комнату, осторожно оставляя дверь приоткрытой, чтобы услышать, как он идет. Забираюсь обратно на кровать и прислоняюсь спиной к изголовью. Прижав колени к груди, я закрываю глаза, пытаюсь оставаться рациональной.

Это ничего не значит, пытаюсь я убедить себя. Это обрывок разговора, о котором я ничего не знаю. Я не могу делать поспешных выводов, пока не поговорю с Базом об услышанном.

— *Ты знала, что ему нельзя доверять. Что теперь собираешься делать?*

Я зажимаю уши руками, пытаюсь заставить голос исчезнуть. Ее здесь нет. Ее не может быть.

— *Тебе нужно защитить себя, Кензи. Ты не можешь доверять ему.*

— Уходи, — шиплю я, закрывая глаза.

Когда я открываю их, мой подбородок дрожит, когда я вижу ее, стоящую в ногах кровати. Я качаю головой.

— Нет. Нет, мы не сделаем этого.

— *Ты знаешь, что ты должна сделать.*

И я знаю. Я не могу позволить своим чувствам к Базу затмить все остальное. Моя безопасность на первом месте, и ясно, что Дикари не остановятся, пока я не умру.

Я на взводе с той ночи, когда услышала, как Баз разговаривает по телефону с Трентом. Он ведет себя подозрительно, что только усиливает мои подозрения. Это тонкое лезвие коррупции? Мы оба идем по нему.

Что он задумал? Почему всегда чувствует необходимость отвечать на звонки наедине?

Он что-то скрывает от меня. Я чувствую это.

Поскольку Баз снова ушел, я решаю использовать это время, чтобы просмотреть статьи. Когда я спросила Дэна, куда он уехал, он сказал, что ему нужно уладить кое-что за городом. Это, конечно, только усилило мои подозрения. До сих пор каждая статья посвящена нам с Базом, сложности наших отношений, спорам вокруг меня, его друзей и нашего прошлого. *Говорила я правду или лгала?* Это главный вопрос, который все хотят знать.

Одна статья, в частности, привлекает мое внимание, поэтому я нажимаю на нее. Это короткая видеозапись того, как папарацци снимали, как Зак покидает The Kings вчера поздно ночью. Мужчина выкрикивает ему вопрос.

— *Зак! Зак, как ты относишься к выбору твоего лучшего друга в девушках?*

Именно тогда, я вижу, База в задней части кадра, Трента рядом с ним, и, клянусь, мое сердце останавливается, при виде, кто стоит рядом с ним. Он очень похож на Винсента. Но этого не может быть. Баз бы так со мной не поступил.

Конечно же, когда папарацци перемещают камеру, давая мне лучший обзор, я понимаю, как сильно ошибалась насчет База. Мой желудок сжимается, и я задыхаюсь.

Он здесь.

— Он мог бы сделать гораздо лучше. Вот, что я скажу. Но ты же знаете, что говорят о сумасшедших девушках. Они делают лучший минет.

Он усмехается от смеха. Папарацци смеются вместе с ним, и стыд покрывает мои щеки. Видео обрывается как раз в тот момент, когда Баз хватается Зака за шею и что-то говорит ему. Это все, от чего мне нужно избавиться.

Я смотрю видео еще три раза, просто чтобы убедиться, что не делаю поспешных выводов, но, конечно же делаю. Чем больше я смотрю, тем больше злюсь. Чувствую, как это растет внутри меня. Мои руки трясутся, когда я кладу их на колени. Мне до смерти хочется схватить что-нибудь и швырнуть в стену.

Я не была уверена, что могу доверять Базу до того, как это случилось, но теперь, особенно после увиденного, я знаю, что не могу. Я такая идиотка, думала, что он изменился, что наши отношения могут быть чем-то иным, кроме фальши. Я просто пытаюсь понять, под каким углом.

Зачем они встретились и чем занимались?

Может, держать меня здесь — это его способ присматривать за мной более внимательно? По спине пробегает холодок. Я чувствую себя здесь легкой добычей, ожидающей возвращения База. Подслушав его разговор прошлой ночью, я знаю, где Зак. Если бы я действительно захотела, я могла бы отправиться к нему домой и выяснить раз и навсегда, какого черта они задумали, поскольку очевидно, что я не получу ответов от База.

Приняв решение, я надеваю тонкий свитер и останавливаюсь в ногах кровати. Облизываю пересохшие губы, взвешивая варианты. Придя к единственно возможному решению, я вытаскиваю пистолет из-под подушки. Сердце колотится, переворачивая оружие в руке. Прерывисто выдохнув, я бросаю пистолет в сумочку и вешаю ее на плечо.

Быстро прокручиваю в голове план, спускаясь из пентхауса. Я могу подъехать на Убере к его дому и переждать. Сомневаюсь, что после всего произошедшего, он позволит мне войти без каких-либо колебаний, но они точно не оставят мне другого выбора. Сегодня я узнаю правду, раз и навсегда.

На протяжении всего пути вниз на лифте мое сердце колотится. Я не хочу ни с кем сталкиваться, и меньше всего с Дэном или с кем-либо из охранников. Бросая быстрые взгляды через плечо, я чувствую капли пота на лбу, когда направляюсь напрямик к выходу. Мои глаза расширяются, и сердце падает, при звуке голоса Маркуса позади меня.

— Эй, с тобой все в порядке? Выглядишь бледной.

Маркус делает шаг ко мне, на его лице написано беспокойство. Я уклоняюсь от его наступления, нервничая из-за того, что держу пистолет на публике.

Я сглатываю, пытаюсь говорить сквозь комок размером с мяч для гольфа, застрявший у меня в горле.

— Я в порядке. Просто хочу подышать свежим воздухом.

Я мотаю головой в сторону непрозрачных раздвижных стеклянных дверей, моего

единственного средства выхода.

Он хмурится еще сильнее.

— Большинство девушек сидели бы у бассейна или посетили бы спа-салон, чтобы расслабиться.

Мои губы сжимаются.

— Я не большинство девушек.

Его губы кривятся, будто он находит меня забавной.

— Да, я понял это. И послушай, я знаю, что мы уже говорили, но я хочу еще раз извиниться за ту роль, которую я играл все эти годы...

— Ты закончил? Я не собираюсь тебя прощать. Я не доверяю тебе, никому из вас, поэтому, пожалуйста, просто оставь меня в покое и дай мне немного чертова пространства.

Я протискиваюсь мимо него, крепче сжимая ремешок сумочки. Чувствую на себе его взгляд, когда стремительно удаляюсь от курорта. Когда я быстро ухожу, то понимаю, что я не совсем четко продумала свой уход. Встреча с Маркусом вскружила мне голову.

Я оглядываюсь через плечо, вход далеко, теперь, когда я почти убежала от Маркуса, но, клянусь, я все еще чувствую на себе его взгляд. Мое сердце сжимается, когда я замечаю впереди припаркованную машину с символом Luft на приборной панели. Я стучу в окно.

— Можете меня подвезти?

Молодой парень закатывает глаза.

— Не так это работает, леди.

Я роюсь в сумочке, преувеличенно вздыхая, стараясь спрятать пистолет.

— У меня нет времени на вашу чушь. Вот деньги. Мне нужно съездить к другу в Хидден-Хиллз.

Он делает паузу, рассматривая мою потрепанную внешность и наличные. После нескольких секунд он пожимает плечами.

— Прекрасно. Садитесь.

Мои мысли непрерывно крутятся до дома Зака. Сегодня в Лос-Анджелесе пасмурно. Смог, смешивается с надвигающимся прогнозом дождя, окутывая небо серым одеялом, которое оставляет постоянный холод в костях. Это прямое отражение моего настроения.

С учетом пробок мы доберемся менее чем за два часа. Как и в прошлый раз, чтобы не вызвать подозрений, я попросила водителя высадить меня в квартале отсюда. Я иду по улице, держась подальше от дома Зака. Решив сделать перерыв, прежде чем оказаться на его пороге, я решаю отдохнуть в небольшом парке в нескольких кварталах отсюда. Присев на скамейку, я просматриваю другие статьи, пытаюсь понять, правильно ли я делаю выбор, находясь здесь.

Это разумное решение?

Совершенно очевидно, что я подвергаю себя опасности, приезжая сюда. Еще более опасно то, что я взяла с собой пистолет, но большая часть меня чувствует, что он нужен мне для защиты, сейчас больше, чем когда-либо. Мое сердце сжимается, когда имя База мелькает на экране телефона. Он звонит мне. Он никогда мне не звонит. Я бросаю взгляд по сторонам, внезапно ощущая, что за мной наблюдают. Словно он знает, что я здесь. Ощущая себя худшим человеком на планете, я выключаю телефон на случай, если он каким-то образом найдет способ отследить меня. Честно говоря, я бы не оставила это без внимания.

Пока я сижу здесь, я продолжаю ходить туда-сюда с самой собой. Я пообещала ему, что не совершу ничего глупого. Все было так хорошо, между нами, в ночь гала-концерта, и тот

телефонный звонок все испортил.

Почему он не может просто сказать мне правду? Почему, между нами, всегда должны быть секреты?

И почему у меня не хватает смелости спросить его об этом? Этот язвительный голос в моей голове звучит.

Он утверждает, что я лгу из нас двоих, но у меня начинает складываться впечатление, что Баз не так откровенен, как он хочет, чтобы я поверила. Не отрывая взгляда от травы, я сижу на скамейке Бог знает сколько времени. Этого времени достаточно, чтобы небо начало темнеть еще больше, и вдалеке раздался раскат грома. Струйка воды брызгает мне на голову, и когда я откидываю голову назад, глядя на серое, затянутое облаками небо, я чувствую еще больше капель.

Сейчас или никогда.

С сердцем, застрявшим в горле, я останавливаюсь перед домом Зака. Часть меня задается вопросом, должна ли я воспользоваться входной дверью и надеяться, что он откроет ее, или попытаться войти так же, как в прошлый раз. Взломать и проникнуть. Что-то подсказывает мне, что на этот раз все будет не так просто. Он не похож на человека, который позволил бы кому-то дважды вломиться в его дом. Не без последствий.

Приняв решение, я прокрадываюсь сзади, точно так же, как и с Джеком. Оглядываюсь через плечо. Уже льет дождь. К счастью, деревья и боковые панели его дома защищают меня от дождя. Прижимая сумочку к телу, я пригибаюсь, стараясь не спускать глаз с дома. Внутри темно, никакого движения. У него все еще висят те затемненные жалюзи, из-за которых трудно заглянуть внутрь, но ни одно из окон на верхнем этаже его дома не освещено светом, что говорит мне, что его, вероятно, здесь нет.

Я прислоняюсь спиной к стене дома, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце. Не знаю, что я здесь делаю. Это может привести к еще большим неприятностям с законом, если я снова вломлюсь.

— Что мне делать? Что мне делать? — шепчу я себе под нос.

Закрыв глаза, я жду ответа, который придет ко мне. Когда это происходит, мои глаза распахиваются.

— *Возвращайся домой, Кензи. Это не ты.*

Оттолкнувшись от боковой панели дома, я иду обратно тем же путем, каким пришла, решив вернуться в пентхаус. В глубине души я знаю, что не должна здесь находиться. Мэдисон права. Это не я.

Низко опустив голову, я иду по улице, мой свитер туго натянут вокруг тела, когда дождь мочит мою одежду, пропитывая тело, ощущая, как постоянный холод живет в моих костях. Я возвращаюсь в парк и сижу под навесом, заказывая Убер. Когда я снова включаю телефон, у меня десятки текстовых сообщений от База с вопросом, где я. По-видимому, он чем-то занят в клубе.

Вот почему он уехал.

Когда прибывает такси, я принимаю недалновидное решение отправиться туда, а не в пентхаус. Не хочу оставаться одна. Потому что я знаю, что, если поеду в пентхаус, она вернется, и я не готова снова встретиться с Мэдисон. Не готова столкнуться с постоянными ошибками, которые продолжаю совершать. В этом случае Баз меньшее из двух зол.

Поездка быстрая, большую часть пути у меня кружится голова. Я останавливаюсь у входа, не уверенная, что меня впустят в таком виде. Я не совсем одета для клуба. Охранник

передо мной странно смотрит на меня, и я поправляю ремешок сумочки на плече.

— Вы можете сказать Базу, что Маккензи здесь?

Он кивает, пропуская меня внутрь.

— Он внизу, занят делами. Я попрошу кого-нибудь сообщить ему, что вы здесь. Он вас не ждал.

Меня ведут на верхний этаж, и я устраиваюсь в комнате, глядя вниз на танцпол. Капли воды капают, волочась за мной. Я пытаюсь разглядеть База в толпе, но не вижу его. Сегодня здесь немного больше народу, чем обычно, танцпол заполнен телами. Я достаю телефон из сумочки, мой желудок сжимается при виде оружия. Определенно не самое умное, что можно сделать, разгуливая с оружием. Я как раз собираюсь отправить Базу сообщение, когда слышу, как что-то доносится из одной из задних комнат дальше по коридору.

Мое тело замирает, когда я слышу резкий смех. Я хватаюсь за сумочку, пытаюсь дышать, несмотря на боль, пронзающую грудь. У меня начинает звенеть в ушах, и я медленно двигаюсь по коридору. Винсент смеется над чем-то, явно разговаривая с кем-то по телефону, так как я не слышу, чтобы кто-то еще был с ним в комнате.

— Это дерьмо длится уже достаточно долго, Зак, — рычит он. — Хочешь испытать меня, *брат*? Я дал тебе много шансов, и на этот раз все кончено. Убей ее сам, если ты такой чертов параноик. У них ничего нет.

Я задыхаюсь. Он разговаривает по телефону с Заком, что явно означает, что они все еще работают вместе.

Капли пота выступили у меня на лбу, и, внезапно почувствовав необходимость защитить себя, я достаю пистолет из сумочки. Прижимаю его к груди, мои руки дрожат от страха и адреналина.

Все, что мне нужно сделать, это снять с предохранителя и выстрелить, если Винсент поймет, что я здесь, и решит предпринять что-нибудь. Я подкрадываюсь ближе и оглядываю комнату, замечая Винса, растянувшегося на диване спиной ко мне, на заднем плане тихо играет рэп, открытая бутылка ликера и сильный запах марихуаны, доносится из комнаты. Я прислушиваюсь к его разговору, сердце замирает от жаркого спора.

Они... спорят? Чем внимательнее я прислушиваюсь, тем глубже в моем животе поселяется яма. Похоже, они спорят обо мне.

— Не суетись вокруг меня. В следующий раз, когда выкинешь такое дерьмо, ты будешь следующим, которого я отправлю на покой.

Крепко сжимая пистолет в потной ладони, я поднимаю его, сердце бешено колотится, когда я целюсь ему в затылок. Неизвестно, попаду ли я в цель, если выстрелю, вот как сильно я дрожу.

Мой палец парит над спусковым крючком. Металл холодный и тяжелый, и кажется таким неправильным в моих руках, но когда я возвращаюсь к Винсенту, это также ощущается... правильным. Мой палец сжимается на спусковом крючке, когда я направляю пистолет на него. Еще один маленький толчок, и я смогу покончить с ним. Я смогу покончить с ним и с остальными.

Где-то в глубине сознания я слышу, как сестра говорит мне бежать, опустить пистолет и уходить прочь. Руки начинают дрожать, борясь с решением в голове. Руки дрожат от тяжести пистолета и тяжелого решения, которое я собираюсь принять. По собственной воле мои глаза закрываются, и за веками вспыхивают вспышки прошлого. То лето в Ферндейле, когда он ударил меня ножом, приставил пистолет к моей голове. Я вдруг не могу дышать. Такое

чувство, что руки Винсента сжимают мои легкие, ограничивая воздух. Он снова убивает меня.

Я сжимаю челюсть, пытаюсь подавить рыдания. Как только слезы начинают катиться по моим щекам, я нажимаю на спусковой крючок и напрягаюсь, ожидая отдачи, ожидая оглушительного звука выстрела, но он не раздается. Вместо этого мой палец соскальзывает со спускового крючка, когда Винсент сдвигается, его глаза сталкиваются с моими. Лед заливает мои вены, и у меня перехватывает дыхание. В этот момент все исчезает. Края моего зрения расплываются, и я внезапно переносусь обратно в лес, обратно в Ферндейл. Вместо того, чтобы быть в его власти с пистолетом, направленным мне в голову, он в моей власти.

Винсент медленно перемещается, поднимаясь на ноги, и кладет телефон на стол. Его взгляд сужается, мускулы на челюсти подсакивают, когда он смотрит на меня.

— И так она жива.

Я сглатываю кислоту, скопившуюся в горле.

— Нет, благодаря тебе.

Он ухмыляется. Это так отталкивает, что у меня сводит живот.

— Ты не станешь стрелять в меня, Маккензи.

Я крепче сжимаю рукоятку пистолета и возмущенно фыркаю.

— Ты действительно хочешь проверить эту теорию прямо сейчас? — я бросаю вызов.

Винсент игнорирует меня, медленно сокращая расстояние. На каждый шаг вперед я делаю шаг назад, пока моя спина не сталкивается со стеной. Я в ловушке с человеком, который пытался меня убить. С человеком, который солгал об убийстве моей сестры с Базом.

Я ненавижу его.

Мне бы ничего так не хотелось, как увидеть, как он катается, крича от боли, как кровь льется из его ран, но я, кажется, не могу заставить свой палец на спусковом крючке работать. Он там, прямо там, черт, но я не могу заставить себя сделать это.

— Ты наполовину та девушка, которой она могла бы быть, Мак.

Боль вспыхивает в моей груди, и красное заливает зрение. Прежде чем я успеваю подумать, я размахиваю рукой, целясь прикладом пистолета в лицо Винсента, ударяя его пистолетом. Он отшатывается от удара, едва заметно, и когда убирает руку ото рта, я вижу, как сочится кровь. Небольшое чувство удовлетворения просачивается в мои вены.

— Посмотри на себя сейчас, — хвалит он, посмеиваясь с кровью, размазанной по его передним зубам.

Винсент входит в мое пространство, и прежде, чем я успеваю сделать что-либо, кроме как стоять, полностью застыв, он останавливается перед пистолетом. Схватив оружие, он пихает его себе в грудь, ствол упирается в то место, где должно быть его сердце. Винсент наклоняется ко мне, его руки тянутся к стене позади меня, каждая рука обхватывает меня по обе стороны от моей головы.

— Так полна ярости. Такая сломленная, — выдыхает он, наклоняясь ко мне.

Что-то темное скрывается в уголках его глаз, черт возьми, почти сдирая с меня кожу.

— Я убью тебя.

— Тогда сделай это, детка. Сделай свой выстрел, прямо здесь, прямо сейчас, — насмехается он, нависая своим ртом над моим.

Гнев закипает у меня в животе, заставляя горячую слезу скатиться по щеке. Это было бы так просто. Я могу нажать на курок прямо здесь и, наконец, освободить себя и свою сестру,

но не могу этого сделать. Не могу заставить себя сделать это, и это вызывает горячие слезы разочарования, которые льются потоками.

Винсент наклоняется ко мне, его лицо прижимается к моему. Боль пульсирует в моей груди, а желудок восстает, когда он облизывает мою щеку, пробуя слезы. Я отшатываюсь от него, мой подбородок дрожит, когда я пытаюсь сдержать надвигающиеся рыдания.

— Ты так похожа на нее, — шепчет он, отодвигаясь ровно настолько, чтобы посмотреть на меня сверху вниз.

Я сглатываю, когда мы смотрим друг на друга, ненавистное напряжение наполняет воздух. Воспоминания из прошлого проносятся передо мной, и прежде, чем я осознаю, что делаю, мой палец сжимается на спусковом крючке, и я уже собираюсь нажать на него, когда Винсента отталкивают назад.

Все происходит так быстро. Размытое пятно тел. Размытое пятно сталкивающихся кулаков. Вдох слетает с моих губ, когда моя рука вывернута под нечестивым углом, и я издаю крик боли. Грубая рука закрывает мне рот, заставляя замолчать, и меня внезапно выдергивают.

Цвета расплываются передо мной, и я чувствую себя дезориентированной. Моя спина врежется в стену, чья-то рука тянется к моему горлу. Я задыхаюсь, борясь с неумолимой хваткой. Когда лицо человека появляется в поле зрения, я замираю, глаза расширяются.

— О чем, черт возьми, ты думаешь? — шипит Баз, глядя мне в лицо. Его хватка жесткая и безжалостная, перекрывает доступ воздуха. — Ты, блядь, тупая? — кипит он, для пущей убедительности прижимая меня к стене.

Быстрый взгляд вокруг говорит мне, что он вывел меня наружу, в коридор. Музыка громкая. Все, что мне нужно было бы сделать, это добраться до лестницы, чтобы уйти.

Я начинаю бороться с ним. Сопrotивляюсь его хватке, пытаюсь отдышаться.

— Успокойся, черт возьми, — скрипит он зубами.

Мы оба замираем, глядя друг на друга, и его хватка ослабевает, позволяя мне дышать. Мы смотрим друг на друга, наши глаза говорят все, что мы не можем. Напряжение внезапно наполняет воздух, затуманивая пространство, между нами.

— Ты сказала, что закончила.

— Я солгала.

— Если ты сделаешь это, ты потеряешь свой шанс. Ты никогда не получишь того счастья, которого так сильно хочешь. Ты ведь понимаешь это, верно? Ты потеряешь все.

— Мне все равно! — кричу я.

— Я же говорил тебе, что улажу все, — кипит он, гнев написан на его лице.

— Ты солгал мне! Я слышала, как ты говорил по телефону прошлой ночью. Это просто доказывает, что я не могу тебе доверять. Он заслуживает смерти за то, что сделал со мной.

Лицо База напрягается от боли и чего-то, что очень похоже на страх.

— Это не тебе решать, Маккензи.

Мои глаза сужаются. Как он может так говорить? Конечно, это мне решать. Я жертва, та, кого отправили в психиатрическую больницу по частям. Это я ношу на себе все шрамы той ночи. Чем больше я думаю об этом, тем сильнее в моих венах поднимается гнев.

— Отойти от меня.

Он подходит ближе, прижимая меня к стене. Я ненавижу, что часть меня смягчается от его близости. Я скучаю по его запаху. Я ненавижу, что скучаю по теплу его тела. Прошло всего несколько дней, так что я не должна чувствовать такого уровня заброшенности из-за

этого короткого промежутка времени. То, как он прижимает меня к стене, то, как возвышается надо мной, проникает в мою орбиту — я скучаю по нему. Я так скучаю по нему, что это заставляет меня наброситься на него.

Снова дернувшись в его объятиях, я пытаюсь оттолкнуть его, но мне не сравниться с его силой. Он даже не толкается и не двигается при моей попытке, просто держит меня в ловушке. Его рука взлетает к моему лицу, сжимая щеки, как тиски, заставляя посмотреть на него. Я перестаю бороться.

Что-то тянется, между нами, этот чертов электрический ток, притягивающий нас друг к другу. Проходит удар, затем еще один, прежде чем его рот оказывается на моем. Поцелуй грубый и злой. Я впиваюсь ногтями в его кожу, притягиваю его ближе к себе и впиваюсь зубами в его нижнюю губу, пока он не шипит от боли. Моя влажная одежда прилипает к телу, а холодная кожа, прижатая к его горячей коже, заставляет застонать ему в рот. Он зарывается рукой в мои волосы, дергает за мокрые пряди, наклоняет мой рот и голову туда, куда хочет, а затем пожирает.

Моя страсть к этому мужчине и то, что я испытываю к нему, заставляют меня предпринять действия и разозлиться. Я колочу по нему кулаками, отталкивая. На этот раз он позволяет мне толкнуть его, его нижняя губа сочится кровью от моих манипуляций.

Мы оба стоим, грудь вздымается, а губы краснеют от грубого поцелуя. Не знаю, как это происходит, но я снова целую его, провожу руками по его волосам, дергаю за кончики, пока он не прижимает меня к стене и не захватывает мои губы с неистовой одержимостью, которая питает темноту, клубящуюся внутри меня в последнее время.

Это питает маниакальные мысли.

Хаос, бурлящий в моем мозгу.

Он лекарство, в котором я не знала, что нуждаюсь.

Я чувствую его эрекцию, и мое сердце пульсирует в нетерпеливом ожидании, умирая от желания почувствовать его внутри себя. Прошло слишком много времени. Я скучаю по нему. По каждой его частичке. Я царапаю ногтями его грудь, пытаюсь стянуть с него брюки, но он останавливает меня. Его хватка крепче сжимает мои запястья, удерживая от прикосновения к нему.

Он медленно отступает, глядя на меня сверху вниз. Он уходит, его походка жесткая и сердитая. К моему большому неудовольствию, я понимаю, что он забрал с собой мой пистолет.

Глава 26

Баз

Не знаю, откуда я знал, что она замышляет что-то недоброе, но у меня было такое чувство, когда Маркус позвонил мне и сказал, что она покинула курорт. Сначала я подумал,

что она снова видится с этим дерьмом. Мне все еще нужно нанести ему визит, потому что, по-видимому, мое первое появление не оставило неизгладимого впечатления.

Когда я позвонил ей, а она не ответила, это только вызвало у меня еще больше красных огней. Я понятия не имел, где она, и когда она выключила свой телефон, намеренно оставаясь скрытной, это напугало меня до чертиков. С ней могло случиться все, что угодно. Учитывая то, как обстоят дела с остальными парнями, невозможно сказать, что они сделают, если столкнутся с ней.

Она остановилась на курорте со мной не просто так. Мне нужно, чтобы она была рядом, чтобы я мог защитить ее и постоянно следить за ней. Услышав, что она в клубе в то же время, что и Винсент, у меня чуть не случился сердечный приступ. Оглядываясь назад, я, вероятно, должен был сказать ей, что они здесь, но это то, чего я пытался избежать — ее вмешательства. Я пытаюсь докопаться до сути, и делаю все возможное, чтобы защитить ее от них, не поднимая никаких красных флагов, но, если она продолжит вмешиваться, я не смогу ей помочь.

Сегодня я все разрушил для ребят. Они были отрезаны от The Kings. Все они. Включая Маркуса. Он понял мое решение и даже согласился. Трент был расстроен, как киска, но я ждал реакции Зака и Винсента. Из-за того, что они так долго полагались на меня, убрать пол из-под них убило бы их. Это их разозлит.

И в их гневе мне нужно было посмотреть, отправятся ли они за моей девушкой, потому что, если они это сделают... если они хотя бы попытаются прикоснуться к ней пальцем? Братья или нет, я убью их обоих. Я бы убил их всех ради нее, и, конечно, она все испортила.

Ранее я попросил одного из наших охранников проводить ее до машины, где Дэну было поручено отвезти ее обратно в пентхаус. У него были строгие инструкции оставаться с ней и постоянно держать ее в поле зрения.

Я в отчаянии провожу рукой по волосам, моя спина кричит от усталости, когда я возвращаюсь в пентхаус. Возвращаюсь к Маккензи.

Чертов пистолет.

У нее был чертов пистолет.

Если бы ее поймал с этим кто-то другой, все, над чем я работал, чтобы дать ей, было бы разрушено. Она бы все испортила.

Как давно он у нее, и самое главное, где, черт возьми, она его взяла? Это маленький, простой пистолет 22-го калибра. Уверен, что ей было достаточно легко получить его, но я знаю, что она не может купить его легально. Мои губы становятся тонкими, когда на ум приходит Джек. Он единственный идиот, с которым она дружит, у которого хватило бы глупости дать ей оружие.

Когда я переступаю порог пентхауса, я не очень удивляюсь при виде нее. Она только что приняла душ, сидит на диване, на ее великолепном лице видны блики. Искра гнева вспыхивает в моей груди. Словно у нее есть право сердиться прямо сейчас. Особенно после того, как я спас ее задницу.

— Я знала, что не могу тебе доверять.

Ее голос пронизан ядом, когда она смотрит на меня с отвращением в глазах. Я сбрасываю пиджак, сохраняя бесстрастное выражение лица, даже когда внутри все кипит от ее слов. Она питала ко мне такое недоверие, что это должно было отвернуть меня от нее.

Все происходит с точностью до наоборот.

Ее гнев сделал со мной то, что я не должен был чувствовать в такой серьезный момент,

как этот. С этим придется подождать до другого раза. Мне нужно быстро разобраться с этой ситуацией.

— Ты ни черта не знаешь.

Она вздрагивает от льда в моем тоне. Я слишком долго позволял Маккензи барахтаться в своем гневе и печали, но теперь это дерьмо прекратится. Если она хотела всего того, о чем говорила, чтобы быть счастливой, прошлой ночью, ей лучше слушать и слушать хорошо. Я могу сделать так много. Я могу сделать так, что многое произойдет. Если она продолжит идти по этому пути, пытаясь решить все это и отомстить самостоятельно, все, что я делаю, будет напрасным, и я отказываюсь позволить этому случиться.

— Я ненавижу тебя, — шипит она, сдерживая слезы.

Моя челюсть сжимается от гнева на ее проявление эмоций. Я стискиваю зубы, стараясь подавить свое разочарование в ней. Она так сильно хочет ненавидеть меня, что, независимо от того, что я сделаю хорошего, я всегда буду плохим в ее глазах. Это наполняет мою грудь льдом и холодит кровь.

— Это взаимно, детка.

Ее лицо вытягивается, но она прикрывает его гримасой, прячась за этой маской, всегда скрывающей ее боль.

— Почему они там были? Почему ты был с ними и почему не сказал мне?

Она скрещивает руки на груди, требуя правды. Наверное, моей первой ошибкой было не сказать ей правду. Я думал, что, скрывая от нее то, что происходит с Дикарями, я защищаю ее, но вместо этого это привело к противоположному эффекту.

— Они были там, потому что я вычеркиваю их из акций The Kings. — ее глаза расширяются, и она падает обратно на диван, выглядя потрясенной. — Винсент пытался убить тебя. Вычеркнуть его из моей жизни было само собой разумеющимся.

— Но... но почему ты сделал это для меня? — спрашивает она, и в ее больших красивых глазах мелькает замешательство.

Я сжимаю челюсть в жесткую линию, сердито глядя на нее.

— Если ты до сих пор не можешь понять, почему, это не моя проблема.

— Не могу представить, чтобы они хорошо восприняли эту новость. Что произойдет, если они придут за мной в отместку?

Сокращая расстояние, между нами, я опускаюсь на корточки перед ней. Обвиваю рукой ее шею и притягиваю к себе. Прижимаясь лбом к ее лбу, вдыхаю ее. Она прижимается ко мне, как перчатка, недостающая часть, которую я никогда не понимал, что ищу, и будь я проклят, если позволю кому-то забрать ее у меня.

— Ты действительно думаешь, что я позволю этому случиться? Я обещал позаботиться о тебе в обмен на твою свободу. Они и близко к тебе не подойдут. Но я проверяю их, чтобы увидеть, кто нанесет удар первым, потому что я думаю, что ты, возможно, права. Возможно, в конце концов, ночь смерти Мэдисон была не тем, во что они заставили меня поверить. Ничего не сходится. Вот почему я хочу, чтобы ты была рядом.

Она смотрит на меня сквозь ресницы, эти прекрасные, наполненные душой глаза изучают мои. Сейчас они представляют собой смесь зеленого и коричневого, и небольшое кольцо синего цвета плавно переходит в края изумруда. В ее глазах можно прочесть столько эмоций. Все, чего я хочу, это обнять ее и держать рядом вечно. Только Маккензи не из тех девушек, с которыми я могу это сделать. Она сломана, и, как и все сломанные вещи, ей нужен шанс исцелиться самостоятельно, а не быть задушенной.

— Это единственная причина, по которой ты держишь меня рядом? — спрашивает она, и в ее глазах вспыхивает надежда.

— Ты хочешь, чтобы так было?

Когда она молчит, я глубоко вздыхаю и встаю, оставляя ее. Слышу, как она мягко ступает за мной в спальню. Я раздеваюсь, нуждаясь в душе и времени, чтобы ясно мыслить. Обычно плавание помогает мне в этом, но я слишком устал для этого.

— Ты злишься на меня, — осознает она вслух, и все, что я могу сделать, это издеваться над ней, потому что, блядь, да, я злюсь на нее за такую глупость. Злюсь, потому что она все еще делает все возможное, скрывая свои чувства ко мне. Даже когда я вижу это — когда я, черт возьми, чувствую это. — А чего еще ты от меня ожидал, Баз? — она протягивает руку и хватается меня за руку. — Я нуждаюсь в защите!

— Теперь нет. Я не подпущу их к тебе. Конец истории. Я не смогу дать тебе то, что ты хочешь, если ты мне не позволишь. Ты одержима идеей разрушить свою собственную жизнь. Для чего?

Я протискиваюсь мимо нее, убирая ее руку, и направляюсь в ванную.

После душа я с удивлением обнаруживаю ее сидящей на моей кровати. Я предполагал, что она уйдет, вернется в комнату для гостей и спрячется там, как она это делала. Маккензи, кажется, не уверена в моем настроении, когда провожает меня взглядом через комнату. Словно придя к какому-то решению в своей голове, она встает с кровати, и как раз в тот момент, когда я думаю, что она собирается уйти, она неторопливо подходит ко мне.

— Послушай, я не могу перестать бояться. Я пробовала, Баз. Ты не понимаешь, как это было много лет назад, когда тебя не было. Я просто... Мне нужно, чтобы ты помог мне избавиться от этого. Только на некоторое время.

Она осторожно кладет руку мне на живот, и мышцы дрожат под ее прикосновением.

Я сбрасываю полотенце, закрепленное вокруг моей талии, и подхожу ближе. Она ахает от удивления, обе ее руки теперь лежат на моем животе, пальцы обводят каждый кубик. Ловкими пальцами она рисует круги по каплям воды, и проводит пальцами по всему пути вниз, останавливаясь как раз перед тем, как добраться до моего члена. Маккензи смотрит на меня сквозь ресницы, жар и желание отражаются в ее глазах.

— Сделай это, — приказываю я ей, мой тон, как гравий, даже для собственных ушей.

Ее язык высовывается, смачивая пухлую нижнюю губу, в то же время ее мягкая маленькая рука обхватывает мой член, и она гладит, работая с длиной. Я стону от того, как хорошо она ощущается на мне.

Моя грудь сжимается, когда она опускается передо мной на колени. Ее пристальный взгляд прикован к моему, она берет меня в рот, и у меня перехватывает дыхание. Эти пухлые губы обхватывают мою головку, щеки втягиваются, язык облизывает нижнюю часть моего члена, сводя с ума. Удовольствие пробегает по моему позвоночнику от ощущения ее теплого, влажного рта, трахающего меня. Я зарываюсь одной рукой в ее волосы, хватаясь за пряди для поддержки, направляя ее рот, управляя ее головой именно так, как я хочу. Завеса волос падает ей на лицо, скрывая выражение ее лица, но ее глаза. Черт, эти глаза. Они кричат *«трахни меня»*.

Когда я кончаю ей в горло, то издаю одобрительный стон, и мышцы моих бедер напрягаются от усилий, которые требуются, чтобы не войти в ее рот в полную силу. Внезапно почувствовав необходимость избавиться от всего сегодняшнего беспорядка, я хватаю ее за плечи и поднимаю. Она протестующе стонет, когда мой член освобождается.

Бросаю ее на кровать, немного более агрессивно, чем намеревался, но по вспышке возбуждения, которую я вижу в ее глазах, очевидно ей это нравится. Она раздевается, и я переворачиваю ее на живот, толкая вниз и поднимаю ее задницу. Моя рука опускается на один из округлых и соблазнительных ягодиц, и она стонет в простыни.

Ее киска насквозь промокла, эти идеальные розовые губы капают от ее возбуждения, умоляя трахнуть ее. Моей девочке даже не нуждается в прелюдии; вот как сильно она этого хочет. Не теряя времени, я впиваюсь кончиками пальцев в ее бедра для поддержки и вхожу в нее сзади, по самые яйца. Схватив эти прекрасные светлые волосы, я оттягиваю ее голову назад, наблюдая, как красиво выгибается ее спина. Я двигаюсь внутри нее; мои глаза прикованы к члену, исчезающему в ней и выходящему из нее, пропитанному ее соками. Звук плоти о плоть и ее возбуждение эхом отдаются вокруг нас, и я наслаждаюсь этим. В ней.

Ее стенки начинают сжиматься вокруг моего члена с каждым движением, вцепляясь в меня изо всех сил, и ее стоны становятся громче, отражаясь от стен спальни.

— Вот так, грязная девочка. Кончи на мой член. Вот так.

Ее задница содрогается от силы оргазма, и она испускает крик удовольствия в простыни. Приподняв ее бедра выше, я меняю угол и трахаю ее до тех пор, пока не в состоянии продолжить. Именно там я остаюсь до конца ночи, глубоко погруженный в нее.

Пока мы лежим, оба, наконец, в состоянии отдышаться, я жду, когда она заснет. Жду от нее этого. Черт, после произошедшего, мне нужно, чтобы она заснула, чтобы я мог, блядь, мыслить здраво. Но я нисколько не удивляюсь, когда она прижимается ко мне, будто ищет поддержку. Ее следующие слова становятся шоком для моего организма.

— Она разговаривает со мной.

Мои брови опускаются, а сердце сжимается. Я догадываюсь, кто это *она*.

— Кто?

Наступает долгая пауза. Так долго, что я не думаю, что она ответит мне, но она отвечает.

— Мэдисон.

Мой рот открывается, чтобы что-то сказать, но ничего вразумительного не выходит. Не знаю, как на это ответить. Не знаю, как к этому относиться.

— Ты думаешь, я сумасшедшая, не так ли? — шепчет она, и в ее голосе слышится грусть. Я качаю головой, тяжело вздыхаю и притягиваю ее ближе.

— Нет.

— Иногда мне кажется, что да. Она приходит и уходит, когда ей заблагорассудится, но мой разум всегда пытается рационализировать это. Она мертва. Как она может быть в одном месте, стоя в ногах моей кровати, когда я знаю, что на самом деле ее там нет?

Я поджимаю губы, решая углубиться в то, что связывает ее с сестрой.

— Что она... говорит тебе?

— Все и ничего.

— Она сейчас здесь?

Я чувствую, как она напрягается в моих руках, и вскакивает, глядя на меня сверху вниз.

— Ты смеешься надо мной.

Я изо всех сил стараюсь скрыть ухмылку, глядя на сердитое выражение ее лица.

— Нет. Я просто задаю вопрос, потому что мне любопытно.

— Ну, нет. Ее нет, — сухо отвечает она.

Я притягиваю ее обратно к своей груди, и она на удивление охотно ложится, падая

обратно в меня, будто она не просто раскрыла глубокую, темную тайну.

— Иногда мне кажется, что я все еще слышу ее, потому что мы были близняшками. Интересно, была ли наша связь настолько сильна, что я все еще слышу ее даже после смерти? Бывают моменты, когда я задаюсь вопросом, все ли это только у меня в голове. Не хочу верить, что я воображаю это — воображаю ее.

— В глубине души, на что это похоже?

Она молчит.

— Это похоже на реальность.

Я напеваю, звук вибрирует в моей груди, под ее головой, и она вздыхает.

— Ты мне не веришь, не так ли?

Я делаю паузу, тщательно обдумывая, как ответить. Дело не в том, что я ей не верю. Просто у меня нет ни одного из ответов, которые она ищет.

— Я верю, что ты веришь в это.

— Это не то про, что я спрашивала.

— Маккензи, я не верю в подобные вещи. Я никогда не верил. Это не значит, что я не верю, что ты говоришь правду. Это не значит, что этого на самом деле не происходит.

Она молчит, обдумывая мои слова. Я имею в виду их. Не думаю, что она сумасшедшая, потому что разговаривает со своей сестрой. Я никогда не узнаю боли от потери брата или сестры, не говоря уже о боли от потери близнеца. Я не смогу понять, что она чувствует внутри.

— Если бы она была жива, как думаешь, наши пути когда-нибудь пересеклись бы? Знаю, ты веришь, что все это было спланировано с самого начала, но нет. В первый вечер с тобой, в ресторане, мне просто повезло, что я наткнулась на тебя. Я уже много лет не разговаривала с мамой по телефону, и когда она позвонила мне, я не могла нормально соображать. В тот вечер я собиралась поужинать со своими подругами, а потом, встретив тебя... все изменилось.

Я довольно много думал об этом. Всегда удивлялся, как она так легко спланировала нашу первую встречу. Как догадалась войти именно туда в это время. Черт, ужин был спонтанным. После деловой встречи, которая длилась дольше, чем ожидалось, мне захотелось поесть в одиночестве. Что было бы, если бы эта деловая встреча закончилась раньше, и я никогда не поужинал бы там в тот вечер?

— Я не знаю. Возможно, в конце концов наши пути пересеклись бы, но я уверен, что, между нами, все было бы совсем по-другому. Я не знал твою сестру достаточно хорошо, чтобы представить, каким было бы ее будущее, если бы та ночь никогда не случилась. За эти годы у меня было несколько бесед с ней. — я сглатываю, не зная, как она отреагирует на эту информацию. — И небольшой диалог в ночь ее смерти. Перед моим отлетом.

Маккензи ерзает у меня на руках. Я ожидаю, что она оттолкнет меня и бросит на меня свирепый взгляд, но она этого не делает. Вместо этого она кладет подбородок мне на грудь. Я ищу в ее взгляде остатки гнева или предательства, но этого нет. Она просто хочет услышать все, что я хочу сказать. У меня такое чувство, что иногда Маккензи просто хочет поговорить о своей сестре, потому что скучает по ней. Вместо того, чтобы скучать по ней самой и держать свои эмоции запертыми внутри, это дает ей шанс поделиться ими со мной. И я могу это уважать.

Вздохнув, я вспоминаю ту ночь.

— Я заметил тебя в тот вечер. Собрал все воедино гораздо позже.

— Меня?

Эти великолепные глаза округляются от удивления. Сейчас это прекрасная смесь меда с сосновыми крапинками. Когда она такая, мягкая, и сильный фасад исчезает, я люблю это. Потому что это она. На ее лице нет никакой косметики, волосы не окрашены. Просто Маккензи, которой она всегда должна быть. Я хочу дышать ее болью и дышать ее воздухом, потому что она жизненно важна, она жизненно важная часть меня, которую, я уверен, что никогда не смогу отпустить.

Я ухмыляюсь ей, вспоминая ту ночь.

— Ты бы и не заметила. Ты смотрела на Трента всю ночь.

Она стонет, уткнувшись лицом мне в грудь, заставляя смеяться.

— Подростки такие глупые, правда?

Я трезвею, глядя на нее сверху вниз. Странно, я так много раз смотрел на нее, и кажется, что это первый раз, когда я отчетливо вижу кусочки ее сестры в ее лице. Черные волосы хорошо маскировали это, но с ее естественными волосами я увидел те части ее тела, которые она так старалась скрыть от меня.

— Я уходил от костра, когда столкнулся с ней. Она была расстроена и рассержена, а я был пьян.

Она застывает на мне, и я знаю, что она ожидает от меня худшего, просто из-за всего, что произошло. Я никогда не признаюсь в этом, но меня это беспокоит. Что она может так низко думать обо мне.

В этом и проблема. Думая, что она дает мне сантиметр, на самом деле она вообще ничего мне не дает. Она намеренно окружила себя щитом, виноградной лозой из шипов, обернутой вокруг ее сердца, как формой защиты. Всякий раз, когда я протягиваю руку, чтобы схватить ее, заявить, что она моя, эти шипы вонзаются в мою плоть, оставляя истекать кровью. Как бы ей этого ни хотелось, она никогда по-настоящему не доверится мне и не выпустит.

— Я все равно сел рядом с ней и попытался понять, что случилось. Она была напугана. Это все, что я знал.

Это милая маленькая складочка образуется между ее бровями.

— Чем она была напугана?

Убирая выбившуюся белокурую прядь за ухо, я пожимаю плечами.

— Без понятия. Но она сказала мне одну вещь. Она хотела, чтобы я защитил тебя.

Она хмурится еще сильнее.

— Зачем?

Ее тон становится жестче, и могу сказать, что спокойный момент, которым мы наслаждались вместе, теперь испарился.

— Предполагаю, что это как-то связано с тем, что происходило между ней и Винсентом. Я не стал задерживаться, чтобы это выяснить. Этот разговор, хотя и недолгий, остался со мной еще долго после ее смерти. Когда я смотрел на твою сестру, особенно в ту ночь, она напоминала мне кого-то потерянного. Едва держа голову над водой. *Alma perdida*. (с испанского: Потерянная душа)

— Разве у тебя нет такой татуировки?

— Да, — я внимательно наблюдаю за ее реакцией на эту новость. — Набил через несколько лет после ее смерти. Я чувствовал себя виноватым за произошедшее. Что оставил ее там в ту ночь и сел в самолет. Если бы я остался, я всегда задавался вопросом, все ли было

бы по-другому для нее. Для тебя.

Она внезапно садится, повернувшись ко мне спиной. Ее спина напряжена, и я жду, пока она отойдет, позволяя разобраться в том, что она думает или чувствует.

— Итак... — она прочищает горло, в ее голосе слышатся эмоции. — У тебя на коже татуировка, посвященная моей сестре?

Я закрываю глаза, понимая, как это звучит.

— Все совсем не так.

Она поворачивается ко мне лицом, слезы скапливаются на краях ее век, на грани падения.

— Не знаю, что я должна чувствовать. Тот факт, что ты достаточно заботился о ней, чтобы пометить свою кожу, заставляет меня хотеть поцеловать тебя, но есть и другая часть меня. Какая-то больная часть меня ревнует. Ревнует, что даже в смерти она обладает частичкой тебя, которой нет у меня.

Невыносимая тяжесть ложится на мою грудь.

— Я понимаю.

— Ты знаешь, каково мне было в детстве? Я всегда была второй после сестры. Каждую часть своей жизни я соревновалась, пытаюсь каким-то образом не отставать от нее, пытаюсь удержаться на плаву. Старалась быть такой же хорошей, как она. Ты ошибаешься. Она никогда не была потерянной. Все у нее было продумано. Она была лучшей из нас. Понимаешь, почему сейчас так тяжело слышать, что каждый раз, когда я с тобой, я все равно буду в чем-то соперничать с ней? Всегда интересно, видишь ли ты ее во мне?

Слезы катятся по ее щекам, и орган в моей груди сжимается. Это чужеродное ощущение возвращается, и становится трудно дышать. Выпрямившись, я тянусь к ней, притягивая ее в свои объятия. Кладу одну руку ей на шею, удерживая ее взгляд на одном уровне с моим, а другой вытираю ее слезы.

— Вот тут ты ошибаешься. Я убежден, что она была потерянной, и ты всегда должна была быть той, кто ты есть. После ее смерти ты потеряла из виду это, себя. Вот почему тебе нужно найти это снова. Она позволила тебе поверить в эти вещи, потому что знала, что ты смотришь на нее снизу вверх. — ее нижняя губа дрожит, будто она на грани истерики. Взяв ее лицо в ладони, я обхватываю ладонью ее щеку. — И нет никакой конкуренции, Маккензи. Это ты. Это всегда была только ты.

Я прижимаюсь губами к ее губам, пробуя соль от ее слез и ее самой. Она падает обратно на кровать, ее глаза умоляют о том, в чем она никогда не признается вслух. Я не тороплюсь с ней остаток ночи, медленно изучая ее тело языком и пальцами, пока она не стонет мое имя далеко за полночь.

Я провожу большую часть ночи, наблюдая за ней, пока она спит. В таком состоянии она выглядит умиротворенной. Не то что сломленная девушка, которая заблудилась. Я хочу защитить ее, но это становится все труднее и труднее. Она так много хочет знать, и слишком большая дикая карта, чтобы посвящать ее во все, что происходит. Я не смогу делать то, что мне нужно, если она будет рядом на каждом шагу, разрушая то, что я уже привел в движение. Наверное, мне пора вставать и ехать на работу. Я слишком долго пренебрегал своими обязанностями.

Наклонившись, я целую ее в макушку, и она шевелится. Я замираю, думая, что она просыпается, но она просто поворачивается на бок, простыня соскальзывает с ее ног, открывая свои идеальные изгибы. Требуется вся сила воли, чтобы уйти, но, как только я

ухожу, ее следующие слова, слетевшие с губ во сне, останавливают меня.

— Я люблю тебя, Баз.

Моя грудь сжимается, а живот болезненно скручивается, только доказывая то, что я уже знаю. Это неправильно. То, что я делаю, неправильно. Если это когда-нибудь сработает, Маккензи должна найти то счастье, которого она так отчаянно жаждет. Как бы я ни хотел, чтобы она пришла ко мне за этим, это несправедливо. Любовь — это освобождение кого-то, даже если вы этого не хотите, и надежда, что он каким-то образом найдет свой путь обратно к вам.

Именно это я и делаю.

Глава 27

Маккензи

Я думала, что после той ночи в постели База мы в хорошем месте, но я ошибалась. На следующее утро я проснулась, а его уже не было, и он не возвращался целых два дня. Не было ни звонков, ни сообщений, но опять же, я тоже не связывалась с ним.

Вот в чем проблема с Базом. Я никогда не могу сказать, что на самом деле происходит у него в голове. Его невозможно прочесть. С его сердцем, похороненным в тайнах, я уверена, что никогда не смогу по-настоящему завладеть им целиком. Он отдаст мне частички себя, и я просто должна смириться с этим.

Самое печальное? Я. Я отрежу от него кусочки, если это будет означать, что я могу его заполучить.

Я все еще злюсь на него, не зная, что это значит для нас, и не могу отрицать, что часть меня все еще не доверяет ему. Я хочу, чтобы он поделился со мной всем, но интересно, считает ли он, что я слишком неуравновешенна, чтобы сделать это. И, возможно, так оно и есть.

Мое настроение только ухудшается, когда я сталкиваюсь с Мией после купания. Почувствовав себя особенно одинокой, я подумала, что купание поможет мне гораздо меньше тосковать по Базу. Это жалкая попытка, и я знала это.

Я резко останавливаюсь, когда вижу, как Мия выходит из спальни База. Мои брови низко опускаются, подозрение густеет в венах. Я ей не доверяю. Баз сказал, что уволил ее, и я не могу не чувствовать, что у нее имеются скрытые мотивы. Не знаю, то ли это потому, что она явно влюблена в База, то ли из-за чего-то большего.

— Что ты здесь делаешь?

С ее руками, полными сумок и папок, я хмурюсь еще сильнее.

— Себастьян попросил, чтобы я захватила свою одежду, которую забыла здесь, для быстрой поездки.

Мое сердце сжимается, неуверенность заставляет мой желудок скручиваться.

— Поездки?

Она замечает замешательство, написанное на моем лице.

— Да, мы вылетаем сегодня вечером.

Мы?

МЫ?

Моя челюсть сжимается, и приходится приложить все усилия, чтобы сдержать гнев и ярость. Я вдруг чувствую, что краска сошла с лица. Предательство проходит через систему. Он даже не потянулся ко мне после той ночи, но у него есть время для нее?

— Он тебя уволил, — цежу я сквозь зубы.

Ее губы сжимаются при напоминании.

— Не благодаря тебе, я уверена. И это не рабочая поездка.

Мой желудок сжимается от картины, которую она явно рисует для меня. Я знаю, что мы не пара, но после ночи мне показалось, что что-то изменилось. Наверное, я ошиблась. Не знаю, чему я удивляюсь. Я знала, что не могу ему доверять. Это только доказывает.

— Ох, ничего себе, — выдыхает она, и в ее глазах мелькает злобный огонек. — Ты не знала?

Она притворяется обеспокоенной. Очевидно, я выдаю на своем лице гораздо больше, чем намеревалась. Однако я вижу ее насквозь. В ее глазах мелькает ликование. Ей это нравится. Мысль о том, что Баз держит меня в неведении.

Почему я вдруг чувствую себя наложницей в этих отношениях?

Я прочищаю горло, заправляя влажные волосы за уши.

— Нет, я не знала.

Эти слова, как кислота на моем языке, признают поражение. Ее верхняя часть губы кривится от удовольствия. Взгляд скользит вверх и вниз по моему телу, завернутому в полотенце, и останавливается на моих волосах, и я внезапно снова чувствую себя той молодой девушкой. Незначительной. Словно я не совсем сравнима со всеми остальными.

— Знаешь, — шепчет она, подходя ближе. — Я солгала. В конце концов, блондинский

оттенок не твой цвет. Черные волосы подходили тебе гораздо больше.

Ее слова попали в намеченную цель, когда она поворачивается, чтобы уйти. Я изо всех сил стараюсь отдышаться и не обращать внимания на крошечное ощущение в груди, стеснение в легких и абсолютное ужасное чувство того, что я тону в своей неуверенности.

Как только за ней захлопывается дверь, я едва не падаю в обморок. Я позволила себе погрязнуть в обиде и боли. Не хочу думать, почему она оставила здесь одежду, но это все, на чем я могу сосредоточиться. Она и Баз вместе, даже когда он сказал, что она всего лишь его сотрудница. Что за дерьмо.

Когда Дэн приходит, чтобы принести мне еду, он не комментирует, но я вижу, что он медлит, будто хочет сказать больше, но не делает этого.

Чтобы отвлечься, я звоню Кэт и Вере, надеясь, что они смогут немного облегчить боль. Я держу их в курсе происходящего, но забываю упомянуть о своих чувствах и о том, насколько они изменились с тех пор, как я здесь. Единственное, что я намеревалась сделать, единственное, что я сказала, что не позволю случиться, оно произошло.

Я позволила своим чувствам к Базу затуманить мои суждения. Позволила себе снова влюбиться в него, что является еще одной ложью. Я никогда не прекращала любить. Просто подавляла это, притворяясь, что этого нет, когда явно было.

Сидя на краю кровати, я просматриваю свой телефон, статьи, касающиеся База и остальных парней. На фронте База молчание. Единственные статьи, которые, кажется, продолжают появляться, относятся к Тренту. Вчера его поймали пьяным на выходе из клуба.

— *Ты всегда можешь отправиться туда и использовать его, чтобы узнать правду.*

Я медленно поднимаю взгляд и вижу, что Мэдисон, сидящая на краю тумбочки, наблюдает за мной. Я качаю головой, пытаюсь заставить ее уйти.

— *Ты не сможешь так легко от меня избавиться, Мак.*

— Уходи, — я стискиваю зубы, стреляя в нее глазами, как кинжалами.

— *Я нужна тебе,* — настаивает она. — *Ты можешь обманывать себя, думая, что ты не все, что хочешь, но мы обе знаем правду.*

— Я нуждалась в тебе девять гребанных лет, и где, черт возьми, ты была, а? Теперь ты хочешь проявить беспокойство?

— *Я всегда была рядом, Мак. Ты просто не слушала. Ты меня не слушала.*

— Слушала! Где ты была? — слезы жгут мне глаза. — Как ты посмела бросить меня? Посмотри, где я. Посмотри на меня, Мэдисон. Я в полном дерьме!

Ее лицо смягчается.

— *Я была рядом, Мак. Тебе нужно перестать отгораживаться от меня. Перестань отгораживаться от всех, кто пытается тебе помочь. Это ни к чему не приведет.*

— Прекрасно. Просто скажи мне, что делать. Пожалуйста, — задыхаюсь я.

— *Я уже сказала тебе, что делать,* — раздраженно вздыхает она. — *Забудь об этом. Забудь о них. Обо всех. Только так ты станешь по-настоящему счастливой.*

— Я не могу. Ты не понимаешь? Я не могу этого сделать. Они собираются убить меня.

— *Баз никогда бы этого не допустил.*

— Ты не знаешь его так, как я.

Она склоняет голову набок.

— *Разве?*

Я стискиваю зубы.

— Не делай этого. Не играй с моей гребаной головой. У вас, ребята, никогда ничего не

было. Не делай из этого больше, чем было на самом деле.

— *Оставь это, Маккензи. Если ты продолжишь идти по этому пути, это разрушит твою жизнь. Все приведет к тому, что тебя убьют. Доверься мне. Тебе нужно поговорить с Базом, прежде чем ты совершишь какую-нибудь глупость.*

Я разочарованно провожу рукой по волосам.

— Ты пытаешься проникнуть в мою голову! Прекрати!

Я вскакиваю с кровати, все, что угодно, лишь бы убраться от нее подальше. Я расхаживаю по коридору, чувствуя себя зверем в клетке. Неужели она не понимает, что я не могу оставить это позади? Винсент пытался убить меня. Зак пытался убить меня. Баз и Маркус что-то задумали и решили не впутывать меня в это. Трент пьяный кусок дерьма, и у меня болит сердце.

Почему всякий раз, когда я начинаю чувствовать, что карты падают на свое законное место, что-то происходит, нарушая это?

Увидев Мию, я получила удар в сердце, будто из-под меня выдернули ковер. Я хочу доверять Базу и отдать ему ту часть себя, которую я никогда никому не показывала, но, когда происходят такие вещи, как это, мне хочется убежать и держать свое сердце взаперти, где он никогда не сможет его найти. Словно он намеренно пытается причинить мне боль.

Моя грудь хрипит на вдохе, когда я останавливаюсь.

— *Оставь все как есть, Маккензи. Я тебя предупреждаю. База нет, и твоего пистолета тоже. Прими свой проигрыш и оставь все как есть. Двигайся дальше.*

— Нет. Все, что мне нужно сделать, это найти пистолет.

Я спешу в спальню База, мои губы кривятся в презрении, когда я смотрю на кровать, в которой мы не так давно спали. Та самая спальня, через которую только что проходила Миа, свободно прикасаясь к его вещам по его просьбе. Тот гнев, который я пыталась похоронить с тех пор, как увидела Мию с тех пор, как он игнорировал меня, начинает закипать на поверхности. Я начинаю беспокоиться о нем и Мии и о том, чем они сейчас заняты. Не могу представить, чтобы он причинил мне боль, но начинаю понимать, что не знаю База так хорошо, как мне казалось. Черт, у него татуировка, посвященная моей сестре. Этого должно было быть достаточно, чтобы открыть мне глаза на его ложь.

— *Просто поговори с ним. Ты делаешь поспешные выводы о нем и о ней. Ты не знаешь, почему она на самом деле была здесь.*

— Я знаю достаточно! — рявкаю я, врываясь в его комнату и направляясь прямо к гардеробу.

Так же безупречно, как и всегда, я бросаюсь вперед, направляясь прямо к ящикам в центре, открываю их, роюсь в поисках пистолета. Если я смогу найти его, то буду держать его при себе и для защиты, и со мной все будет в порядке.

К тому времени, когда я обыскала все его ящики и все еще не нашла пистолет, я делаю шаг назад и смотрю на катастрофу, которая теперь стала его личным пространством. Уверена, что у него здесь есть камеры, и уверена, что он видит, что я делаю. Я демонстративно оборачиваюсь к каждому углу в его комнате и показываю средний палец.

Гребанный мудака.

Выйдя из его комнаты, я возвращаюсь в свою и пытаюсь придумать новый план. Я не смогу попасть в его кабинет, и что-то подсказывает мне, что именно там пистолет. В голове возникает идея, и я снова слышу ее.

— *Не делай этого,* — предупреждает она.

Не обращая на нее внимания, я иду к своему шкафу и перебираю вещалки, пока не останавливаюсь на черном обтягивающем наряде.

— *Это ошибка. Оставайся здесь, Мак. Здесь ты в безопасности. И ты это знаешь. Там, снаружи, он не сможет защитить тебя. Пожалуйста.*

— Ну, это его проблема за то, что он ушел, не так ли? Я могу защитить себя. А теперь оставь меня в покое.

Она так и делает. Я оглядываю комнату, и все следы моей сестры исчезли. Я пытаюсь убедить себя, что это меня не беспокоит, но это беспокоит. Все всегда уходит.

После завивки волос, нанесения макияжа и надевания крошечного платья, которое облегает мои изгибы и демонстрирует достаточно кожи, привлекая всеобщее внимание, но не настолько, я ухожу. Не уверена, что я ожидаю получить от поездки в клуб. Неизвестно, кто там будет, но все, что я знаю, это то, что мне нужны ответы. Немедленно.

Может, часть меня хочет столкнуться с Трентом. Я могу использовать его, чтобы докопаться до сути происходящего. Хотя я не доверяю ему, я не верю, что он так же опасен, как Зак и Винсент.

И, если что, я могу обыскать верхний этаж в поисках своего пистолета. У меня никогда не было

шанс поискать там, но сегодня я, возможно, смогу это сделать.

Как только я спускаюсь в лифте, то сталкиваюсь с Дэном, как и предполагала.

Его брови опускаются, и беспокойство написано на его лице, когда он замечает мой наряд.

— Мисс Райт, что-то не так?

Я бросаю на него свирепый взгляд.

— Разве тебе не хотелось бы знать?

— Я должен предложить вам оставаться на месте, пока не вернется мистер Кинг. Ему это не понравится.

Я сухо смеюсь, все еще направляясь к выходу, где меня ждет такси.

— Ох, уверена, ему это понравится. Я жду его по первому зову, пока он проводит время с Мией. Но знаешь, что, Дэн, почему бы тебе не передать ему сообщение от меня? Скажи ему, что я сказала, что он может идти к черту. — я продолжаю идти к выходу, чувствуя, что он следует за мной. Я останавливаюсь как раз перед тем, как подойти к единственной ожидающей меня машине. — Или еще лучше, почему бы тебе не сказать ему, чтобы он трахнул Мию вместо этого, хотя я уверена, что он уже это сделал.

Я посылаю ему вкрадчивую улыбку и сажусь в машину.

— Мисс Райт, подождите! Вы все неправильно поняли...

Я хлопаю дверью, прерывая его на полуслове. Если кто-то и собирается объясняться со мной, так это Баз. Уверена, что в ту секунду, когда я получу доступ к клубу, это дойдет до База, и когда это произойдет, не знаю, что он сделает и как отреагирует. Какова бы ни была его реакция, это даст мне только короткое окно для поиска пистолета или чего-нибудь еще, что я смогу найти на остальных парней.

Попасть в клуб легко, охране уже сказали впустить меня по давнему приказу База. Сегодня в клубе полно народу. Он заполнен извивающимися телами, членами элиты в костюмах и людьми, которые хотят хорошо провести время, не заботясь ни о чем в мире. Ох, как я им завидую!

Один из охранников без проблем провожает меня на верхний этаж, и я не могу сдержать

улыбку. Это почти кажется слишком легким. Как только за мной закрывается дверь, я спешу по коридору, распахивая двери во все комнаты, убеждаясь, что я одна, прежде чем начать поиски. Я уже на полпути, когда раздается звук открывающейся двери. Я замираю, ожидая услышать голос База или, что еще хуже, одного из других Дикарей, но ничего не слышу. Выходя из комнаты в холл, я держусь в тени, пытаюсь заглянуть в гостиную, которая выходит на танцпол.

Мое сердце колотится в груди, когда я замечаю пьяного Трента, который небрежно склонился над стойкой бара, бормоча что-то себе под нос. Я крадусь дальше, и он поднимает взгляд. Ему требуется несколько секунд, чтобы понять, что это я. В тот момент, когда к нему приходит понимание, его глаза вспыхивают от страха, краска отходит от лица.

— Срань господня, — задыхается он. — Мэдисон?

Я смеюсь, свободно входя в комнату. Кажется, он слишком пьян, чтобы стоять на ногах, не говоря уже о том, чтобы причинить мне боль.

— Попробуй еще раз, придурок.

Его губы сжимаются в мрачную линию, ярость проникает в самое его существо.

— Маккензи, — почти выплевывает он.

— Бинго.

— Какого хрена ты здесь делаешь, сука? — он невнятно бормочет, опрокидывая в себя остатки алкоголя.

— Ищу ответы. — я пожимаю плечами.

Он встает, и мой живот сжимается, все еще не уверенная в нем.

— Знаешь, это все твоя гребаная вина. Ты все испортила. Почему не могла просто держаться подальше?

— Не я солгала, что нашла мою мертвую сестру в лесу, ублюдок.

— Это была не моя идея! Откуда мне было знать, что они так с ней поступили!

Мое сердце останавливается, и я делаю шаг вперед, чувствуя, как пол сдвигается под моими ногами.

— Что ты только что сказал?

— Только не говори, что веришь, будто они действительно наткнулись на ее тело, и все? Из-за тебя и этих двух придурков я потерял все. Баз забрал мои акции. У меня нет ничего без The Kings.

Я закатываю глаза.

— Твоя семья богата, ты, гребаный избалованный мудака.

— Моя семья обанкротилась! — рычит он, спотыкаясь в мою сторону. — The Kings это все, что у меня было. Доход, который мы делили с этого, на это я жил. Без клуба у меня ничего нет.

Я с трудом сглатываю от ярости, кипящей в его глазах. Я продолжаю отступать от него, когда он приближается ко мне.

— Это не моя вина. Все, чего я когда-либо хотела, это правды. Я ни о чем не просила.

— Да, просила! — он дергается вперед, его рука цепляется за мою хватку, когда он пытается притянуть меня к себе. Я стряхиваю его руки. Страх змеями пробегает по моему позвоночнику, сердце колотится в груди. — Эта маленькая статья, которую ты написала, нагнула всех нас. Думаешь, что кто-то хочет, чтобы мое имя и фамилия ассоциировалась с чем-нибудь после такого? Все наши фамилии? Единственный человек, который выжил без единой царапины, это Баз, но я уверен, что именно так ты и планировала это, не так ли? —

кипит он.

Моя спина сталкивается со стеной, и я паникую, понимая, что мне больше некуда идти. Я недооценила его и его гнев.

Трент загоняет меня в угол, прижимаясь своим телом к моему, все сто восемьдесят сантиметров нависают надо мной. Он смотрит на меня сверху вниз, в его глазах пылают ярость и отвращение, но под этим скрывается что-то еще, и когда я смотрю на него, мой желудок сжимается, понимая, что.

Это желание, жгучее желание, которое опалает мою кожу.

Он наклоняется, заглядывая мне в лицо. Я хочу съежиться. Каждая частичка меня хочет свернуться калачиком, но я остаюсь сильной, напрягаю спину и смотрю на него снизу вверх.

— Ты думаешь, что ты такая сильная? Думаешь, ты пережила смерть один раз и получила все?

От него пахнет алкоголем. Он дует мне в лицо, сводя желудок. Мое лицо мрачнеет.

— Я ничего не думаю.

— Ты считаешь себя чертовски умной, влезая в жизнь База и настраивая его против нас. Это твоя вина. У меня ничего нет из-за тебя. У нас ничего нет из-за тебя.

— У тебя ничего нет, потому что ты полагался на другого мужчину, который заботился о тебе. Вы все взрослые мужчины. Вырасти к чертовой матери. Не вини меня в своих ошибках.

Он бьет ладонью по стене над моей головой, и я вздрагиваю. Сердце подкакивает к горлу, а пульс учащается. Я слышу, как кровь бежит по моим венам.

— Это ты виновата, глупая сука! — кажется, ему нравится получать от меня реакцию, его глаза сверкают. — Боишься, Маккензи? — шепчет он, наклоняясь к моему уху.

Я пытаюсь толкнуть его в грудь, чтобы заставить отступить, но он как кирпичная стена. Он не двигается.

— Ты меня не пугаешь, Трент. Все, что ты есть, это разоренный, непривилегированный мудака. Ты подонок, — на взводе я.

Его глаза вспыхивают, и его свободная рука больно сжимает мое бедро.

— В какой-то момент ты хотела меня. Что произошло, Маккензи? Ты всегда должна была быть моей, а не его. Моей. Я собирался трахнуть тебя той ночью. Ты знала об этом? Я видел по твоим глазам, как сильно ты хотела меня.

Трент наклоняется, и хотя я знаю, что это произойдет, я пытаюсь бороться с ним. Его губы касаются моей шеи, и я задыхаюсь. Бью его, пытаюсь сбросить с себя. Моя рука скользит по его лицу.

— Я никогда не собиралась быть твоей и никогда не стану.

Он протягивает руку, хватая меня за запястье и отбрасывает назад, прижимая к стене. Моя голова ударяется о шпукатурку, заставляя боль пронзить череп, ошеломляя на несколько секунд. Этого времени достаточно, чтобы Трент смог нагнуться и украсть поцелуй. Его рот прижимается к моему, и он ощупывает меня, руки сжимают и разминают мою плоть.

Размахивая кулаками, я отбиваюсь от него, кусая его губу до крови. Трент издает вопль боли, но прежде, чем я успеваю отскочить, его рука оказывается в моих волосах, и тянет меня на пол. Мое плечо ударяется о мрамор, боль пронзает бок в попытке отползти на четвереньках, но он дергает меня за лодыжку, опрокидывая на спину. Его тело нависает над моим, его твердая длина толкается в мой центр.

Страх впивается в грудь, и я уже готова позвать на помощь, когда его рука закрывает

мне рот, и он начинает задирать платье мне на бедра. Слезы катятся по моим щекам. Я закрываю глаза, пытаюсь отбиться от него, прежде чем он сможет продолжить в своем пьяном оцепенении.

Почему я не послушалась?

Позади нас происходит внезапная суматоха, а затем внезапно Трент отрывается от меня. Я делаю глубокий вдох, задыхаясь от собственных рыданий. Зрение проясняется, когда я моргаю сквозь слезы, и мои глаза расширяются при виде того, как Баз дергает Трента за воротник. Его кулак врезается в лицо Трента, сбивая его на пол, оглушая. Его убийственные глаза устремляются на меня, и когда он видит меня на полу, мое задранное платье на бедрах, и слезы на лице, он издает звериное рычание. Выкрикивает приказы Дэну и остальной части его охраны, когда они толпятся в небольшом пространстве.

— Уведите ее отсюда. Сейчас же!

Дэн и другие охранники приходят мне на помощь, помогая мне стянуть платье вниз по ногам. Мое тело сильно дрожит.

— Баз, подожди...

— В кои-то веки просто делай, блядь, что тебе говорят! — ревет Баз, заставляя меня замолчать.

Меня выводят из комнаты, оставляя его там с полуобморочным Трентом, который катается по полу от боли. Дэн ведет меня сквозь толпу. Вспышки фотоаппаратов дико вспыхивают вокруг нас, но я держу голову опущенной, не давая им шанса сделать хоть один снимок. Я вздыхаю с облегчением, когда он помогает мне сесть в машину, и я очень благодарна за тонированные окна, потому что, как только дверь захлопывается и Дэн стоит рядом с ней, ожидая База, я срываюсь.

Мэдисон права. Это приведет к моему убийству. Черт, сегодня из-за этого на меня чуть не напали. Я не непобедима. Пришло время отпустить это. Двигаться дальше. Мне нужно верить, что Баз защитит меня. Потому что иначе как бы он узнал, что я в беде?

Неужели кто-то, кому я не могу доверять, нарушит свои рабочие планы и ворвется в комнату, чтобы спасти меня? Нет.

Дверь в машину внезапно распаивается, и Баз проскальзывает внутрь. Его поза напряжена, а лицо искажено гневом. Впервые, вижу, чтобы он так открыто проявлял свои эмоции. Я хочу дотянуться до него. Хочу, чтобы он обнял меня и стер все, что только что произошло, но, судя по исходящему от него гневу, сейчас не вариант. Я смотрю на его руку и задыхаюсь. Костяшки его пальцев окровавлены и распухли.

Мои глаза расширяются, и взгляд возвращается к его лицу. Должно быть, он услышал мой вздох, потому что поворачивается, глядя на меня.

— Что случилось?

Он не отвечает. Вместо этого его взгляд блуждает по мне. Он останавливается у меня на плече, и когда я смотрю вниз, я понимаю, что на нем начинают появляться синяки. Должно быть, я ударилась о мраморный пол гораздо сильнее, чем думала.

— Ты ранена? — спрашивает он, его взгляд все еще путешествует по моей коже, будто он ищет открытую рану или что-то, что показывает, что Трент причинил мне боль.

Кроме синяка на руке, ничего нет.

— Нет, — шепчу я.

Он, наконец, встречается со мной взглядом, и я сглатываю от его взгляда. Он полон гнева, но в нем есть и облегчение. Облегчение от того, что я не ранена и что он вовремя

успел.

— Ты в порядке? — спрашивает он через некоторое время, гнев медленно уходит с его лица.

Я качаю головой, не доверяя себе, чтобы ответить. Потому что да, снаружи я в порядке, но внутри? Совсем нет. Мне нужно, чтобы он обнял меня, но это не то, что он делает, и это больно.

Он кивает, словно подтверждая что-то самому себе, а затем рывкает на Дэна, который молча сидит на переднем сиденье, чтобы отвезти нас обратно в пентхаус. Поездка проходит в тишине, Баз смотрит в окно со своей стороны, глубоко задумавшись, а я смотрю на него, надеясь, что он взглянет на меня. Но он не смотрит. И будто знает, что это наказание, в котором я нуждаюсь, чтобы поставить меня на место.

Сегодня я намеренно бросила ему вызов, потому что была зла. Я приревновала к Мии и хотела причинить ему боль. Хотела выйти в свет и бросить вызов на каждом шагу, и вместо того, чтобы сделать это, я просто навредила себе.

Я чувствую себя маленькой и незначительной, когда мы вместе поднимаемся на лифте. Ощущаю себя нежеланной, чем дальше он не прикасается ко мне и не разговаривает со мной. Мой желудок сжимается при понимании, что он собирается вернуться домой.

— Прими душ, Маккензи, — приказывает он, как только мы переступаем порог.

Я заламываю руки, играя цепочкой сумочки.

— Баз, мне нужно тебе кое-что сказать...

Он бросает на меня такой уничтожающий взгляд, что я вздрагиваю.

— Прими гребаный душ.

Он уходит в свою спальню, захлопывая за собой дверь. Мои глаза закрываются, представляя, как он осматривает беспорядок в своем шкафу.

Христос.

Я тру свое тело под обжигающими брызгами, пытаюсь избавиться от прикосновений и запаха Трента. Пытаюсь забыть, что события сегодняшнего дня когда-либо происходили. Жаль, что я не могу вернуться и послушать Мэдисон, когда она предупредила меня остановиться. Она предупреждала меня, что это произойдет, но я не слушала.

Моя жизнь сплошная путаница ошибок за ошибками.

Собрав все свои силы, я одеваюсь и осторожно выхожу из своей комнаты в коридор. Слышу звон стекла и льда, доносящийся из гостиной. Неуверенными шагами я направляюсь в ту сторону, останавливаясь, когда замечаю База, сидящего на кресле, все еще одетого в свою прежнюю одежду, только теперь он без пиджака и рукава рубашки закатаны до предплечий. Пуговицы рубашки расстегнуты, обнажая загорелую грудь. Во всех смыслах и целях он выглядит хорошо. Слишком хорошо прямо сейчас. Но его настроение заставляет меня задуматься.

Он поднимает взгляд от разложенных перед ним бумаг, замечая мое парящее присутствие. Он ничего не говорит, просто смотрит. Я чувствую, как его интенсивность обжигает мою плоть. Это заставляет меня нервничать, вызывает дискомфорт от пристального внимания.

— Я могу зайти попозже, если ты занят.

Я многозначительно смотрю на его работу.

Он дергает подбородком в сторону кресла рядом с собой.

— Садись. Нам нужно поговорить.

В моем животе образуется яма, понимая, что этот разговор не будет хорошим. Тем не менее, я сажусь и держу губы на замке, ожидая, что он объяснит.

— Подпиши это.

Мои брови сходятся, когда я перевожу взгляд с него на бумаги и ручку, которую он почти тычет мне в лицо.

— Что это?

— Соглашение об издании. Поставь подпись.

Я качаю головой.

— Я не знаю. Мне нужно, чтобы адвокат Кэт просмотрел это...

— Маккензи, ты действительно думаешь, что я заставлю тебя подписать что-то, что тебе не было бы выгодно? Просто, блядь, подпиши это, чтобы мы могли покончить уже с этим.

Я сглатываю от его тона, но киваю, зная, что он прав. Уверена, что он просмотрел документы, и его собственный адвокат тоже. Взяв у него ручку, я подписываю, мое сердце замирает от сделанного, но сейчас у меня на уме более важные вещи. Например, извиниться за то, что было раньше. Я все еще злюсь на Мию, но это не значит, что я не ошиблась. Прежде чем я успеваю что-то сказать, он пододвигает ко мне что-то еще.

Мои брови хмурятся в понимании, что это.

— Документ на дом? Для чего?

— Для тебя.

Я выхватываю его у него, листаю, мои глаза расширяются, когда я понимаю, что это значит.

— Подожди, это тот самый дом, который мы смотрели, когда я только прилетела сюда. Тот, о котором ты сказал, что он выгоден для инвестиционных целей. Я не понимаю.

— Он для тебя. Ребята многое у тебя отняли. Я многое отнял у тебя. Это мой способ отплатить.

— Баз... — шепчу я, слезы наполняют мои глаза, эмоции застревают в горле. — Не могу поверить, что ты это сделал.

Он пожимает плечами, избегая моего взгляда.

— И он твой. Ты не нуждаешься в моей помощи больше. Ты никогда не нуждалась. Но мы с тобой уже знаем это.

Мой желудок сжимается, когда я вижу, что он имеет в виду. Это моя свобода на бумаге. Это то, чего я хотела все это время, и он прав. Я не нуждалась в этом. Я знала, что он никогда не сделает мне ничего плохого, и хотя травля со стороны прессы беспокоила меня, я могла бы проигнорировать ее. Я просто использовала это как предлог, чтобы быть рядом с ним.

— Но... сми. Что, если мне все еще нужна твоя помощь?

Я хватаюсь за соломинку, делаю все, что в моих силах, чтобы зацепиться за него, и по выражению его глаз он видит это, но по какой-то причине отпускает меня. Снабдив меня всем, что мне когда-либо понадобится, так что мне не придется ни за чем бежать к нему. Он разрывает связь. Ставит точку.

Боль пронзает мою грудь, затрудняя дыхание.

— Нет. Соглашение об издании тебе поможет. У тебя есть помощь Кэт. Ты можешь остаться здесь, в том доме, или продать его и вернуться в Нью-Йорк. Все, что ты захочешь с ним сделать, потому что он твой, но если ты его продашь, ты не сможешь удочерить Аву.

Мое дыхание прерывается рваным вздохом.

Ава? Удочерение? Как он все это сделал? Как долго он собирал все это вместе?

Почему мне не сказал?

— Баз... Не могу поверить, что ты это сделал. Почему не сказал мне?

Я осторожно кладу руку ему на предплечье, и мы оба смотрим в точку соприкосновения. Его телефон, лежащий на столе, начинает звонить, и когда я вижу имя Мии, мой гнев просачивается в этот момент, крадя радость. Я смотрю на него, и он наблюдает за мной, анализируя реакцию. Я сжимаю губы и стискиваю зубы. Медленно убираю руку и отодвигаюсь от него.

— Ты солгал мне.

— Нет.

— Она была здесь. В твоём пространстве, собирала одежду, которую оставила здесь. Почему?

— Потому что, работая здесь, она намеренно забыла сумку со своими вещами. Она сделала это, чтобы у нее была причина вернуться и повидаться со мной. Вот почему я заставил ее забрать свое дерьмо, пока меня не было.

— Ты позволил ей войти в твою комнату без присмотра.

Он многозначительно смотрит на потолок.

— Она не была без присмотра. Дэн ждал у лифта, чтобы проводить ее из здания. Если бы она хотя бы порылась в моих вещах, ее бы уже не было. Она хотела проникнуть тебе под кожу, и она это сделала.

— А что еще я должна была думать? Ты не звонил и не писал. Ты позволяешь мне думать о худшем. Ты знал, куда направятся мои мысли, если я увижу ее в твоём пространстве.

— Если бы ты доверяла мне, это не стало бы проблемой.

Мои брови взлетают вверх.

— Доверяла тебе? Как ты можешь ожидать, что я буду доверят после всего произошедшего? Все, что ты делаешь, это хранишь от меня секреты, Баз.

— Я не хранил секретов. Просто решил не делиться всем преждевременно. Я не сказал тебе, потому что все было не так конкретно. Я не был уверен, как сработают мои планы, и не хотел обнадеживать тебя, рассказывая об этом. Есть еще много препятствий, которые тебе нужно будет преодолеть в отношении Авы, но, если ты действительно этого хочешь, это твоё.

— Ты действительно думаешь, что из меня получится хорошая мать? Посмотри на все, что я сделала. Я в полном беспорядке.

Он потирает затылок и кивает.

— Ты делала все это, когда была частью моей жизни. Когда ты была рядом со мной. Если ты сделаешь это, станешь матерью, то будете только вы. Это твой шанс дать маленькой девочке совершенно новую жизнь. Подарить себе новую жизнь.

— Так вот в чем дело, — шепчу я, начиная злиться. — Ты избавляешься от меня. Выбрасываешь, как мусор.

Его челюсть напрягается.

— Я пытаюсь предоставить тебе счастье, Маккензи, потому что ты никогда не найдешь его со мной. Я помогу тебе всем, чем смогу, но соглашение с издательством, дом, деньги, которые были переведены на твой банковский счет, ты готова к жизни. Ты можешь спокойно позаботиться об Аве, если этого хочешь.

— Они никогда не позволят мне оставить ее у себя, — настаиваю я, пытаюсь сделать все возможное, чтобы переубедить его. Пытаюсь найти любую возможную причину, чтобы остаться. — Я лежала в психиатрической больнице. Меня считают лгуньей. Я не стабильна. Я разговариваю со своей мертвой сестрой, черт возьми.

Он откидывается на спинку кресла, наблюдая, как я справляюсь со своими эмоциями.

— Тогда не делай этого. Продай дом. Переезжай в Нью-Йорк, заверши сделку с издательством и продолжи жить своей жизнью.

Я обдумываю его предложения. Это звучит здорово. Идея изменить жизнь Авы. Я закрываю глаза, зная, что мне нужно сделать. Если это не сработает, если они скажут мне «нет», я могу продать дом и переехать, как он и сказал, но попробовать не помешает. До тех пор, пока я не оставлю всю боль в прошлом. Все, что это когда-либо приносило моей жизни, это разрушение.

Мэдисон права. Пришло время оставить это в прошлом.

Я скрещиваю руки на груди, внезапно чувствуя себя защищающейся.

— Почему ты помогаешь мне? Ты должен ненавидеть меня. Особенно после того, что случилось сегодня.

Баз усмехается. Звук темный и хриплый, и он бьет меня в тех местах, где не должен.

— Ох, я ненавижу. Но есть какая-то больная часть меня, которая любит тебя больше.

Мое сердце резко останавливается, а желудок сжимается от его слов. Фундамент сдвигается, и я хватаюсь за кресло для поддержки. Открываю рот, желая извиниться и броситься в его объятия, но помню, почему мы не можем. Почему я не могу.

Это ничего не изменит. Он все еще хочет освободить меня. И, возможно, он прав. Быть может, пришло время отпустить, хотя от одной мысли об этом меня тошнит. Я люблю его. Наверное, так будет всегда, но мы с Базом прекрасная катастрофа, когда вместе.

— Я... я даже не знаю, что сказать, — бормочу я, убирая эмоции из своего голоса.

Он поднимается во весь свой внушительный рост.

— Ничего не говори, — холодно отвечает он, покидая меня. — Я позабочусь об этом, если ты этого хочешь.

Как раз, когда он собирается уходить, я окликаю его. Он замолкает, но не оборачивается, чтобы посмотреть на меня. И хотя я знаю, что не должна этого делать, я говорю:

— Спасибо, Баз.

Его плечи напрягаются, и он поворачивается, чтобы взглянуть на меня. Холодным, отстраненным взглядом через его плечо я наблюдаю за дерганьем его челюсти.

— Не надо. Я делаю это не для тебя.

Гнев кипит у меня внутри.

— Тогда для кого ты это делаешь, если не для меня?

Все в его действиях говорит об обратном. Это определено для меня.

— Разве тебе не хотелось бы знать?

Он уходит, не сказав больше ни слова, и в ту секунду, когда за ним закрывается дверь, я

рушусь, наконец-то в состоянии дышать без его присутствия, доминирующего в комнате, практически крадущего воздух из легких.

Я пытаюсь привыкнуть к ощущению, что его нет рядом. От одной этой мысли у меня сжимается сердце.

Глава 28

Маккензи

Верна своему слову, у меня встреча с организацией по усыновлению детей. Я стараюсь не ерзать в кабинете, ожидая ответа от соцработницы Авы. Я нервничаю и не могу перестать приглаживать рукой волосы, пытаюсь выглядеть презентабельно.

Если все пойдет хорошо, я уеду отсюда с ребенком. Ну, не так быстро, но буду на шаг ближе. У меня появится возможность измениться и сделать жизнь Авы лучше. Могу только надеяться, что так оно и будет. Не хочу все испортить, как и все остальное в своей жизни.

Сегодня исполняется три недели с тех пор, как я в последний раз видела База или слышала о нем. Любая форма общения осуществляется между Дэном или его новым помощником Мэтью. Я молча благодарю его за то, что у него хватило здравого смысла выбрать в качестве своего нового помощника кого-то другого, а не девушку. За это время я прошла через фазы своих эмоций, и теперь все, что я действительно испытываю, это оцепенение.

Я старалась быть занятой домом. Большую часть он обставил мебелью, но мелочи оставил мне, на собственные штрихи. То, что я никогда не думала, что у меня будет возможность сказать, не говоря уже о возможности сделать. Технически это не похоже на мой собственный дом, потому что я за него не платила. До сих пор тяжело верится, что он записан на мое имя, и я действительно владею этой собственностью.

Дэн даже помог мне начать с защитой в доме. Хотя Ава не малышка, но я должна была задуматься над тем, чтобы она не попадала во всякие мелочи по дому. Баз упомянул Дэну, что государство, вероятно, захочет убедиться, что я способна заботиться о ребенке. Это означало, что внутренний двор должен находиться под защитой.

Дом настолько безопасен, насколько это возможно, и я знаю, что все, что касается следующего этапа, лежит исключительно на моих плечах. Очевидно, что они знают о моем прошлом, и я знаю, что они примут все это во внимание. Хотя Дэн заверил меня, что Баз много дергал за ниточки и много выступал с моей стороны, это не обязательно означает, что я собираюсь пройти это интервью с честью. Я прихожу к этому с низкими ожиданиями. Надеюсь ли я, что сегодня уеду отсюда с хорошими новостями? Абсолютно. Так ли это будет на самом деле? Не думаю.

Несмотря на всю подготовку, которую я проделала на сегодня, Баз все еще нашел способ проникнуть в мои мысли. Он всегда рядом, как зияющая дыра в моей груди, недостающая часть меня. Я продолжаю говорить себе, что лучше всего двигаться дальше и найти свое счастье, как он и убеждал меня, но это не так просто. Он всегда был частью этого уравнения, и без него, как варианта, я полностью полагаюсь на Аву в этом счастье, которое, вероятно, не лучше.

Я много думала об этом и задаюсь вопросом, не ошибка ли это. Вспомнит ли она меня вообще? Если взять ее к себе станет возможным, захочет ли она этого? Это то, чего я больше

всего боюсь — отказа. Я имела дело с отказом всю свою жизнь. Это не ново; это то, чего я ожидала во всех аспектах и формах своей жизни. Просто надеюсь, что с Авой все будет по-другому.

Каждую ночь я провожу гораздо больше времени, чем считается здоровым, разыскивая все, что могу найти на База. Любые новые статьи, которые могут рассказать мне, что он делает. Все, что угодно, лишь бы я чувствовала себя ближе к нему. Я уже давно перестала чувствовать себя жалкой. Я образ жалости.

Все мои поиски говорили мне, что он на Бали по работе. Затем в течение недели о нем ничего не сообщалось. Только в середине прошлой недели его заметили, когда он совершал обход в Лос-Анджелесе. Я приготовила свое сердце к возможности увидеть его на фотографиях с другими великолепными девушками, но на всех из них он всегда один, с таким суровым выражением на лице.

Это меня смутило. Почему он не живет своей жизнью? Разве не этого он хотел, чтобы я ушла, чтобы он мог свободно делать все, что захочет? Не казалось, что так оно и было, и это оставило у меня еще больше вопросов.

Мои мысли рассеиваются в ту секунду, когда открывается дверь и входит пожилая женщина с профессиональной улыбкой и стопкой папок в руках. Желудок сжимается, беспокойство заставляет пот неприятно стекать по спине.

— Мисс Райт. Приятно наконец-то познакомиться с вами. Я Стейси Авалар.

Я встаю и пожимаю ей руку, нацепив на лицо свою лучшую улыбку. Хотя я уверена, что улыбка выглядит более нервной, чем что-либо другое.

— Взаимно.

— Большая часть бумажной работы была сделана, и сроки процесса были увеличены, но, как бы мистер Кингстон ни хотел разбрасываться своими деньгами и платить сразу за все, усыновить ребенка не так просто. Есть правила, и я просто хочу убедиться, что вы хорошо подходите для Авы. Мы ценим бизнес и заботу, которую Баз предлагает организации, поэтому я постаралась ускорить этот процесс для вас от его имени.

Она начинает открывать свои папки, раскладывать документы и поправлять очки на носу. Я сжимаю свои липкие руки на коленях и активно стараюсь не трясти ногой. Она начинает с того, что откидывается на спинку стула и задает мне вопросы.

— Себастьян немного рассказал мне о вашем знакомстве с Авой, но не могли бы вы рассказать мне больше об этом?

Я прочищаю горло, сердце колотится. Ее глаза сверлят меня, просто ища ошибку, чтобы она могла сказать «нет».

— Ну... — мой голос дико дрожит, выдавая, насколько я нервничаю. — Несколько месяцев назад мы с Себастьяном были на гала-концерте, и я сразу же заметила Аву. Она была такой крошечной рядом с остальными детьми и выглядела грустной, пока не увидела мое платье. Ее глаза загорелись, и это было похоже на то, как она преображается на моих глазах из-за платья. — я нежно улыбаюсь при этом воспоминании. — Я решила подойти к ней. Дежурная, которая должна была присматривать за детьми за столом, казалась более занятой своим телефоном, поэтому я подошла и спросила, могу ли я немного провести время с Авой.

Ее губы сжимаются, очевидно, ей не нравится, как легко незнакомцу уйти с одной из ее девочек.

— Вы часто это делаете?

У меня спазмы в животе.

— Боже, нет. Наверное, я просто... когда я смотрела на Аву, я думала о своей сестре. У меня был близнец, который... — я замолкаю, пытаюсь правильно описать обстоятельства смерти моей сестры. — Она умерла, когда мы учились в средней школе. Увидев Аву, я увидела свою сестру, и это заставило меня скучать по ней. Я жаждала защитить Аву, увидеть ее улыбку еще немного, потому что я сделала бы все, чтобы снова увидеть улыбку моей сестры.

Я ощущаю давление, которое внезапно нарастает в моих носовых пазухах. Миссис Авалар опускает глаза, перебирает бумаги, а когда снова поднимает взгляд, ее глаза гораздо краснее, чем были, когда она вошла.

— Вы понимаете, что взять на себя ребенка это огромная ответственность. Это не игра в переодевание. Не механизм преодоления потери вашей сестры. Это жизнь. Человеческое существо, ищущее семью, которая будет любить ее.

Я киваю.

— Возможно, у меня не идеальная семья и не идеальное происхождение, но я знаю, что, если мне представится такая возможность, я смогу стать невероятным родителем для Авы, если она захочет меня. В течение многих лет я чувствовала себя потерянной, но думаю, что наконец-то нашла свое место, и это здесь, предложить свою любовь кому-то безоговорочно. Заботиться о ком-то, потому что я этого хочу, а не потому, что я ожидаю чего-то взамен. Больше всего на свете я хотела бы сделать это для Авы, каждый день вызывать у нее улыбку и дарить ей ту жизнь, которую она заслуживает.

Она кивает после моей речи, что-то записывая, прежде чем мы перейдем к следующей части интервью.

— Обычно мы делаем это на нескольких сеансах, но я думаю, что сегодня мы можем все это организовать. Вы готовы к нескольким быстрым викторинам?

После трех отдельных тестов и нескольких вопросов позже миссис Авалар откидывается на спинку стула и улыбается мне с мягкостью, которой не было в ее глазах, когда она впервые вошла.

— Думаю, вы идеально подойдете Аве.

Мое сердце скачет галопом от ее слов, и эмоции переполняют меня. Я прижимаю дрожащую руку к губам, пытаюсь взять себя в руки. Миссис Авалар быстро моргает, прогоняя из глаз собственные эмоции.

— Послушайте, мы еще официально не закончили. Теперь все, что нам осталось, это визит на дом, и как только ваши психологические и медицинские показатели будут на руках, мы будем готовы. Если это будет одобрено, у Авы, наконец, будет место, которое можно назвать домом.

— Спасибо вам.

Она качает головой.

— Нужно быть особенным человеком, чтобы любить ребенка, который не является их собственным, поэтому спасибо, что предложили любить Аву так, как будто она ваша. Я свяжусь с вами очень скоро, мисс Райт.

Когда я выхожу из здания, мой первый инстинкт — это позвонить Базу и сообщить ему хорошие новости. Мне хочется броситься к нему, сказать, как я нервничаю и взволнована. Мне нужен его совет. Хочу, чтобы он сказал мне, что все в порядке, но я ничего не могу сделать.

Вместо этого я решаю позвонить Кэт и Вере. Со слезами счастья, струящимися по лицу, я говорю им, что собираюсь стать мамой.

Я стою в стороне от дверного проема, заламывая руки перед собой, и жду, стараясь быть терпеливой. Беспокойство начинает царапать мою грудь. Интересно, может быть, они все-таки решили не доводить дело до конца? Может, этому не суждено случиться.

В ту секунду, когда Ава входит в дверь, и ее блестящие маленькие глазки падают на меня, все мои предыдущие мысли и тревоги исчезают. Моя грудь сжимается, и впервые за много лет я чувствую себя полноценной. Я наблюдаю, как это происходит, в тот момент, когда она обдумывает это — свое будущее. Ее глаза расширяются, и тепло наполняет мою грудь от выражения удивления и благоговения на ее лице.

Да, я помнила, милая девочка.

Неожиданно Ава подбегает ко мне и бросается в мои объятия, и прямо здесь, прижимая к себе эту милую маленькую девочку, у которой была не самая лучшая жизнь, я клянусь, что отдам ей все, что у меня есть. Даю себе обещание, что подарю ей жизнь, которой у меня никогда не было, наполненную моментами счастья. Не разбитое сердце, гнев или возмездие, просто счастье. Возможно, в моей жизни все было не идеально, но с Авой я могу дать ей то, чего не дали мне. Я могу дать ей хорошую жизнь, которую она заслуживает.

Я наклоняюсь, обнимая ее. Это чувство, эта маленькая девочка в моих руках, ничто никогда не казалось более правильным. Ничто и никогда не было так похоже на дом, как здесь. Она утыкается лицом мне в грудь, и я кладу голову на ее голову, вдыхая ее запах. Слезы наворачиваются на глаза, потому что впервые за целую вечность я нашла тот маленький кусочек счастья, который искала. У меня есть дом, который я могу построить с этой милой девочкой. Мне все равно, что мое сердце разбито. Все равно, что я не смогла добиться успеха. У меня есть она, и это все, что имеет значение.

В этот момент не хватает только одного, и я стараюсь не заикливаться на возможности того, что он никогда не сможет стать частью этого.

После того, как мы с Авой разделяем наш момент, я показываю ей дом. Она смотрит на все широко раскрытыми глазами. Она кажется такой же благоговейной, как и я, когда приехала сюда. Это не просто обычный дом. Это дом, который я никогда в жизни не смогла бы себе позволить.

— Знаю, что сначала будет немного странно, но я хочу, чтобы ты приходила ко мне за чем угодно, хорошо? Мы можем изменить все, что тебе не нравится.

Она улыбается, ее глаза все еще бегают по сторонам, впитывая все. Наконец, она сдвигается, оглядываясь на меня. Ее взгляд скользит по мне с головы до ног, и останавливается на моих волосах.

— Мне нравится.

Я улыбаюсь.

— Спасибо. Но я думаю, что твои лучше.

Мое сердце замирает, когда она улыбается, потому что, опять же, это похоже на отражение в зеркале прошлого. Она так похожа на нас с сестрой, когда мы были в ее возрасте.

— Так, значит, только мы вдвоем?

Улыбка на моем лице немного тускнеет от этого вопроса.

— Да, милая. Это нормально?

Она улыбается, успокаивая меня.

— Да. Мы можем поиграть в моей комнате?

Я смеюсь, радуясь, что ее больше интересует ее комната здесь, чем что-либо еще. Мы идем по коридору в ее комнату, и я позволяю ей тянуться к тому, чего она хочет. У База была комната, заполненная книгами, одеждой и всем необходимым, а также несколькими дополнительными вещами, но я прошла лишнюю милю и добавила еще несколько основных вещиц, без которых, как я знала, мой девятилетний ребенок никогда не сможет жить. Она совершенно удивляет меня, когда направляется к месту красок. Она машет мне рукой, и с набухающим, счастливым ощущением в груди я занимаю свое место рядом с ней на полу и начинаю рисовать. Она прирожденная художница и вдобавок творческая натура.

В тот вечер я узнала довольно много о своей приемной дочери. Она гораздо больше похожа на меня, чем я себе представляла.

Глава 29

Маккензи

Быть родителем трудно. За последнюю неделю, когда в моей жизни появилась Ава, это была серьезная корректировка, но в лучшем смысле. Помимо того, что я пыталась заставить ее почувствовать себя комфортно, я пыталась сблизиться с ней, выяснить, что ей

нравится и не нравится. Могу с уверенностью сказать, что ужин странное событие. Она не любит ни мяса, ни овощей. По-видимому, она никогда это не ела, что, вероятно, объясняет, почему она такая крошечная.

Она также любит рисовать, петь и танцевать. И чтобы не быть предвзятой, она представляет собой тройную угрозу. Над ее движениями можно немного поработать, но над ее голосом? Он потрясающий. Малышка талантлива. Черт, она даже рисует лучше, чем я. Мои фигурки ничто по сравнению с ее произведениями искусства.

Это процесс обучения, но я бы ни за что на свете не изменила его. Это самое счастливое место, в котором я когда-либо была... ну, никогда. Мне хотелось бы сказать, что я была так счастлива с Базом, но нет. Вокруг моих чувств было слишком много тайн, чтобы мы могли когда-либо по-настоящему отпустить это.

Наряду с общением и проведением времени друг с другом, мы совершили несколько школьных покупок, и с помощью База, через Дэна, я выбрала начальную школу для Авы. Хотя, могу сказать, что Баз настаивал на идее частной школы для нее, я просто не могла себе этого позволить. И хотя я знаю, что он разбрасывает свои деньги и заплатит за это. Если я действительно хочу отрезать себя от него, это то, что я должна сделать. Я не могу полагаться на него во всем.

С момента подписания контракта с издательством мне присылали деньги из моего аванса с минимальными инструкциями. При первой же возможности я должна написать свою историю, закончить ее, усовершенствовать, а затем отправить ее кому-то из своей команды, чтобы они могли оценить. Не уверена, насколько мне нравится эта идея, но по какой-то причине Баз подумал, что это хорошая идея, поэтому я доверяю ему.

Слепая вера и все такое.

— Куда мы опять едем? — спрашивает Ава, прерывая мои мысли.

Я хватаю сумочку и ключи с крайнего столика. Руки дрожат, когда я пытаюсь контролировать нервы. В течение первой недели Дэн оставил здесь машину, сказав, что это подарок от База. Это Тесла, которая казалась слишком причудливой для такого человека, как я, чтобы ездить по городу.

Поначалу я отказывалась принимать это, что переросло в своего рода спор, в котором бедные Дэн и Мэтью были буферами. Несмотря на то, что моя гордость требовала, чтобы я отказалась от этого, в глубине души я знала, что не смогу реально выжить и вырастить ребенка без машины.

Так что, я выехала с Авой на буксире и купила самую дешевую машину, которую смогла найти. Конечно, это был джанки и он торчал, как больной палец в этом районе. Он также был убран с моей подъездной дорожки на следующее утро, любезно предоставленный Базом. Часть меня была так взволнована, что он уделял нам так много внимания, но другая часть была раздражена, что он все еще вмешивался в мою жизнь, даже когда отрезал меня.

Что приводит нас к настоящему моменту. Мы направляемся в пентхаус База в этой новенькой Тесле, где он снова собирается официально передать право собственности мне. Но нервничаю я не поэтому. Сама мысль, что я снова увижу его, заставляет чувствовать себя так, словно я только что засунула палец в розетку. Я знаю, что мне не придется иметь с ним дело лично — это будет либо Мэтью, либо Дэн, — но это не значит, что я не могу не увидеть его мимоходом, находясь на курорте.

— Мы направляемся в дом моего друга, чтобы подписать кое-какие бумаги.

— Это твой парень? — невинно спрашивает она, заставляя меня остановиться на

полпути.

Я смотрю на нее, совершенно застигнутая врасплох вопросом. Когда девятилетние дети узнали о парнях?

— Да, он был моим парнем, но больше нет. Он... теперь он мой друг.

Она пожимает плечами, довольная этим ответом, будто она только что не подставила мне подножку. Я качаю головой. Не думаю, что когда-нибудь привыкну к комментариям этой девочки. С ней запросто стать седой. За последнюю неделю я многому у нее научилась. Терпению, любви и жизни. Думаю, я бы уже все поняла, но вместо этого меня учит девятилетний ребенок.

Когда я подъезжаю к курорту, Ава ахает. Я оглядываюсь на нее в зеркало заднего вида и обнаруживаю, что ее глаза прикованы к маячащему зданию курорта.

— А я думала, что наш дом хороший, — шепчет она, искренне радуясь, что кто-то сможет здесь жить.

Снаружи он выглядит как роскошный комплекс, так что я понимаю.

Я смеюсь.

— Ну, вообще-то это его работа. Ему принадлежит это место, и он живет на верхнем этаже.

— Это так круто.

Я ухмыляюсь, когда выхожу из машины, направляясь к ней, чтобы выпустить ее. Как только я беру ее за руку, то слышу, как Дэн зовет. Его глаза смягчаются, когда он смотрит на нас с Авой. Я пришла к выводу, что в этом взгляде есть нежность. Будучи буфером между Базом и мной, он теперь появляется чаще, чем когда я жила здесь, в пентхаусе. Черт, он даже иногда остается на ужин. Это помогает, когда кто-то говорит мне, что я хорошо выполняю свою работу, даже когда мне кажется, что я не в своей тарелке.

— Как поживают мои любимые девочки?

Я улыбаюсь, глядя на Аву, которая широко улыбается.

— У нас все хорошо. Мы подписываем бумаги внутри?

Он делает паузу, настороженность мелькает на его лице.

— Вообще-то планы изменились, деловая встреча мистера Кинга перенесена, так что сегодня он вместе с вами займется оформлением документов.

Мое сердце сжимается в груди, а дыхание со свистом покидает меня. Как удар в живот, из меня полностью выбивает воздух. Должно быть, он видит панику на моем лице, потому что вздыхает.

— Он ждет вас в пентхаусе. Если вам нужно, чтобы я пошел с вами, я пойду, — успокаивает Дэн.

Я качаю головой, прочищая горло от нервозности.

— Нет. Нет, думаю, мы справимся.

— Мне очень жаль, мисс Райт.

Я улыбаюсь, смягчаясь от его раскаяния.

— Не стоит. И, пожалуйста, перестань называть меня так.

Всю дорогу на лифте до уровня пентхауса я переминаюсь с ноги на ногу, и Ава замечает это.

— Ты нервничаешь?

Я вздрагиваю, мой взгляд падает вниз.

— Что? Нет, что заставляет тебя так говорить?

Она поднимает бровь в комичном жесте.

— Ты продолжаешь двигаться, и твоя рука вспотела.

Мое лицо краснеет.

— Хорошо, да. Я немного нервничаю. Но это нормально. Все будет хорошо. Просто я подпишу кое-какие бумаги, и мы уедем.

Она все еще смотрит на меня, как на сумасшедшую, и, черт, может, так оно и есть.

Моя тревога взлетает до небес, когда лифт звонит, объявляя, что мы на верхнем этаже. Сжимая руку Авы для силы, я веду ее по коридору, через который уже проходила бесчисленное количество раз. Странно находиться здесь, но в то же время это кажется правильным. И в этом вся проблема. Это больше не должно казаться правильным.

Я поднимаю кулак и стучу в дверь пентхауса. Сердце колотится в груди, а дыхание настолько неровное, что приходится внутренне тренировать себя, как вдыхать и выдыхать, как нормальный человек. Когда дверь открывается, у меня пересыхает во рту. Я прижимаю язык к небу, совершенно не находя слов.

Баз стоит во всем своем великолепии. Он выглядит таким же большим и грозным, как всегда, темные непослушные волосы падают ему на лицо, а яркие глаза, которые, кажется, могут заглянуть мне в душу, пригвозждают к месту. Одетый в безупречный костюм-тройку, который ничем не скрывает его невероятно сложенное тело, он выглядит на миллион долларов.

Мое сердце сжимается, когда наши взгляды встречаются. Я чувствую, как какая-то внутренняя часть меня вцепляется в него кулаками вечности, решив никогда не отпустить. Чувствую, как наши души пожимают друг другу руки и целуются, заново знакомясь, в то время как мы не произносим ни единого слова. Его пристальный взгляд изучает мои глаза, мое лицо и каждую часть меня. Я хочу спрятаться под тяжестью его пристального взгляда, но стою твердо.

— Привет.

Его брови подсакивают при звуке голоса, и он опускает взгляд, только сейчас осознав, кто со мной. Уголок его рта кривится.

— Привет, Ава.

— Ты действительно здесь живешь? — спрашивает она, приподнимаясь на цыпочки, заглядывая ему за спину.

Он усмехается. Звук теплый и глубокий, и оседает в моей груди. Он открывает дверь пошире и делает шаг назад, позволяя нам войти. Я избегаю смотреть на него любой ценой, вместо этого, следуя за благоговейным взглядом Авы, когда она все осматривает.

Баз прочищает горло, привлекая мое внимание к себе. Складка образуется между его бровями, когда он переводит взгляд с меня на нас. Ава недолго стоит на месте. Она идет прямо к окну от пола до потолка, любясь невероятным видом, которого у нас нет дома.

— Что? — спрашиваю я.

Он качает головой, убирая взгляд. Засунув руки в карманы, он уклончиво пожимает плечами.

— Я не видел вас вместе, и, наверное, просто не ожидал, что вы так похожи. Обе со светлыми волосами, ты действительно выглядишь так, будто могла бы быть ее матерью.

Мой взгляд возвращается к Аве. Я думала о том же несколько раз, оглядываясь на наши фотографии, но я просто подумала, что это волосы и тот факт, что она называла меня мамой, заставили меня так думать. Я просто как бы убрала это под ковер, но знание того, что другие

будут думать, что я ее настоящая мать, заставляет меня чувствовать себя лучше. Может, расти с приемной матерью будет не так уж трудно. В этом нет ничего постыдного, но я действительно хочу, чтобы она вписалась.

Когда я оглядываюсь на База, мое сердце замирает, понимая, что он наблюдал за мной все это время. Щеки становятся ярко-розовыми, и я прочищаю горло, отводя взгляд, собираясь с мыслями. Я чувствую, как его взгляд прожигает меня насквозь, будто он замечает все, что происходит внутри меня.

Я отваживаюсь оглянуться на него и вижу, что он все еще смотрит на меня, но на этот раз на его лице легкая ухмылка. Это заставляет меня покраснеть еще сильнее.

— Для чего все это?

Я обвожу пальцем в направлении его лица, и его ухмылка становится шире.

— Ты выглядишь счастливой. Вы обе.

Мое сердце скачет галопом. Я смотрю на свои ноги, борясь с собой, задаваясь вопросом, должна ли сказать то, что хочу. Глубоко вздохнув, я смотрю на него сквозь ресницы и решаю, что к черту все это.

— Я счастлива, и должна поблагодарить тебя за это, но есть кое-что...

— Ух ты! — мы слышим, как Ава кричит из окна, глядя на бесконечный бассейн. — Он такой большой.

Она почти прижимается лицом к стеклу. Я воспринимаю ее обрыв как знак того, что слова никогда не должны слетать с моих губ. Баз делает паузу, словно хочет попросить меня закончить то, что я говорила, но потом вздыхает про себя, очевидно, передумав, и направляется к Аве. Он открывает дверь и выходит вместе с ней. Я следую за ними, мое сердце сжимается с каждым шагом, просто снова находясь так близко к нему.

Я наблюдаю издалека, как он слушает болтовню Авы. Он задает ей вопросы, пока показывает верхний этаж пентхауса. Мое сердце делает что-то странное, наблюдая, как он проводит время с ней. Мне кажется, что кто-то сидит у меня на груди, давит меня, но в животе есть это легкое, трепещущее ощущение. Я прижимаю руку к животу, пытаюсь подавить внезапно нахлынувшую на меня волну эмоций. Я настраиваюсь на разговор, который они ведут, улыбка растягивает уголки моего рта.

— Ты уже научилась плавать?

Ава качает головой.

— Пока нет.

Баз ахает.

— Безумие. Хочешь сказать, что у тебя на заднем дворе есть потрясающий бассейн, а она еще не показала тебе, что с ним делать?

Мы обе смеемся, как влюбленные школьницы. Ава качает головой.

— Ты научишь меня?

— Обязательно. Когда захочешь, только скажи, и я приеду. Кроме того, пусть это останется между нами, но, наверное, тебе все равно лучше научиться плавать у меня. Слышал, твоя мама не самая лучшая пловчиха.

— Эй! — беззаботно кричу я, играя свою роль.

Ава смеется, явно наслаждаясь встречей с Базом. Я стараюсь не слишком заострять внимание на том, что он обещает научить ее плавать. Это безумие, как она может в девять лет не уметь плавать. Есть так много вещей, которые станут для нее первыми, и нам нужно наверстать упущенное. Я просто надеюсь, что он не подведет ее в этом. Мне, очевидно,

нужно поговорить с ним о многообещающих вещах, которые он не собирается выполнять, но я оставлю это на потом.

Еще некоторое время я стою в стороне, наблюдая, как легко Баз и Ава взаимодействуют друг с другом. Я думала, что она будет немного нервничать рядом с ним, видя, что он больше не является частью моей жизни, но она, кажется, слишком счастлива проводить с ним время, и Баз, он так же хорош, как и на гала-концерте. Он внимательно слушает каждое ее слово, сосредоточившись исключительно на ней.

Это согревает мое сердце.

Ава возится с ручкой и бумагой, любезно предоставленными Базом, и рисует еще один шедевр, пока мы с ним заканчиваем бумажную работу, за которой приехали.

— Тебе не нужно было покупать эту дерьмовую машину, — говорит он, протягивая мне тонкую папку с документами.

Я бросаю на него хмурый взгляд.

— Да, надо было. Я чувствую, что ты сделал для меня все. Я хотела сделать что-то сама, но... Я понимаю, почему ты это сделал. И благодарна тебе.

Наши глаза встречаются, это затяжное напряжение проскальзывает, между нами, течение душит нас обоих. Он прочищает горло.

— В любое время.

Когда приходит время уходить, я хочу задержаться и попросить База приехать на ужин, но не знаю, переходит ли это черту. Сегодня мы как раз собирались подписать бумаги. Возможно, с моей стороны было бы немного преждевременно приглашать его к себе. Мы зависаем возле двери. Та беззаботная натура, которая парила раньше, теперь исчезла, и на ее месте появился наполненный напряжением воздух.

— Было приятно повидаться с тобой. И спасибо.

Баз кивает, его взгляд мечется, между нами.

— Увидимся позже, Ава. И не забудь об этих уроках, хорошо?

Она улыбается.

— Увидимся позже, Себастьян.

Наши взгляды задерживаются друг на друге на мгновение, и так много проходит, между нами. Все это становится слишком, поэтому я беру Аву за руку и поворачиваюсь, отказываясь оглядываться на него. Знаю, что если я это сделаю, то никогда не смогу уйти. Я вернусь к старым привычкам, и не могу этого допустить.

Тот урок плавания, который Баз обещал Аве, произойдет намного раньше, чем я буду готова. Я сижу на одном из шезлонгов на его балконе и смотрю, как он пытается научить Аву плавать.

Первые тридцать минут я сижу на краешке, нервничая. Дело не в том, что я не доверяю Базу. Просто не хочу, чтобы с Авой что-нибудь случилось. Но, к моему большому удивлению, он терпелив и чрезвычайно нежен, наставляя ее в том, как двигать руками и ногами, чтобы остаться на плаву.

Мой ноутбук греется у меня на коленях, когда взгляд скользит от База к Аве, хотя я должна работать. Выдыхая разочарованный вздох, я заставляю себя копнуть глубже и

позволить словам течь рекой, но, как я ни стараюсь, они не приходят. Я беспокоюсь, что подписание контракта с издательством было преждевременным. Разве люди обычно не делают этого, когда у них уже есть написанный объем работы? У меня нет ничего, кроме статьи. Это... это совсем на другом уровне.

— Ты можешь поплавать с нами?

Я вздрагиваю от звука тонкого голоса Авы. Она стоит рядом со мной с умоляющим выражением в глазах. Я бросаю взгляд на свою одежду и бассейн. Я не взяла с собой купальник или сменную одежду, полагая, что проведу день, наблюдая, как Ава плавает и учится.

— Я не знаю. У меня нет лишней одежды.

— Ну давай! — она указывает на воду. — Здесь так тепло.

Я бросаю взгляд на База, как раз в тот момент, когда он ныряет под воду. Он без усилий поднимает несколько секунд спустя, вода стекает с его загорелой кожи, и когда он проводит рукой по своим мокрым волосам, убирая их назад, мое сердце сжимается от того, как мышцы на его руках напрягаются.

— Ты можешь взять мою одежду, если твоя промокнет, — предлагает он, точно зная, почему это плохая идея.

Но когда я оглядываюсь на Аву и вижу надежду на ее лице, я вздыхаю, сдаваясь. Я снимаю рубашку, оставаясь в майке, вне благодарности за то, что этим утром выбрала простой бюстгальтер и нижнее белье. Не могу себе представить, залезть в стрингах в бассейн с девятилетним ребенком было бы уместно. Я ощущаю горячий взгляд База на своей коже, когда беру Аву за руку, ведя ее обратно в воду вместе со мной. Он, очевидно, хороший учитель, потому что, как только мы входим, она вырывается из моих объятий, показывая мне, что она может.

Все еще нервничая, я остаюсь рядом с ней. Я слежу за ней, так что мне не нужно смотреть на База. Слишком много воспоминаний связано с этим бассейном и джакузи рядом. Вспышки его рук на моей коже, его языка, оставляющего огненный след на моей плоти, его губ на моих, заставляющих кончить — все это появляется в спорадических вспышках, внезапно заставляя меня чувствовать перегретой.

Игнорирование его работает до тех пор, пока он не участвует в нашем разговоре, но как только Ава переключается на него, я украдкой бросаю на него взгляд и подавляю стон. Он прислонился к краю бассейна, наполовину погрузившись в воду, оставив верхнюю половину на виду. Его руки опираются на выступ по обе стороны от него, что придает ему уверенный ленивый вид. В таком виде он выглядит невероятно сексуально. И ему даже не нужно прилагать усилий. Это просто от того, что он сидит в гребаном бассейне. Капли воды скатываются по его груди, но выражение его глаз, когда он смотрит на меня, заставляет мой желудок наполняться бабочками. Сердце скачет галопом, и я быстро отвожу взгляд, пытаюсь притвориться, что он не заметил, как я его разглядываю.

Сексуальное напряжение, между нами, только усиливается, чем дальше мы находимся в бассейне. Я очень рада, когда Ава объявляет, что устала. Я чуть не выпрыгиваю вместе с ней из воды и врываюсь внутрь. Я захватила ей сумку со сменой одежды и средствами для волос, чтобы поправить прическу. Баз предлагает нам гостевую ванную, где я позволяю Аве принять душ, а затем жду, пока она оденется, чтобы я могла привести в порядок ее волосы.

К тому времени, когда она принимает душ и моется, она заползает на диван База, и, не дожидаясь приглашения, он включает для нее телевизор. Какой-то диснеевский мультфильм, в

который она погружена. Ее глаза немного поникли от долгого плавания, так что я знаю, что она скоро заснёт. В гостевой ванной я отжимаю ее купальник, когда чувствую его присутствие.

— Вот одежда. Ты тоже можешь принять душ.

Я поворачиваюсь, качая головой. Быть голой в его душе это слишком интимно. Я не могу.

— Все в порядке. Я могу подождать, пока мы не вернемся домой. Кроме того, не хочу, чтобы она оставалась здесь слишком долго.

Баз прислоняется плечом к дверному косяку, пристально наблюдая за мной.

— Она спит, если тебе от этого легче.

Мои глаза расширяются.

— Уже?

— Просто прими душ, Маккензи. Все твои вещи все еще в моей ванной. Я могу подождать с ней на диване.

Я немного колеблюсь, но в конце концов сдаюсь. Я веду себя нелепо. Это просто душ. Резко кивнув, я прохожу мимо База в его спальню и направляюсь прямо в ванную. Не хочу оглядываться по сторонам из страха, что это даст другие идеи моим мыслям.

Я как раз кладу одежду, которую он мне дал, на мраморную раковину, когда вижу, что он стоит возле двери в ванную. Сглотнув, я оборачиваюсь, мои руки хватаются за выступ для поддержки.

— Да?

Он заходит в ванную, поглощая пространство, крадя воздух из моих легких, заставляя его роскошную ванную внезапно почувствовать, что мы в туалете самолета. Он останавливается прямо передо мной, достаточно близко, чтобы я почувствовала тепло его тела. Я ощущаю его желание, потому что оно совпадает с моим собственным.

— Есть одна коробка, которую Дэн забыл. Он планировал привезти ее позже на этой неделе. В ней кое-что из твоей одежды. Думаю, тебе пригодится.

Я смотрю вниз, только сейчас заметив свежую пару нижнего белья и лифчик в его руке. Мои щеки пылают от жара, и я отрывисто киваю, выхватывая их у него.

— Спасибо.

Он кивает, но не делает ни малейшего движения, чтобы уйти, просто стоит близко и в то же время так далеко, приводя меня в бешенство.

— Это все?

— Нет.

Он входит в мое пространство, одна рука ложится на мое бедро, заставляя задыхаться, а другая скользит по шее. Вся его рука обволакивает меня, заставляя жаждать ощутить его прикосновения в других местах. Выгнув мою шею назад, он наклоняется, нависая своими губами всего в нескольких сантиметрах от моих, глядя на меня сверху вниз.

— Скажи мне остановиться. Скажи, что это плохая идея.

Мое горло сжимается. Его хватка на шее смещается, и его большой палец проводит по нижней губе дразнящими движениями, от которых мое сердце бешено бьется. Как только он начинает наклоняться, и я чувствую, как его губы почти касаются моих, я шепчу:

— Это плохая идея.

Он меняет курс, прижимается губами к моей шее, и я чуть не разваливаюсь на части. Если бы я не вцепилась в стойку, и его рука не удерживала меня в вертикальном положении,

я бы уже упала у его ног.

Не говоря больше ни слова, Баз оставляет меня в своем пространстве, чтобы принять душ с ноющей киской и бьющимся сердцем.

Глава 30

Маккензи

Проведя время с Авой перед сном, я некоторое время лежу рядом с ней, наслаждаясь тишиной и комфортом. Это стало для нас ежевечерней рутиной. Приведя себя в порядок перед сном, мы направляемся в ее комнату и смотрим телевизор, прежде чем она заснет. Она легкий ребенок. Я думала, что по вечерам перед школой будет намного труднее уложить ее спать вовремя, но когда я говорю, что пора спать, она даже не спорит. Она просто улыбается и говорит мне спокойной ночи, прижимаясь ко мне и засыпает.

Чувствуя себя более чем комфортно рядом с ней, я начинаю дремать, но резко просыпаюсь от звука дверного звонка. Медленно, мне требуется некоторое время, чтобы выпрямиться и дотянуться до телефона. Баз попросил охранную компанию установить приложение «Звонок», поэтому я открываю его, проверяя, кто снаружи так поздно. У меня никогда не бывает гостей. Единственный человек, который когда-либо приходит, это Дэн, но я знаю, что это не он.

Мои брови хмурятся, когда камера снаружи показывает, что никого нет. Я жду, гадая, почему кто-то позвонил в дверь, а затем так быстро ушел. Тревожное ощущение бурлит в моем животе, но я пытаюсь подавить его. Это может быть несчастный случай. Возможно, они поняли, что ошиблись домом, и поэтому ушли.

Сглотнув, я нажимаю кнопку воспроизведения в приложении, проверяя, кто звонил в дверь. Мой желудок сжимается, когда я вижу фигуру, небрежно поднимающуюся по ступенькам, одетую в черную толстовку с капюшоном, скрывающую личность. Они звонят в дверь, затем стоят несколько секунд, прежде чем уйти. Руки дрожат, когда я кладу телефон. Я вылезаю из кровати вместе и начинаю расхаживать по комнате, задаваясь вопросом, не слишком ли я остро реагирую.

Это могут быть дети. Может, в этом нет ничего зловещего? Интересно, стоит ли мне позвонить Базу или, по крайней мере, Дэну, но уже десять часов, и хотя я знаю, что он проснется, что он скажет?

Он там, а я здесь.

Я больше не его проблема.

Закрыв глаза, я глубоко вздыхаю, пытаюсь успокоить дикие мысли, бушующие в голове.

— Возьми себя в руки, — бормочу я себе под нос, щелкая по ночнику Авы и направляясь по коридору обратно в гостиную и кухню.

Я оставила здесь свет включенным, пока готовила ее ко сну. Начинаю выключать свет, но вздрагиваю от звука моего телефона, за которым следует звонок в дверь. Снова.

Мое сердце колотится в груди, ноги прирастают к полу. Желудок сжимается от страха, я стою неподвижно, пытаюсь прислушаться к любым звукам снаружи, но вокруг мертвая тишина. Слишком тихо. Мои руки дрожат, когда я снова открываю приложение, и, конечно же, там вновь никого нет, но прокручивая кадры, там та же черная фигура в капюшоне.

Слезы страха подступают к моим глазам, когда я беспомощно стою, пытаюсь понять, что делать. Бегу на кухню и хватаю нож, ненавидя теперь больше, чем когда-либо, что Баз забрал у меня пистолет.

Держа приложение на своем телефоне открытым, я спешу обратно в комнату Авы, желая убедиться, что с ней все в порядке. Когда я вхожу, она все еще крепко спит, и я прерывисто вздыхаю с облегчением.

Прижимая нож к груди, я закрываю дверь. Скользя по дереву, я кладу телефон на колени, мой взгляд направлен на камеры на крыльце. Я остаюсь в таком состоянии до рассвета. Как только солнце начинает выходить из-за горизонта, освещая комнату, я, наконец, позволяю себе задремать, пока не нужно везти Аву в школу.

Я весь день нервничаю и не в себе. Пытаюсь осмыслить то, что произошло прошлой ночью, в рациональном свете дня, но не могу. Не знаю, зачем кому-то это делать. Я подумываю расспросить соседей, не происходило ли с ними ничего подобного, но когда я звоню в дверь, никого нет дома. Я говорю себе, что это ерунда. Это шутка богатых детей. Звонок в дверь. Совершенно безвреден. Все, что они сделали, это позвонили в дверь и ушли. Это не совсем опасно.

В ночь я немного отстаю от графика, когда укладываю Аву в постель. События прошлой ночи так сильно повлияли на меня, что я весь день бегала на парах. Я обожгла руку, готовя ужин, потому что мои мысли были где-то далеко.

Сегодня был полный крах, но, забравшись в постель рядом с Авой, я наконец расслабляюсь после дня, наполненного тревогой.

— Тебе больно? — спрашивает Ава, поднимая мою руку, которую я забинтовала, после того как обожгла ее.

— Немного щиплет, но со мной все будет в порядке. Уже хочется спать?

Она качает головой, и как раз в тот момент, когда я собираюсь ответить, раздается звонок в дверь. Все мое тело напрягается. Я чувствую, как краска отходит от лица. Брови Авы опускаются.

— Кто это?

Страх вибрирует в моих венах, когда я вылезаю из ее кровати и открываю телефон и приложение. Моя грудь сжимается в тиски, когда там снова никого нет. Волосы на затылке

встают дыбом, пересыхает в горле, и я стараюсь скрыть страх на лице.

— Не знаю. Оставайся здесь, ладно? Крикни, если я тебе понадобится. Пойду проверю.

С бешено колотящимся в груди сердцем я спешу по коридору и бегу на кухню, моя потная ладонь сжимает тот же нож, что и прошлой ночью. Я снова бросаю взгляд по сторонам, ожидая еще одного звонка, но он так и не звенит.

Беру полотенце для рук из шкафа в прихожей, скрывая нож, прежде чем вернуться в комнату Авы. Когда я вхожу, она сидит на кровати, на ее лице написано замешательство.

— Ты проверила?

Я заставляю себя неуверенно улыбнуться, кладу нож на ее комод, прежде чем забраться к ней в постель. Притягиваю ее к себе, обнимая руками в целях защиты.

— Люди ошиблись, детка. Почему бы тебе не попытаться заснуть, а?

Она качает головой.

— Но я еще не устала.

Я позволяю ей еще немного посмотреть телевизор. В отличие от всех наших предыдущих

ночей, мои глаза прикованы к экрану телефона, ожидая, что произойдет что-то еще, но ничего не происходит.

В ту ночь я засыпаю рядом с Авой, а на следующее утро, отвезя ее в школу, просматриваю кадры, записанные за ночь. Я заснула около полуночи, ожидая следующего звонка, но он так и не раздался. Я дохожу до записи с трех утра, когда мое сердце останавливается. Темная фигура в капюшоне подходит к двери, но не звонит в звонок. К горлу подступает желчь. Этот же самый человек стоит у моего дома, уставившись на мою входную дверь в течение целых пяти минут, прежде чем уйти. Какого хрена?

Как будто вселенная дает мне знак, что на самом деле пришло время кому-то рассказать, на моем экране вспыхивает имя База.

Баз: *Поскольку сегодня пятница, не могла бы ты с Авой сегодня приехать на еще один урок плавания?*

Маккензи: *Конечно. Она будет в восторге, когда я заберу ее из школы. Думаю теперь ты ее любимый человек.*

Баз: *Увидимся около четырех.*

Маккензи: *Не мог бы ты вместо этого приехать к нам?*

Мысль о том, чтобы оставить дом без присмотра, пугает меня. Что делать, если человек следит? Что, если, пока я буду с Авой у База, он проберется?

От одной этой мысли у меня по спине пробегает дрожь.

Я знаю, что в доме установлена система безопасности для этой цели, но, возможно, то, что Баз приедет ко мне, отпугнет их, если они следят. Я могу выглядеть легкой мишенью, если буду оставаться с Авой, двадцати четырех на семь.

После того, как Баз соглашается, я предлагаю приготовить ужин для всех нас сегодня, даже с моей пораненной рукой. С тех пор я узнала, что несмотря на то, что Ава разборчива в еде, она любит спагетти, поэтому решаю приготовить их для нее сегодня.

В течение дня я пытаюсь придумать лучший способ рассказать о том, что произошло прошлой ночью Базу, но не пугая Аву. Скорее всего, мне придется подождать, пока она не заснет, прежде чем я ему что-нибудь скажу. Я не лгала раньше, говоря, что он это все, о чем она говорила с тех пор, как у них был последний урок плавания. Она обожает База, и из того, что я видела в его пентхаусе, думаю, что он тоже ее обожает.

Когда незадолго до четырех раздается звонок в дверь, у меня по спине пробегает дрожь страха. Я открываю приложение и вздыхаю с облегчением, когда вижу, кто это. Прижимаю кончики пальцев к глазам и стираю беспокойство. Мои руки дрожат, а сердце, хотя и знает, что угрозы нет, все еще колотится в груди.

Я открываю входную дверь, и, должно быть, я действительно выгляжу дерьмово, потому что Баз хмурится, когда входит. Он закрывает и запирает дверь за меня. Замолкает, глядя на меня сверху вниз, изучая выражение моего лица.

— С тобой все в порядке? Ты выглядишь бледной.

— Да, — заверяю я с улыбкой, заправляя выбившиеся пряди волос за уши. — Думаю, я просто устала. Я плохо спала последние две ночи. Наконец-то это начинает меня настигать.

— Себастьян! — кричит Ава, выбегая из-за угла и прямо в его объятия.

Она продолжает рассказывать ему о своем дне в школе, о новых друзьях, которых она завела с самого начала, и обо всем остальном, что он стоит рядом и слушает. Я улыбаюсь про себя и возвращаюсь на кухню, чтобы закончить ужин.

Я держу еду и чесночный хлеб на грелках, чтобы он оставался теплым, когда мы направляемся на задний двор. Одетая в купальник, я оставляю накидку на своем теле, не готовая ощущать себя такой обнаженной перед Базом. Конечно, он видел меня голой и не выразил никакого отвращения по поводу шрамов на теле, но это не значит, что я готова выставить себя на всеобщее обозрение в таком виде.

Уложив Аву, Баз задерживается, ожидая меня. Как только я возвращаюсь в гостиную, ломая руки, он хмурится.

— Расскажи мне, что происходит. Ты весь день была где-то в другом месте.

Я зажимаю нижнюю губу зубами, пытаюсь понять, с чего начать. Вытащив телефон из заднего кармана, я открываю приложение, показывая кадры с ночи среды.

— Прошлой ночью, когда Ава заснула, в дверь позвонили. Было чуть больше десяти, что показалось мне странным. У нас никогда не бывает гостей. Но это не самое странное. Когда я заглянула в приложение? Там никого не было. — что-то мелькает в его глазах, когда он забирает у меня телефон и смотрит видео. — Вскоре они вернулись и снова позвонили. Они просто звонят и уходят.

— Почему ты мне не позвонила? — цедит он сквозь зубы.

— Я запаниковала. Не хотела верить, что это было что-то большее, чем просто игры маленьких детей, но прошлой ночью...

— Что прошлой ночью?

— Ну, это случилось снова. На этот раз, Ава не спала. Я легла с ней в ее комнате, слишком боясь оставить ее одну. Кто бы это ни был, он не делает ничего вредного. Он просто приходит. И он больше не звонит, но взгляни. Он просто стоит и смотрит на дом.

— Кто бы это ни был, они явно хотят напугать тебя.

— Ну, это работает.

Его брови все еще нахмурены, когда он смотрит на экран, шестеренки в его мозгу крутятся.

— Я останусь на ночь.

Я тяжело сглатываю, беспокоясь, что, возможно, я не слишком далека от того, чтобы чувствовать то, что чувствую. Если бы это не было большой проблемой, не сомневаюсь, что Баз отмахнулся бы от этого, но он, очевидно, так не думает.

Баз помогает мне, пока я устраиваю его на диване. Несмотря на то, что у нас есть отличная гостевая комната, которую он может использовать, он занял диван, чтобы мог быть в центре на случай, если что-то случится.

Я топчусь на пороге гостиной, не желая уходить. Уверена, что он хочет побыть один, но я не могу заставить свои ноги двигаться в нужном мне направлении.

— Тебе не о чем беспокоиться. Я не позволю, чтобы с вами обоими что-нибудь случилось.

— Я знаю. Просто подумала. Ты же не думаешь, что это... — я замолкаю, даже не желая заканчивать эту фразу.

Баз глубоко вздыхает, затем откидывается на спинку дивана, уставившись в потолок.

— Без понятия. На данный момент я никого не исключаю. Посмотрим, что произойдет сегодня, а потом пойдем дальше.

Я стою, ерзя, в голове крутятся страшные возможности. Баз, должно быть, понимает, как сильно это давит на меня, потому что похлопывает по месту на диване рядом с собой.

— Садись, — его тон не оставляет места для обсуждения.

Глубоко вздохнув, я сажусь на диван, оставляя между нами здоровое пространство. Я сидела на этом диване бесчисленное количество раз с Авой, но сидеть с Базом ощущается по-другому. Воздух кажется густым, трудно дышать, и, хотя это мое пространство, мои владения, я внезапно чувствую себя самозванкой в своем собственном доме. Именно такой эффект оказывает Баз. Его доминирующее присутствие захватывает комнату.

— Еще раз спасибо, что остался.

Это тщетная попытка сохранить мир, попытаться сделать оставшуюся часть этой ночи только с нами двумя менее неловкой.

Баз проводит рукой по этим непослушным темным прядям, и я думаю, что впервые вижу его одетым так небрежно. После нашего купания и ужина он надел черную футболку и пару спортивных штанов, которые почему-то до сих пор выглядят на нем потрясающе. Он выглядит так, будто собирается на пробежку, и это резко отличается от костюмов и обычной рабочей одежды, в которой я всегда его вижу.

Раздражение мелькает на его лице.

— Перестань благодарить меня, Маккензи.

Я качаю головой, грустная улыбка кривит мои губы.

— Я не могу. У меня все это, — я обвожу рукой комнату, — Благодаря тебе. Если бы сегодня была обычная ночь, я бы лежала в постели с Авой, крепко обнимая ее. И ты причина, по которой это возможно.

Все его существо смягчается. Раздражение, которое только что было на его лице, смягчается. Я думаю, что это первый раз, когда я вижу его таким непринужденным и нежным.

— Ты заслуживаешь счастья.

— Ты тоже, — возражаю я.

— Видеть тебя счастливой делает меня счастливым.

Мы сидим тихо, просто смотрим друг на друга, не торопясь, пока наедемся досыта. Прошло слишком много времени с тех пор, как я могла просто сидеть здесь и восхищаться

им. Даже когда притворялась, что ненавижу его, я крадал моменты, когда он не думал, что я смотрю, и глазела на него, запечатлевая его в памяти.

После того, как тишина затягивается, он спрашивает:

— Каково это быть мамой? Изменить чью-то жизнь?

Моя улыбка появляется на лице при мысли об Аве. Я говорю о ней в течение следующих пятнадцати минут, и, к моему удивлению, Баз сидит и слушает с легкой усмешкой на лице. Его глаза скользят по моему лицу, останавливаясь на губах, пока я рассказываю.

Жар приливает к моим щекам от интенсивности его взгляда, поэтому я кашляю, пытаюсь сменить тему.

— Что насчет тебя? Как на Бали?

Он ухмыляется, ясно понимая, что единственный способ узнать, что он был на Бали, это если почитать в Интернете. И это именно то, что я делала.

— Было хорошо, — неопределенно отвечает он, без конца раздражая меня.

Я ерзаю, пытаюсь вытянуть из него больше ответа.

— Ты...? — я осекаюсь, пытаюсь найти лучший, менее заметный способ спросить.

Он закатывает глаза в ответ на мою слабую попытку.

— Просто спроси, что у тебя на уме.

Я нервно сжимаю руки, ненавидя, что он видит меня насквозь. Расправив плечи, я смотрю ему в глаза и выплевываю вопрос, который мне до смерти хочется знать.

— Хорошо, зачем ты полетел на Бали и... встретил ли ты там кого-нибудь?

Он молчит.

Мертвая тишина.

Вздых срывается с моих губ, когда Баз протягивает руку, обхватывая мое лицо ладонью. Тепло нарастает у основания моего позвоночника, и эти надоедливые бабочки с ревом оживают в животе, их крылья дико трепещут, что перехватывает дыхание. Его большой палец скользит по коже моей щеки дразнящими движениями.

— Я все время говорю тебе, что больше никого нет, только ты. Никогда не было никого, кроме тебя, грязная девочка.

Мое сердце разрывается, смятение мелькает на моих чертах.

— Но ты же сказал... ты сказал, что был с Мией и теми девушками в твоей постели... Я не понимаю.

— Я солгал. Чтобы держать тебя на расстоянии вытянутой руки.

— Зачем?

Он пожимает плечами, кажется, глубоко задумавшись.

— В то время это казалось хорошей идеей. Давая тебе шанс найти себя самостоятельно.

Я сглатываю, странно довольная тем, что он сделал все возможное, чтобы позволить мне уйти, даже когда не хотел.

— Что сейчас?

Его пристальный взгляд врезается в меня, у меня перехватывает дыхание, ускоряя ритм сердца. Большой палец База нежно проводит по моей нижней губе, посылая мурашки по всему телу.

— Я больше не хочу этого. Я просто хочу тебя. Сломанную или нет.

В этот момент мое сердце совершает что-то странное. Такое чувство, что оно трещит по швам и на грани, чтобы вырваться из моей грудной клетки. Вот как безрассудно оно бьется. Схватив его за руку, я наклоняюсь к его телу, вдыхая его темный запах, и целую. Наши губы

мягко прижимаются друг к другу, мучительная встреча душ, прежде чем она станет грубой. Горячей и тяжелой.

Его рука скользит в мои волосы, дергая за пряди, пока он работает с моим ртом с изяществом мужчины, который знает, как поставить девушку к ней колени. Мои руки скользят по его плечам, и я впиваюсь в него подушечками пальцев, пытаюсь слиться с его телом. С рычанием, которое я чувствую в его груди, он поднимает меня на руки, вставая с дивана. Мои ноги обвиваются вокруг него, а руки обхватывают его шею для поддержки.

Мы вваливаемся в мою спальню, стараясь вести себя тихо, чтобы не разбудить Аву. Как два магнита, щелкающих друг о друга, наши рты сливаются, языки переплетаются, и все это время мы пытаемся снять одежду. Когда Баз бросает меня на кровать, его большое тело нависает над моим, все тревоги и вся боль медленно отступают, оставляя только нас двоих. И когда он скользит в меня впервые за несколько месяцев, я чувствую, как его душа вплетается в мою. Чувствую, как его сердце вырывает мое из груди и заявляет, что оно принадлежит ему навсегда.

Любовь капает из моего сердца, будто оно было погружено в океан, наполненный другими потенциальными душами. Баз требует меня — разум, тело и душу — всю ночь. У меня никогда не было сомнений в том, что я не принадлежу ему.

Как только мы ложимся, запыхавшись, с мокрой от пота кожей, он притягивает меня в свои объятия, и я засыпаю, обхватив его своим телом.

Никакого звонка в дверь.

Никого страха.

Никакой печали.

Никакой тоски по нему.

Вот по чему я скучала. И я не готова это отпустить.

Глава 31

Маккензи

У меня весь день была дурацкая улыбка, и все благодаря Базу. Вот уже два дня я имею удовольствие крепко спать в его объятиях и без нежелательных гостей. Кажется, что все постепенно выравнивается, когда здесь Баз. Аве, похоже, тоже нравится, когда он рядом. Он смотрел с ней телевизор прошлой ночью, прежде чем она заснула, и когда я стояла в коридоре, подслушивая, я слышала, как они говорили о плавании и рисовании, о том, чем она внезапно стала одержима, и мое сердце наполнилось до краев счастьем.

Поскольку у База сегодня вечером встреча, он послал одного из своих охранников с курорта посидеть в машине перед моим домом, на случай, если что-нибудь случится, пока его не будет. Я знаю, что это просто дополнительная предосторожность, потому что он беспокоится, но я надеюсь, что это означает, что все закончилось. Ночью было молчание, и никаких признаков того, что кто-то подкрадывается к дому.

Я собираюсь принять в душ, но резко останавливаюсь, когда раздаются два поразительных, агрессивных удара в дверь. Я бросаю полотенце и бегу в спальню, доставая телефон. Открываю приложение и издаю всхлип, когда никого не вижу. Я вбегаю в комнату

Авы и вижу, что она шевелится в постели. Очевидно, звук был достаточно громким, чтобы разбудить ее. Она трет затуманенные глаза, на ее лице написано замешательство. Притянув ее в свои объятия, я набираю номер База, сердце бешено колотится, заставляя тело дрожать. Он отвечает после первого же гудка.

— Что случилось?

— Кто-то стучится в... — крик срывается с моих губ, когда в этот раз звонят в дверь.

— Мне страшно, — тихо говорит Ава, эмоции заглушают ее голос.

— Я уже в пути. Позвони в полицию прямо сейчас, Маккензи, поняла меня?

— А твой охранник?

— Я разберусь с ним. Просто позвони в полицию.

После того, как он вешает трубку, я набираю 911 и сообщаю о происходящем. Ава плачет, дергается, вскрикивая, когда вновь раздается стук во входную дверь. Мои глаза закрываются, а нижняя губа дрожит, страх опрокидывает меня. Я поднимаю Аву на руки и спешу с ней в спальню. Закрываю за нами дверь и запираю ее. Выхватив нож из ящика с носками, я кладу его на край тумбочки рядом с кроватью, просто на всякий случай. Прижимаю ее маленькое тельце к себе, вздрагивая, когда раздается следующий звонок в дверь.

Кто бы это ни был, они играют со мной, чередуя стук и звонок в дверь. Я мысленно веду обратный отсчет, молясь, чтобы звук сирен раздался как можно скорее. Кто бы это ни был, они могут сделать еще одну попытку, прежде чем уйдут. Маленькие ручки Авы впиваются в меня. Она утыкается лицом мне в грудь, и я прижимаю ее к себе, не зная, как еще ее утешить. Облегчение охватывает меня, когда я слышу вой сирен, прежде чем вижу, как огни заполняют экран камер.

Бросив телефон на кровать, я отодвигаюсь ровно настолько, чтобы посмотреть на Аву.

— Мне нужно спуститься вниз и поговорить с полицией. Знаю, ты напугана, но обещаю, с тобой все будет хорошо.

Она все еще цепляется за меня, очевидно, слишком потрясенная, чтобы отпустить, поэтому я беру ее с собой, чертовски хорошо зная, что на ее месте я бы тоже не хотела, чтобы взрослый человек оставлял меня.

Открывая входную дверь, два офицера уже поднимаются по дорожке. Часть страха уходит, когда я вижу, как Баз разговаривает с отдельной патрульной машиной. Даже Дэн здесь. С Авой, все еще обнимающей меня изо всех сил, я рассказываю о произошедшем, и показываю запись с камеры полиции. Мы говорим о возможных подозреваемых и о том, кто может захотеть поиграть со мной. Я знаю кто мог бы, но не говорю об этом полиции. Это еще одна банка с червями, которую я не уверена, что готова открыть.

Когда Баз и Дэн заканчивают разговор с полицией, я расхаживаю по гостиной, ожидая ответов. Ава заснула где-то во время хаоса, и я уложила ее в постель, укрыв одеялом. Я оставила ее дверь открытой на случай, если она проснется, все еще напуганная.

— Что случилось с охранником? Как он не заметил?

Губы База сжимаются в мрачную линию, и он обменивается взглядом с Дэном.

— Ему показалось, что кто-то крадется сзади, и он последовал за ним. Этот человек убежал, уводя охранника прочь, намеренно оставляя вас одних. Это означает, что человек не один, а их два.

Мой желудок сжимается.

— Два человека? Это...?

Я слишком боюсь закончить фразу. Это единственное логическое объяснение.

— Сначала я тоже так думал, но Джейс говорит, что человек, которого он заметил на заднем дворе, был похож на ребенка, а не на взрослого мужчину. То же самое, что и на кадрах. Когда ты смотришь на него, видишь ли кого-нибудь из них?

Мой желудок скручивается еще сильнее, потому что, нет, я не вижу. Человек на видео не выглядит достаточно высоким, чтобы быть кем-то из них, но если это так, то кто это и чего они хотят?

Я падаю обратно на диван, и Баз следует за мной, притягивая меня в безопасность своих объятий.

— Я останусь здесь, пока мы с этим не разберемся.

Чуть отстранившись, я встречаюсь с ним взглядом.

— А что насчет работы и курорта?

— Это может подождать. Ты важнее. Вы обе.

Прижимаясь поцелуем к его губам, я впитываю его. Его силу, его уверенность. По крайней мере, одна хорошая вещь вышла из этого — то, что он здесь.

С тех пор, как Баз рядом, все несколько вернулось в нормальное русло. Мы нашли рутину, и, осмелюсь сказать, мы ощущаемся как семья. Пусть и очень странная, испорченная семья, но он рядом — это правильно.

Вчера вечером, перед тем как Баз уехал в командировку, Ава спросила меня, собирается ли он теперь жить с нами. Я не знала, как ответить на этот вопрос. Думала ли я об этом? Да. Но после всего, что случилось, кажется преждевременным приглашать его в наше пространство так скоро. Не говоря уже о том, что она все еще приспосабливается. Не хочу рисковать, впуская База в нашу жизнь, если он не собирается оставаться.

Я дала ей самый простой ответ, который могла придумать, уклоняясь от правды. Мы с Базом друзья, и он остался, чтобы убедиться, что с нами все в порядке. Вот и все, что нужно было сделать.

По крайней мере, сейчас.

Когда я останавливаюсь Ава открывает дверцу и садится в машину.

— Как в школе? — спрашиваю я, глядя на нее в зеркало заднего вида.

Она пожимает плечами, бросает рюкзак рядом с собой, прежде чем пристегнуться.

— Было весело. Мы должны были сыграть в футбол с другими классами, и нам дали мороженое за хорошее поведение.

Я посылаю ей улыбку, радуясь, что у нее был хороший день.

— Это потрясающе, детка!

Я выезжаю со стоянки и направляюсь домой. Мы уже на полпути, когда она задает мне вопрос, от которого у меня сводит живот. Холодный пот просачивается из моих пор.

— Кто такой Зак?

Я бросаю взгляд через плечо, паника написана на моем лице.

— Что? Почему ты спрашиваешь об этом?

— Я встретила в школе человека, который сказал, что его зовут Зак. Он сказал, что он твой друг.

Дорога передо мной расплывается, поэтому я дергаю руль, съезжая на обочину. Руки сильно дрожат, когда я тянусь к телефону и набираю номер База. Его телефон сразу переходит на голосовую почту, что означает, что он, вероятно, в воздухе. Я бросаю телефон на пассажирское сиденье и сжимаю руль, пытаюсь контролировать дыхание.

— Что случилось, мама?

Мое сердце колотится, свежие слезы колеблются на краю ресниц. Я быстро моргаю, пытаюсь сдержать их. У меня в голове вертится множество возможностей.

Как он нашел нас?

Как он нашел Аву?

Самый страшный вопрос заключается в том, *что он хочет от нас?*

Я фыркаю, поворачиваясь на своем месте, чтобы посмотреть ей в лицо. Натягиваю слабую улыбку, пытаюсь сдержать слезы.

— Все в порядке, милая. Я просто... — я прочищаю горло от страха. — Я просто хочу убедиться, что ты помнишь наш разговор о незнакомцах. Если этот человек снова попытается заговорить с тобой, мне нужно, чтобы ты рассказала об этом кому-нибудь из взрослых, хорошо?

Ее брови задумчиво сдвигаются, отчего между ними образуется складка.

— У меня неприятности?

— Нет. Нет, конечно, нет. Я просто хочу убедиться, что ты всегда в безопасности. Поняла?

Она кивает, принимая это. Я поворачиваюсь и закрываю глаза, пытаюсь взять себя в руки. Завтра мне нужно будет поговорить с кем-нибудь в школе о том, что происходит, просто для душевного спокойствия.

Остаток дня я нервничаю, ожидая, когда же наконец свяжусь с Базом. Когда он все еще не отвечает, я пытаюсь связаться с Дэном и рассказать ему, что происходит.

Он молчит на другом конце линии, выслушав мою болтовню. Мне пришлось прошептать свои страхи, не желая, чтобы Ава услышала меня и начала беспокоиться. Она едва забывает о глупостях с дверью; не хочу пугать ее еще больше, чем она уже напугана.

— Думаю, будет лучше, если вы останетесь на курорте до возвращения мистера Кинга.

Я устало вздыхаю, потирая виски.

— У нее школа, Дэн. Я не могу просто вырывать с корнем ее жизнь, потому что они играют со мной.

— Тогда я останусь с вами. Я поеду с Авой в школу и присмотрю за ней там.

Напряжение в моей груди немного спадает. Я выпускаю сдерживаемый вздох.

— Да, хорошо. Это хорошая идея. Когда ты свяжешься с Базом, не мог бы ты, пожалуйста, сказать ему, чтобы он позвонил мне?

— Да. Я скоро буду, мисс Райт.

Дэн держит свое слово и добирается до дома в рекордно короткие сроки. Сегодня я буду спать намного лучше, зная, что он рядом, и, что он защитит Аву на случай, если я не слишком быстро среагирую на все это. Баз звонит мне перед сном и сердится. Он делает все, что в его силах, чтобы никто не приближался ни к Аве, ни ко мне. Он хочет вернуться первым рейсом, но я настаиваю, чтобы он оставался.

У меня есть один вариант, и я планирую им воспользоваться. Ему это не понравится, но, черт, то, чего он не знает, не причинит ему вреда, и мне нужно сделать все возможное, чтобы защитить свою семью.

На следующее утро после того, как я отвожу Аву в школу и говорю с директором, мне становится немного легче, зная, что Дэн будет там защищая ее. Пока они оба в школе, я выезжаю на окраину города и выхожу на стрельбище. Стеклянные витрины по всему полу магазина содержат различные типы оружия. В задней части находится оружейный тир, но, если я пройду все необходимые курсы, я смогу получить право на аренду оружия. Я нуждаюсь в этом ощущении защиты, чтобы чувствовать себя в безопасности. Мне нужно чувствовать, что я могу защитить Аву на случай, если кто-нибудь когда-нибудь вломится в наш дом.

Поскольку Баз забрал мое последнее оружие и, очевидно, не собирается его возвращать, мне нужно найти другой способ защитить мою дочь.

Набрав полную грудь воздуха, я подхожу к одному из продавцов. Он огромен — я говорю об огромном лесорубе — и похож на пещерного человека с бородой, которая занимает большую часть его лица. С половиной волос, собранных в пучок, он выглядит устрашающе. Он настороженно смотрит на меня, оценивая мою внешность, когда я сокращаю расстояние, между нами.

— Вы потерялись?

Его голос хриплый и жесткий, будто сделан из гравия и камня. Мои губы сжимаются. Уверена, он считает себя забавным. Потому что я девушка, которая, вероятно, выглядит так, словно она не в себе, входя в такое место, как это.

— Мне нужно посмотреть, смогу ли я получить пистолет.

Его брови взлетают вверх, и он наклоняется вперед, опираясь локтями на стекло, все более заинтересованный.

— И зачем такой хорошенькой крошке, понадобился пистолет?

— Чтобы защитить себя и мою дочь.

Он втягивает воздух при упоминании о *защите* и *дочери*. Его глаза скользят вверх и вниз по моему телу, его взгляд сужается, словно он глубоко задумался.

— Хорошо. — он почесывает бороду. — Полагаю, у вас нет лицензии?

Я качаю головой.

— Вот почему я здесь. Я пытаюсь сделать это правильно.

Он вздыхает, как будто помощь мне внезапно стала для него занозой в боку.

— Ну, вам нужно будет следовать процессу DROS. После того, как вы пройдете проверку, вы можете арендовать или купить оружие.

Я переминаюсь с ноги на ногу, ненавидя самую мысль, что придется ждать так долго.

— А, если это займет слишком много времени? Я нуждаюсь в оружии сейчас.

Это может занять больше времени. Черт, они могут сказать мне категорическое «нет».

Он беззаботно пожимает плечами.

— Вы должны ждать, как и все остальные.

Глубоко вздохнув, я оглядываюсь вокруг, пытаюсь найти что-нибудь еще, что я могу купить в качестве защиты.

— Единственный иной вариант, который я могу предложить, это электрошокер.

Мои глаза с решимостью перескакивают на его.

— Беру.

Это лучше, чем ничего.

Не требуется много времени, чтобы Баз позвонил мне, и когда я поднимаю трубку, он не доволен мной. Я должна была догадаться, что он узнает. Должна была догадаться, что он

будет следить за мной.

Когда я заберу Аву из школы, я уверена, что у меня будет более чем достаточно времени, чтобы объяснить с Базом, когда он вернется в город. Я ошибалась.

Мой желудок сжимается при виде его машины, припаркованной перед домом, а он стоит, прислонившись к ней, скрестив руки на широкой груди, с серьезным выражением лица.

Вот дерьмо.

Припарковав машину на подъездной дорожке и заглушив двигатель, Ава распахивает дверцу и бежит к нему, полностью взволнованная увидеть его. Он стирает сердитое выражение со своего лица и опускается на корточки, чтобы оказаться на ее уровне. Она бросается в его объятия, и он обнимает ее в ответ, улыбаясь ей сверху вниз.

— Привет, малышка. Как дела в школе?

Ава начинает рассказывать про свой день в школе, и Баз внимательно ее слушает. Отпирая входную дверь, я все еще чувствую, как от него волнами исходит гнев. Черт, я ощущаю это на протяжении всего вечера, пока он помогает мне с ужином и делает уроки с Авой. Я пытаюсь растянуть время, которое провожу с ней сегодня перед сном, давая нам дополнительный час для просмотра телевизора, просто чтобы мне не пришлось оставаться с Базом в одиночестве, потому что я знаю, что он не будет мягок со мной.

Я как раз готовлю обед для Авы в школу, когда понимаю, что на завтра у меня закончились закуска. Я использую это как предлог, чтобы отложить неизбежный разговор с Базом. Пока он остается дома с Авой, я направляюсь в продуктовый магазин, мысленно готовясь к спору, который, несомненно, на горизонте.

Открыв багажник, я кладу продукты, с ужасом ожидая того момента, когда снова войду внутрь. Не знаю, почему какая-то часть меня чувствует себя плохо из-за того, что я отправилась на поиски оружия, но, Господи, что еще я должна делать? Мне нужно защитить свою дочь — любыми необходимыми средствами. Это рискованно? Да, но это также необходимо. Я хочу чувствовать себя в безопасности в своем собственном доме, и дело в том, что Баз не всегда будет здесь, чтобы защитить нас.

Захлопнув багажник, я хватаюсь за тележку и начинаю возвращать ее, когда она внезапно резко останавливается. Мое лицо хмурится, и я поднимаю взгляд, проверяя, не застряло ли колесо, но мое сердце неуверенно останавливается, кровь бежит по венам, при виде того, кто мешает тележке двигаться.

Зак Ковингтон стоит во весь рост, его волосы собраны в грубый пучок, который, я уверена, многие девушки находят привлекательным; только теперь, для меня, это делает его похожим на непослушного, жестокого сукина сына.

Требуется несколько секунд, чтобы найти опору, и когда я нахожу ее, то хватаюсь за ремешок сумочки, желая, чтобы у меня было какое-нибудь оружие, чтобы защитить себя. Я расправляю плечи, и на моем лице появляется гримаса.

— Странно видеть тебя здесь, — замечает Зак, и на его губах появляется хитрая ухмылка.

В ответ я стискиваю зубы.

— Да? — я скрещиваю руки на груди в защитном жесте. — Держись подальше от меня и моей дочери, или пожалеешь об этом.

Зак откидывает голову назад и смеется, его горло пытается сдержать нарастающую истерику. Я оглядываю парковку, надеясь увидеть хотя бы одного человека, который

находитесь достаточно близко к нам, на случай, если что-нибудь случится.

— И что ты собираешься с этим делать? — тихо спрашивает он, делая угрожающий шаг ко мне.

Я с трудом сглатываю.

— Я убью тебя.

Его брови взлетают до линии волос, и он ухмыляется.

— Только меня? А как насчет остальных? Мы все виновны, разве нет? Или, по крайней мере, ты в это веришь.

Мои ноздри раздуваются, пытаюсь подавить гнев.

— Я убью любого, кто будет угрожать мне или моей дочери. Тебе стоит это запомнить.

Мы смотрим друг на друга, грудь тяжело вздымается, напряжение хихикает в прохладном ночном воздухе.

Зак делает еще один шаг вперед, его злобный взгляд скользит вверх и вниз по моему телу, задерживаясь на волосах.

— Передай Базу сообщение для меня, хорошо?

Мое лицо искажается от отвращения.

— У тебя уже отобрали акции, о чем, черт возьми, ты хочешь с ним поговорить?

Должно быть, я задела какую-то струну, потому что мышцы на его квадратной челюсти напряглись, пытаюсь сдержать свой гнев.

— Потому что я верю в Дикарей. В моих братьев. Такие девушки, как ты, приходят и уходят.

От того, как он это говорит, с таким количеством двусмысленностей, у меня по спине пробегает зловещий холодок.

— Это угроза?

Зак издает резкий смешок. Дождь гвоздями стекает по моей спине.

— Если бы я хотел твоей смерти, Маккензи, ты была бы мертва. Хотя сейчас мне очень нравится играть с тобой. Точно так же, как хищнику со своей жертвой.

Мои глаза сужаются в тонкие щелочки.

— Я не позволю тебе причинить ей боль.

Он вздыхает, изображая раздражение.

— Что с вами, девушками Райт, что вы хотите всех защитить?

Мое сердце колотится, и, не задумываясь, я сокращаю расстояние между нами и поднимаю руку, она соприкасается с его щекой. Пощечина эхом отдается вокруг нас на почти пустой стоянке.

— Не смей, — шиплю я.

В мгновение ока Зак хватает меня за запястье и притягивает к своей груди. Я бью его свободной рукой, пытаюсь оттолкнуть, но он держит меня в железной хватке.

— Ты не удержишься надолго. Он устанет от тебя. От вас обеих.

Я с трудом сглатываю.

— Я перейду этот мост.

Что-то вспыхивает в его глазах. Что-то зловещее и холодное. Это тот самый Зак, который накрыл мне лицо подушкой и пытался убить. Страх впивается мне в грудь от его взгляда. Вполне возможно, что именно так все и закончится для меня, и все потому, что мне нужен был предлог, чтобы не встречаться с Базом лицом к лицу.

— Здесь все в порядке?

Хватка Зака на мне исчезает в мгновение ока, и я поворачиваюсь к источнику. Один из сотрудников, с тележками, направляется в нашу сторону.

— Все в порядке, — слышу я шепот Зака, его голос звучит далеко.

Когда я оглядываюсь через плечо, он уже ушел.

Я нервничаю всю дорогу домой. Вернувшись домой, я стараюсь избегать База, как только могу, все еще пытаюсь смириться с тем фактом, что Зак следил за мной. Он не только следил за мной, но и приблизился к моей дочери, а теперь и ко мне, что дальше?

Когда Ава засыпает, я глубоко вздыхаю и вылезаю из ее кровати, оставив дверь приоткрытой на случай, если я ей понадобится. Я не так уж и удивлена, когда замечаю База, ожидающего снаружи ее комнаты, прислонившегося к коридору, с презрительно сдвинутыми бровями. Я обхожу его и иду по коридору в свою комнату, зная, что он собирается последовать за мной.

Баз заходит в спальню и закрывает за собой дверь, молча кипя от злости. Воздух вокруг нас потрескивает от напряжения. Он проводит рукой по лицу и вздыхает.

— Я думал, все идет хорошо. Какого хрена тебе нужен пистолет, Маккензи? Ради всего святого, ты растешь ребенком. Нельзя оставлять такое оружие валяться где попало.

— Я не идиотка! — рявкаю я. — Я не собиралась оставлять чертов пистолет валяться где попало, чтобы она его нашла. Я просто пошла туда, чтобы посмотреть, смогу ли я получить его. Мне нужно что-то, чтобы мы были в безопасности. Именно поэтому я нуждаюсь в пистолете! — я бросаю взгляд вокруг нас, беспокоясь, что могу разбудить Аву своим повышенным голосом. Подойдя ближе к Базу, я осознаю, что должна понизить голос. — Ты не понимаешь? Они не остановятся. Возможно, я наконец сдалась и двинулась дальше, но боюсь, что не они. Мне нужна защита, на всякий случай. Как я могу обеспечить ее безопасность?

У меня на кончике языка вертится рассказать ему о моей стычке с Заком.

— Ты прекрасно знаешь, что я никогда не позволю, чтобы с тобой что-то случилось. С любой из вас.

Я закатываю глаза.

— Ты не сможешь защищать нас двадцать четыре часа в сутки, Баз. У тебя своя жизнь.

— Не стоит недооценивать меня, Маккензи. Я не подпущу их к вам, девочки. Понимаешь меня?

Словно чувствуя, как сильно я нуждаюсь в объятиях, Баз подходит ко мне, обнимает за шею, притягивая мое тело к себе. Я обмякаю в его объятиях, в поисках тепла. Он прижимается губами к моей макушке, и я закрываю глаза.

— Мне страшно.

Его хватка вокруг меня крепчает.

— Не стоит. Я же сказал, что не позволю, чтобы с вами что-то случилось.

— Это не просто. Я опасаюсь и за тебя.

Я чувствую, как его тело напрягается подо мной.

— Ты все еще не доверяешь мне?

— Дело не в том, что я тебе не доверяю. Я просто в замешательстве. Когда ты здесь, это нелегко, потому что я хочу, чтобы ты остался. Я не хочу, чтобы мне причинили боль. Не хочу, чтобы Ава пострадала.

Он молчит, обдумывая услышанное.

— Я знаю. Мы разберемся с этим, когда придет время, но сейчас мой главный

приоритет это обеспечить безопасность вам обоим.

Я запрокидываю голову, встречаясь с ним взглядом. Приподнявшись на цыпочки, я накрываю его рот своим и целую. Возможно, это не тот ответ, который я искала, но он прав. Сейчас у нас есть гораздо более важные вещи, о которых нужно беспокоиться.

Глава 32

Маккензи

Сегодня вечер пятницы. Ава играет в гостиной с набором керамики для рисования, который Баз купил ей на Бали, а мы сидим на диване и смотрим телевизор.

Это стало для нас чем-то вроде рутины. Если Баз не остаётся с нами, то вместо него остаются Дэн и один из охранников. Больше не было никакого стука в дверь или звонка посреди ночи, и ни Зак, ни кто-либо из парней не навещали в школу Авы.

Все стихло.

До сегодняшнего дня. Когда я была в продуктовом магазине, а Баз на работе, клянусь, я видела Трента. Я не была уверена, то ли мне померещилось, то ли мое воображение играло злые шутки, но этого было достаточно, чтобы сбить меня с толку. Но не это меня так разозлило. Дело в том, что Баз, казалось, знал все о Дикарях, в то время как оставлял меня в неведении.

Всякий раз, когда кто-то из Дикарей входит в уравнение, всегда кажется, что между Базом и мной океан. Он намеренно что-то скрывает от меня, потому что думает, что защищает меня, но на самом деле он просто делает меня еще более расстроенной и параноидальной. Секреты заставляют меня хотеть копнуть глубже и раскрыть правду.

Я знала, что он снова хранит секреты, отменив свой завтрашний день с нами. Он сказал, что у него встреча с кем-то, но, когда я спросила, с кем, он отказался отвечать. Это наложило на нас напряжение на весь день. Мой нарастающий гнев достигает новых высот только тогда, когда он склоняется к Аве и проекту, над которым она работает..

Телефон База вибрирует на столе, и я рассеянно смотрю на экран, все мое существо становится красным, когда я читаю имя, которое там мелькает.

Винсент.

Мое сердце резко останавливается, и я бросаю взгляд на База, который все еще

разговаривает с Авой, совершенно не осознавая, что я только что увидела.

— Себастьян. Могу я поговорить с тобой минутку?

Баз медленно сдвигается, бросая на меня взгляд через плечо. Его брови нахмурены, в глазах плавают вопросы. Я не утруждаю себя ожиданием его, вскакиваю с дивана и направляюсь по коридору в спальню.

Уперев руки в бока, я начинаю расхаживать по комнате, пытаюсь обуздать гнев и страх. Мне нужно быть спокойной и уравновешенной, когда он войдет, чтобы мы могли нормально поговорить о...

Как только Баз закрывает за собой дверь, все мысли забываются, и я начинаю злиться.

— С кем у тебя завтра встреча? И не смей мне лгать. — его губы сжимаются, но он не отвечает мне. Это само по себе является достаточным ответом. — С Винсентом, не так ли? — я усмехаюсь, подбрасывая руки в воздух и позволяя им беспомощно упасть по бокам. — Ты хочешь, чтобы я тебе доверяла. И все же, черт возьми, ты чуть не просишь меня подвергнуть опасности жизнь моей дочери, когда ты все еще в явном контакте с человеком, который пытался убить меня!

Баз бросает взгляд на дверь.

— Это не то, о чем ты думаешь. Я не могу заговорить об этом с тобой или поговорить об этом, потому что ты ведёшь себя вот так. Ты ведешь себя как сумасшедшая... — он закрывает рот, но его слова все еще ощущаются как удар в грудь.

Я скрещиваю руки на груди.

— Если ты думаешь, что я сумасшедшая, тогда почему здесь? Зачем привел Аву в мою жизнь? Зачем забрал меня из больницы, если действительно веришь, что мое место там?

Баз сжимает переносицу и издает разочарованный звук.

— Это неправильно. Я не думаю, что ты сумасшедшая. Но тема парней, простое упоминание любого из них, включая Маркуса, приводит тебя в штопор.

— Они убили мою сестру! — рявкаю я.

Выставив палец, я делаю угрожающий шаг вперед, и мое сердце падает, когда я слышу крик. Это не один из тех криков, которые используются при игре. Он настоящий, наполненный болью и страхом.

Не удостоив База еще одним взглядом, я выбегаю из спальни, несусь по коридору и возвращаюсь в гостиную. Мои ноги резко останавливаются, как раз за порогом, когда я смотрю на Аву. Там кровь. Много крови. Я кладу дрожащую руку на живот и пытаюсь остановить внезапный приступ тошноты. Я никогда не была хороша с кровью, особенно после аварии.

Баз бросается вперед, а я стою, застыв на месте, лед наполняет мои вены. Взяв истекающую кровью и плачущую Аву на руки, он надавливает на рану на ее голове. Мое тело, все еще полностью застрявшее в шоке, не позволяет двигаться и как-то помочь. Баз рявкает на меня, приказывая взять ключи и завести машину. Это единственное, что выводит меня из состояния. Я быстро сворачиваю за угол, пытаюсь найти сумочку и ключи от машины.

Схватив их со столика, я выбегаю на улицу, оставляя входную дверь широко открытой, распахиваю дверцу со стороны водителя и завожу машину. Баз и Ава следуют по пятам. Он прижимает ее к своей груди, когда забирается на заднее сиденье, полотенце и его рука прижимают рану в ее голове.

— В больницу.

Я делаю еще одну долгую паузу, глядя на рыдающую Аву.

Что я наделала?

Они никогда не позволят мне оставить ее у себя.

Как я вообще могла подумать, что смогу заботиться о ребенке?

— Езжай, Маккензи! — кричит Баз, снова выводя меня из транса, вызванного страхом.

Поездка займет тридцать минут. Тридцать минут слишком долго от моего дома до больницы. Я подъезжаю прямо к аварийным дверям, позволяя Базу вынести Аву из машины, прежде чем отъезжаю, ища место для парковки и пытаюсь взять себя под контроль.

Обычно я не такая пугливая, когда речь заходит о ком-то с серьезной травмой. Но видеть кого-то, кого я люблю? Кого-то, кого я должна защищать? Это сбивает меня с толку. У меня голова идет кругом, и единственное, о чем я могу думать, это ее потеря. Потеря Авы. Государство увидит, что я негодная мать, и заберут ее у меня. Они заберут мой единственный кусочек счастья. Мой яркий свет во всей этой темноте.

Собравшись с духом, я вхожу в отделение неотложной помощи, осматривая окрестности, и не удивляюсь, когда обнаруживаю, что Баз несет Аву в приемный покой. Набрав полные легкие воздуха, я подхожу к ним сзади и приближаюсь к ней, желая убедиться, что с ней все в порядке. Ее красивые маленькие ресницы обмахивают ее щеки, когда они распахиваются, и она смотрит на меня со слезами, блестящими в глазах. Я втягиваю носом воздух и делаю шаг ближе к Базу и ей.

— Все будет хорошо, дорогая. Я обещаю.

Я провожу рукой по ее руке, нуждаясь в тепле ее кожи, просто чтобы знать, что с ней все в порядке. Двери, ведущие в смотровые палаты, открываются, и с хмурым выражением на лице Баз идет вместе с Авой, а я следую за ним.

Положив ее на кровать, он садится ближе всех и продолжает давить на рану, замедляя кровотечение. Полотенце уже пропитано кровью, и я, может, и не врач, но даже я знаю, что это ненормально. Некоторое давление на рану должно, по крайней мере, замедлить кровь, но в ее случае это, похоже, не помогает. Пожилой мужчина в белом лабораторном халате отодвигает занавеску и останавливается у кровати.

— Какая проблема? — спрашивает доктор, делая шаг к Аве.

— Я... ну... — я замолкаю, а затем хмурюсь, не совсем понимая, что произошло.

В одну секунду она была в порядке, рисовала в гостиной, а в следующую кричала и истекала кровью. Опять же, лучшая мать знала бы, что случилось с их ребенком. Но, конечно, я не знаю.

Баз снова подхватывает мою слабинку.

— У нас в гостиной стоит стеклянный кофейный столик. Ава, должно быть, играла, разбила стекло и поранила голову.

— Давайте взглянем, — доктор сменяет База, убирая полотенце, и из раны брызжет кровь. Он быстро закрывает ее. — Слишком много крови для разбитой головы. Позвольте мне собрать медсестер, и я вернусь. У нее случайно нет аллергии? Какие-нибудь нарушения в крови? Кровотечение, по крайней мере, должно уже замедлиться, но здесь, похоже, что-то не так.

Я хмурюсь, бросаю взгляд на Аву, затем на База, прося о помощи. Меня никогда не предупреждали ни об аллергии, ни о чем другом. Насколько я знала, когда я удочерила Аву, она была здоровым ребенком.

— Нет, насколько мне известно, нет. Она... мы только что завершили этап удочерения,

так что не... мне ничего не говорили.

Доктор кивает, поджимая губы.

— Я сейчас вернусь. Отец, пожалуйста, продолжайте давить на рану. Я попрошу нескольких медсестер зайти и собрать несколько анализов крови, чтобы убедиться, что все в порядке.

Когда доктор отодвигает занавеску, прежде чем уйти, я смотрю на База и вижу, что он смотрит на меня. Есть момент, единственный момент, когда все кажется таким, как раньше. Но этот момент исчезает в мгновение ока. Он смотрит на Аву и снова избегает моего взгляда. Очевидно, он так же разочарован мной, как и я.

Мы ждем в тишине, состояние Аву начинает ухудшаться. Беспокойство начинает царапать мой живот, когда я вижу, сколько крови она теряет.

Это ненормально, верно?

Однажды я разбила себе голову, и мне пришлось наложить швы, но я не помню, чтобы потеряла так много крови. Полотенце пропитано красным. Похоже, кто-то окунул его в банку с красной краской. Кровь окрасила ее идеальные светлые волосы в спутанный рыжий, и кровать.

— Что-то не так, — шепчу я, глядя на нее сверху вниз.

Я чувствую это. Баз смотрит на меня, и по выражению его глаз я могу сказать, что он тоже это понимает. Это неправильно. Она не должна так сильно истекать кровью.

— Иди, найди врача, медсестру, кого-угодно.

Я встаю, прежде чем он успевает закончить фразу. Кричу в коридор, вероятно, будя других пациентов, но мне все равно. Моя дочь теряет слишком много крови. Медсестра, несущая горсть вещей, останавливается на моем паническом взгляде.

— Моя дочь, она истекает кровью. Что-то не так.

Она кивает и кричит через плечо.

— Мартинес! Мне нужна помощь.

Мы спешим обратно к Аве, и я чуть не плачу от выражение лица База. Медсестры уговаривают нас вернуться, одна берет на себя все работу, другая держит Аву, чтобы они могли взять все жизненно важные анализы. Это очень срочно. Одна медсестра зовет врача, который быстро входит. Доктор смотрит на медсестер и кровь и начинает отдавать приказы.

— Подготовьте операционную. А пока введите ей средство для свертывания крови. Не хочу рисковать анализами, если она уже потеряла так много крови. Возможно, ей понадобится переливание, — тараторит он одной из старших медсестер, которая кивает и записывает все так, словно от этого зависит вся его жизнь.

Доктор уходит, готовясь подготовиться к чему угодно, и медсестры начинают увозить Аву. Я неуверенно вскакиваю на ноги, слезы наполняют мои глаза. Страх вливается в грудь.

— Что случилось? Что происходит?

— Мы увозим Аву в операционную, чтобы остановить кровотечение. Мама, вы знаете группу крови Авы? На случай, если потребуется вливание крови. Мы просто хотим убедиться, что она не слишком много ее потеряла. Доктор дает ей средство для свертывания крови, чтобы помочь остановить часть кровотока.

Я качаю головой, ощущая панику.

— Нет, я не знаю. По-моему, это написано где-то в ее медицинской карте.

Медсестра кивает, похлопывает меня по руке, пытаюсь успокоить.

— Я попрошу медсестру посмотреть. А пока, не мог бы кто-нибудь из вас сдать кровь?

На случай, если кто-то из вас подойдет?

— Да, конечно, — одновременно соглашаемся мы с Базом.

Я нервничаю, когда сдаю кровь. Обычно сам процесс вызывает у меня тошноту, но в эту секунду все, о чем я могу беспокоиться, это Ава. Все, чего я хочу, это быть рядом с ней. Я хожу по коридору, как раз рядом с тем местом, где она находится. Постоянно провожу руками по волосам, молясь всем, кто выше, чтобы с ней все было в порядке. Детей не увозят в операционную только из-за разбитой головы. Я не готова потерять ее. Я не могу потерять ее.

— Маккензи. — я подпрыгиваю от неожиданности, почувствовав тепло руки База на плече. — Давай присядем. Не изматывай себя.

Плотина, которую я сдерживала, внезапно рушится, когда я смотрю на него.

— Это моя вина. Я должна была следить за ней. А теперь посмотри на нее, — шиплю я, указывая на закрытые двери. — Всю свою жизнь я никогда не могла ничего делать правильно. Как я могла подумать, что это единственное, что я сделаю правильно? Забота о ребенке? Я вляпалась по уши. Она...

Баз хватает меня за плечи, пытаюсь вобрать в меня хоть немного здравого смысла.

— С ней все будет хорошо. Они заботятся о ней. Ты не знала, что это произойдет.

— В этом-то и проблема, — задыхаюсь я. — Я должна была остановить это. Вместе этого я была с тобой. Я была так сосредоточена... на всем дерьме, которое больше не имеет значения, на Винсенте, на остальных парнях, на Мэдисон, на моих родителях. Я не заботилась о единственном человеке, который нуждался во мне.

Черты лица База смягчаются.

— Садись, Маккензи. Ты не можешь контролировать мир. Несчастные случаи случаются. Просто присядь и дыши.

Я делаю, как он говорит. Сажусь в кресло и смотрю на закрытую дверь операционной, слезы текут по моим щекам.

— Мисс Райт, у меня хорошие новости и, боюсь, плохие.

Я встаю и раскачиваюсь от напряжения, но рядом Баз. Он берет меня за руку и крепко сжимает, давая понять, что никуда не уйдет.

— Хорошо, какая плохая новость?

— Ава потеряла много крови. Доктор уверен, что у нее нарушение свертываемости, но пока мы не проведем дополнительные анализы, это может быть что угодно. Ей понадобится переливание, так как ей не ввели средство для свертывания крови вовремя.

Я закрываю рот рукой, пытаюсь сдержать рыдания. Медсестра, должно быть, замечает мою надвигающуюся истерику, поэтому переходит к следующей серии новостей.

— Хорошая новость в том, что вы на сто процентов подходите по группе крови, мама.

Она говорит о чем-то еще, но этот маленький лакомый кусочек заставляет меня задуматься.

— Подождите, — я качаю головой. — Как это возможно?

— Ну, вы ее мать, так что ничего удивительного...

— Я не ее биологическая мать. Ава приемная, — отрезаю я, нахмутив брови.

Медсестра склоняет голову набок, глядя на меня, как на сумасшедшую.

— Райт, вы подходите друг другу. Образцы крови. Это возможно только в том случае, если вы с Авой родственники. — она быстро смотрит на База, словно осознаёт свою ошибку. — Если вы хотите поговорить наедине, я с удовольствием сделаю это и объясню

дальше.

Я чувствую, как рядом со мной напрягается Баз. Она думает, что я что-то от него скрываю? Что, черт возьми, происходит?

— Нет, не нужно говорить наедине. Он услышит. Мне просто нужно... Мне нужно, чтобы вы объяснили. В этом нет никакого смысла. Я никак не могу быть родственником Авы. Я удочерила ее. У меня нет близких родственников с детьми.

— ДНК совпадает, мисс Райт. Если у вас нет близнеца, который родил ребенка, у меня нет другого логического объяснения.

У меня подкашиваются ноги.

Сильная хватка База удерживает меня в вертикальном положении, пока я обдумываю ее слова.

Если у вас нет близнеца, который родил ребенка.

Если у вас нет близнеца, который родил ребенка.

Нет, не может быть, чтобы у Мэдисон был ребенок. Ни за что на свете не может быть, чтобы такое могло случиться.

Вспышки прошлого обрушиваются на меня быстрыми всплесками. Мэдисон в отъезде во время программы обмена студентов. Ее нечастые звонки домой. По возвращению, она была совершенно другим человеком. Она изменилась. Она больше не была моей близняшкой, а стала кем-то совершенно другим.

Может ли это быть?

Нет, мои родители никогда не стали бы скрывать от меня что-то подобное.

Но что, если они скрывают? Это все изменит.

И есть один вопрос, на который мне нужен ответ.

Кто отец ребенка?

— Я дам вам обоим минутку.

Баз помогает мне вернуться на место, и я тупо смотрю вперед, пытаюсь разобраться в происходящем. Должно быть, произошла ошибка. Этого не может быть. Потому что каковы шансы? Каковы шансы, что Ава дочь моей сестры, и она вошла в мою жизнь случайно, как и раньше?

— *Тебе нужно встать, потому что там маленькая девочка, которая нуждается в тебе.*

Я резко втягиваю воздух, услышав повтор реплики, звук голоса Мэдисон. В то время я этого не понимала. Я просто думала, что она имела в виду Аву. Когда Ава была одиноким ребенком, но теперь, теперь, что, если она пыталась сказать мне, что Ава не была просто случайным ребенком? Что, если она встала на моем пути, потому что Мэдисон нуждалась во мне, чтобы защитить ее?

Я закрываю глаза и позволяю слезам течь по моим щекам. Мне нужны ответы, и я ненавижу, что единственный способ узнать правду это через родителей. После того, как они так бессердечно вычеркнули меня из своей жизни и умыли руки, последнее, что я хочу сделать, это попросить их о чем-нибудь, но мне нужно знать.

— Скажи мне, о чем ты думаешь.

— Сейчас я думаю о куче дерьма, в котором нет никакого смысла.

— Мы заставим их повторить это еще раз. Убедимся, что нет никакой ошибки.

— А если нет? Что, если это один и тот же результат снова и снова?

Наступает долгая пауза. Этого достаточно, чтобы я открыла глаза и посмотрела на него.

Он задумчиво смотрит на меня. Что-то в выражении его лица мне не нравится.

— Есть... есть что-то, о чем ты мне не говоришь?

Я отстраняюсь от него, злясь, что у него хватает наглости выставлять меня такой, будто я храню секреты всех, когда у него их целый чертов шкаф.

— Нет. Я тебе все рассказала. И если ты намекаешь на то, что у меня был ребенок, ты глубоко ошибаешься. Я даже не теряла девственности, пока не уехала из Ферндейла. Мой ребенок ни за что не будет ровесником Авы.

Он выдыхает.

— Ну и что тогда?

Я замолкаю, покусывая нижнюю губу, раздумывая, стоит ли ему говорить.

— В то лето, когда умерла Мэдисон, она вернулась с программы обмена студентов. Наверное, поэтому ты ее почти не видел. — брови База приподнимаются. Он ошеломлен этой информацией. — Она не часто звонила домой. Я просто думала... что она развлекается там, наслаждаясь, что находится вдали от меня. От этого дерьмового городка. Но теперь, теперь я задаюсь вопросом, не поэтому ли она улетела. Она осталась на два семестра. Этого недостаточно, чтобы выносить ребенка, но если она уже была беременна и улетела, когда начал появляться животик? Она могла бы родить там и позволить своему телу вернуться в нормальное состояние, прежде чем вернуться домой.

Баз проводит рукой по волосам.

— Есть только один способ это выяснить.

Я начинаю качать головой, уже зная, что он собирается сказать.

— Нет. Я не могу. Они поместили меня в психиатрическую больницу, Баз. Я больше не желаю иметь с ними ничего общего.

— Да, они это сделали. И это был полный пиздец. Но ты действительно хочешь провести остаток своей жизни, не зная?

Я свирепо смотрю на него. Ненавидя его логику. Ненавидя, что он прав. Что я ненавижу еще больше? Зная, что я доведу дело до конца. Я обращусь к ним, потому что не могу не знать правды.

Следующие полтора часа мы проводим в ожидании новостей об Аве, и когда доктор выходит, он объясняет, что произошло.

— Позвольте мне начать с того, что с вашей дочерью все будет в порядке. Она стабильна и спит. Она потеряла силы от потери крови и переливания. Проблема состояла не только в том, что она разбила голову. Дело в том, что у нее расстройство крови. Гемофилия, если ее не диагностировать, опасна. Самые простые порезы могут стать проблемой, потому что кровь отказывается сворачиваться. Ава, в частности, является трудным случаем, потому что она превосходит большинство факторов риска заболеваний крови. После того, как я стал свидетелем прогрессирования ее кровопотери сегодня, я убежден, что у нее тяжелый случай гемофилии. Гемофилия, как правило, классифицируется по какому-либо конкретному фактору свертывания крови, который отсутствует, и у Авы этого отсутствия довольно много. У нее дефицит факторов 7, 8, 9, 11 и 12. Поскольку у нее отсутствует так много факторов свертывания крови, ее организм просто не в состоянии остановить кровопотерю.

Независимо от того, сколько давления вы приложите к ране, она не свернется. Хотя это и не легко, но это можно лечить с помощью лекарств и переливаний, как мы сделали сегодня, чтобы химически остановить кровь и закупорить рану. У нас имеются результаты ее крови, в которых указано, какие факторы вызывают беспокойство. Я бы посоветовал купить ей браслет медицинского оповещения на случай, если что-нибудь подобное повторится, когда никого из вас не будет рядом. В наши дни редко бывает, чтобы врачи не могли диагностировать больного гемофилией. Вам обоим очень повезло, что это была всего лишь рана на голове, а не что-то опасное для жизни. Я также хочу прописать несколько витаминов с железом. Ее запасы железа чрезвычайно низки, что также не помогает процессу свертывания. У нее четыре шва, которые рассосутся сами по себе. Медсестра даст вам инструкции по уходу, но все довольно просто. Пожалуйста, не стесняйтесь привести ее, если она испытывает еще какое-либо чрезмерное кровотечение или то, что вы можете заподозрить, является внутренним кровотечением.

Должно быть, он заметил испуганное выражение на наших лицах, потому что смягчается, подходит к нам и осторожно кладет руку на плечо База.

— Я знаю, что это слишком много для вас обоих, но с вашей дочерью все будет в порядке. В данный момент ее переводят в другую палату, и как только медсестры уложат ее, вы оба можете остаться с ней.

Мы с Базом проводим ночь в больнице рядом с кроватью Авы, и я отказываюсь отвести от нее взгляд. У меня сжимается грудь по многим причинам. Я рада, что с ней все в порядке, и злюсь на себя за то, что позволила этому случиться, и боюсь, что не знала свою сестру так хорошо, как думала. В моей голове столько всего происходит, и я просто хочу, чтобы все это прекратилось.

На следующее утро, когда Ава шевелится, я даже не могу сдержать рыдания, когда она вновь оказывается в моих объятиях. Я так боялась, что потеряю ее. Так боялась, что все испортила. Не хочу думать о возможности, что мы действительно родственники. Не хочу думать о Винсенте, Заке или любом из Дикарей. Просто хочу сосредоточиться на своей дочери.

Баз отвозит нас домой. Мы не сказали друг другу ни слова с тех пор, как разорвалась бомба о возможном «у Мэдисон ребенок». У меня такое чувство, что он обдумывает, пытается понять, как это возможно, в то время как я делаю почти то же самое. Не могу не задаться вопросом, что, если это правда, как я была такой слепой? Если да, то как моя семья скрывала от меня такой огромный секрет?

Помогая мне уложить Аву в постель рядом, Баз парит в ногах кровати. Его взгляд скользит по нам, напряжение волнами исходит от него.

— Я заберу ее рецепты и вернусь с едой для вас, девочки.

У меня такое чувство, что он не хочет покидать нас, но если наша ссора раньше была каким-то признаком того, что мы впадаем в те же старые привычки, ему, очевидно, все еще нужно свое пространство.

— Может, ты попросишь Дэна сделать это за тебя?

— Я должен справиться с этим сам, просто чтобы убедиться, что они дадут ей все, что ей понадобится. Наверное, мне пора.

— А что, если я не хочу, чтобы ты уходил? — шепчу я, слишком боясь взглянуть на него на случай, если он мне откажет.

Наступает долгая тишина, затем я слышу, как его ноги удаляются из комнаты и идут по

коридору. Входная дверь открывается и закрывается, и мое лицо сжимается, когда рыдание вырывается из груди. Любовь — это боль. Я никогда ни в чем не была так уверена. Ненавижу это чувство в груди. Такое чувство, что мое сердце разрывается на куски. Не знаю, сколько еще смогу это вынести. Мне нужен Баз в моей жизни, но я не могу его заполучить. И ненавижу вселенную за это.

Я уверена, что он сомневается в своей клятве быть здесь для нас, несмотря ни на что. Это было бы больно, но я могу понять, если это слишком много для него. Он на это не подписывался. Острая боль пронзает мою грудь, и я притягиваю Аву ближе к себе, купаясь в ее тепле, чего я боялась, что никогда больше не почувствую.

Мое рыдание застряло в горле, когда звук шагов внезапно становится громче. Я поднимаю голову, со слезами на лице, и обнаруживаю, что Баз стоит и смотрит на меня. Выражение его лица напряженное. Челюсть скрежещет взад и вперед, будто он хочет что-то сказать, но не может найти слов.

— Что ты делаешь?

Мой голос дрожит, выдавая эмоции.

— Остаюсь.

Он снимает обувь, потом пиджак. И все это время я не могу сдержать слез. Потому что я не заслуживаю этого человека.

— Почему?

— Где мне еще быть?

Баз забирается к нам в постель, прижимая мое тело вплотную к своему. Его тепло проникает в мою кожу, успокаивая. Мое тело льнет к его, приспособливаясь. Он то, чего мне не хватало всю жизнь. Я не могу жить без него. В этом я уверена.

Я зажимаю нижнюю губу зубами, подавляя дрожь, когда волна эмоций захлестывает меня. Я эмоционально опустошена.

— Я люблю тебя.

Баз наклоняется и целует меня в центр лба.

— Я тоже тебя люблю.

Это первый раз, когда он прямо говорит мне эти слова, и я никогда не чувствовала себя такой полной эмоцией сразу. Я смотрю на свою милую девочку, пытаюсь собраться с эмоциями, чтобы не превратиться в рыдающее месиво. Когда мужчина говорит, что любит тебя, это последнее, что ты хочешь сделать.

Не знаю, может, это мой разум играет со мной злые шутки, но чем больше я смотрю на Аву, тем больше вижу себя и Мэдисон. Я уже видела эти кусочки нас, но просто думала, что это потому, что она была потерянной маленькой девочкой — именно так я ощущала себя всю свою жизнь. Но теперь я вижу сходство более ясно, чем раньше. Это делает его правдоподобным. Это делает его реальным.

— Мы в полном дерьме, не так ли? — шепчу я.

Я чувствую, как его грудь вибрирует позади меня от хриплого смеха.

— Да. Да, это так, — я грустно вздыхаю, и он целует меня в затылок. — Но у меня не было бы другого выхода, Маккензи.

— Я не могу потерять вас, ребята, — шепчу я, прижимаясь к нему, признавая свой самый большой страх.

— Ты не потеряешь, — успокаивает он.

— Ты не можешь этого обещать, — возражаю я.

- Ты доверяешь мне?
- Да.
- Тогда верь, что это сработает. Все будет хорошо. Я обещаю.

Глава 33

Маккензи

Я ерзаю на кожаном сиденье, поворачиваясь к Базу. Мы сидели в машине последние двадцать минут, пока я собиралась с духом. Ава спит на заднем сиденье. Она смотрела фильм на своем айпаде во время поездки сюда и, должно быть, отключилась где-то во время поездки.

— Ты останешься здесь с ней, верно?

Баз открывает рот, чтобы ответить, но я перебиваю его, слишком взволнованная тем, что произойдет, как только я выйду из машины.

— Помни, ты ничего не сделаешь, пока я не дам добро. Я собираюсь сначала поговорить с ними и получить ответы. Потом, если дела пойдут хорошо... ну, полу-хорошо, я приведу вас, ребята, договорились?

— Ты...

— Ох, и не забудь опустить окна на случай, если ей здесь станет жарко и...

— Черт, Маккензи. Я понял. Хватит тянуть время. Перестань слишком много думать об этом. Просто иди. Они не могут причинить тебе вреда. Понимаешь? Я им не позволю.

Я почти срываюсь и говорю ему, что не хочу этого делать. Что мне нужно, чтобы он был со мной, но он прав. Мне нужно перестать думать, смириться со своими страхами и войти в дом, в который я не входила уже девять лет. Баз тянется через центральную консоль и сжимает мою руку в своей, будто знает, что я нуждаюсь в поддержке. Судорожно вздохнув, я киваю, в основном самой себе, и выхожу. Сокращаю расстояние от машины до дома, и с каждым шагом мое сердце колотится все сильнее. Каждый шаг ощущается, словно призраки из моего прошлого тянутся из-под земли, как виноградные лозы, обвивая ноги и пытаюсь удержать меня. Я слышу, как кровь бурлит в венах. Пульс стучит в ушах, и он такой громкий, что оглушает. Я застываю на пороге. Знаю, что должна постучаться, позвонить в дверь, что-то сделать, но не могу заставить свое тело двигаться.

Я так много хочу сказать своим родителям. Хочется кричать, брыкаться и орать, но я не могу сделать ничего из этого. Мне нужно успокоиться, иначе сегодняшний день не пойдет на пользу. Они всегда будут рассматривать меня как дочь, которая нуждается в помощи. Как уменьшенная версия Мэдисон.

Набравшись смелости, я звоню в дверь, и мой желудок сжимается, в ожидании. Заложив руки за спину, я кручу большие пальцы в нервном тике, который я отказываюсь показывать им и, вероятно, использую против меня. В ту секунду, когда я слышу тяжелые шаги по другую сторону двери, меня тошнит. Я хочу развернуться и забыть обо всем этом плане. Мне не нужны ответы. Кого волнует, был ли у Мэдисон ребенок? Кого волнует, что этот ребенок на самом деле Ава? Кого, черт возьми, волнует, что я неосознанно удочерила этого ребенка и люблю ее как свою собственную?

Приняв решение, я поворачиваюсь и торопливо спускаюсь по ступенькам крыльца. Я беспомощно смотрю на База в машине. Не могу разглядеть выражение его лица, но, скорее всего, это опровержение. Я совершаю ошибку. Теперь я это знаю. Мне не нужно, чтобы они мне что-то говорили. В нескольких метрах от меня сидят два самых важных человека в моей жизни. Не имеет значения, что скажут мне родители.

Я как раз прохожу последнюю ступеньку, когда открывается входная дверь, и я слышу грубый голос отца.

— Мак?

Сердце болезненно сжимается, а грудь разрывается. Я замираю спиной к нему, не в силах пошевелиться. Чувствую надвигающуюся панику, яростный подъем и падение груди, когда она работает, чтобы приспособиться к тяжелому дыханию. Мое тело дрожит, руки неудержимо трясутся. Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. За эти несколько секунд я набираюсь смелости, чтобы встретиться лицом к лицу с родителями. После всего, что они сделали, после всего, что они скрыли от меня, я собираюсь пойти туда, высоко поднять голову и выяснить, что на самом деле произошло тем летом.

Я медленно поворачиваюсь к отцу. Он выглядит старше, чем когда я увидела его в последний раз. Похоже, чувство вины за то, что он отправил свою последнюю живую дочь в психиатрическую больницу, действительно повлияло на него. Макушка у него лысеет, а боковые волосы теперь почти все седые. Его лицо лишено цвета, морщины гораздо глубже, чем были всего несколько месяцев назад. Он плохо выглядит. Это совершенно очевидно.

— Марк, — я киваю в знак приветствия, сохраняя свой голос на удивление ровным.

Если бы я не была внимательна, и если бы не знала своего отца так, как знаю, я бы не заметила, как он вздрогнул. Нет большего позора для родителя, чем лишение титула «папа» или «мама», а я лишила Марка и Монику и того, и другого.

Я прочищаю горло, расправляя плечи.

— Моника здесь? Я хотела поговорить с вами, ребята.

Он потирает затылок, в его глазах появляется страдание, когда он смотрит на меня сверху вниз.

— Да, она здесь. Входи.

Он открывает дверь пошире, приглашая меня, а затем бросает взгляд на машину. Его брови опускаются, вероятно, заметив тела, сидящие внутри, но он не комментирует это.

Внутри меня сначала поражает запах. Это запах моего детства. Запах моей матери, ее свечей янки и средства для мытья деревянных полов, которым она часто пользуется, но это новый аромат. Аромат печали. Не той печали, с которой мы росли. Он совсем другой. Он еще более одинокий. Я иду за папой на кухню и стараюсь не смотреть по сторонам. Это не веселая прогулка по дорожке памяти. Это ради бизнеса. Это делается для получения ответов.

Ненавижу, когда мы входим на кухню, и я спотыкаюсь при виде матери. Она сидит за столом и выглядит совсем измученной. Если я думала, что мой отец плохо выглядит, Моника его победила. Мой отец прочищает горло, привлекая ее внимание, и когда ее взгляд падает на меня, ее глаза расширяются. Краска отходит от ее лица, и она внезапно отталкивается от стола, обходя его так быстро, что у меня нет времени обдумать, что она сделает дальше.

Она обхватывает меня руками и крепко обнимает. Все мое тело сжимается, напрягаясь от вторжения в личное пространство. Она, должно быть, замечает, что я не отвечаю взаимностью, потому что медленно отпускает меня и делает осторожный шаг назад. На ее лице написано чувство вины. Это видно по тонкому блеску слез, мерцающих в ее глазах.

Она шмыгает носом, глядя на мужа.

— Я понятия не имела, что ты приедешь. Я даже не знала, что ты здесь...

Я мрачно смеюсь.

— Ох, я уверена, что ты не знала.

Она закрывает рот и отшатывается, будто я дала ей пощечину. Тот факт, что они оба добровольно спланировали меня в психиатрическую больницу, это слон в комнате, о котором никто не хочет говорить.

— Я здесь не для того, чтобы навестывать упущенное или для чего, по-вашему, этот визит. Я здесь за ответами. Не знаю, почему я ожидаю, что кто-то из вас скажет мне правду. Это определенно не сильная сторона вас.

— Дорогая, мы никогда не хотели сделать тебе больно, — голос моей мамы дрожит. — Мы хотели тебе помочь. Ты действовала...

Мой отец обрывает ее, бросая на нее уничтожающий взгляд.

— Все это не имеет значения. Давайте просто сядем и поговорим. Спроси нас о том, что тебе нужно.

Наступает тишина, когда мы садимся. Мой взгляд мечется между ними в попытке понять, как спросить то, что мне нужно, не звуча для них еще более безумно.

— Мэдисон действительно улетала в Италию по программе обмена студентов?

Мои родители переглядываются друг с другом.

— Да, ты знаешь что... — начинает говорить моя мать, бросая на меня взгляд, который говорит: «ты с ума сошла? Почему спрашиваешь об этом?»

— Нет, — вздыхает отец.

Каждый мускул в моем теле напрягается. У меня пересыхает во рту, когда я играю с реальностью следующих слов на языке.

— Где тогда она была?

Мама бросает на отца умоляющий взгляд, и впервые за все время отец смотрит на меня с сожалением.

— Она была в Эверморе, в больнице Святой Марии.

Я открываю рот, но сжимаю зубы, когда чувствую, что мой подбородок дрожит, потому что я знаю, что будет дальше. Думаю, я поняла это в первый момент, когда увидела Аву. Я напрягаюсь.

— Зачем она отправилась в больницу Святой Марии? Зачем лгать всем в школе и в городке о том, где она была?

Слеза скатывается по щеке моей мамы, и она смотрит на стол.

— Потому что твоя сестра была беременна. И... — она задыхается, прижимая тыльную сторону ладони ко рту, чтобы не рыдать. — Обстоятельства, при которых она забеременела... мы не могли допустить, чтобы это стало известно. Так что, мы отправили ее в больницу Святой Марии.

Тошнота закручивается у меня в животе.

— И что было дальше?

— Она родила, а затем вернулась домой.

Я прикусываю язык, пока не чувствую вкус крови. Мне хочется кричать. Хочется ненавидеть их, всех их, за то, что они скрывали от меня такой большой секрет.

— И вместо того, чтобы сказать мне, вы, солгали. Вы, скрыли это и заставили ее избавиться от ребенка, ради спасения собственных задниц. Всю мою жизнь вы оба заставляли меня чувствовать, что проблема во мне. Все, что я делала, я старалась быть лучше. Быть звездным ребенком, каким вы всегда ее считали. Я каждый день ненавидела себя за то, что никогда не была достаточно хороша.

— Ты была достаточно хороша, — плачет мама.

— Очевидно, черт, нет! — я провожу рукой под глазами, на секунду успокаиваясь. — Что случилось с ребенком?

Их брови опускаются.

— Каким ребенком?

Я начинаю волноваться.

— С ребёнком, которого она родила. Что случилось?

— Сестры в больнице Святой Марии забрали ребенка к себе. Несколько лет спустя детская организация взяла на себя заботу о детях в приюте, прежде чем он закрылся. Каждый ребенок был отправлен в другую часть штата. В любое место, где была комната или семья, которая хотела их.

Мои ногти впиваются в ладони, боль пронзает кожу.

— И вам ни разу не пришло в голову узнать о ребенке? Узнать, кто ваш внук?

Они оба отворачиваются, на их лицах написано чувство вины.

— Мы задавались вопросом. Но нет, мы никогда не предпринимали действий.

Я смотрю на них, позволяя тишине повиснуть, между нами. Часть меня хочет рассказать им все, особенно о том, как я впервые встретила Аву. О том, как она вошла в мою жизнь. Как Баз сделал так, что теперь я могу называть ее своей. Но по какой-то причине я ничего не

говорю. Я сижу и смотрю на них прищуренными глазами, осуждая за все прошлые ошибки. Некоторые люди не созданы для того, чтобы иметь детей и заботиться о них по таким причинам, как бедность, злоупотребление наркотиками и неспособность любить. Причины моих родителей не были ни одной из вышеперечисленных, но в глубине души я знаю, что они никогда не должны были становиться родителями. Они облажались с нами по-королевски. Наша семья так разбита, что не подлежит восстановлению.

— Мне так жаль, что мы тебе не сказали.

Я усмехаюсь.

— Да. Мне тоже.

Папа кивает в сторону подъездной дорожки за окном.

— Ты можешь пригласить его войти. Я видел фотографии в новостях. Знаю, что вы двое вместе. Вот почему я передал ему опеку. Потому что, то, как он смотрел на тебя на каждой фотографии, каждый отец хочет этого для своей дочери.

Я смотрю в окно, на машину, борясь со слезами. Подбородок дрожит, когда я борюсь с эмоциями. Нет. Нет, он не должен этого делать. Он не может играть роль хорошего человека. Он не может сделать так, чтобы казалось, что каждое принятое им решение было для общего блага.

Более сильный человек, который был бы готов отпустить прошлое, позвал бы их обоих и официально представил родителям. Но я не сильный человек. Никогда не была.

— Нет, не думаю, что буду приглашать.

С этими словами я отодвигаюсь от стола и встаю. Замолкаю, пытаюсь придумать, что сказать. Когда мой взгляд перемещается между ними, мое сердце сжимается.

— Знаете, он единственный мужчина в моей жизни, который никогда меня не подводил. За тот год, что я его знаю, он оказал мне больше поддержки, чем кто-либо из вас за всю мою жизнь.

Я наблюдаю, какой урон наносят мои слова, когда они попадают в намеченную цель. Папа со стыдом опускает голову, не в силах смотреть на меня, а мама плачет. Оставив их обоих на кухне, я возвращаюсь к входной двери, ненавидя, как здесь душно.

— Дорогая, ты можешь остаться. Пожалуйста, останься, — умоляет мама.

От этого у меня горят глаза, потому что где была эта мать, когда я больше всего в ней нуждалась? Где она была, когда я нуждалась в сочувствии, когда мне нужен был только один человек на моей стороне?

— Я не могу.

Я продолжаю свой путь к входной двери и отчетливо слышу рыдания мамы позади. Взявшись за ручку двери, я чувствую, что отец стоит у меня за спиной. Чувствую, как все невысказанное плывет, между нами.

— Береги себя, Марк.

Рывком распахнув дверь, я спешу вниз по ступенькам и, черт, почти бегу к машине. Баз не пропускает ни секунды. Он позволяет мне пристегнуться, прежде чем выезжает с подъездной дорожки, и мы уезжаем. Как только дом начинает исчезать в зеркале заднего вида, я, наконец, глубоко вздыхаю. Слеза стекает по моей щеке, и я позволяю ей скатиться.

— Ты в порядке?

Я смотрю на заднее сиденье, наблюдая за Авой, когда она качает головой, смотря Ютуб. Ее розовые наушники закрывают уши, так что я знаю, что она нас не слышит. Она слишком погружена в свой айпад.

— Она принадлежит ей, — говорю я, переходя к делу.

Не об этом он спрашивал, но я слишком боюсь ответить, потому что не думаю, что я в порядке. Узнав правду, я не уверена, что когда-нибудь буду в порядке.

— Ты уверена?

— Да. Никогда не существовало программы обмена студентов. Все это было ложью, чтобы защитить себя. Я до сих пор не знаю всех подробностей. Они сказали, что в тех обстоятельствах, когда она забеременела, это был единственный вариант.

Он делает паузу.

— Они знают о ней?

— Нет, — я сжимаю губы в мрачную линию. — И никогда не узнают.

У нас тихий вечер с Авой. Шрам на ее лбу хорошо заживает. Она немного устает в течение нескольких дней после инцидента, но она такая же жизнерадостная, как и Мэдисон. Баз удивил ее браслетом, и, поскольку он такой же дорогой и нелепый, как у богачей, он заказал для нее в Картье специальный браслет для медицинского оповещения. Я не была уверена, хочу ли поцеловать его или вклеить пощечину. Несмотря на это, все, что действительно имеет для меня значение, это то, что она будет в безопасности. Это мой главный приоритет как ее матери.

Эта мысль пронзает болью грудь. Потому что, хотя она и моя, она не моя. Ее мать умерла. У ее матери никогда не будет возможности увидеть, как красива ее дочь, и это больно. Это больно, потому что я хочу подарить Аве весь мир, но не могу. Хочу, чтобы Ава была моей и только моей, и ненавижу, что маленькая часть меня все еще чувствует, что я делю ее со своей сестрой.

Ава, кажется, блаженно не подозревает о беспорядке, который является ее родословной, и я хочу, чтобы так продолжалось как можно дольше. Я хочу оградить ее от осознания того, какую боль я испытываю до конца ее жизни. Но в какой-то момент я знаю, что мне нужно будет объяснить. Даже если я злюсь на сестру за то, что она держала меня в неведении, она заслуживает того, чтобы ее дочь знала, кто она. Все хорошее в ней, что я помню.

Со своим нетронутым бокалом вина я наблюдаю за тем, как Баз взаимодействует с Авой. Они оба сидят на полу, и она показывает ему свои рисунки. Его окружает невероятная мягкость, когда он рядом с моей дочерью, и у меня болит грудь от того, как это красиво. Потому что Баз не тот человек, который мягок. Он суров и неумолим. Должно быть, он чувствует тяжесть моего взгляда. Пока Ава болтает о том о сем, Баз смотрит на меня, его взгляд изучает мое лицо и пожирает меня в моей свободной футболке и шортах. Я смотрю на них, поджав под себя ноги на диване.

Его взгляд нагревает мою кожу, когда я чувствую, как он скользит по моей обнаженной плоти. Он отводит взгляд, снова смотрит на Аву, и его губы кривятся, когда она продолжает. Когда она заканчивает свою болтовню о желании стать художником, Баз упоминает что-то о Бразилии, что заставляет меня выпрямиться.

— В Бразилии, откуда родом моя семья, моя мама владеет художественной галереей. Тебе бы понравилось.

Глаза Авы сияют, ее улыбка становится шире.

— Возможно, ты и твоя мама сможете полететь со мной в следующий раз, когда я отправлюсь туда в гости.

У меня перехватывает дыхание, и когда Ава смотрит на меня, в ее глазах светится надежда.

— Это было бы так весело, правда, мама?

— Да. Быть может, когда-нибудь там будут висеть твои собственные работы.

Ее глаза расширяются при мысли об этом, она вскакивает на ноги и бежит по коридору к своей комнате.

— Я сейчас, мама, — кричит она через плечо. — И не уходи, Баз, мне нужно поработать еще над одной картиной!

— Притормози, пожалуйста, — кричу я ей вслед, переживая за ее травму головы.

Последнее, что мне нужно, это чтобы она в спешке врезалась в стену.

Баз отталкивается от пола, оставляя работу Авы, и останавливается перед диваном рядом со мной. Я выгибаю бровь, кривя губы.

— Бразилия, да? Ты же знаешь, что она не оставит тебя в покое. Она будет ожидать этой поездки.

Оттолкнувшись от дивана, я вытягиваю шею назад, чтобы посмотреть на него.

Баз усмехается.

— Я рассчитываю на это. Есть еще кое-что, что я хотел бы обсудить с тобой.

Я делаю глубокий вдох, внезапно чувствуя себя настороже и предполагая худшее.

— В чем дело?

Словно почувствовав, куда направляются мои мысли, Баз ухмыляется и качает головой.

— Я хочу сделать заявление. О тебе и Аве. Она уже была замечена с нами, и я сделаю все возможное, чтобы защитить ее от средств массовой информации, но лучше, если я дам им что-нибудь.

Мой желудок скручивает.

— Хорошо, хорошо, о чем ты думаешь? Просто прямо скажешь, что она моя приемная дочь?

— Вроде того. Если мы будем вместе, она станет частью моей жизни, и это тоже сделает ее моей дочерью. Не юридически, но, безусловно, во всех отношениях, которые имеют значение.

У меня перехватывает дыхание, в глазах нарастает давление.

— Ты этого хочешь?

— Совершенно, верно.

Я ищу в его взгляде ложь. Ищу возможность того, что он на самом деле не имеет в виду сказанное. Но пока мы смотрим друг на друга, я не могу найти ни единой лжи в его взгляде. Тепло разливается по моей груди, и сердце сжимается.

— Что ты пытаешься мне сказать?

Баз скользит рукой по моей талии, притягивая мое тело к своему, прижимая мою грудь вплотную к своей. Его большая мозолистая рука скользит по моей шее сзади, и удерживает меня. Его большой палец гладит нежную кожу, так не похожую на собственническую хватку.

— Я говорю, что хочу тебя. Я хочу этого. Я хочу, чтобы Ава была в моей жизни. Хочу защитить вас обеих всеми способами, которые имеют значение. Потому что я люблю тебя и Аву. Это никогда не изменится.

Одинокая слеза стекает по моей щеке. Я приподнимаюсь на цыпочки и целую его.

Обхватив руками его шею, я притягиваю База к себе, вкладывая в поцелуй все, потому что я внезапно не в состоянии говорить.

— Ты собираешься переехать прямо сейчас?

Голос Авы прорезает гостиную, и мы отстраняемся друг от друга. Ее глаза сияют и полны надежды, и я невольно смеюсь. Она такая беззаботная.

Оттолкнувшись от меня, Баз направляется к ней, опускаясь на корточки.

— Может быть, когда-нибудь, если ты и твоя мама этого захотите. Но прямо сейчас, почему бы нам не одеться, и я приглашу вас обеих на ужин? Мой друг владеет рестораном, в котором подают ваши любимые блюда.

Ава склоняет голову набок.

— Лучше, чем мамины спагетти?

Я прижимаю дрожащую руку ко рту, пытаюсь остановить надвигающееся рыдание, которое хочет вырваться на свободу. Я никогда не устану слышать, как она меня так называет. Не думала, что когда-нибудь окажусь здесь с ней, где она будет любить и доверять мне так сильно, что будет считать меня своей мамой. Это лучшее чувство в мире.

Баз наклоняется и шепчет громко, так, чтобы я могла услышать:

— Намного лучше.

— Эй!

Я жалуясь, и Ава смеется за мой счет.

Поставив свой бокал на стол, я бросаю на них еще один взгляд. С грудью полной любви и надежды, я направляюсь в коридор, чтобы одеться. Я уже почти оказываюсь в своей спальне, когда слышу следующий вопрос Авы, и мое сердце колотится, пока я жду ответа База.

— Значит ли это, что теперь ты станешь моим папой?

— Ты этого хочешь? Хочешь, чтобы я стал твоим папой?

Небольшая пауза, затем:

— Ну, да. Ты был бы лучшим папой на свете.

Сдавленный звук срывается с моих губ. Это рыдание, наполненное счастьем, потому что ответ База только подтверждает то, что я знаю, что это правда.

Я люблю этого человека всем сердцем.

— Нет ничего, чего бы я хотел больше, чем стать твоим папой, Ава.

Глава 34

Баз

Со стаканом виски в руке я смотрю, как они обе спят. Низкий гул двигателя в самолете, который большинство людей находят успокаивающим, но для меня все совсем наоборот. Держась за руки, Ава во сне положила голову на плечо Маккензи, а голова Маккензи покоится на ее голове. Они выглядят мирными и красивыми, золотистый оттенок на их коже после поездки, которую мы совершили.

Это был их первый раз в Бразилии, поэтому я хотел сделать его незабываемым для них. Я планирую часто брать их с собой, но что касается первых впечатлений, им нравится не меньше, чем мне. Культура и люди там другие, чем здесь, и это было прекрасно, наблюдать, как обе мои девочки живут в одном месте, которое я всегда считал оазисом.

Мои девочки.

Я никогда не думал, что дойду до момента в своей жизни, когда девушка будет так много значить для меня, не говоря уже о двух. Но именно это и произошло. Маккензи и Ава моя жизнь. Они мое сердце и душа, и я пойду на край света, чтобы защитить их. Я ловлю себя на том, что хочу избаловать их и дать им все. Ава невинна и ясноглаза, с необъяснимой любовью к искусству и плаванию. Маккензи такая же дерзкая, как и сломленная, и самая сильная, самая красивая девушка, которую я когда-либо встречал. Она завладевает этими потрясающими глазами и держит в плену своего сердца. Она прекрасно разбита, медленно складывая свою жизнь воедино, и интересно наблюдать, как она это делает. Наблюдать, как она преодолевает боль своего прошлого. Я хочу показать и дать ей мир.

Путешествие прошло так идеально, как я и надеялся. То есть до тех пор, пока всего за несколько дней до того, как мы сели в самолет, я не получил новости от Дэна. Хорошее в моей жизни всегда кажется омраченным плохим.

Маккензи и Ава познакомились с моими родителями и семьей моей мамы в Бразилии. Для всех это была любовь с первого взгляда. Особенно у моей мамы. Она влюбилась в Маккензи и уже начала называть Аву своей Нетой — своей внучкой. Кровное родство или нет. Я еще больше удивлен, что мой отец дал добро. Он не сказал словами, но в этом и не было необходимости. Мы одинаковы. Я знаю, как выглядит одобрение на его лице, и хотя я не нуждаюсь в этом, я ценю это.

Сначала с Маккензи и моим отцом было немного неловко. Он притворился, что понятия не имеет, кто она, в то время как она знала, что это совсем не так. Было очевидно, что она все еще сдерживала гнев, но справлялась с ним. Научиться отпускать то, что было в прошлом, над чем она теперь не властна. К концу нашей поездки Бенедикт и Маккензи были на одной волне, обсуждая ее издательскую сделку, и он похвалил ее за то, что она акула. Нет ничего, что он одобрял бы больше, чем разумные деловые решения.

Как и было обещано, моя мать отвела Аву в художественную студию в Рио, а я остался с Маккензи и трахнул ее до бесчувствия на вилле, которой владею на пляже. Я купил ее, когда заработал свои первые сто миллионов. С тех пор она стала моей драгоценной собственностью. Это первый раз, когда я хотел поделиться этим кусочком своего рая с кем-

то еще. И неудивительно, что это кто-то — Маккензи. Она моя, и каждый раз, когда я в ней, у меня возникает безумная потребность наполнить ее своей спермой и заставить ее выкрикивать мое имя, потому что это музыка для ушей. То, как она кончает, прекрасно, и то, как ее киска обхватывает мой член, это рай.

Она все еще пытается скрыть от меня частички себя. Шрамы, которые теперь покрывают ее тело из-за аварии, этого она больше всего стыдится. Она работает сверхурочно, ограждая их от меня, поэтому я изо всех сил стараюсь поклоняться несовершенствам ее кожи. На шрам, который проходит по всей длине ее живота, трудно смотреть, но не из-за его жестокости, а потому, что он напоминает обо всем, что я мог потерять.

Я влюблен в эту девушку, со шрамами и всем прочим.

За последние несколько дней нашего пребывания я понял, что Маккензи и Ава не хотели улетать. Я хорошо понимал это чувство. Покидать рай ради реального мира никто не хочет. Если бы я мог остаться здесь с ними, оберегая их от Дикарей, средств массовой информации, людей, которые печатают истории и хоронят нас во лжи, я бы так и сделал. Но это не наш мир. Это не мой мир.

Свет в салоне тусклый, небо за окном окрашено в пурпурные и оранжевые тона, когда садится солнце. Мой взгляд сужается на тонкие облака, сквозь которые мы летит, мой желудок сжимается от гнева и беспокойства. Дэн позвонил всего за несколько дней до нашего отъезда из Рио из-за инцидента на курорте. Зак проник на территорию и испортил все, что мог, прежде чем его увела охрана.

Это не первая его вспышка. Они случаются все чаще и чаще. Он разглагольствовал в средствах массовой информации о теориях, о том, как мы с Маккензи разрушили жизнь невинного человека. Он злится и набрасывается на меня, потому что постепенно я лишил их всего, в чем он когда-либо полагался на меня. Его действия были главной причиной, по которой я хотел лететь в Рио с Маккензи и Авой. Я хотел дать им передышку, но мне также хотелось поговорить с отцом.

Мне нужно было знать, что он и моя мать будут рядом, чтобы вмешаться и защитить Маккензи и Аву в случае, если что-то случится. Потому что я больше не буду наносить удары. Я заплачу хорошую сумму денег, чтобы посадить Зака и остальных, защищая свою семью.

Бенедикт предложил избавиться от них другим способом, но я отказался. Это мой беспорядок, это мои братья, и я не собираюсь быть трусом и заставлять кого-то другого делать за меня грязную работу. Я избавлюсь от них раз и навсегда, если они будут продолжать угрожать безопасности моей семьи.

И это именно то, что я планирую сделать, как только мы приземлимся. Мне нужно совершить необходимые шаги, чтобы убрать Дикарей из моей жизни.

Я ерзаю на кровати и протягиваю руку, но меня встречают прохладные простыни. При этом мои глаза распахиваются. Требуется секунда, чтобы понять, где я нахожусь и почему кровать рядом со мной пуста.

Я в пентхаусе. Не дома с Маккензи и Авой.

Дом.

Когда ее дом стал для меня домом?

Я делил свое время между пентхаусом и домом в тайне.

Между холмами и домом Маккензи в Калабасасе. Это не идеально, но мы не в том месте, где я чувствую, что изменять жизнь Авы, переселяя их в мой дом разумное решение. Ей нужна стабильность и привычность ее собственного места, и я достаточно хорошо разбираюсь в этом, чтобы понять. Мне не нравится, что приходится проводить так много времени вдали от дома, но в последнее время это стало нормой. Это единственное, что имеет смысл прямо сейчас — оставаться в пентхаусе, когда мне нужно работать допоздна, и оставаться у Маккензи, когда я скучаю по ним.

Также я планирую обсудить это с ней в конце концов, как только мы сделаем следующий шаг в наших отношениях. Я хочу быть с ними все время, и когда все войдет в менее спокойную рутину, я буду обсуждать их переезд, но сейчас мне придется потерпеть.

После полета я попросил Дэна отправиться домой к Маккензи и Аве, а сам направился обратно на курорт, к повреждениям и беспорядку, оставленным мне. Ущерб был не так велик, как я думал, но этого достаточно, чтобы ясно показать, что Зак в отчаянии. Он хватается за соломинку, и скоро у него ничего не останется. У всех них. Никто из них не застрахован от моего гнева.

Я чувствовал себя преданным.

Преданным, что они лгали мне в течение многих лет и заставили защищать их. Я был зол на их дерзость в попытке отнять у меня мою девушку. Хотя мой последний разговор с Винсентом меня не устроил. Он всегда был самым вспыльчивым и непредсказуемым, но казалось, что он изнемогает. И он, казалось, злился, что Зак притворяется им, будто у него не было ни малейшего понятия. Когда его спросили о той ночи, я ожидал, что он промолчит. Только он этого не сделал, и правда была намного хуже, чем мне хотелось верить. Все складывалось. И все это должно было снова разбить сердце Маккензи, поэтому я держал это в себе. Хранил секреты до тех пор, пока я не смогу защитить ее и ее сердце от всех, кто хочет причинить ей боль.

Все, что угодно, лишь бы защитить ее.

Выпрямившись, я откидываюсь на спинку кровати, мой сверхактивный мозг уже погружается в работу и цифры. Скорее всего, я не смогу заснуть в ближайшее время. Всякий раз, когда я сплю с Мак у них дома, у меня нет этой проблемы. Я крепко сплю, но, когда ее нет рядом, я не могу уснуть. Все, что я могу, это думать. Это не дает мне спать всю ночь, пока я пытаюсь найти способы исправить это, сделать все правильно, управляя клубом и курортными сетями.

Я так давно ничего не слышал от Винсента, и это само по себе достаточно компрометирующе, но остальная часть парней... такое чувство, что все разваливается, потому что я влюбился в девушку, которую обидела моя группа друзей. Мои братья.

Я вырываюсь из своих мыслей, когда вижу тень,двигающуюся к кровати. Мои глаза расширяются, когда я понимаю, что это Маккензи.

— Маккензи? Где Ава? — спрашиваю я, оглядываясь по сторонам, будто она собирается внезапно появиться.

Не отвечая, Маккензи присаживается на край кровати, рядом с моими ногами, и смотрит на меня. Она склоняет голову набок и сверлит меня взглядом.

Когда мы смотрим друг на друга, я не могу не чувствовать, что что-то не так, что-то

изменилось в ней прямо сейчас. Она уже не та, что прежде. Я, кажется, не могу понять, в чем дело. На ее губах появляется легкая улыбка, и волосы на затылке встают дыбом, потому что такой улыбки я никогда не видел у Маккензи.

— *Теперь я это вижу,* — говорит она, и даже ее голос меняется.

Я прищуриваюсь, оглядывая ее с ног до головы, пытаюсь понять, что, черт возьми, происходит.

— Что ты здесь делаешь?

Улыбка медленно сползает с ее лица, и она хмурится. Взгляд больше похож на взгляд Маккензи, и это успокаивает меня всего на несколько секунд.

— *Ты должен спасти их.*

Мое сердце колотится, брови опускаются, мышцы живота сжимаются.

— Спасти кого? Где Ава?

Маккензи наклоняется ко мне, обхватывая ладонями мою щеку, и при этом луна освещает ее лицо, как жидкая жемчужина, четко обнажая черты. Я отшатываюсь, когда она смотрит на меня. Я сразу понимаю, почему все в ней кажется таким странным. Почему ее прикосновения кажутся другими, а глаза, то, как она принимает меня, это не обычная любовь. Это что-то другое. Она смотрит на меня, как на друга, как на кого-то, кого не знает.

Яма в моем животе растет, и я качаю головой, пытаюсь понять, что вижу. Лицо, в которое я смотрю, почти идентично Маккензи, но это не так, и осознание этого удар под дых. Как будто понимая, что я наконец-то понял, кто она, девушка передо мной, которая так похожа на свою сестру, грустно улыбается мне.

— *Спасибо,* — шепчет она, ее рука все еще лежит на моей щеке.

Мое сердце колотится в попытке осмыслить, увиденное.

Этого не может быть на самом деле. Все это время, пока Маккензи говорила, что видит и разговаривает со своей сестрой, я думал, что это ее скорбь. То, как ее разум справляется с ужасной потерей. Но это... нет, этого не может быть на самом деле. Я закрываю глаза и качаю головой, пытаюсь собраться с мыслями. Когда я открываю их, она все еще там, смотрит.

— *У нас не так много времени. Ты должен спасти ее. Ты должен спасти их обеих. Ты все, что у них осталось.*

Мои брови опускаются.

— Что... о чем ты говоришь?

— *Маккензи и Ава. Спаси их,* — в ее тоне больше настойчивости, когда она это говорит. — *Поторопись...*

Слово исчезает в гулком шепоте.

Я резко просыпаюсь, пот липнет к моей коже. Я смотрю на часы на прикроватном столике и вижу, что ещё рано. 3:30 утра. Выпрямляясь, я прислоняюсь к изголовью кровати, волна неуверенности захлестывает меня, когда я вспоминаю сон, который мне только что приснился.

Дрожь сотрясает мое тело. Мне приснилось? Было ли это на самом деле?

Не желая рисковать, я вылезает из постели с такой поспешностью, как никогда. Звоню Дэну, жду, когда он возьмет трубку, и когда он не берет, я знаю, что что-то не так. Он всегда отвечает, независимо от того, какое время ночи. Если он там, защищает Маккензи, как и должен, он должен был ответить.

Что-то не так.

Взяв бумажник и ключи, я вылетаю из пентхауса, следуя совету Мэдисон.

Глава 35

Маккензи

Дрожь пробегает по моему телу от холодного сквозняка, пробуждающего ото сна. Я шевелюсь на диване, телевизор горит на заднем плане, и я моргаю, прогоняя сон. Я почти сразу напрягаюсь, понимая, что диван пуст.

Где Ава?

Мы заснули на диване, смотря ее любимый фильм. Она встала и ушла в свою постель? Она могла. Там, конечно, удобнее.

Я принимаю сидячее положение, обводя взглядом гостиную и темный коридор. Мертвая тишина.

Может быть, она действительно легла спать.

У раздвижных стеклянных дверей, ведущих на задний двор, раздается мягкий стук, и я замираю. Мои брови хмурятся, и по спине пробегает странное ощущение.

— Ава? — кричу я, и голос отражается от стен.

Нет ответа.

Оттолкнувшись от дивана, я облизываю внезапно пересохшие губы и направляюсь к задней двери. В доме кромешная тьма. Обычно я держу ночники включенными для Авы, на случай, если она встанет посреди ночи, чтобы не испугалась, особенно находясь в таком большом доме только с нами двумя, но они внезапно все выключены.

Неужели я забыла включить их?

Дерьмо. Могу поклясться, что они были включены, когда мы вернулись домой, но, возможно, мне показалось. Наша поездка из Бразилии поджарила мне мозги, а смена часовых поясов основательно испортила наш график сна.

Я останавливаюсь на полушаге, когда слышу еще один звук. На этот раз ближе, он звучит очень похоже на скулёж или всхлип. Сердце колотится, и я продолжаю свой шаг, набирая темп. Что-то здесь не так. Я чувствую это по напряжению в животе и по тому, как волосы на затылке поднимаются. Я слепо шлепаю по стене в поисках выключателя. Где-то в комнате мелькает тень. Когда я нахожу выключатель и в комнате становится светлее, я задыхаюсь от открывшегося передо мной зрелища.

Мое сердце падает в желудок, а желчь поднимается к горлу.

— Нет, нет, нет, нет, — шепчу я, моя нижняя губа дрожит.

Ава смотрит на меня, слезы текут по ее маленькому личику, страх написан в глазах. Позади нее, обхватив рукой ее шею, удерживая на месте, стоит Зак. Одетый с головы до ног в черное, он заклеил ей рот скотчем, чтобы она не шумела.

Взгляд его глаз заставляет меня задыхаться от столь необходимого дыхания. Никаких угрызений совести. Ни жизни, ничего. Просто бесконечное озеро тьмы. Какой-то мужчина преодолел свою критическую точку. Человек, которому абсолютно нечего терять.

— З-Зак, — заикаюсь я, делая осторожный шаг вперед. — Что ты делаешь?

— Страшно, детка? — шепчет другой голос позади меня.

Я чувствую, как теплая рука скользит по моему бедру. Тошнотворное, извращенное ощущение скручивается у меня в животе, слезы наворачиваются на глаза. Я оглядываюсь, подтверждая то, чего уже боюсь. Трент прижимается к моей спине, на его лице такое же

оцепенелое, холодное выражение.

— Что ты делаешь?

Я пытаюсь скрыть страх в голосе, но ничего не получается.

— Ох, я думаю, ты знаешь.

Трент прижимается своей передней частью к моему заду, и я издаю тихий крик страха. Я бросаю быстрый взгляд на Аву, которая плачет.

Мне нужно сохранять спокойствие. Я не могу позволить ей увидеть свой страх.

— Боже, — стонет Трент, его рука скользит по моей шее, оставляя за собой мурашки. Он утыкается лицом мне в шею, его губы возле моего уха. — Ты очень похожа на нее. Без всего этого дерьма в твоих волосах ты так похожа на нее, что действительно жутко.

Мои глаза закрываются. Этого не может быть. Не сейчас. Только не с Авой. Особенно после лучшей недели в нашей жизни. В груди стучит от страха.

Я должна защитить ее любой ценой.

— Пожалуйста, о чем бы ты ни думал, прекрати это. Пожалуйста.

Я пытаюсь сделать поспешный шаг вперед, но Трент тянет меня обратно в свои безжалостные объятия.

Зак дергается назад, таща за собой Аву, в ответ на мою быструю попытку. Она всхлипывает под скотчем, ее маленькое личико сморщивается. Мое сердце разбивается вдребезги, грудь сжимается в тисках, когда я пытаюсь понять, что делать, чтобы защитить ее.

— Как вы сюда попали?

Я быстро оглядываюсь вокруг, пытаюсь найти какие-либо признаки взлома, но ничего не обнаруживаю. Все выглядит так же чисто, как я оставила, когда распаковывала наши сумки ранее. Где Дэн и охрана? Если Зак и Трент проникли сюда, что они сделали с Дэном и охранниками?

— Сделали дубликат ключей. Баз действительно должен быть осторожнее с тем, где он оставляет их, не так ли?

Мой желудок скручивает, а в голове крутятся возможные решения, ни одно из которых не сработает без того, чтобы Ава не пострадала.

— Действительно заставляет задуматься, не так ли? Он знает, на что мы способны. Зачем ему оставлять ключи где попало, если он не хотел, чтобы я их нашел? Если это... не было частью нашего плана все время.

Вся кровь отливает от моего лица.

НЕТ.

Это невозможно.

Баз бы так с нами не поступил.

Он не мог так поступить с Авой. Он любит ее.

Он никогда не причинит нам вреда.

Если это так, то почему он так беспечен и почему в последнее время так скрытен?

Я качаю головой, уже внутренне отрицая это. Я не позволю Заку забраться в мою голову. Именно этого он и хочет. Он хочет, чтобы я усомнилась в Базе. Я уже сомневалась, и Баз показал мне правду. Мне нужно доверять этому.

Мое горло сжимается, и я качаю головой.

— Я... мне все это безразлично. Пожалуйста, просто... просто отпусти ее.

Я ловлю взгляд Авы, пытаюсь передать сообщение без слов, что все будет хорошо. Она будет в безопасности. Мы выберемся отсюда целыми и невредимыми. Передавая сообщение,

я пытаюсь заставить себя поверить и в эти слова.

Они оба смеются. Это жуткий звук.

— Нет. Нет, не думаю, что я отпущу.

— Она невиновна, Зак. Не втягивай ее в это.

— Невиновна? — Зак усмехается, крепче обнимая ее.

Ее глаза расширяются, краска отливает от лица, когда страх охватывает все ее маленькое тело.

— Пожалуйста. Я... я не буду драться с тобой. Обещаю. Просто... пожалуйста, не делай ей больно. Я не хочу, чтобы она стала свидетелем.

Зак делает паузу, и Трент тоже, между ними проходит молчаливый разговор.

— Хорошо, — усмехается Зак.

Звук злой, и дождь гвоздями стекает по моей спине.

Он тянется за чем-то в заднем кармане, и прежде чем я успеваю его остановить, из руки Авы торчит шприц, и я кричу.

— Нет! Что ты сделал?

Я бегу к Заку, ловлю Аву, когда она падает на пол. Я баюкаю ее, проверяя пульс и сердцебиение, молясь, чтобы с ней все было в порядке.

— Ты сказала, что не хочешь, чтобы она стала свидетелем того, что будет дальше. Я сдержал свое слово.

— Ты монстр, — киплю я, глядя на него, и слезы текут по моим щекам.

— Ты еще ничего не видела.

— Что ты делаешь?

Голос резкий и глубокий. Это голос, который не покидал мои кошмары с ночи аварии. С ночи, когда он пытался убить меня. С медленной легкостью, которая так не согласуется с убийственным блеском в его глазах, Винсент входит в комнату, портя сам воздух, окружающий нас. Я поднимаю глаза, потрясенная, увидев его лицо, затуманенное раскаленным гневом. Зак пожимает плечами, отмахиваясь от него, не выглядя удивленным, увидев его здесь.

Все это было частью их плана. По-другому быть не может.

— Я пришел, готовый ко всему.

Не говоря больше ни слова, Винсент забирает Аву из моих рук и выносит ее, оставляя меня с Заком и Трентом. Я пытаюсь побежать за ним, но кричу от боли, когда кулак вцепляется мне в волосы, дергая назад. Я замахваюсь на Зака, отбиваясь от него на каждом шагу. Обнажая когти, царапаю его. Чувствую его кожу под ногтями, металлический запах его крови и слышу его шипение от боли.

— Ты чертова сука! — скрипит он зубами, отбрасывая кулак назад.

Удар по лицу ошеломляет меня. Боль взрывается по носу, лишая меня зрения, и я падаю на пол. Передо мной пляшут пятна, чернота грозит засосать. Краем глаза я замечаю, как Винсент возвращается в комнату, и вскрикиваю, беспокоясь, что он что-то сделал с Авой.

Она ранена? Она все еще жива?

Мне нужно добраться до нее.

Мне нужно спасти ее.

Мои руки делают слабую попытку оторваться от пола, но я спотыкаюсь, и Зак смеется над моими усилиями.

— Ты такая же слабая и никчемная, как и она.

— Прекрати, — кричу я, когда он поднимает меня на ноги.

— Я собираюсь закончить то, что должно было быть сделано много лет назад.

— Почему? — я всхлипываю.

— Потому что она разрушила нас, — рычит он, глядя мне в лицо, его лицо кипит от ярости. — Она пыталась причинить боль моему брату. Она должна была стать нашим падением — нашей гибелью. Так что ей пришлось уйти, — шипит Зак мне на ухо. — Но она была умна. Она поняла. Видишь ли, Трент даже не знал о твоём существовании, пока я не вложил эту мысль ему в голову. — я бросаю быстрый взгляд на Трента, который застыл, уставившись на Зака, будто это для него новость. — Я знал, что это разозлит твою сестру. Она была параноидальной. Такой чертовски злой все это чертово время. Но она продолжала давить и угрожать. Я подумал, что было бы забавно причинить тебе боль, чтобы добраться до нее. Ты была ее криптонитом.

— Ты болен, — задыхаюсь я.

Я ненавижу себя за то, как я вела с ней тогда, всегда думая, что она сердится и ненавидит меня, но на самом деле она пыталась защитить меня по-своему, все время справляясь с тяжелой потерей, связанной с отказом от своего ребенка. Она думала, что оттолкнуть меня это лучший способ.

Внезапно меня выталкивают из рук Зака. Мое облегчение длится недолго, когда рука Винсента обхватывает мое горло. Он прижимает меня к стене, сжимая и перекрывая подачу воздуха. Я пытаюсь втянуть в себя воздух, но это невозможно. Его рука сжимает мою шею, как тиски. Мои ноги дико дергаются в попытке набрать воздух.

Его глаза выглядят измученными, в них что-то светится. Гнев и что-то еще, что я не могу точно определить. Он встает перед моим лицом, его ноздри раздуваются с каждым вдохом, когда он пытается контролировать свой гнев.

— Она моя, не так ли?

Я слишком поздно понимаю, почему он задал этот вопрос. Мой мозг изо всех сил пытается не отставать из-за нехватки кислорода. Черные пятна танцуют передо мной, и я чувствую, как сознание ускользает. Мои глаза выпучиваются, и я брыкаюсь и дергаюсь в его хватке, цепляясь за него, задыхаясь. Он, должно быть, понимает это, потому что ослабляет хватку, ровно настолько, чтобы позволить мне вдохнуть, но не настолько, чтобы вырваться.

Я бормочу и приседаю от его хватки, пытаюсь отдышаться. Я живу в своем единственном настоящем кошмаре. С тех пор как я узнала правду об Аве и Мэдисон, я пыталась выяснить, кто мог быть отцом Авы. Это было где-то в глубине моего сознания, такая возможность. Я просто надеялась, что это неправда.

Я качаю головой, вру, что угодно, лишь бы он отвернулся и забыл ее. Забыл о нас. Мне нужно вытащить ее отсюда живой.

— Винсент... пожалуйста, — мой голос слабеет, когда я умоляю его. Успокаивающе протянув руку, между нами, я кладу ее на его твердую грудь. Его сердце колотится о грудь. — Она всего лишь маленькая девочка. Отпусти ее, пожалуйста. Это между нами.

— Но ведь нет, правда? — говорит он, прищутив глаза. — Поклянись жизнью своей сестры, что она не моя, Маккензи. Скажи. Мне! — кричит он мне в лицо, и я вскрикиваю от страха. Я отшатываюсь от него, мое тело неудержимо дрожит. — Скажи мне ебаную правду!

Я подпрыгиваю от его раскатистого голоса. Мой взгляд мечется по сторонам, пока я пытаюсь найти решение, способ защитить себя достаточно долго, чтобы добраться до Авы и вытащить ее отсюда в целостности и сохранности. Нет ни одного способа.

Где, черт возьми, Баз?

— Она... она...

— Она моя!

Он отпускает меня, бросается прочь, обратно из комнаты. Я карабкаюсь за ним, понимая, что он направляется обратно к ней решительной походкой.

Я дергаю его за руку, пытаюсь остановить его продвижение, но он отбрасывает меня в сторону, как тряпичную куклу. Мое тело ударяется об пол, боль пронзает бедренную кость, но я вскакиваю на ноги, преследуя его. Наконец мне удается встать перед ним и попытаться помешать ему приблизиться к Аве.

— Не делай этого! — я плачу, положив руки ему на грудь. — Пожалуйста, она все, что у меня от нее осталось!

Винсент спотыкается при этом признании.

— Как она смела... — шипит он. — Как она смела, черт возьми, скрывать от меня моего чертова ребенка? Никогда не было никакой программы обмена студентов, не так ли? Я всегда удивлялся, почему она вернулась с гребаной костью. Она была так чертовски зла.

— А ты бы нет? Ты причинил ей боль!

— Я не хотел! — кричит он, раздраженно проводя рукой по волосам. — Мы были пьяны. Просто два тупых гребаных подростка. Думаешь, я хотел причинить ей боль? Я чертовски любил ее!

Я вздрагиваю от этого признания, мой желудок скручивается.

— Любил? Это не любовь, Винсент. Ты убил ее.

— Нет, я не убивал ее, — скрипит он зубами.

Мои брови опускаются.

— О чем ты говоришь? В ту ночь в машине ты пытался убить меня! Ты сказал, что убил ее. Ты сказал, что это были вы с Базом! Зачем лгать?

— Я говорю, что это еще не вся чертова история. Я не убивал ее физически, но с тем же успехом мог бы это сделать. Думаю, мы установили, что в ту ночь я лгал о многих вещах.

У меня сводит живот.

— Тогда скажи мне. Я устала от всей этой лжи. Блядь, скажи мне! — кричу я, и мой голос эхом отдается вокруг нас.

Я чувствую чье-то присутствие рядом. Медленно поворачиваюсь и замечаю Зака с мертвенно-неподвижным выражением лица.

— Это был не кто-то из них. Это был я.

Мэдисон

9 лет назад

Я чувствую, как они приближаются ко мне, пытаюсь напугать. Это не работает. В прошлом году я прошла через ад. У меня вырвали сердце. У меня отняли все, что я когда-либо любила.

Отдавая своего ребенка, вы оставляете след. Вы не можете дышать, думать или жить, не думая о своем ребенке. Я ненавижу Винсента за то, что он сделал это со мной. За то, что не оставил мне другого выбора. И мои родители, они главные виновники. Те, на которых я даже не могу смотреть.

Я хотела умереть на этой больничной койке. Хотела убежать с ней и никогда не оглядываться назад. И теперь я понимаю, что именно это мне и следовало сделать.

— Ты заплатишь, Винсент. Клянусь. Я потрачу свой последний вздох, заставляя тебя заплатить за то, что ты сделал со мной.

Я так сосредоточена на Винсенте, произнося эти слова, что не вижу, как приближается Зак. Его толчок застаёт меня врасплох, и я теряю равновесие, спотыкаясь. Я падаю на землю с резким стуком, моя голова сталкивается с чем-то острым и твердым. Этого достаточно, чтобы ошеломить меня. Я лежу на земле, чернота застилает зрение, и боль змеей пробирается сквозь череп, а на заднем плане слышится драка и крики.

— Это из-за нее мы разваливаемся на части! — огрызается Зак, глядя Винсенту в лицо.

Винсент отталкивает его.

— Отвали. Она средство для достижения цели. Ты слишком доверяешь ей.

— Тогда докажи это, — бросает вызов Зак.

Страх впивается когтями в мою грудь и яростно разрывает меня, когда Винсент бросает на меня холодный взгляд, затем отступает, его тело твердое, как камень, даёт Заку свободу действий. Я издаю болезненный вскрик, когда Зак поворачивается, топя ко мне, и я понимаю, что он собирается сделать. Я пытаюсь отбиться от него, но мои конечности внезапно ослабевают, а затылок становится влажным. Мои движения медленны, и тело чувствует, будто из него высосали силы.

Зак рвет на мне одежду, и мои рыдания звенят вокруг, смешиваясь с безрассудным покачиванием ветвей и ручьем поблизости. Когда боль пронзает мое тело, я не отрываю взгляда от Винсента, слезы текут по моим щекам. Он изо всех сил старается сохранять спокойствие, но я вижу это, боль в его глазах. Гнев, закипающий в его теле, когда он смотрит, как его друг оскверняет меня, доказывая свою точку зрения.

Он рычит.

С животным шипением он дергает Зака за волосы, оттаскивая его от меня. Его кулак летит по воздуху, соединяясь с щекой Зака. Мое тело кричит от боли, а грудь неудержимо сотрясается от рыданий. Я пытаюсь перевернуться на бок, грязь и случайные ветки впиваются в мою плоть, когда я спотыкаюсь на ногах.

Моя рука сжимает маленький зазубренный камень, и я поднимаю свое тело, несмотря на боль несмотря на то, что в ушах звенит, а зрение все еще плывет. Зак и Винсент набрасываются друг на друга, нанося удары. Я спотыкаюсь и вслепую кидаю в них камнем. Камень ударяет Зака в затылок, и этого достаточно, чтобы заставить его взреветь от ярости. Он резко оборачивается и бросается на меня. Его движения так быстры, что я не могу сравниться с ним в моем состоянии.

Я сопротивляюсь так хорошо, как только могу. Бью и царапаюсь, пинаю любую его часть, с которой могу справиться. Руки Зака обхватывают мое горло, и он швыряет меня на землю, оглушая. С последним усилием я собираю все свои силы и ударяю коленом ему в пах. Он издает вопль боли и хватает меня за плечи, толкая мое тело вниз. Я слышу треск, когда мой череп соединяется с чем-то. Зак замирает. Я больше не вижу, где Винсент.

Его фигура плывет передо мной, боль наполняет мое тело, прожигая череп. Я открываю рот, чтобы закричать, но ничего не происходит. Зак отползает, его руки тянутся к макушке, страх написан на его лице.

— Какого хрена ты натворил? — я слышу рев Винсента где-то на заднем плане, но его голос заглушен, будто мы под водой. — Она истекает кровью, блядь!

Его панический голос не сразу улавливается, и когда это происходит, я понимаю, что он говорит обо мне.

Зак ползет по моему телу, и хотя я пытаюсь, у меня больше нет сил отбиваться от него.

— Это единственный способ.

Он обхватывает руками мою шею и сжимает ее. Мое тело содрогается, легкие борются и хватают воздух. Я чувствую, как жизнь покидает меня, медленно утекая в землю и покидая тело. Я отпускаю его, и как только я это делаю, его хватка исчезает.

— Дерьмо, что нам делать? Что нам делать, чувак? — снова и снова бормочет Зак.

Небольшой поток воздуха проникает в мои легкие, и я кашляю, заставляя их обоих повернуться ко мне.

— Черт! Просто умри уже, сука.

Тот же самый зазубренный камень, который я использовала ранее, оказывается в кулаке Зака, когда он в последний раз перелезает через мое тело. Его рука опускается, и сквозь мой затуманенный взгляд я вижу, как камень приближается к моему лицу, и боль взрывает мое тело. Я задыхаюсь. Он снова замахивается, и что-то издаёт хруст. Я закрываю глаза, когда он снова замахивается рукой. Боль разрывает мой череп, звук чего-то трескающего и разбрызгивающего, пока я ничего не слышу и ничего не чувствую.

Темнота поглощает меня целиком, и когда я снова просыпаюсь, боль исчезает, и я остаюсь с самой драгоценной вещью, которую когда-либо видела.

С моей дочерью.

Навсегда.

Маккензи

Настоящее

Я отшатываюсь, качая головой после того, как Зак заканчивает рассказывать о событиях той ужасной ночи. Это намного хуже, чем я могла себе представить. Я чувствую, как мое сердце раскалывается пополам, рассыпается на куски. Рыдания сотрясают мое тело, их силуэты плывут перед взглядом. С каждым шагом, который я делаю, они приближаются ко мне.

Я бросаюсь прочь, пытаюсь вырваться, но далеко не успеваю. Мучительный крик вырывается из моей груди, сотрясая стены вокруг нас.

— Нет смысла убегать, Маккензи. На этом все закончится. Сегодня все закончится, — насмехается Зак.

Винсент следует его примеру, но он странно молчит, ничего не говоря. Но я чувствую, как от него исходит гнев.

— Ты монстр, — выдыхаю я сквозь сухие вздохи. — Вы оба чудовища. Ты убил ее! Разве ты не понимаешь? Если бы это был не он, это был бы ты! — я всхлипываю.

Мое сердце болезненно колотится. Такое чувство, что ножи пронзают орган, снова и снова, когда я думаю о Мэдисон и ее последних минутах. Ее лицо было неузнаваемо, когда нашли тело. Теперь я знаю, почему.

Он забил ее до смерти.

А Винсент наблюдал, как все это разворачивается.

Парень, утверждающий, что любит ее. Он позволил хладнокровно избить и убить ее.

Даже когда она боролась за свою жизнь, они все равно забрали ее. Они берут и берут. Это все, что они когда-либо делали.

С яростью и страхом, кипящими в моих венах, я делаю шаг вперед, в то же время хватаю один из цветных карандашей Авы со стола и бросаюсь на Зака. Моя рука летит по воздуху, но останавливается. Он отталкивает меня от себя, и я падаю на пол, мое бедро соприкасается со столом. Я кричу от боли.

— Попробуй еще раз, и я убью ее. Поняла? — шипит Зак, перелезая через мое тело и обхватывая рукой мое горло.

Я думаю, что это тоже самое положение, в котором он находился, когда убил мою сестру. Вспышки той ночи, того, как это выглядело бы, мелькают перед моими глазами, когда мое сознание ускользает.

— *Успокойся*, — слышу я ее голос, дышащий мне в ухо.

Сквозь слезы, наворачивающиеся на глаза, я замечаю размытую фигуру Винсента, и мое сердце сжимается. Я чувствую на себе его взгляд. Его боль.

— П-почему? — я задыхаюсь.

Имея в виду ночь аварии. Ту ночь, когда он вонзил в меня нож.

Он опускается на корточки рядом со мной и очень мягко убирает выбившуюся прядь волос с моего лица, в то время как хватка Зака вокруг моей шеи усиливается.

— Потому что каждый раз, когда я смотрел на тебя, я видел только ее. Решимость в твоих глазах собиралась разрушить нашу жизнь, и мне нужно было, чтобы ты ушла навсегда. Наблюдать за тобой с Базом было все равно что заново переживать то лето с Мэдисон. Ты встала, между нами, разрушила нас, как и она. Если я не смогу сохранить свою девочку в жизни, никто не получит и тебя, даже Себастьян. Ты должна была умереть той ночью. Ничего из этого не произошло бы прямо сейчас, если бы ты просто умерла.

Горячие слезы текут по моим щекам, когда я смотрю, как исчезает фигура Винсента, когда это толстое, черное, удушающее одеяло пытается завладеть моим зрением и затянуть из-за нехватки кислорода. Как только я собираюсь уйти под воду, я слышу, как Зак шепчет мне на ухо.

— Я сделаю твою смерть быстрее, чем ее, обещаю.

— Отпусти ее. Сейчас же.

Все замирают. Я чувствую, как тело Зака напрягается при звуке голоса База. Мы все оборачиваемся и видим, что он стоит там, выглядя таким же грозным, как и всегда, только теперь его окружает странная аура. Все в нем в этот момент кричит о смерти.

Зак медленно отпускает меня, и я отплеываюсь, кашляя, пытаюсь отдышаться. В его глазах вспыхивает гнев, когда он смотрит на База.

— В чем дело, Баз? Мы разрушаем твоё счастливое будущее?

Баз хрустит шеей.

— Даже близко нет. Кто сказал тебе начинать без меня?

Его тон скучающий и безразличный. Я так ошеломлена произошедшим, что требуется мгновение, чтобы осознать его слова. Я перевожу взгляд на него, мои глаза расширяются.

Нет.

Не после всего, через что мы прошли.

Не после всего, через что прошел он, чтобы заставить меня снова доверять ему.

Зак недоверчиво смеется, будто действительно не может поверить в такой поворот событий. Он хихикает, наслаждаясь тем, что его друг все еще на его стороне. Мое сердце

сжимается в груди, и я изо всех сил пытаюсь отдышаться. Поднимаю глаза, встречаюсь взглядом с Базом и сжимаюсь от этого взгляда. Адреналин заливает мой организм так быстро, что меня чуть не рвет. Он качается и бьется, словно пытается убежать. Я чувствую, как слюна сгущается у меня в горле, а капли пота стекают по лбу. Мой желудок наполняется свинцом и болезненно сжимается. Слезы подступают к глазам, когда я смотрю на него, мой рот слегка приоткрыт в шоке от того, как хорошо он снова смог обмануть меня.

— Баз? — шепчу я.

— Никогда не доверяй Дикарям, детка. Я думал, ты уже достаточно умна, чтобы это понять.

Прерывистые рыдания разрывают воздух, и я задыхаюсь. Я впираюсь пальцами в пол, пытаюсь найти ровную почву, но мир, кажется, вращается вокруг меня.

— Я доверяла тебе. Мы доверяли тебе! Как ты мог так поступить?

— Вот так. Это необходимо было сделать. А теперь заткнись.

Я чувствую, как в этот момент мое сердце перестает биться. Омертвевший орган бытия ступил на холодную твердую землю. И это нога База. С каждым словом, с каждым холодным взглядом в его глазах я чувствую, как съеживаюсь, умираю еще больше внутри.

Зак поднимает меня за плечи и толкает вперед, к Базу, когда мои ноги отказываются повиноваться. Меня толкают прямо в его объятия, тело врезается в его крепкую грудь и живот. Он не ловит меня и не заключает в объятия. Он позволяет мне привести себя в порядок, глядя на меня сверху вниз с мерзкой скукой в глазах.

Внезапная искра гнева наполняет мою грудь. Я стискиваю зубы, заставляя слова сорваться с моих губ.

— Я ненавижу тебя.

Его брови изгибаются.

— Да? — тихо спрашивает он, в его голосе звучат жуткие нотки, которые я не могу точно определить.

Он наклоняется ко мне, заглядывая мне в лицо, его губы сжимаются в мрачную линию.

— Неужели я выгляжу так, будто мне не все равно?

Я оглядываюсь. Зак и Трент похоже полностью наслаждаются собой, а Винсент стоит, пристально наблюдая за нами, слишком пристально, что его лицо ничего не выдает. Я пытаюсь отпрянуть от База, но его руки обвиваются вокруг меня, удерживая на месте. Он наклоняется к моему уху, и требуется секунда, чтобы понять, что он тайно шепчет мне на ухо.

— Она в безопасности. Через пятнадцать секунд тебе нужно бежать за помощью. Не оглядывайся назад.

Я отстраняюсь от него, вглядываясь в его глаза, и там, на долю секунды, он позволяет мне увидеть это. Настоящие эмоции.

Это все притворство.

Он хочет, чтобы ребята поверили, что он на их стороне, чтобы я могла уйти. Ему каким-то образом удалось благополучно вытащить отсюда Аву. Мне просто нужно сделать так, как он говорит.

Но как я могу оставить его?

Его губы сжимаются, и я понимаю, что мои пятнадцать секунд истекли.

Сделав глубокий вдох, я отворачиваюсь от База и бегу. Я убегаю от него и остальных ребят, не оглядываясь. Потому что знаю, что если я это сделаю, то никогда не уйду. Я

останусь рядом с ним и постараюсь защитить его любимым доступным мне способом.

Я слышу крики парней, звук чего-то, падающего на пол, столкновение плоти и кулаков, прежде чем я выбегаю на улицу, порыв холодного воздуха бьет меня по лицу.

Глава 36

Баз

С этим тошнотворным чувством в животе я потащился к дому Маккензи и набрал номер Маркуса, нетерпеливо ожидая, когда он возьмет трубку.

— Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени? — он сонно отвечает на четвертом гудке.

— Встретимся у Маккензи. Что-то не так.

Я слышу шорох на другом конце линии, затем менее сонное:

— Что происходит?

— Пока не знаю. У меня просто плохое предчувствие.

Мы добираемся до дома Маккензи в рекордно короткие сроки. Я удивлен, что Маркус подъезжает одновременно со мной, учитывая, что мы едем из двух разных мест. Мы останавливаемся у дома, прислушиваясь. Услышав крики, мы вылезаем и бежим по безукоризненно чистой лужайке. Я останавливаюсь у окна, пытаюсь заглянуть внутрь. Замираю, когда понимаю, что одно из задних окон открыто. Голоса внутри затихают, встречаясь с моими ушами. Я понимаю, чей это голос.

Как можно незаметнее мы забираемся через заднее окно в комнату Авы. Мое сердце замирает в груди, когда я вижу ее маленькое тельце, распростертое на кровати без сознания. Ни за что на свете она не смогла бы проспать все это. Она чутко спит. Даже я это знаю.

Маркус ругается, когда видит ее. Я спешу к ней. Остановившись рядом с ней, я нащупываю ее сердцебиение и пульс, убеждаясь, что с ней все в порядке. Пытаюсь разбудить ее, но она отключилась, совершенно не реагируя. Я проверяю ее на наличие ран, но в комнате темно. Когда крики в соседней комнате усиливаются, я оглядываюсь на Маркуса и киваю в сторону Авы.

— Уведи ее отсюда и вызови полицию.

— Я не оставлю тебя здесь.

— Иди! — шиплю я. — Мне нужно добраться до Маккензи.

С разочарованным рычанием Маркус подхватывает Аву и вылезает через окно с ней на руках. Когда они оказываются на безопасном расстоянии, я иду к голосам. Осторожно ступая, я крадусь по коридору, медленно поворачиваю за угол и осматриваю открывшуюся передо мной сцену. Я делаю паузу, неуверенность удерживает меня на месте.

Есть только один логический способ вытащить Маккензи отсюда в целости и сохранности, и это потребует большого доверия с ее стороны. Мне нужно заставить их поверить, что это всегда было частью плана. Нужно, чтобы они поверили, что я на их стороне, несмотря ни на что. Потому что это единственный другой вариант позволить им причинить ей боль, чтобы наказать меня, и я не позволю этому случиться.

Как только я вхожу в гостиную, давая знать о своем присутствии, все замирают. Я вижу боль на ее лице, когда произношу эти слова, и, черт, мне хочется встряхнуть ее и сказать, что

это неправда. Я думал, она доверяет мне достаточно, чтобы знать, что это неправда, но, очевидно, я ошибался. Очевидно, она все еще не может мне доверять.

Когда я говорю ей бежать, то вздыхаю с облегчением, что она идет до конца. Зак пытается догнать ее, но я преграждаю ему путь, упираясь твердой рукой ему в грудь. Он переводит взгляд на меня, там написано убийство и намерение. Очевидно, что он не уйдет отсюда сегодня, пока с Маккензи не разберутся.

— Какого хрена ты делаешь? Она уходит!

Я смотрю на Винсента, ожидая, пойдет ли он за ней, но, как и во время всего разговора, он остается тихим и расчетливым, наблюдая, как все разворачивается. С ним что-то не так. Он не на моей стороне, но, похоже, он больше не на стороне Зака.

— Я знаю. Сегодня все закончится. Все сделано. Подойди к ней еще раз, и ты умрешь.

Я вижу это. Тот момент, когда внутри Зака что-то обрывается. Мы обмениваемся ударами, сражаясь за господство, пока я одерживаю верх. Мой кулак врезается в его лицо снова и снова, думая обо всех способах, которыми он мог навредить Маккензи и Аве. Гнев берет верх, затуманивая зрение и рациональное мышление.

Я так поглощен гневом, что не замечаю его, пока не становится слишком поздно. Выстрел раздается всего за несколько секунд до того, как боль взрывается в моем боку. У меня перехватывает дыхание, легкие ограничивают воздух, обрабатывая отупляющую боль. Я скатываюсь с Зака, схватившись за бок, понимая, что он выстрелил в меня. Стиснув зубы от раскаленной добела боли, я приподнимаюсь, не закончив с ним, только чтобы понять, что он целится из пистолета мне в голову. Время замедляется, когда мы смотрим друг на друга, в его глазах ясно читается намерение. Раздается пронзительный крик, в котором я узнаю Маккензи, и в то же время слышится еще один выстрел. Я жду, ожидая, что боль и тьма окутают меня, но этого не происходит.

Вместо этого Зак падает на пол, и когда я наклоняю голову в сторону, я замечаю Винсента с пистолетом, уставившегося на Зака, который растянулся на полу, истекая кровью. Наши взгляды сталкиваются, и я напрягаюсь, ожидая его следующего шага. В этот момент, между нами, что-то происходит. Хотя, возможно, это еще не конец, но пока это так.

Маккензи подбегает ко мне, ее руки касаются крови, которая просачивается сквозь мою рубашку.

— Разве я, блядь, не говорил тебе уходить и не оглядываться? — рычу я.

По ее лицу текут слезы.

— Я слышала выстрел и поняла, что не могу оставить тебя, — всхлипывает она, ее руки дрожат, когда она отрывает их от раны. — Ты ранен. Он пристрелил тебя, — повторяет она в панике.

Она на грани шока, поэтому я хватаю ее за шею и притягиваю к себе.

— Я в порядке. Все будет хорошо.

Она падает мне на грудь, ее руки возвращаются к ране, надавливая. Мои глаза закрываются, когда боль пронзает тело.

— Я не могу потерять тебя, Баз. Пожалуйста. Я не могу потерять и тебя тоже, — всхлипывает Маккензи, слезы градом катятся по ее щекам.

Все еще крепко обнимая ее за шею, я притягиваю ее ближе, прижимаю ее губы к своим и целую, показывая, что со мной все в порядке. Я целую ее сквозь боль, радуясь, что с ней все хорошо. Что она жива.

Сирены мгновенно и оглушительно звучат, когда приближаются. Я оглядываюсь,

понимая, что Винсент и Трент ушли, а Зак неподвижен. Проследив за траекторией моего взгляда, Маккензи напрягается, когда смотрит на него сверху вниз.

— Он... Он...?

— Да.

На данный момент во мне происходит буйство противоречий. Это человек, которого я называл своим братом большую часть своей жизни, и он пристрелил меня. Он пытался убить мою девушку. Пытался отнять у нас Аву. Он забил Мэдисон до смерти. Словно все годы наших хороших воспоминаний стираются, все, что я вижу сейчас, когда смотрю на него, это плохое, что он сделал. С него все началось. Он первопричина всех наших проблем. Если бы не он и не его потребность в том, чтобы мы все оставались единым целым, сестра Маккензи все еще была бы жива.

Я падаю обратно на деревянный пол, когда полицейские врываются в дом. Они оглядываются по сторонам, а медики в мгновение ока укладывают меня на носилки. В поле зрения появляется испуганное лицо Маккензи, как раз в тот момент, когда они собираются закрыть двери скорой помощи и отвезти меня в ближайшую больницу.

— Я с тобой!

Я качаю головой, хотя от этого небольшого движения мое тело разрывает боль.

— Ава нуждается в тебе больше, чем я сейчас. Иди к ней.

Медик захлопывает дверь перед Маккензи, и я падаю обратно назад, уставившись в потолок машины. Закрываю глаза, надеясь, что с Авой все будет в порядке. Я бы обменял свою жизнь на ее, если бы это означало, что она сделает еще один вдох.

После того, как меня подлатали в больнице, они поместили меня в одну палату, в то время как Маккензи находится в одной из соседних палат, наблюдая за Авой. Врачи заверили нас, что с ней все будет в порядке. Нам просто нужно подождать, пока наркотики не выведутся из организма. Ей повезло, что ей не ввели весь шприц, потому что, если бы он это сделал? Она бы не выдержала.

Я шевелюсь на неудобной кровати от звука мягких шагов, когда Маккензи заглядывает в палату. Ее глаза начинают слезиться, когда она смотрит на меня.

— Мне так жаль, — шепчет она, останавливаясь рядом со мной.

— За что ты извиняешься?

Она пожимает плечами, слезы быстро стекают по ее щекам.

— За то, что сомневалась в тебе, — выдыхает она.

Тяжело вздохнув, я похлопываю по месту рядом со мной на кровати, и она забирается, прижимаясь к моему здоровому боку. Я наслаждаюсь ощущением ее мягкой кожи на моей. Я мог потерять ее сегодня, и бесконечно благодарен, что не потерял.

— Как ты узнал, что мы в опасности? — шепчет она мне в грудь.

В ее голосе слышится усталость, но я знаю ее достаточно хорошо, чтобы понять, что сегодня она не сможет уснуть.

Я замолкаю, не зная, стоит ли ей говорить.

— Мне приснился сон. Или, по крайней мере, я думаю, что это был сон.

— Тебе приснилось, что мы в опасности?

Я прочищаю горло, затем морщусь, когда боль пронзает мой бок.

— Во сне я думал, что это ты. Но была не ты.

— Я не понимаю.

— Мне приснилась твоя сестра. Она сказала мне, что вы, девочки, попали в беду и что мне нужно защитить вас обеих.

Она утрашающе молчит. Я толкаю ее локтем, заставляя посмотреть на меня, так как не в состоянии сделать это сам, и когда она смотрит, мое сердце сжимается. В уголках ее глаз еще больше слез, которые только и ждут, чтобы упасть.

— Не плачь.

— Она пришла к тебе, — выдыхает она.

Я ничего не говорю, потому что, как бы мне ни хотелось отмахнуться от этого, как от сна, я знаю, что это был не сон. Это казалось слишком реальным. Она была слишком реальной. Все это было слишком реальным, чтобы быть просто сном.

Возможно, я все-таки сумасшедший.

Две недели спустя

Я направляюсь в единственное место, где, как я знаю, он будет, и мне нужно, чтобы все это закончилось. Он напрягается, когда слышит мое приближение, но, в отличие от большинства людей, которые убегают, он не делает этого. Я останавливаюсь в нескольких метрах от него, ожидая, когда он сделает первый шаг. Он собирает сумку. Он бежит. Это единственный способ избежать последствий нашего прошлого.

Своего прошлого.

Он медленно поворачивается ко мне лицом, и наступает напряженная тишина. Мы могли бы стоять здесь и заниматься этим весь день, но я бы предпочел убрать это с дороги. Мне нужно вернуться домой к семье.

— Если ты еще раз приблизишься к ним, к любой из них, я убью тебя.

Он не отвечает. Ему и не нужно. Он знает, насколько я серьезен. Это не просьба. Это требование.

Его челюсть сжимается в жесткую линию, и он дает мне едва заметный намек на кивок.

— Уходи и никогда не возвращайся.

Он поворачивается ко мне спиной. Мышцы напрягаются, когда он сжимает края своего чемодана. Его хватка такая крепкая, что белеют костяшки пальцев. Ясно видя его профиль, я вижу, как он стискивает челюсти, вижу, как он отделяет боль. Гнев.

— Присмотри за ней ради меня.

Мне не нужно спрашивать, о ком он говорит. Маккензи сказала мне, что он знает. Больше всего она боялась, что Винсент вернется и каким-то образом попытается забрать у нас свою дочь. Я здесь для того, чтобы этого никогда не произошло. Несмотря на все его недостатки, я знаю, что у Винсента где-то там порядочное сердце. Несмотря на то, что у него была тяжелая жизнь, он проявляет сострадание, когда это значит больше всего. И я знаю, что потеря его дочери должна быть болезненной. Знание того, что она принадлежит ему, но он никогда не сможет иметь с ней отношений, вероятно, убивает его.

— Всегда.

Он бросает на меня взгляд через плечо, и хотя его лицо напряжено от гнева, в глазах мерцает печаль. Печаль из-за дочери, с которой он никогда не встретится.

— Что насчет Трента?

Волна гнева вспыхивает в моей груди, когда я думаю о нем.

— О нем заботятся. Я делаю то, что должно было быть сделано давным-давно.

Он отворачивается, сосредоточившись на своей задаче.

— Увидимся, брат.

— Нет.

Это мой последний прощальный ответ. Последнее слово, которые я когда-либо произнесу Винсенту Хоторну в этой жизни.

С этой сокрушительной тяжестью, снятой с моей груди, я направляюсь домой к своим девочкам. Я начисто вымыл руки от последнего стоящего Дикаря. С меня хватит.

Все кончено.

Глава 37

Маккензи

Год спустя

Наконец, собравшись с силами, я стучу костяшками пальцев в дверь. Я стою прямо за дверью, кажется, уже несколько часов,

пытаясь понять, как сказать или сделать это. Мне никогда не приходилось сталкиваться с такой травмой. Конечно, я справлялась с этим сама, но мне никогда не приходилось брать на себя чужие обязанности, и это, по сути, то, что я буду делать прямо сейчас с Авой.

Она поворачивается ко мне на звук стука, легкая улыбка освещает ее лицо. Эта маленькая улыбка все, что мне нужно, чтобы дать мне силы сделать то, ради чего я пришла сюда. Я вхожу в ее спальню, которая была искусно украшена по ее вкусу, и все благодаря Базу.

Мы дали ему некоторое время, но после всего произошедшего, Баз набросился на нас обеих и потребовал, чтобы мы переехали к нему в его дом. Я не стала спорить, потому что на

этот раз я тоже этого хотела. Это лучшее решение, которое я когда-либо принимала, после удочерения этой великолепной маленькой девочки.

Я сажусь на пол, прямо рядом с ней, и подхожу ближе, зависаю у ее плеча, глядя на ее рисунок. Для десятилетнего ребенка Ава талантливая художница. Все линии чисты и затемнения почти идеальны. Она невероятна, и я люблю ее до смерти. В эти моменты, когда я смотрю на нее, я понимаю, насколько Мэдисон живет внутри нее. Она живет в своем беззаботном духе, в своем радостном смехе и в своей уникальности, которая действительно является ею.

Когда я чувствую, как эмоции застревают у меня в горле, я моргаю, пытаюсь взять себя в руки. Я еще даже не сделала того, ради чего пришла сюда, а уже на грани того, чтобы превратиться в рыдающее месиво. Некоторое время мы сидим в тишине, пока я восхищаюсь ее работой. Внезапно я хмурюсь, приглядываясь к себе на рисунке, который она нарисовала. На рисунке изображена наша троица на пляже.

Само собой, мои мысли переносятся в лучшие дни — те, которые я провела с Мэдисон на пляже. Кажется вполне уместным, почти завершив полный круг, что ее дочь захочет поехать туда. Я делаю мысленную пометку поговорить с Базом о возможности провести там отпуск. Только мы трое.

На ее рисунке Баз обнимает меня с довольным выражением на красивом лице. Невероятно, в каких деталях ей удалось запечатлеть его суровые черты. Жесткие черты его лица, и все же довольство в глазах. Моя рука сжимает руку Авы на рисунке, улыбки на наших лицах, когда мы смотрим друг на друга. Волны плещутся у наших ног, джинсы закатаны до икр. Сам рисунок прекрасен, но не это привлекает мое внимание. Дело в том, что на рисунке видно, что мое тело выглядит по-другому.

В области живота у меня явная выпуклость. Это почти похоже на то, что я...

Я смотрю на Аву, встречаясь с ней взглядом.

— Этот рисунок прекрасен, но, гм, есть ли причина, по которой я выгляжу... так?

Ава пожимает плечами.

— На рисунке ты беременна.

Мои брови взлетают до линии волос.

— Ух ты. Хорошо. Есть ли причина, по которой ты нарисовала меня беременной? — спрашиваю я, добавляя немного юмора в свой тон, сохраняя легкое настроение.

Ава хихикает, находя это забавным.

— Мне всегда хотелось иметь младшего брата или сестру.

От удивления мои глаза расширяются.

— Ты хотела? Я думала, тебе нравится... Я не знаю. Я думала, тебе нравится, когда мы втроем?

— Да. Но я не была бы против маленького брата или сестры.

Я смеюсь, слегка качая головой, внезапно чувствуя себя взволнованной. Прочищаю горло.

— Ну, это то, чего ты действительно хочешь? Потому что, знаешь, мы были бы счастливы, если бы остались только втроем на всю оставшуюся жизнь. Ты ведь это знаешь, верно?

— Да. Могу я тебя кое о чем спросить?

— Все, что угодно.

Мой ответ последовал незамедлительно.

— Ты счастлива?

Мое сердце замирает от этого вопроса.

— Конечно, милая. — я придвигаюсь

ближе, заправляя ее светлые волосы за уши. — Что заставило тебя задать этот вопрос?

Она пожимает плечами, мрачный взгляд внезапно омрачает ее черты.

— Ты кажешься счастливой со мной и папой, но иногда, когда ты думаешь, что никто не смотрит, ты выглядишь грустной.

У меня сжимается грудь. Это делает гораздо более необходимым то, ради чего я сюда пришла.

— Это правда. Несмотря на то, что это самое счастливое, что когда-либо было у меня в жизни, у меня все еще есть свои моменты. Мои моменты грусти. И это нормально. Такова жизнь, Ава. Нам позволено грустить, и позволено скучать по людям. Но это не значит, что я не счастлива. Иногда, чтобы по-настоящему быть счастливой, ты должна противостоять своей печали и пробираться сквозь свои эмоции.

Складка образуется между ее бровями, будто она понимает, но не до конца.

— Значит, тебе грустно, но ты также счастлива?

Смех срывается с моих губ.

— Да. Помнишь мою сестру, о которой я тебе рассказывала? — нервно спрашиваю я, во рту пересыхает.

Ее глаза становятся неуверенными, и она кивает, вероятно, вспомнив, что я рассказала ей о смерти Мэдисон.

— Да.

— Ну, как ты знаешь, мы были близняшками, и я любила ее. Иногда мне кажется, что я любила ее больше, чем саму себя. Поэтому, когда она умерла, мне было очень тяжело. До сих пор тяжело. Над этим мне приходится работать каждый день. Потому что, хотя ее уже давно нет, я все еще скучаю по ней каждый день. Я все еще думаю о ней. Имеет ли это смысл?

Ее осеняет понимание.

— Ты хочешь вернуть ее обратно?

Давление нарастает в носу и под веками.

— Все время, но я не могу. И это тоже нормально. Это часть жизни. — я тянусь за фотоальбомом, лежащим рядом, и кладу его на стол перед нами. — Могу я тебе кое-что показать?

Она улыбается, уже придвигаясь ближе, чтобы посмотреть, что это. Я открываю альбом на первой странице, показывая детские фотографии нас с Мэдисон.

— Вау, — выдыхает Ава. — Вы похожи.

— Между нами были некоторые очевидные различия, но да, мы выглядели очень похожими.

Мы пролистываем несколько страниц и останавливаемся на наших школьных фотографиях. Ава все это воспринимает. Она указывает на одну из фотографий, на которой изображены мои родители.

— Это твои мама и папа?

— Да.

Она смотрит на меня.

— Они...?

Она не заканчивает предложение, вероятно, опасаясь ответа. Я качаю головой, успокаивая ее.

— Нет, они все еще живы.

— Я когда-нибудь увижусь с ними?

Я делаю паузу, не зная, как к этому относиться. Прошло некоторое время с тех пор, как мы в последний раз разговаривали, но это все еще свежая рана. Их заброшенность.

— Ну, на самом деле я с ними не общаюсь, потому что за эти годы у нас произошло несколько ссор. Но ты... — мой голос срывается, поэтому я прочищаю горло, пытаюсь снова. — Ты хочешь с ними познакомиться?

— Возможно?

— Ничего страшного, если ты это не хочешь, милая.

— Ну, у меня есть бабушка Бельмира и дедушка Бенни, но было бы здорово иметь больше бабушек и дедушек.

Тепло вьется в моей груди, и я улыбаюсь, прижимаясь поцелуем к ее волосам.

— Тогда решено. Ты с ними познакомишься.

Мы продолжаем просматривать альбом, и как только мы доберемся до конца, я роюсь в заднем кармане в поисках фотографии, которая прожигала дыру в моем кармане в течение последних нескольких дней.

— Причина, по которой я показываю тебе этот альбом, заключается в том, что я хотела поговорить о твоей маме.

Ава делает паузу. Переводит взгляд на меня, на ее лице написано замешательство.

— Но ты моя мама.

Я сжимаю нижнюю губу зубами, пытаюсь сдержать эмоции.

— Я знаю, детка. Всегда. Но на самом деле я говорю о твоей биологической матери.

На ее лице появляется печаль.

— Она не хотела меня.

Мои руки дрожат, когда я достаю фотографию. Мне пришлось умолять родителей, когда я узнала, что она у них есть. Я думала, что проделала хорошую работу, и они были на грани того, чтобы сдать, но все, что они сделали, это повернулись ко мне спиной, как и всегда. Я не должна была удивляться, когда вскоре после этого Базу пришлось уехать в командировку, и пока его не было, фотография была волшебным образом отправлена мне по почте, будто они передумали за одну ночь.

Только я знаю, что нет.

Не было ничего такого, на что этот мужчина не был бы готов пойти, чтобы сделать нас с Авой счастливыми. Не сомневаюсь, что он нанес визит моим родителям, и того, что было сказано, было достаточно, чтобы заставить их отдать фотографию.

Я откидываю прозрачную пленку с фотоальбома, открывая липкую внутреннюю часть. Дрожащими руками я кладу фотографию между нами и слышу прерывистый вздох Авы.

— Это... это ты? Ты действительно моя мама?

Падает первая слеза, и я быстро смахиваю ее. Я смотрю на фотографию и чувствую, как что-то сжимается у меня в груди. Моя сестра улыбается, глядя на новорожденного ребенка у себя на руках, ее щеки испачканы следами слез. На этой фотографии она выглядит одинаково счастливой и грустной. В ней рассказывается история девочки-подростка, вынужденной отказаться от ребенка, в которого она была безоговорочно влюблена. В ней рассказывается история о том, как мать впервые поздоровалась и в последний раз

попрошались со своей дочерью.

Я прочищаю горло, пытаюсь сдержать оставшиеся слезы, пока выговариваю слова. В последнее время мои эмоции брали верх надо мной, и сегодня ничего не изменилось.

— Нет. Это не я. Это моя сестра, Мэдисон, и... ты.

Ее маленькие брови хмурятся, пока она размышляет.

— Так... Мэдисон была моей мамой?

Я провожу пальцами по ее волосам.

— Она все еще твоя мама. Но да.

— Итак, мы действительно семья.

Я притягиваю ее к себе и крепко сжимаю.

— По крови или нет, ты всегда была моей семьей, Ава.

Ее маленькие ручки сжимаются вокруг меня.

— Почему она выглядит такой счастливой и грустной? — шепчет она, все еще глядя на фотографию.

— Потому что она была молода, когда родила тебя. И даже несмотря на то, что она хотела тебя, она не могла оставить тебя. Вот почему она выглядит такой счастливой и грустной.

Я даю ей время подумать, надеюсь, что это не слишком рано. Надеюсь, я принимаю правильное решение. Когда мы в конце концов отстраняемся, я смотрю на нее сверху вниз, убеждаясь, что с ней все хорошо.

— Ты в порядке?

— Думаю, да. Мне грустно, потому что она ушла. Но... У меня есть ты, и у меня есть папа, и мне больше не так грустно.

— Я так сильно тебя люблю. Ты ведь это знаешь, верно?

Она улыбается сквозь туман в глазах.

— Я тоже тебя люблю, мамочка.

Когда я снова притягиваю ее к себе и обнимаю, я знаю, что все будет хорошо. И почти так, будто она знает, что нам это нужно, я чувствую тепло, окружающее нас, и подавляю рыдания при мысли, что Мэдисон здесь, обнимает нас, как она хотела сделать всю свою жизнь.

Оглядываясь через плечо, я замечаю, что Баз, прислонившись к дверному косяку, наблюдает за нами. На его лице то же самое выражение, которое Ава сумела запечатлеть на своем рисунке. Удовольствие. Но есть и еще кое-что, и я не могу точно сказать, что именно. В его глазах пылает жар. Защитный блеск, говорящий, что он сделает ради нас все, что угодно, и у меня нет другого выхода.

Баз

Я наблюдаю за ними со своего места в дверном проеме, и что-то странное происходит в груди. Это похоже на своего рода распутывание. Тепло, разливающееся по полости, от которого у меня перехватывает дыхание, когда я смотрю на своих девочек. Я никогда не думал, что стану мужчиной, который сможет полюбить ребенка другого мужчины, как

своего собственного, но смотря на Аву, все, что я чувствую, это защиту, которую я когда-либо ощущал только рядом с Маккензи. Все, что я чувствую, это необходимость раздавить любого и каждого, кто осмелится попытаться причинить им боль или забрать их у меня.

Не знаю, когда и как это произошло, но они стали всем моим миром, и я бы не отказался. Я бы не хотел, чтобы все было по-другому.

Словно почувствовав мое присутствие, Маккензи поднимает голову, и ее светлые волосы песочного цвета обрамляют лицо. Это странная перемена, но я принял ее с распростертыми объятиями, потому что это настоящая она. Это Маккензи Райт. Не Маккензи, притворяющаяся Скарлетт. Не Маккензи, жаждущая мести. Но Маккензи девушка, оплакивающая свою сестру, девушка, воспитывающая дочь, девушка, влюбленная в меня. Девушка, которая будет носить мою фамилию. И я никогда не устану от этого.

От неё.

От них.

Потребность наполняет мою грудь, расширяя легкие, и приходится воздерживаться от того, чтобы войти в спальню, перекинуть Маккензи через плечо и затащить ее в спальню, чтобы я мог ее трахнуть. Чтобы я мог потеряться в ней, засунуть свое семя так глубоко в нее, что у нее не будет выбора, кроме как стать моей.

Словно в наших умах есть портал, связь, которую мы не видим, но полностью осознаем, ее губы приоткрываются, когда она смотрит на меня, и ее глаза тяжелеют. Она целует Аву в макушку и спрашивает, все ли с ней в порядке.

Я достаю из кармана сотовый и набираю номер единственной другой женщины в моей жизни. Она берет трубку после первого же гудка.

— Где моя малышка? — спрашивает она, и я невольно улыбаюсь.

— Она здесь, — говорю я, привлекая внимание Маккензи и Авы.

Ава оживает, поворачиваясь ко мне.

— Это бабушка? — спрашивает она, уже кипя от энергии.

— Да. Она хочет поговорить с тобой.

Я передаю трубку Аве, и почти она тут же начинает хихикать и смеяться, рассказывая истории моей матери. Пока они общаются, я использую это время, чтобы схватить Маккензи за руку и потащить ее обратно по коридору в нашу спальню. Я запираю за собой дверь и подхожу к ней, чувствуя красную дымку желания.

На ее лице мелькает задумчивое выражение.

— Это... неправильно?

— Ш-ш-ш, — я прижимаю палец к ее губам, заставляя замолчать. — Не хочу сейчас говорить, Мак. Просто хочу трахать тебя, пока ты не будешь стонать мое имя. Пока не кончишь на мой член. Пока моя сперма не укоренится так глубоко внутри тебя, что ты будешь чувствовать меня в течение нескольких дней.

Она стонет, падая в меня, и я захватываю ее рот, пока мы срываем с себя одежду. Я толкаю ее на кровать, наблюдая, как ее волосы развеваются вокруг нее. Ее обнаженная грудь вздымается, легкий румянец покрывает холмики, когда она пытается контролировать дыхание. Она никогда этого не скажет, но ей это нравится.

Она любит грубый секс. Она обожает грязные слова. Ей нравится быть моей маленькой игрушкой для секса. И я даю это ей. Я дам ей все это, а потом? Я займусь с ней любовью так, как ей нравится.

Без предупреждения я обхватываю рукой ее горло и скольжу вниз по телу, облизывая ее киску через нижнее белье. Она зажимает рот рукой, постанывая при этом. Она отчаянно пытается молчать, но это ненадолго.

Я отстраняюсь и отпускаю ее шею, освобождая свой член. Я дергаю ее трусики в сторону и врезаюсь в нее. Она задыхается от воздуха, ее соски становятся твердыми от толчка. Я выхожу и снова вхожу. Когда она меньше всего этого ожидает, я выхожу и дергаю ее, ставя на четвереньки, и трахаю ее вот так. Шепча ей на ухо грязные вещи, я вонзаю свой член в ее киску, обхватив кулаком ее светлые волосы, а другой рукой крепко сжимаю горло, заставляя смотреть на меня.

Ее глаза закатываются, и она вот-вот кончит. Я чувствую это по тому, как ее киска сжимает мой член. То, как она стонет мое имя. Как раз в тот момент, когда она на пике, я наклоняюсь вперед, прижимаюсь губами к ее уху и выдавливаю слова сквозь дымку удовольствия.

— Когда ты собиралась сказать мне, что беременна?

Она стонет, понимая, что меня так разозлило. Ее киска сжимается вокруг моего члена, и я замедляю свои толчки, мучая ее. Отпускаю ее горло, та же самая рука находит ее клитор и играет с пучком нервов.

— С-сегодня ночью, — выдыхает она между толчками.

— Сегодня утром я нашел твой тест на дне мусорного ведра, и знаешь, что это со мной сделало, грязная девочка? — спрашиваю я, облизывая раковину ее уха. Она хнычет. — Это сделало меня таким чертовски твёрдым, зная, что ты носишь моего ребенка. Это заставило меня чувствовать себя сумасшедшим и защитником, и все, чего я хотел, это трахать тебя, пока ты не выкрикнешь мое имя.

— Ох, да, черт возьми, да, — выдыхает она, когда я обхожу ее заднюю дурочку.

Теперь она откидывает свою задницу назад, встречая мои толчки. И, блядь, она идеальна.

— У тебя будет мой ребенок.

— У меня будет твой ребенок, — стонет она в ответ.

Я вхожу кончиком большого пальца в ее дырочку, и она кончает без предупреждения.

Ее киска содрогается, наполняя мой член влагой. Она утыкается лицом в кровать, издавая крик удовольствия.

Я усмехаюсь, входя в нее, наблюдая, как ее оргазм пронзает насквозь. Это лучшая часть — наблюдать, как она разваливается на части. Мой член блестит от ее соков. Под нами на кровати влажное пятно, и с каждым толчком мой большой палец все больше и больше исчезает в ее заднице.

— Такая чертовски грязная девочка, — шиплю я, чувствуя, как приближается мой оргазм. — Чья это киска? — я стискиваю зубы, ускоряя темп, толкаясь все глубже и сильнее.

— Твоя.

— Ты можешь лучше, детка. Чья это киска?

— Она твоя, Себастьян! — кричит она в простыни, ее слова приглушены. — Она твоя!

Еще один оргазм обрушивается на нее одновременно с моим. Я опустошаю свое семя внутри нее. Внутри моей девушки, и не могу представить себе ничего лучшего, чем этот момент.

Я быстро одеваюсь, позволяя ей отдышаться. У нас осталось не так уж много времени. Ава скоро начнет искать нас. Маккензи все еще лежит на кровати с закрытыми глазами,

пытаясь отдышаться. Я быстро целую ее в лоб, прежде чем отступить.

— Не уходи пока, — скулит она, заставляя меня засмеяться под нос.

— Я вернусь. Просто хочу убедиться, что с Авой все хорошо.

Она напевает в знак согласия, и как только я открываю дверь, ее голос останавливает меня на полпути.

— Я говорила тебе, как сильно люблю тебя в последнее время?

— Да.

На ее лице медленно расплывается улыбка.

— Я серьезно. Я бесконечно люблю тебя, Себастьян.

— С тех пор, как я впервые увидел тебя, не было ни одного момента, когда бы я не любил тебя.

Я слышу ее резкий вздох, когда выхожу из спальни, закрывая за собой дверь. Это не что иное, как правда. Маккензи изменила мою жизнь в ту ночь, когда вошла в мой ресторан. Она научила меня любить в первый раз в моей жизни, но не только это, она также подарила мне двоих детей. И я всегда буду благодарить Мэдисон за то, что она поставила свою сестру на моем пути. Потому что я уверен, что именно это она и сделала. Это была не судьба. Мэдисон вмешалась за нас. Свела две души вместе, которые, как она знала, немедленно переплелись бы и никогда не разъединялись.

Эпилог

The Hollywood Scoop: Самый завидный холостяк Лос-Анджелеса официально снят с рынка. Сегодня день частной свадьбы пары в Малибу с близкими друзьями и семьей. Несмотря на то, насколько непростыми были отношения пары в начале, им удалось украсть сердца всех окружающих, в то время как женщины во всем мире плачут из-за потери шанса с Базом Кингом.

Пара, изображенная ниже на гала-концерте в начале 2020 года со своей приемной дочерью, объявила о своей помолвке в конце прошлого года, что привело СМИ в штыбор. Они не были уверены, хотят ли они любить или ненавидеть Маккензи Райт (ныне миссис Кингстон-Пирс).

Последствия новостей об отношениях будущих новобрачных не были радостными. Ходили слухи о ссоре с близкими друзьями мистера Кинга, после опасного для жизни инцидента, произошедшего после взлома в одном из их домов в Лос-Анджелесе. Одно можно сказать наверняка: Печально Известной Пятерки больше нет. Трент Эйнсворт был вызван на допрос и в настоящее время находится под судом за ненадлежащее поведение с

сотрудником, а также за уклонение от уплаты налогов. Давний друг Зак Ковингтон скончался в конце 2019 года, и пара отказывается говорить об инциденте, произошедшем в доме в Лос-Анджелесе. В ходе расследования в СМИ не было обнародовано никаких подробностей. Винсент Хоторн исчез с общественной сцены. Маркус Уайтхорн единственный друг, которого до сих пор видели с этой парой. Также ходили слухи, что он встречается с близкой подругой невесты, будущей моделью Кэтрин Ван Дер Понт, заставляя людей гадать, что же на самом деле произошло той ночью?

После рождения их сына, Себастьяна Младшего, резкие репортажи вокруг Маккензи Райт и предыдущей статьи, которую она опубликовала, почти полностью утихли. Успех ее книги, мемуаров о совершеннолетию с издательством HarperCollins, превратил пару в медиамагнатов в одночасье.

Широко распространено мнение, что не кто иной, как великий Alexander McQueen, разрабатывает платье Маккензи. Источники сообщают, что Баз Кинг планирует надеть по этому случаю изготовленный на заказ смокинг от Givenchy.

Источники говорят, что это самая счастливая пара, которая когда-либо была, и они просят, чтобы общественность уважала их частную жизнь и частную жизнь их детей, пока они связывают себя узами брака.

Что вы думаете о паре и свадьбе века? Оставляйте комментарии или ответьте нам в твиттере.

Маккензи

Я прерывисто вздыхаю, глядя на свое отражение в зеркале. Не думала, что этот день когда-нибудь наступит. Я была уверена, что никогда не получу своего момента.

Блеск вспыхивает в моей груди, когда я провожу руками по расшитому бисером материалу корсета платья.

Я выбрала не классическое платье с открытыми плечами, длинными рукавами, открытой спиной и тюлевым шлейфом. Пятиметровый шлейф тянется за мной, и, глядя на свое отражение в зеркале, я не могу не чувствовать, что я совершенно другой человек. Я чувствую начало еще одной прекрасной новой главы в моей жизни. Это так же приятно, как и больно.

С тех пор как я проснулась сегодня, у меня в груди все время ноет. Я знаю, почему так, и когда Рен подходит ко мне сзади, кладет свои теплые руки мне на плечи, его затуманенные глаза отражаются на мне, я знаю, что он тоже знает, почему.

— Ты самая красивая невеста, которую я когда-либо имел удовольствие наряжать.

Мой рот кривится, и тепло разливается по груди, когда я пытаюсь сдержать улыбку.

— Ты должен это сказать.

— Я серьезно. Этот мужчина умрет, когда увидит тебя. Все умрут. Так что не смей портить макияж своими слезами. Она всегда с тобой, даже если сегодня не сможет держать тебя за руку в проходе.

Мое сердце замирает, и я сжимаю нижнюю губу зубами, подавляя рыдание, которое так отчаянно хочет вырваться. Не думала, что день моей свадьбы будет таким трудным без

сестры. Я уже пережила некоторые из самых тяжёлых моментов в своей жизни без нее, поэтому не уверена, почему сегодня чувствую себя такой эмоциональной.

С моей беременностью было много осложнений, которые должны были напугать меня, но не напугали. Потому что Мэдисон и Баз были со мной на каждом шагу. Я чувствовала, что она жила со мной, держа меня за руку и помогала преодолевать трудные моменты. Были времена, когда я не думала, что доживу до семестра с Себастьяном, но каждый раз я проходила через это. И все благодаря ей. Мой сын жив благодаря Мэдисон.

Я почувствовала ее присутствие при его рождении. Не знаю как, но я почувствовала. И, к сожалению, это был последний раз, когда я чувствовала ее. Я много думаю о ней, но это не то же самое, что видеть ее рядом, слышать, как она говорит со мной, и говорить мне, что все будет хорошо.

Как только Рен покидает меня, я делаю глубокий, пытаюсь подготовиться и успокоить нервы, которые внезапно вскипают на поверхность. Церемония скоро начнется. Меньше, чем через час я пойду к алтарю и выйду замуж за База.

Это лучшая часть всего этого. Я выйду замуж за человека, которого любила много лет. У нас общая семья, прекрасная жизнь благодаря ему, и я никогда не была более счастливее. Но все это не значит, что не иметь сестру на моей свадьбе легко; это трудно. Мои родители не приедут. Мой отец болен, и я не знаю, является ли это просто оправданием или чистой правдой. После приглашения это было похоже на оскорбление с их стороны. Словно я все еще для них запоздалая мысль.

Я прижимаю руки к груди и пытаюсь дышать сквозь стеснение. Закрыв глаза, я шепчу вслух:

— Я скучаю по тебе.

Я чувствую ее прежде, чем ее голос обволакивает меня, и когда я открываю глаза, я не могу сдержать слез или дрожащей улыбки, которая расплывается по моему лицу.

— *Я всегда скучаю по тебе, Кенз.*

Я промокаю глаза, стараясь не испортить макияж. Рен убьет меня.

Мэдисон притягивает меня в свои объятия, и я прижимаю ее к себе, вдыхая ее запах, ненавидя, что каждый раз, когда я вижу ее, она выглядит одинаково, пойманная во времени. Запертая в прошлом, которое ничего для нее не сделало.

— Это должна быть ты. Я ненавижу, что ты никогда этого не получишь. Что ты здесь не для того, чтобы испытать это со мной, Авой и ребенком.

— *Это всегда должна была быть ты, Маккензи. И я здесь. Я всегда здесь, сестра.*

— Я люблю тебя.

— *Я тоже тебя люблю.* — она улыбается, и по ее щеке скатывается слеза. — *А теперь возьми себя в руки. Это твой день. Это начало твоей вечности.*

Она кладет руки на мои обнаженные плечи, и мы смотрим на отражение в зеркале. Мы выглядим одинаково, но так по-разному, и я думаю, что это то, по чему я буду скучать больше всего, не видя ее.

— Я думаю, что наша вечность началась в ту ночь, когда я встретила его.

Мэдисон смеется. Этот звук абсолютная музыка для моих ушей.

— *Думаю, ты права.*

Мы еще некоторое время смотрим на мое отражение, прежде чем она прощается со мной в последний раз. Я вижу это по ее глазам. Это наше последнее прощание. То, которое у нас украли тем ужасным летом.

— Ты прекрасно выглядишь, Маккензи. И как бы мне ни хотелось остаться здесь навсегда, я не могу. Это твоё время. Это твоё время — проживи её. У тебя есть мужчина, который сделает все, что в его силах, чтобы обезопасить тебя, и два прекрасных ребенка, которые смотрят на тебя так, словно ты повесила луну. Держись за это.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, — мое лицо морщится.

Мэдисон обнимает меня сзади.

— Я получила то, что мне было нужно. И ты тоже. Это все, чего я когда-либо хотела для тебя, Мак. Счастья. Истинного счастья. И теперь, когда ты обрела его, я наконец-то могу отпустить. Мне нужно, чтобы ты держалась за это чувство вечно. Я знаю, что что будешь.

Мэдисон наклоняется и целует меня в щеку. Я чувствую ее губы на своей коже. Теплоту ее прикосновения.

Мои глаза закрываются, а когда я открываю их снова, моей сестры уже нет. На этот раз навсегда. И когда я иду по проходу мимо заплаканных лиц наших близких друзей и семьи, наблюдающих за нашим союзом, я встречаюсь с ним глазами и, черт, чуть не спотыкаюсь. Мое сердце бьется быстрее и медленнее одновременно, а желудок проваливается. Бабочки режут внутри с мстостью, которая когда-то была сильнее моей собственной.

Дэн крепче сжимает мою руку, ведя меня к алтарю. К Базу. Его глаза блестят, и даже на расстоянии, между нами, я чувствую, как его пристальный взгляд обжигает мою плоть. Я чувствую, как его любовь ко мне, к нашей жизни, к нашей семье вибрирует в самом воздухе вокруг.

Я смотрю на Дэна, и моя первая слеза во время свадьбы скатывается по щеке, когда я вижу, что его глаза покраснели. Не было ничего сложного в том, что я попросила Дэна провести меня к алтарю. Он был рядом со мной на каждом шагу, и я люблю его, как дочь своего отца.

Нежно поцеловав меня в щеку, Дэн передает меня Базу, и в ту секунду, когда его теплая рука охватывает мою, я снова влюбляюсь в него. Одетый в единственный в своем роде черный костюм от Givenchy, он выглядит лучше, чем я могла себе представить. Непослушные пряди его темных волос падают на лоб, как раз так, как мне нравится. И эти глаза... эти ярко-голубые глаза — это ключ к моему сердцу, когда они смотрят на меня сверху вниз, наполненные такой любовью, что трудно дышать.

Мои руки дрожат в его, и он сжимает их, зная, как сильно я в нем нуждаюсь. Баз наклоняется, едва заметная ухмылка приподнимает уголки его губ, когда он прижимается мягким поцелуем к моим губам.

— Ты самая красивая девушка, которую я когда-либо видел, грязная девочка. И ты моя. Навсегда.

Мы отстраняемся, и когда смотрим друг другу в глаза, все остальное вокруг нас исчезает. Я ухмыляюсь, напряжение в груди спадает, когда я смотрю на мужчину, в которого безнадежно влюблена.

— Я твоя. *Навсегда*, — обещаю я человеку, которого ждала всю свою жизнь.

В нем я нашла любовь, которая встречается редко. Любовь, которая бросает вызов всему. Та, которая не поддается логике. Любовь, которая заставляет бледнеть все остальные отношения в сравнение. Лучшие любовные истории — это когда вы влюбляетесь в самого неожиданного человека в самое неожиданное время.

Наша любовь была неожиданной — хаотичной смесью беспорядка и красоты.

Баз Кинг мужчина, который вошел в мою жизнь, будто он принадлежал ей, разрушил мои стены и зажег мою душу в огне. Его власть над моим сердцем вечна.

Как и наша любовь.

КОНЕЦ — на данный момент.

Больше книг на сайте - Knigoed.net